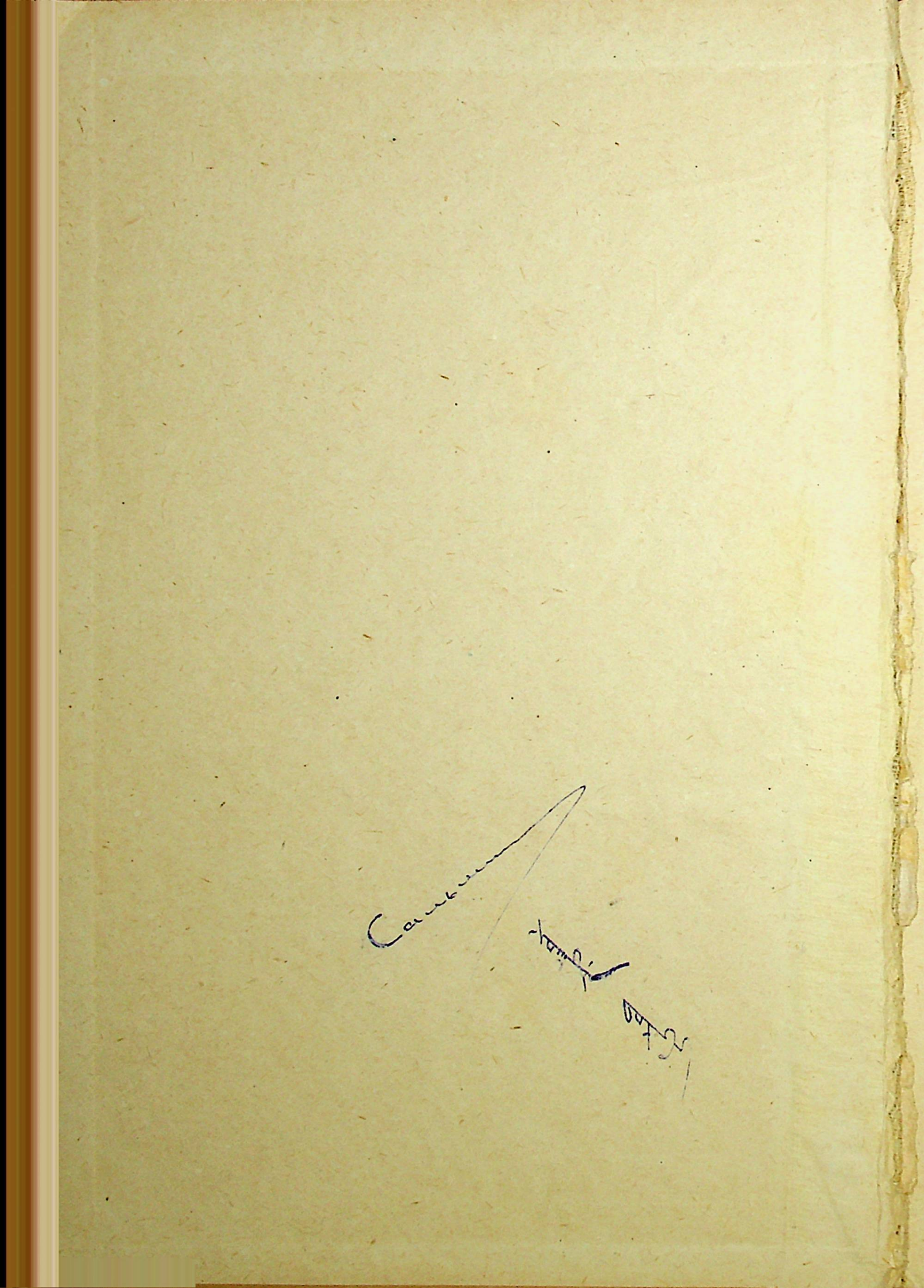
Академия Наук СССР

Гесериада

Издательство Академии Наук СССР
Москва — 1936 — Ленинград

Б.Ф
1929

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

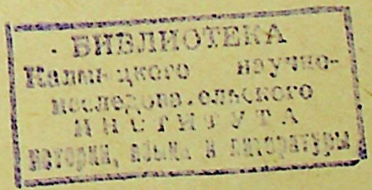
ТРУДЫ ИНСТИТУТА АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И АРХЕОЛОГИИ т. VIII
ФОЛЬКЛОРНАЯ СЕРИЯ № 3

ГЕСЕРИАДА

Сказание о милостивом
ГЕСЕР МЕРГЕН-ХАНЕ
искоренителе
десяти зол
в десяти странах света

Перевод, вступительная статья
и комментарии
С. А. КОЗИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1935 ЛЕНИНГРАД

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Декабрь 1935 г.

Непременный секретарь академик *Н. П. Горбунов*

Редактор издания академик И. И. Мещанинов

ПРЕДИСЛОВИЕ

В тексте перевода сознательно удержана та простейшая русская транскрипция имен собственных, которую установили в литературе классики нашей монголистики. При разночтениях имен собственных преимущество отдавалось А. А. Бобровникову, который всегда имел в виду и калмыцкие параллели.

Относительно помещенных в книге рисунков и заставок считаю необходимым пояснить, что я, следуя примеру проф. М. К. Азадовского („Русские сказки") и желая дать лишь некоторые графические параллели к тексту, использовал рисунки монголиста Б. А. Филистинского на монголо-тибетские фольклорные и буддологические темы. Эскизная манера рисунков обусловлена их происхождением, как набросков, выполненных на основе мотивов буддийской иконографии из коллекций Хара-Хото (Гос. Эрмитаж) и ряда ксилографов.

Считаю приятным долгом принести благодарность акад. В. М. Алексееву и И. Ю. Крачковскому, проф. М. К. Азадовскому, Н. Н. Поппе, А. В. Бурдукову и К. В. Вяткиной, указания и помощь которых глубоко ценю.

С. А. К.

ВВЕДЕНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ГЕСЕРИАДЕ

(Опыт историко-литературной характеристики)

Повесть о милостивом Богдо-Гесер Мерген-хане, искоренителе десяти зол в десяти странах света, или, как ее принято называть, „Гесериада" издана на монгольском языке в Пекине, в 1716 г., и таким образом уже более двухсот лет могла бы быть предметом научного исследования. Тем не менее этот памятник монгольской литературы более столетия оставался, повидимому, вне поля зрения ориенталистов. Изучение же его, начатое по почину акад. Шмидта в тридцатых годах прошлого столетия, настолько мало продвинулось вперед, что и в настоящее время почти все поставленные по поводу этого памятника вопросы продолжают считаться проблемами, а предположительные их решения — гипотезами.[1]

Что за имя Гесер (тиб. Кезар), так близко напоминающее кесарь, цезарь? В каком отношении Гесериада находится к культу Гесера, храм которому видел и описал Паллас? Какие исторические традиции отразились в памятнике? Какова история издания памятника, кто его автор или составитель, когда написал или составил? По каким побуждениям император Канси предпринял его издание? По каким источникам он издан? Почему издана именно монгольская, а не тибетская версия? В каком отношении друг к другу находятся обе эти версии, и версии ли это, а не особые сходные по теме или по форме произведения? Что такое Гесериада: религиозная книга, героическая сага, монголо-тибетский вариант китайского романа „Сань го чжи" с его легендами о Гуань-юй'е, или вариант сказаний о кесаре Александре Македонском? Почему памятник издан на одном из южномонгольских диалектов, а не на общемонгольском классическом литературном языке? и т. д.

Обращаясь к истории изучения сказаний о Гесере европейцами,[2] необходимо обратить внимание на следующее. Изустно-народные сказания о герое с именем Гесер (или с китайскими его эквивалентами) засвидетельствованы этнографами, языковедами и фольклористами почти у всех

---

[1] N. Poppe, Geserica (Asia Major, vol. III, 1926).

[2] Литературу о Гесере см. у Б. Я. Владимирцова во введении к „Очерку монгольской литературы" Б. Лауфера, Л., 1927, изд. ЛВИ (стр. XVII—XX), перев. В. А. Козакевича. Dr. Berthold Laufer (библиография о Гесериаде) в WZKM, Band XV, 1901, S. 78.

разноплеменных народностей центральной и средней Азии. Однако в качестве литературного памятника сказания о Гесере имеются только на тибетском языке (в рукописях и ксилографах), на монгольском (в вышеуказанном пекинском издании и в рукописях) и, наконец, на ойратском (калмыцком, — в рукописях, обнимающих несколько песен монгольской Гесериады — I, VIII и IX). Изустно-народные сказания о Гесере частью только отмечены путешественниками и исследователями, частью попали в их труды в виде пересказов со слов рассказчиков, но многие сказания точно записаны собирателями-фольклористами непосредственно от певцов-сказителей (напр., монголо-бурятские сказания о Гесере).

Решительно все сказания изображают Гесера существом божественным, обладающим сверхчеловеческой мощью, и искоренителем в мире зла.

Личность этого героя связана в Азии не только с вышеуказанными сказаниями, свого рода житиями, но и с храмами в его честь, существующими в Китае и Монголии; с культом Гесера и с относящимися к этому культу легендами.

Таким образом о Гесере мы имеем: литературные произведения на языках тибетском, монгольском и ойратском; изустно-народные сказания на этих же языках, как и на многих других языках народов Центральной и Средней Азии, и, наконец, культ Гесера с посвященными ему храмами, определенным ритуалом и культовыми легендами.

Нет еще достаточных данных не только для того, чтобы решить, какой цикл из трех указанных является источником других, но и для того, чтобы ответить на вопрос, чем другим, кроме имени героя, объединяются все эти циклы. С полной несомненностью мы можем лишь установить, что обнаруженные у приволжских ойратов рукописи сказаний о Гесере являются совершенно тожественными с соответствующими частями рукописных и печатных сказаний о Гесере у восточных и южных монголов.

Однако мы все же не имеем достаточных оснований считать ойратскую рукописную версию простым переводом с монгольского, почему эта версия и называется ойратско-калмыцким изводом Гесериады. Такое решение вопроса о калмыцкой Гесериаде покоится, впрочем, на все еще недостаточно обоснованном признании тибетских сказаний о Гесере первоисточником всех других литературных памятников того же имени, первоисточником в самом тесном и доподлинном смысле этого термина.

Наличие вышеуказанных трех циклов сказаний о Гесере выяснялось постепенно и разновременно, причем впервые европейской востоковедной науке становится известным культовый цикл. Это обстоятельство, в связи с прочно установившейся презумпцией о единстве всех типов сказаний о Гесере, очень осложнило исследовательскую работу множеством и разнообразием поставленных вопросов, которые быть может и не возникли бы при изучении отдельных циклов, взятых независимо один от другого.

Паллас (вторая половина XVIII в.), сообщая о культе Гесера, обходит молчанием Гесериаду. Акад. Шмидт (первая половина XIX в.), издавая и исследуя Гесериаду, почти не касается культа Гесера. В. Бергманн, опубликовавший в 1802 г. немецкий перевод двух песен Гесериады, по калмыцкому изводу, не обинуясь причислял Гесериаду к религиозным книгам буддистов. Стиль перевода Бергманна (VIII и IX песен) с особенной выразительностью подчеркивает эту его концепцию.

Клапрот,[1] по традиции Палласа и Бергманна, останавливается на вопросе о культе Гесера, причем сведения, добытые Палласом и Клапротом, расходятся: в то время как по Палласу в лице Гесера воплощается бодисатва Âryawalo, Гесер же в свою очередь перевоплощается и доселе в лице Далай-Ламы, предоставляя кому-нибудь из своих близких возрождаться в лице Ургинского Хутукты, — по Клапроту Гесер — это монгольское наименование китайского Гуань-юй'я или Гуань-юн-чжан'а, военачальника повстанческой армии Любей'я, действовавшей (199 г. н. э.) против Ханьского государя Сян-ди. Гуань-юй почитается китайцами (даосистами, конфуцианцами, буддистами?) полубогом; а манчжурская династия, считая его своим патроном, присвоила ему титул Гуань-Мафа Хуанди, или, по-китайски, Гуань Шендигун. Вопрос о Гесериаде Клапрот обходит молчанием, как и Паллас.

Таким образом, наметились две культовые теории: одна по линии буддийской, в области догмы о метемпсихозе; другая — по линии даосийской, а может быть и конфуцианской, в области ритуала поклонения великим духам и предкам. В качестве элементов культа Паллас приводит нам описание храма в честь Гесера и даже — молитву Гесеру. Какая же из этих двух версий соответствует действительности и соответствует ли хоть одна — остается неизвестным.

Не подлежит сомнению один лишь факт существования китайских храмов с кумирами Гесера. При этом, по странной судьбе, доселе никем научно не описан всем известный китайский храм с кумирами Гесера и его богатырей, в Монголии, в Улан-батор-Хотосском Маймачене. Также общеизвестен факт, что хотя кумирам этим поклоняется большое число китайцев и монгол, буддийская церковь в Монголии не проявляет к ним, однако, ни почитания, ни внимания, и только терпит как всякий храм чуждого исповедания. Больше того, по сведениям Н. Н. Поппе,[2] почерпнутым в Монголии от тибетцев, всякие книги о Гесере в Тибете решительно преследуются господствующей религиозной школой желтошапочников, хотя эти же книги, прибавляет он, пользуются большою популярностью у других, менее могущественных сект.

Уже по одним этим соображениям буддийская культовая версия Палласа становится мало вероятной, по крайней мере со стороны канонической, не бытовой.

[1] Сев. Архив, 1823, стр. 422.

[2] Op. cit., S. 3.

Однако можно считать вполне установленным покровительство культу Гесера со стороны императоров манчжурской династии, в царствование которых были созданы и храмы в честь Гесера и издано сказание о Гесере. В этом обстоятельстве нельзя не усмотреть и некоторой внешней связи между культом Гесера и Гесериадой. Что же касается связи внутренней, которая уяснила бы нам историю и принципы возникновения этого культа, а также его отношение к названным литературным памятникам, то в этом отношении мы располагаем лишь самыми недостаточными данными.

С некоторой достоверностью можно лишь предполагать, что Гесер избран в гении-хранители манчжурской династии как ниспосылаемый свыше устроитель государств, кесарь из кесарей, в особенности же как устроитель Китая, этого государства из государств, срединной, поднебесной империи. Последняя роль приписывается Гесеру, кажется, всеми легендами о нем, без исключения.

Таким образом, культ Гесера был, повидимому, чисто династическим делом манчжурских властителей Китая и упал вместе с ними.

Более других, как известно, потрудился над Гесериадой акад. Шмидт, который переиздал ее Пекинскую версию, дал немецкий перевод Гесериады, а также и историко-литературное исследование о ней. Непосредственная большая работа над изучением текста, видимо, значительно высвободила его из-под гипноза культовой идеи: Шмидт определяет Гесериаду как монгольскую героическую сагу, хотя и разделяет кое-что из Клапротовой культовой концепции.[1] При этом он находит естественными в Гесериаде и принцип чудесного, и религиозный элемент, как присущие героической идее всех вообще эпопей; и трактовку событий „чаще в тонах сказки, чем высокой поэзии“ — как особенность, присущую центрально-азиатским народностям (?) „И его несколько дикая степная поэзия, и его слишком осязательные и жесткие метафоры, и трактовка событий чаще в тонах сказки, чем высокой поэзии, — все это показывает нам центрально-азиатские народности в целокупном, живейшем и наглядном представлении... показывает нам центрально-азиатские народности северного Тибета и стран у верховьев р. Хуан-хэ, равно как и у Хуху-нора, в их домашнем быту, в их занятиях, в их национальных понятиях и суждениях, в их походах и вооруженных столкновениях — неизмеримо лучше всякого описания чужою рукой“.[2]

После Шмидта Гесериада изучалась главным образом с лингвистической стороны как литературный образец живого монгольского диалекта; а также — в области сравнительного фольклора, в связи с появлением многочисленных записей сказаний о Гесере. Лексический состав памятника в полной мере использован, кроме Шмидта, классическими словарями

[1] Die Thaten, S. X.

[2] Ibid., стр. XI, XII.

Ковалевского, Голстунского и Позднеева (по калмыцкому изводу Гесериады), а на анализе стиля построена знаменитая грамматика Бобровникова.

В последнее время памятник был основательно исследован Б. Я. Владимирцовым и Н. Н. Поппе со стороны лингвистической, а также в области истории монгольского письменного языка.

В области сравнительного фольклора Гесериада рассматривалась всегда в составе всех циклов легенды о Гесере. По этому вопросу необходимо отметить выводы Франке, Грюнведеля и Лауфера. Этими учеными разрешался, между прочими, выдвинутый Франке вопрос о том, какое именно религиозное сознание отражает Гесериада: буддийское или добуддийское. При этом Франке высказывался в пользу последнего предположения из-за того явно непочтительного тона, в котором трактуются здесь буддийские монахи. Однако этот вывод решительно оспаривался Грюнведелем и Лауфером. Между тем, вышеуказанные сведения Н. Н. Поппе о том, что книги о Гесере являются запретными у самых правоверных буддистов, могли бы в известной мере свидетельствовать в пользу предположения Франке.

Таким образом, поиски религиозной идеи в сказаниях о Гесере снова занимают существенный пункт в историко-культурной работе по Гесеревой легенде.

Ход этих исследовательских опытов замыкается Н. Г. Потаниным, который записал много версий сказания у различных народностей Центральной Азии и посвятил этой теме целый ряд исследований. Сказания о Гесер-хане сближались им и с былинами о Добрыне-Никитиче и Ставре Годиновиче, и с повестью о Вавилонском царстве, и со сказаниями об Александре Великом и с „Саньго чжи“ и с „Уленспигелем“ и т. д. Что касается при этом Гесериады, то приходится констатировать, что и метод сравнительного фольклора не дал пока здесь ощутительных результатов: о самом памятнике мы знаем лишь немногим больше современников Шмидта, причем чувствуется даже потребность высвободиться из-под власти своего рода дурной бесконечности фольклорных сопоставлений.

Последний, кто с большим знанием дела подвел итоги тем скромным сведениям европейцев о духовной культуре монголов, которые пока лишь условно называются историей монгольской литературы, Б. Лауфер[1] находит Гесериаду самым замечательным из литературно-зафиксированных героических сказаний монголов. Больше того: по его мнению этот памятник — „без сомнения интереснейшее произведение всей монгольской литературы“, почему Б. Лауфер и находит своевременным и необходи-

[1] См. Очерк монгольской литературы, перев. В. А. Казакевича под редакцией и с предисловием Б. Я. Владимирцова, Л., изд. ЛВИ, 1927, стр. 74.

мым дать ее новый, более критический перевод, взамен совершенно устаревшего и, добавим, по условиям его времени очень несовершенного немецкого перевода акад. Шмидта.

Приводя в дальнейшем изложении свои замечания, сложившиеся в процессе работы над монгольско-калмыцкими текстами Гесериады, я не придаю им значения всестороннего анализа легенды о Гесере. Эти замечания имеют своею целью только углубить некоторые историко-литературные характеристики и комментарии предыдущих исследователей и осветить Гесериаду с новой стороны, еще никем не затронутой, со стороны выступающих здесь социальных отношений.

Прежде всего по вопросу о том, возможно ли относить Гесериаду к памятникам литературного эпоса. Многие соображения могли бы свидетельствовать в пользу того мнения, что несмотря на существование многочисленных изустно-народных сказаний о Гесере она является памятником литературного творчества, и именно литературного творчества монголов: и общеизвестный факт взаимного использования этих двух форм народного творчества, и почти трехвековая литературная традиция Гесериады, и невозможность допустить факт подлинного собирания изустных сказаний монголов в эпоху манчжурского императора Канси, — только подтверждают филологические аргументы Шмидта в пользу того, что Гесериада является коренным, а не переводным монгольским произведением, и притом произведением литературного эпоса. Почти сплошь диалогические ее формы, густо насыщенные пословицами и поговорками, отличаются такою естественною простотой и изяществом лаконизма, которые едва ли достижимы и при самом совершенном переводе, хотя бы такой перевод и был выполнен человеком, знавшим оба языка — и монгольский и тибетский — в совершенстве, как свой родной язык.

Монгольский язык памятника, нося на себе следы одного из южно-монгольских диалектов, далек от классического общемонгольского литературного языка, традиции которого, по мнению проф. Б. Я. Владимирцова,[1] характеризуют всю основную массу монгольской литературы настолько последовательно, что все немногочисленные произведения, отступающие от этих общепринятых форм, определяются им как особое направление в литературе на монгольском классическом языке. Однако ни время возникновения этого направления, ни его характер, объем и причины не выяснены и не установлены. Что касается Гесериады, то, будучи напечатана в начале XVIII в., она, повидимому, и составлена не ранее XVII в., так как свободна от архаизмов, характеризующих более ранние памятники монгольской литературы. В таком случае не принадлежит ли XVII в. и самое это направление в монгольской литературе веку вели-

[1] Напр., его Pañcatantra, Пгр., 1921, стр. 49, 50. Сравнительная грамматика, Л., 1929, стр. 3—42 и др.

ких войн и социальных потрясений, пережитых монгольским миром? В этом веке политический и культурный центр этого мира переместился на запад, к ойратским племенам, которые выдвинули крупных вождей в войнах с Китаем и вместе с тем дали таких крупных культурных деятелей, как реформатор монгольской письменности Зая-Пандита. Реформа Зая-Пандиты, начавшись с усовершенствования алфавита, естественно влекла за собою, в специфических условиях монгольской письменности, далеко идущие изменения в самой классической письменности, подводя ее ближе и ближе к стихии живого разговорного языка. Как военным вождям ойратов не удалось объединение Чингисова монгольского мира, так и реформе Зая-Пандиты не суждено было сделать всемонгольской свою усовершенствованную письменность. Однако легко допустить, что мы за недостатком сведений не можем пока по достоинству оценить ни силы, ни размаха, ни значения этой культурной революции XVII в. в монгольском мире, с которой может быть и связано это литературное направление, ломавшее старые традиции и пытавшееся сблизить классический язык с живым говором народных масс. В этом аспекте приобретает особое значение и то обстоятельство, что язык Гесериады очень близок к юго-западным ойратским диалектам, а также и тот факт, что писаная Гесериада обнаружена из всех монгольских племен еще лишь у ойратов, которые, как известно, и в настоящее время составляют часть населения Тибета, а в XVII в. завоевывали Тибет.

Само собою разумеется, что постановка этих вопросов, не устраняя выводов Б. Лауфера и Б. Я. Владимирцова о том, что монгольские литературные версии Гесериады возникли на базе тибетской, подчеркивает лишь необходимость дальнейших специальных исследований в этой области.

Что касается, наконец, стиля Гесериады, то действительно здесь настолько преобладают тона простой сказки, былины, басни, анекдота над высоким подъемом эпического сказания, причем самые эти элементы настолько причудливо чередуются, что представляется трудным делом причислить ее к тому или иному типу народного творчества. В свою очередь такое чередование элементов, как будто бы сознательное и преднамеренное, дает повод предполагать в данном случае и индивидуального автора, который лишь усваивает себе формы и приемы народного творчества для наилучшего достижения своих целей, а не проявляется в этих формах стихийно и бессознательно, как сам народ, творец своих сказок, сказаний и песен. С другой стороны, в отличие от эпических образцов, Гесериада написана не стихом, а прозою. И это обстоятельство, равным образом, может быть приписано личным вкусам и намерениям ее автора.

В Гесериаде обращает на себя внимание слабое развитие метафоры и неологизма, составитель ее всегда довольствуется простейшими лексическими средствами, самыми обычными метафорами, даже в тех редких

сценах, где поэт глубоко взволнован поэтическими образами; характерное для монгольской поэзии чувство меры и резкое преобладание способности осветить внутреннюю динамику явлений над эллинским уменьем выявить те же явления в их пластической статике.

Такова, например, сцена прощания Гесера с любимым витязем, старцем Царкином, перед выступлением в поход (песнь IX):

„Когда собрались витязи, и государь приказал окончить в двенадцать месяцев предстоящий поход, который мог продолжаться двенадцать лет, старец Царкин сказал ему:

— Богдо! Мне уже восемьдесят лет, но я желал бы еще раз быть свидетелем грозной битвы. Посылая тебя в мир, Хормуста-тэнгрий предопределил тебе две великих войны; одна была начата Ширайгольскими ханами, другая начинается теперь. Много дней видел я, и уже не долго мне жить. Позволь же, государь, сопутствовать тебе на брань.

Так сказал печальный старец, и сам государь не мог удержать слез. Тогда выступил витязь Нанцон и сказал:

— Ты всегда был послушен государю: что же теперь прекословишь его указу?

На это возразил старец Царкин:

— Что думаешь ты обо мне, пятнадцатилетний Нанцон? И я, восьмидесятилетний Царкин, согнулся под бременем лет, и чалый мой конь от старости едва щиплет траву... Но я хочу опять сразиться на глазах у государя, в одном ряду с тобою, мой милый Нанцон.

Так скорбно говорил он, и все витязи прослезились вместе с ним. Тогда Богдо, отдавая старцу свою одежду, сказал:

— Царкин, мой возлюбленный! Ты говоришь истину. Но ведь ты всегда уважал мои приказания: останься же здесь и береги народ.

— Священны твои слова, Богдо! — отвечал Царкин. — Если и в дни моей юности я всегда был покорен твоим повеленьям, то может ли преступить их дряхлый Царкин? Кости мои иссохли, в жилах остыла черная кровь, старость преклонила меня к земле. И вот хотел я выйти в ратное поле, чтобы умереть пред твоими очами. Но тебе угодно повелеть: Царкин, ты уже не имеешь сил, останься дома. Так. Сила моя износилась. Я остаюсь“...

Переходя, наконец, к оценке и определению Гесериады по ее внутреннему содержанию, невольно задаешься вопросом: почему, с одной стороны, это произведение так популярно среди широких масс монгольских народностей, и чем оно, с другой стороны, так вооружило против себя господствующую школу буддийской религии? В нем не увековечено никакого великого исторического события из жизни монголов, но никто не показал в нем и столь серьезных антибуддийских или революционных тенденций, которые были бы достаточны для того, чтобы возбудить неприязнь и даже гонение со стороны господствующего класса буддийской иерархии. Но и популярность Гесериады в народных массах, и неприязнь

к ней у буддийского духовенства — это факты, а следовательно в самой Гесериаде надо искать и их объяснения.

Отсюда ясно, что Гесериада нуждается в доследовании именно с той стороны, которая меньше всего обращала на себя внимание, а именно со стороны выраженных в ней социальных отношений. При первом же взгляде на ее содержание с этой новой, затененной и незамеченной стороны нельзя не обратить внимания на второго после Гесера героя Гесериады, князя Цотона, этого представителя темной, злой силы, борьба с которым проходит через все сказание. Цотон изображается злым тираном, и вот что составитель сказания говорит о нем устами Гесера (песнь IX):

„Государь десяти стран света, вместе со своим старшим братом Цзаса-Шикиром, возвратился в свою ставку, в город с храмами, тридцать крат удвоенными, и со ста восемью сильными крепостями. Там, в просторных покоях, праздновали они торжество радости. Великий Цзаса-Шикир выпил двадцать чаш вина, и вот, узнав князя Цотона, стал требовать его казни.

Тогда сказал государь десяти стран света:

— Полно, любезный мой, Цзаса-Шикир! Его не следует казнить. Дух Цотонов блюдет наш сон и напоминает о наших обязанностях в минуты забвения. Вот и теперь (даже этим предательством своим) Цотон доставил нам случай наслаждаться настоящим пиршеством. Цотон всему виновник. Злонравный Цотон — это один из тысячи моих образов-хубилганов. Лишась моего благоволения, этот коварный давно бы исчез. Сами теперь судите, для чего же я сохраняю его?

Все умолкли.

Почему же умолкли все витязи? Потому, разумеется, что всем им все стало ясно до очевидности: одного Цотона уничтожить легко, но бесполезно, потому что он только образ, тип, представитель множества подобных же носителей зла, а с ними-то и надобно вести настоящую повседневную и упорную борьбу при помощи того же Цотона, который „блюдет наш сон и напоминает о наших обязанностях в минуты забвения“.

Нам же как-будто бы здесь говорит сам автор Гесериады о том, что Цотон — это поэтический вымысел, литературный тип, терпеливо рисованный на страницах всего произведения как ни гнусен „этот коварный“. И уничтожать поэтому надо не Цотона, но цотонов, реальных носителей „цотоновщины“: тогда действительно Цотон всегда будет невольным виновником нашего торжества настолько, как если бы он сам приготовлял нам „пиры радости“.

Этот тон аллегории, намека, скрытого умысла и резонерства, представляется, быть может, самой характерной чертой Гесериады и, вместе с ее не выдержанной в определенном тоне и явно нарочитой формой народ-

ного творчества, еще раз наводит на мысль о принадлежности этого произведения определенному автору.

Рассматривая большое полотно Гесериады, похожее на буддийскую иконопись для народа, сложную, многокрасочную, многоликую, наполненную химерическими и непонятными чудовищами, неведомыми цветами и символами, мы, с помощью одного лишь приведенного указания автора, откроем ее лейтмотив: это непрерывная, полная сарказма, борьба Гесера то с самим Цотоном, то с его присными, то со всевозможными „чудовищами"... но все они — все тот же Цотон, то реальный, то в бесчисленных перевоплощениях все той же злой „цотоновщины".

Но ведь Цотон-нойон — владетельный князь, феодал, владетель нескольких отоков (волостей) помещичьих крестьян. Кто же, в таком случае, сам Гесер, что он так яростно и неустанно, с таким ядовитым издевательством ведет брань с этим олицетворением феодального класса рабовладельцев? Кто он сам, почему и во имя чего ведет эту борьбу?

О Цотон-нойоне мы уже знаем. С первого появления его на страницах Гесериады он представлен нам трусливым предателем и вором. Затем Цотон, при каждой с ним встрече, получает новые и новые характеристики, пока не предстанет в ярком портрете степного деспота-феодала, с которым Гесер расправляется при случае, конечно, то батогами, то костром, когда тот прикидывается покойником, то выдергивает волосы с головы, как-будто бы ради спасения утопающего барина. Но никогда не посягает на его жизнь, оставляя для него самую лютую казнь — публичное осмеяние и посрамление. Все эпизоды встреч Гесера с Цотоном полны крепкого юмора и носят настолько очевидный сатирический характер, что цитаты были бы излишни.

Но Гесер — ведь это божественный сын Индры, Хормусты-тэнгрия. Гений-хранитель манчжурской династии, который явился в мир, по повелению будды Сакьямуни, для искоренения повсюду десяти зол, соответствующих буддийской декаде грехов человека и для „подавления смутных времен" на земле. Вот какой святой как-будто бы изображен в Гесериаде (как и в храмах его имени?). Но если таков Гесер, то и Цотон — не больше как один из носителей пороков человеческих в каком бы социальном слое они ни проявились. И оставалось бы непонятным, почему Гесер и Гесериада заняты исключительно бичеванием греха у степных феодалов, предоставив прочие классы общества для других творений и для других авторов?

Совершенно исчерпывающие ответы на все эти и другие возникающие вопросы мы получаем, применив к изложению Гесериады подсказанный автором принцип простейшей общепринятой аллегории. И вот в каком виде представляется тогда все сказанное.

Будда заповедал Хормусте — послать в мир своего сына (песнь I) для упразднения „смут" (samaγu). Но в чем же заключаются эти смуты?

„Сильные будут пожирать слабых“ (küčüten küčün ügei idekü bui, s.1),[1] т. е. богатые будут угнетатъ бедных. Так определяется „самим Буддой“ смута в мире. И для упразднения этой-то смуты, т. е. для упразднения социальной неправды, и посылается в мир Гесер.

Хормуста предлагал эту миссию всем трем сыновьям своим, но покорился его воле только с р е д н и й, который уже в царстве Хормусты носил имя Üyile bütügegči, т. е. Д е л о и с п о л н и т е л ь. А тех двух сыновей, старшего и младшего, которые всякими хитростями уклонились от этой миссии, звали: Amin saxiγči (Жизнехранитель) и Tegüs coγtu (Всесветлейший). Характерны и имена, и самый выбор с р е д н е г о посредственного, обыкновенного человека. Потом, на земле, Гесер носит несколько земных имен и прозвищ: и Гесер (как титул?), и Цзуру, и Ольчжибай-Найденыш и др. Тибетское значение слова Geser или Ghesar (кезара) обозначает название лотосовидного цветка.[2] Рождение героя предопределено советом верховных тэнгриев на небесах, „в высшем суждено совете“.

Волхвы, разумеется, заблаговременно предсказывают на сходе, что Geser-Serbo Donrub, т. е. упраздняющий зло златоцветный лотос, родится в мире для упразднения смут от дочери некоего Го-Баяна, по имени Амурчила, и „царя гор“ Ова-Гунчида, тоже волхва, присутствовавшего на этом сходе „всех черноголовых и птиц, и всех трехсот языков живых существ, с белою небесною девой переводчиком“. Перечислены все участники схода ч е р н о г о л о в ы х, не видно только ни желтых лам, ни нойонов: значит не они ждут Гесерова избавленья. Но за то среди участников показан переводчик — белая небесная дева Аламкари: иначе, без такого небесного посредника, богам не понять языка сетований черноголовых на постигшие их времена в мире, когда сильные стали пожирать слабых.

Делоисполнитель Гесер берется упразднить в мире эту смуту на том непременном условии, что, по совершении этого подвига в мире (yirtinčudu kürči, amitan-u tusa bütügegsen-ü xoyin-a, xaγan ečige-yin minu xan orondu saγuxu kešig nada buija! S., 4), божественное наследие Хормусты — блаженное небо Тушит — унаследуют не его братья, мирящиеся с социальной неправдой, а сам он, Гесер или Цзуру, т. е. „в муках родившийся“, как прозвали его от того, что „мать при родах его очень мучилась“.

Всезнающие волхвы, предсказав и имя, и социальное предназначение героя, и его родителей, как бы с иронией прибавляют: а будет ли то непременно божественный сын самого Хормусты-тэнгрия, то нам недоведомо (bide ese medebe, S. 6).

Таким образом, каждая деталь в символике сказания оказывается существенным показателем, и потому мы должны усилить внимание, прислушиваясь к течению повествования Гесериады то сказочного, то юморизирующего под прикрытием фантастического буддийского орнамента.

---

[1] Цифра после s показывает страницу текста по изданию 1836 г.

[2] Schmidt, Die Thaten, S. IX. — Ковалевский, Словарь, стр. 2457.

Впервые появляется Гесер на земле в виде странного существа: сверху — ястреб, а снизу — человек, и пристально смотрит на свою будущую мать. Ей он открывает себя: „Сверху я как птица оттого, что род мой свыше нельзя постигнуть (degedü naγačunar-iyan ülü medekü minu), а снизу я как человек оттого, что мне надлежит принять тленную плоть (minu egüdügsen beiye-ben ebden irejü bile bi! S. 7). Не те же ли это простые слова, но только в буддийской оправе: душою, мыслью моею я — как вольная, хищная птица ястреб: кто и что нам скажет о ее рождении, если то даже и премудрым волхвам неведомо. А в земном понимании — я буду просто человек".

„От имени верховных тэнгриев ныне я ищу достойную женщину, чтобы возродиться. И сколько ни надобно возрождаться, все же я родился бы только от такой достойной женщины (eyimü sayin ekener-tü) иначе мне пришлось бы остаться как я есть" (ügei či bolba bayinamǰa bi! S. 7). Достоинства же эти заключаются, как видим ниже, в злоключениях и бедности матери Гесера; но без них, оказывается, была бы бесцельна и даже невозможна и самая его миссия.

Одна и та же мать родит, как определено свыше, и Гесера и его божественных сестер-сподвижниц, всегда потом являющихся к нему и в трудные минуты, и в часы дум-созерцаний (diyan): одна, по имени Boa Dongčong Garbo, или по-монгольски Degere tenggri-ner-i ejelegči, т. е. владычица верховных небожителей; другая — Ariya Avalori Udkari или Luus-un Xad-i ejelegči, т. е. царица преисподних драконовых ханов, и третья — Jamčo Dari Udam пли Daxinis-i ejelegči, т. е. царица фей-дакинисс. Итак, у земного Гесера, как и у всякого человека, три сестры-думы, вместе с ним являющиеся на свет: Высший (общественный) Идеал, Личный (низшего порядка) идеал и Мечта. Все сестры родятся „по-буддийски", выпадая у матери кто из темени, кто из правой подмышки, кто из пупка: один Гесер родится у матери „положенным путем" (yosutu möriyer, S. 10), как обыкновенный человек.

Родится же Гесер таким невзрачным, беспокойным и злым на язык (xoratu keltei, S. 11), что мать едва могла устоять перед искушением тут же и „убаюкать" его в яме, вырытой на четырех (dörben ere beiyetü γau-du ölögeyidükü), за что впоследствии, по закону причинности, и попадает в адские бездны, предсставляя сыну подвиг спасения своей матери. По поводу некоторых своих физических недостатков младенец так успокаивает свою мать: „Ничего, что косоват — все равно на чертей придется косо смотреть. Ничего, что хромоват — все равно врагов топтать". В дальнейшем увидим, что эти черти и супостаты как-раз и есть те сильные пожиратели слабых, которых Гесеру предопределено ниспровергать... Что же касается матери, то она не прочь закопать новорожденного и по другой причине: она ожидала, что и Гесер, как его идеальные сестры, оправдает свое безгрешное зачатие и тотчас же, как и те, сам улетит в какое-нибудь свое сказочное царство, но Гесер, это „дитя греха"

(nigültü köbegün), как она тут же полушутя называет его, остается и прямо заявляет, что хочет долго жить.

Итак, кто же родители Гесера? Названный отец — ссыльный разжалованный, бедный княжеский родственник, дряхлый старик Санлун, живущий в степном захолустье, в полу-юрте „с птичье гнездо" и промышляющий ловлей полевых грызунов. Мать — приживалка Цотон-нойона, тоже изгнанная в ссылку вместе со стариком Санлуном. А подлинный виновник его рождения — волхв Ова-Гунчид, по прозвищу „царь гор" или „горный атаман", который как-то случайно встретился с Амурчиной в глухой степи и напугал ее своим видом... до полного беспамятства. В дальнейшем повествовании Гесер имеет дело с шайкой горных разбойников в триста человек, которые в шутку или всерьез намекают Гесеру о своем „маленьком родстве" с ним...[1] Действительные обстоятельства рождения героя в сказании искусно завуалированы штрихами из буддийской мифологии, и, повидимому, трудность их вскрытия вполне соответствует рискованности положения автора в социальной среде его эпохи. К этому вопросу придется, впрочем, возвратиться еще не раз. Как бы то ни было важнейшее обстоятельство в сказании — рождение героя — представлено скорее в виде пародии на высокий стиль изображения чудесных обстоятельств, чем в тоне безыскуственной искренности.

Каковы первые подвиги Гесера, или в „муках рожденного" Цзуру, по завещанному свыше искоренению смуты? Цзуру чудесно распложает скот своего названного отца, Санлуна, путем... приворотных слов (xubilγan-iyer šibšijü, S. 13), или заговоров (irögel irögelekü, S. 10), или чудодейственной пастьбы скота. Но похоже, что тут дело не обошлось без прозаической помощи его настоящего родителя — горного атамана. Но только без участия его идеальных дум — небесных сестриц. Подводя в конце первой песни итог всем своим детским деяниям, Гесер не упоминает этого, почему и мы перейдем к первому настоящему его подвигу.

Цзуру-Гесер уничтожает двух оборотней: черного ворона и святого ламы. Первый выклевывал детям глаза и ослеплял их, а второй откусывал детям языки и делал их навек немыми. Но Гесер убил ворона, поймав его в свою западню; а ламе самому выкусил по глотку язык своими крепкими с младенчества зубами, по поводу которых он утешал свою мать. Обычный сказочный подвиг. Но символика тут слишком прозрачна, чтобы не быть предосудительной для буддийского героя саги: он начинает уничтожение в мире смут с уничтожения лам, которые имеют обыкновение, под видом благословения, откусывать языки у детей. Ведь с детьми общепринято сравнивать простой темный народ, с детьми, которых заставляют „прикусывать языки", и весь век молчать как немые, не одни только ламы, этот всесильный орден „желтых" феода-

[1] Manu nigen baxan abaγai bilel S. 25.

лов, но и „черные вороны“, господа, „черные“ феодалы всяких степеней и званий, которые тем же детям искони слепят глаза.

Разбогатевший с помощью Цзуру старик Санлун добивается возвращения из ссылки; но теперь попадает в ссылку сам Цзуру-Гесер за то, что, вступившись за старика Санлуна, обозвал князя Цотона „собакой“, не помнящей своего родства. Этим отъездом открывается борьба Гесера с Цотоном, которая в ряде забавных анекдотов обрисовывает этого степного царька-самодура.

Делалось много предположений о том, какого злого бога олицетворяет Цотон; на какое созвездие намекает; какому астральному персонажу европейского эпоса соответствует; под какими влияниями он проник в сознание монгольских кочевников? Но кажется правильнее рассматривать его как сатирическое изображение социального недруга, следуя вышеприведенному намеку автора, что Цотон не созвездие и не символ отвлеченного злого начала, а реальный тип и доселе не изжитой у монголов феодальной эпохи.

Родители не в шутку зовут Гесера-мальчика „чортовым сыном“ за его язвительный беспокойный нрав и „широкую натуру“. Они даже не прочь как-нибудь от него отделаться. Старший сводный брат его, Рунса, систематически вооружает родных против Гесера за его расточительную щедрость и братанье с голытьбой — проходимцами (demei yabudusun buyu olan kümün, S. 17), которые Гесеру представляются видениями различных гениев-хранителей, а трезвому взгляду скряги Рунсы (ǰögešilen ide kümün, S. 23) — гурьбой бродяг, объедающих Гесера. Только мать, да отчасти любимый Гесером младший сводный брат Цзаса, отстаивают Гесера и от Санлуна с мачехой и от злобного Рунсы. Итак Гесеру уже нечего было делать дома, и ссылка подоспела во-время.

Уже в детстве Гесеру присваивается кличка Цзуру-сопляк или просто Сопляк. И автор Гесериады все время оставляет за ним это народное прозвище, которое в устах благородных персонажей сказания звучит всегда Цзуру-сопляк, в роде нашего Цзуру-хам, а в речах его близких и друзей, не исключая и небесных, — всегда не иначе, как ласкательное слово, в роде „наш соплячок“, свой брат. Больше того: сам автор заставляет своего героя оправдывать подчас это прозвище настолько неумеренно, что акад. Шмидт был вынужден заметить по этому поводу, что только боязнь стереть подлинные краски оригинала заставила его сохранить, как один из эпитетов Гесера, и это выражение, как оно ни вульгарно.[1]

Далее следуют подвиги Гесера в изгнании, в ущельи Bolǰomur-un Xoγolai, где людей пожирали семь чертей-албинов, ежедневно по семисот человек с лошадьми; не разбирая при этом, „присланы ли они по наряду или без всякого наряда“ (J̌ayaγatai[2] ǰauaγa-ügei bariǰu idenem, S. 25).

[1] Die Thoten, S. 26, прим. 13.

[2] ~ Kešigleǰü ögkü, S. 24.

Перед отправлением в ссылку Гесер слегка открывает свои социально-политические взгляды. Когда мать уговаривает его остаться жить честным трудом около княжеских рабов (örmöge nekeǰü ami-ben teǰigeye-le bide!), Гесер говорит ей: „ты рассуждаешь по-женски... Уйти в горы — сожрут властвующие там черти. Остаться под властью нойона — все равно убьет по привычке к убийству: ведь законы-то у них одинаковы (yosun inu adali buyu!). Выходит, что у чертей и господ — одна правда. Такое же понимание вещей развивается и близкими Гесеру персонажами в виде таких, например, высказываний на социально-бытовые темы: „Кто дом строил — позади сидит, а кто веточки резал — впереди идет" (Ger kigsen kümün — xoyin — a saγuba; gešigu oγtaluγsan kümün urida yabuba). „Пришел сборщик — хуторянам же его и угощать" (Bodoči ireged — Xotači xurim kigči).

Впрочем и на этот раз Гесер не только не дается чертям в обиду, но ловко обделывает с ними выгодное дело, обменяв им на семерку их прекрасных коней семь своих „волшебных" палочек, верхом на которых те и поехали-было по морю, но, разумеется, утонули, а палочки вернулись к своему хозяину.

В том же изгнании Гесер совершает еще один подвиг, но уже религиозный подвиг, подвиг распространения буддийской веры. К Гесеру подкочевала шайка горных разбойников в триста человек (sartaγčin boliyaγčin γurban ǰaγun xara irgen, S. 25) с табуном в триста коней. Сначала Гесер, видимо, задумал просто завладеть их табуном, но не их душами. Для этого он придумал такую хитрость: соблазнив их чудесным хорьком, которого на забаву одолжил им, он поставил условием, чтобы хорошенько берегли это чудо; если же потеряют — штраф в триста коней. Забавная подробность: посылая к Гесеру человека попросить хорька, разбойники велят, вместе с поклоном, передать Гесеру, что он им „немножко сродни" (baxan abaγai bile). Хорек, разумеется, ночью прорыл норку и убежал к хозяину, к Гесеру, который тотчас же пошел к разбойникам и стал требовать или своего хорька, или уговоренный штраф. Издеваясь над „родичем", разбойники советуют ему взять с них штраф силой и спокойно откочевывают своею дорогой. Но Гесер, опять видимо не без помощи своих горных друзей, подкарауливает шайку в ущелье и обвалами камней наводит на бродяг такой ужас, что те вынуждены сдаться на милость победителя. Тут-то Гесер не только завладевает табуном, но и самих разбойников, с их женами и детьми, обращает в буддийскую веру.

Нельзя обойти молчанием, что Гесер дарит ограбленный табун старику Санлуну, а семерку албинских коней — любимому брату, Цзаса-Шикиру. Обрадованный подарком и умиленный подвигом сына, сильно глуповатый старик Санлун, который перед тем не в шутку приходил к заключению, что Гесер — настоящее чертово отродье, теперь с гордостью замечает: „Да. Вижу теперь, что это мой сын: вылитый я!" (Nada ǒgere bile! S. 28).

Далее Гесер, при помощи хитрости и лести, уничтожает мангуса, по имени Jg Tongγoroγ; притворившись ловцом тарбаганов, он подкапывает высокий до неба субурган, на маковке которого восседал этот злой гений, мангус, „затмевая людям свет солнца“ (naran-i kümün-dü ülü üjegülǰü, S. 28). Мангус был низвергнут с высоты и разбился вместе с упавшим субурганом...

Цотон изгоняет Гесера с матерью еще дальше, в страшную безводную пустыню, с несколько ироническим названием „Умирствоpяющего будды“ (Engkireküi-yin ǰu). Здесь, совершив сначала подвиг построения храма в честь Хомшим-бодисатвы, Гесер впервые сводит счеты с князем Цотоном. Подвиг этот по приемам напоминает обращение в буддийскую веру разбойников. Гесер сбивает с дороги и заводит в безводную пустыню богатый караван возвращавшихся из Китая купцов, которые „обладали всеми человеческими сокровищами, кроме одного — кроме пары обыкновенных человеческих глаз“ (Tere xudałdučin-du xoyar xara nidun eče biši ügei yaγuma ügei; ülü čidaxu yaγuma ügei, S. 29). Точно так же, отдавшись на волю победителю, купцы вынуждены по его требованию построить чудесный храм тут же, в безводный пустыне. Отпустив затем купцов, Гесер велит им мимоездом сообщить Цотону, будто этот храм, как и дом Гесера, остались без хозяина, так как Цзуру (Гесер) умер. Алчный Цотон попадает в устроенную Гесером страшную западню, петлею которой тот сначала опутывает коня и всадника, а потом пускает на волю, избив батогами до полусмерти. Семь суток носит Цотона по степям взбесившийся конь, и только правильно веденной облавой удается его, при всеобщем смехе, поймать.

Вскоре после этого Гесер едет в гости к Цотону на пир по случаю свадьбы его сына. По дороге в степи он привязывается к знатному ламе, тоже ехавшему на ту же свадьбу к свояку Цотону, и требует уделить от своих щедрот что-нибудь для свадебного подарка, хотя бы коня, на котором тот ехал, или шубу со своего плеча: ведь он человеколюбец лама (Či xamuγ-i nigülesügči yeke łama buyu!). Возникшая драка грозила окончиться худо для ламы, но, благодаря заступничеству подоспевшего любимого дядюшки Царкина, Гесер отпускает ламу, ограничившись на этот раз угрозами.

Цотон принимает Гесера с подобающей честью: на полу у дверей, не предложив и куска мяса, в то время как все знатные гости едят, пьют и веселятся. Тогда Гесер озорски требует дать ему кусок баранины, который Цотон собирался положить себе в рот; Цотон же в ответ сулит ему всех чертей: и черную землю, и мокроты больных, и всяческую падаль. Постоянно иронизирующий и издевающийся над „господами“ Гесер не пропускает и здесь хорошего случая при всем честном народе осмеять нойона: слушайте, добрые люди, что мне посулил в дар добрый князь-барин: и свою землю и даже ваши болезни! Буду теперь и я, как нойон; не сметь впредь под страхом лютого заклятия (ǰa ügei yeke šibšiγ)

даже корней копать на моей земле, не сметь без моего позволения ни заплакать, ни чихнуть, ни кашлянуть. (Asaγuł-ügei uyiłaxuła-ni, asaγuł-ügei xaniyaxuła-ni: ǰa ügei yeke šibšig, S. 314).

На основании вышеизложенного можно так резюмировать буддологию Гесера и Гесериады, которые явно симпатизируют буддизму, противопоставляя его, повидимому, китайскому конфуцианству, этому „культу мертвых".

Будда заповедал уничтожать в мире социальную неправду, а следовательно уничтожать или обезвреживать лам и нойонов, как „сильных, пожирающих слабых". Ниспосланием в мир таких усмирителей смут заведует Хормуста-тэнгрий со своими приближенными. Следует поэтому знать по именам весь этот штат помощников будды, жизнерадостных, как олимпийцы, и веселых до того, что за попойками и играми способны даже забывать повеления самого будды о ниспослании в мир усмирителей, как это и случилось, например, при ниспослании Гесера. Правда, забывать не совсем, а только... лет на двести... Не следует особенно доискиваться, кто этот будда, олицетворяющий социальную справедливость, что́ кроме этого, самого важного, содержится еще в учении будды, и что́ иное означает нирвана, кроме обыкновенной смерти, между которыми во всех случаях ставится знак равенства. Следует, пожалуй, ставить и храмы в честь воплощений будды и его помощников, но предпочтительнее творить это доброе дело за счет, например, купцов, по самому термину обманщиков и воров, а самые храмы — ставить довлеющими себе, в таких безлюдных пустынях, как знаменитое урочище „Умиротворяющего Цзу", где по безлюдью не заведется лам, почему и не придется предварительно вырывать у них языки, пока они не успели выкусить языки у детей и сделать их навек немыми. В такую веру надлежит и обращать, но только обращать по возможности вольных казаков, как те триста горных бродяг, которых обратил в истинную веру Гесер, применив при этом простейший способ убеждения: сначала навести страх, а потом действовать неотразимой силой силлогизма:

Разбойники: Итак, милосердный Богдо, мы согласны поступить по твоей воле, какова бы ни была твоя воля: если б даже ты и казнил нас лютейшею из казней. (J̌a, xayirxan Boγda, alaxu yin maγu-ber ałabała či, yambar ǰarliγ bołonom? činu ǰarliγ-iyer bołonam! S. 26.)

Гесер: Что там за моя воля? Отдайте моего хорька! (Nada ǰarliγ ügei bišyu? Kürüne-yi minu ača!).

Разбойники: Что там за твой хорек? Поступим по твоей воле! (Kürüne činu ügei bišyu? Činu ǰarliγ-iyer boluiya!).

Гесер: А раз поступать по моей воле, то снимай свои волосы и бороды! Принимай веру и обеты! (Minu ǰarliγ-iyer bołxu bołosa, saxał üsün-iyen ab, nom šaǰin-du oro, bačaγ saxił ab!).

Нет сомнения, что именно эти триста забритых в истинную веру разбойников и составляют впоследствии трехсотенный отряд Гесеровой

гвардии (триста хошучинов), хотя об этом прямо нигде и не сказано. Факт важный и глубоко знаменательный.

Понятно, что в такой запорожской теории веры и способах ее пропаганды лицемерные монахи могут усматривать и злую пародию, и кощунство... Но нельзя совсем отбросить и предположения, что и храмы Гесеру могли созидаться по такой же приблизительно культовой теории, по какой и сам он строит храмы буддийским святыням.

Во второй песне рассказывается об огромном подвиге Гесера по искоренению зла на земле: о поражении черно-пестрого тигра Северной Страны, со сказочно огромным телом и способностью замечать человека уже за сутки пути от него, а за полусутки — его проглатывать. Этот подвиг возмужалому герою предписывают все три его думы, „победоносные сестрицы“ (iłaγuγsan γurban ügüi ni), от имени которых обычно является ему в видении одна последняя, J̌amčo-Dari-Udam, или Царица-Грез. В этот важный поход он берет и старшего брата своего, Цзаса-Шикира, и всех тридцать богатырей, для которых предписывает строгий стратегический план и располагает их войска специальными фалангами. Он называет каждого по военным прозваньям: Ястреб, Беркут, Орел, Барс... Завидел тигра Гесер, увидал тогда его и любимый брат, Цзаса-Шикир, в образе дымящейся горы. Где, где он? Хотят видеть и все прочие богатыри. Не спрашивайте! — говорит Цзаса. Куда б ни влекли нас незримые Гесеровы бразды, туда и пойдем мы не глядя (Daγu ügei yabu ta! Ülü üjekü Geseriin ǰłuγa xaγur bołosa — tegüber yabuya! S. 59). — Северный тигр побежден все же не в битве, а военною хитростью Гесера, который сам бросился ему в пасть и вырвал глотку.

В третьей песне речь идет о своеобразном опыте Гесера: если и не завоевать китайский трон оружием, то стать доподлинным зятем китайского императора и в этом положении упорядочить в Китае дела управления страной.

Выделяя эти две темы (покорения страны Северного тигра и умиротворения Китая) в две особые песни, Сказание тем самым останавливает на них особое внимание, как-будто бы давая повод видеть здесь действительные исторические события в сказочно-аллегорическом изображении.

Китайские подвиги Гесера изображаются так. С горя по умершей жене китайский хан впал в безумие, а сановники его, при таких трудных государственных обстоятельствах, только и делали, что заседали. Умнее всех оказался некий дворянин (darxan), один из семерых братьев — плешивцев, по прозвищу Шалый Пустомеля (Sabaγa ügei sarkiraγuł xuǰiγir. S. 62). Он надоумил обратиться с просьбой об исцелении сумасбродного хана к мифическому государю десяти стран, Гесеру. Но это трудноватое дело! Смеются чиновники: кто же, кроме такого умника, как ты, кто другой сможет найти к нему дорогу? Однако Шалый плешивец разыскивает Гесера, который сначала отказывается — не его дело лечить и развлекать всех своих царьков. (Xamuγ xad-iyan sergegeǰü yabuxu), — но потом

соглашается посетить китайского хана, однако не иначе, как за плату семью головами семи придворных дураков, которых предоставляется, в крайнем случае, заменить целой коллекцией волшебных драгоценностей, равных по стоимости семи дурацким головам китайских сановников. Ханские сановники посмеялись над простотою Шалого и отослали к Гесеру головы всех семерых плешивых братьев, не утруждая, конечно, себя ни поисками фантастических драгоценностей, ни поисками в своей среде других дураков, как на то в простоте надеялся Шалый Пустомеля. Черепа китайских дворян Гесер использует, повидимому, по их привычному назначению: семикратно перегоняет в них крепкие водки для угощения своей небесной бабушки, Absa-Kürče. Ее он изрядно подпаивает и тогда успешно выкрадывает у нее все волшебные драгоценности, нужные для водворения должной справедливости и порядка у трона китайского хана. Эта Небесная Бабушка всегда во главе небожителей, помогающих Гесеру, и оттого у него во всем удача, ему „бабушка ворожит".

Эти волшебные секреты оказываются тем более необходимыми, что по прибытии в Китай Гесеру приходится иметь дело не только с ханским безумием, но и с его последствиями — другими недугами: с ханскими указами, заставляющими народ боготворить покойников, и с ханским провосудием тюремных „адских ям". Вот каков тот характерный указ, который дан по случаю кончины супруги хана, перешедшей в нирвану.

„При таковых наших обстоятельствах плачь все! Кто стоит — плачь стоя. Кто сидит — плачь сидя. Кто в пути — плачь в пути. Кто еще не в пути — отложи и плачь. Кто поел — пусть уж плачет поевши. Кто еще не ел — отложи это дело и плачь".

Собравшись у приказных ворот (Sayid yamuni γadan-a), народ скопом (xamuγ ulus) обращается к властям и говорит: Тут выходит, что не одна эта ханша умерла, а весь народ должен умереть (Ene xatun γaγčaγar ükügsen biši: xamuγ ulus čöm ükükü bayinam! S. 52).

Но дни и ночи хан не выпускает из своих объятий покойницу, а народ дни и ночи плачет. После напрасных попыток урезонить хана тем, что „негоже живому человеку всю жизнь возиться с покойниками" (ükügsen kümün amitu kümün xoyar saγuxu yosun ügei-ǰa, S. 67), Гесер подменяет у спящего хана его покойницу — дохлой собакой; покойницу же выкидывает. Хан совсем-было образумился, сочтя, что такое нехорошее превращение случилось само собой, как естественный результат его содомского безумия, но, по доносу придворного шпиона, Гесера судят и заставляют побывать во всех и всяких „адских ямах", где кишмя-кишат то китайские „ядовитые змеи", то гнезда вшей и муравьев; отведать китайских „темных ям" (темниц) и изощренных пыток палачей. Но над всем этим в веселых песнях смеется победоносный Гесер, а палачи оплакивают гибель одной своей ямы за другой: всех гадов и зверей уничтожает он бабушкиными средствами, а темницу озаряет при помощи ее золотого аркана для поимки солнца и серебряного — для поимки луны.

Все эти аллегории (змеи, вши, осы, звери) не нуждаются в комментариях. Но образ хана, который не расстается с покойницей и изводит народ слишком неумеренным трауром, не представляет ли он сатирической трактовки конфуцианского культа, этого специфического культа китайской бюрократии, „мертвящего культа мертвецов“, доведенного в императорском Китае до уродливой системы церемоний?

Итак, Гесер излечивает китайского хана, и, женившись на китайской царевне, три года водворяет в Китае порядок. Однако, соскучившись по родине, покидает Китай.

Содержание четвертой песни дает борьба Гесера за свое личное счастье. Пользуясь отсутствием Гесера, Цотон, при содействии ревнивой гесеровой жены Рогмо, ухитрился выслать из улуса возлюбленную Гесера Аралго (по прозванию Тумен-чжиргаланг), а та с горя вышла на чужбине замуж за „двенадцатиголовое“ чудовище с несметными богатствами.[1] Три „победоносных“ сестры-думы отказываются в этом случае водить Гесера по трудным „перевалам“ (личной жизни), которые „непроходимы“ для них из-за всяческой „нечистоты“ (Egün-eče činaγši šimnu-yin γaǰar-a buǰar burtaγ maγu buyu, bide ülü ečikü buyu či mini γaγcaγar eči!), и потому-то достижение личных целей происходит здесь за счет несчастий общественных. Гесеру помогает теперь только „стеклышко из огневой драгоценности“ (хрусталь-глаза) (γal erdenitü sil), данный „божьими детьми“ (tenggri-yin köbegüd), с помощью которого можно видеть на том дьявольском перевале (mangγus-ýin dabaγan-du), где стоит день и ночь непроглядный грязный туман (edür či-ügei süni či ondui xab-xara budang metü bayixu bui! S. 89). Гесер находит желанную Аралго и при ее помощи уничтожает противника.

Но в это же время три Ширайгольских хана похищают гесерову жену, Рогмо-гоа (песнь пятая). За честь Гесера вступаются все его богатыри, и все погибают в этой войне, из-за предательства Цотон-нойона. Гесер же, опоенный „забвенным напитком“ любимой Аралго-гоа, девять лет праздно живет в богатом дворце убитого им „двенадцатиголового Мангуса“. Но и в праздной дремоте все нет-нет да и напомнит ему о забытом долге, о забытых богатырских делах и битвах: и смеющаяся над ним старуха, у которой за время гесерова безделья корова одряхлела до того, что рога поистерлись; и язвительный ворон, смеющийся ему в лицо; и хитрая предприимчивая лиса; и письма Рогмо о гибели любимого брата и всех его богатырей. Но только родимые „тибетские журавли“, в которых обернулись его думы-сестры, выводят его из гибельного забытья. Тогда Гесер до корня истребляет все богатства, и оставив на службу себе только „душу“ богатств — души животных, выступает мстить всем своим врагам, начиная с Цотона.

Пятая песнь Гесериады, составляющая более трети всего изданного сказания, сложнее и обильнее других по сюжету и разнообразию тем.

[1] Все вообще оборотни и чудовища, приводимые в Сказании, оказываются богачами.

Для любителей сопоставлений она могла бы представлять своего рода монголо-тибетскую Илиаду-Одиссею, как это можно видеть из следующего „оглавления",[1] приводимого здесь вместо более подробного изложения этой центральной части сказания. Ворон-посол доносит трем Ширай ольским ханам о безвестной отлучке Гесера, о покинутых его сокровищах и о прекрасной Рогмо-гоа, которая подстать в жены Ширайгольскому царевичу. — Смотрины-разведка и сборы Ширайгольцев в поход. — В ставке Цзаса-Шикира решено воевать с Ширайгольцами и сосредоточить войска у Гесеровой ставки „Красная Мурава" (Ulaγan jölgen, S. 112). Цзаса-Шикир, во главе отрядов витязей Шумира и Нанцона, выступает на разведку: истребление ими передового заслона Ширайгольцев (триста хошучинов), угон табунов противника и распространение в его рядах паники ложными слухами о возвращении Гесера. — Подстрекаемый юным богатырем Нанцоном, Цзаса-Шикир оставляет свой благоразумный план отступить и перейти в оборонительное положение до полного сосредоточения армий: он начинает наступательную войну. — Единоборство Банджура и Шестипалого. Единоборство Красноглазого и Шимцу. Двойное единоборсто Нанцона, сначала с Арамджу, потом с Турген-бирова. — Цзаса убивает Шестипалого, который из засады ранил едва оправившегося Нанцона, а также Буйдона Вещего и Кунгена-Врача. Он исцеляет раненых. — Обманутый вестью предателя — Цотона об отступлении врагов, Цзаса распускает армию и сам покидает ставку Гесера. — В виду наступающего неприятеля Рогмо-гоа сама организует оборону, но безуспешно. — Захваченные событиями врасплох, все тридцать витязей Гесера, действуя по одиночке или небольшими отрядами, погибают, — Цзаса-Шикир „уснул" на поле битвы у реки Хатунь, „захмелев от ее воды, кипевшей кровью" (подкрался враг и снес ему голову). Рогмо вселяет его душу в Коршуна. — Письма Рогмо-гоа из плена пробуждают Гесера от дремоты безделья. Он завершает истребление богатства — „мангусова чертова семени" и едет на родину вместе с Аралго. — По пути в Тибет Гесер „обогащается" лошадьми, встретив беспечного сотоварища по этим делам, Сегельтея. — Гесер в своих ставках на ур. Нулум-Тала и Красная Мурава. Встреча с родными, наказание Цотона. — Начало выступления против Ширайгольцев: уничтожение заставы при Хатунь-реке, обезврежение назвавшегося в сподвижники Цотона. — На священном холме Кюселенг-ова Гесера встречает тень любимого брата Цзасы и вопиет об отмщении: Цзаса просит добыть ему сердце своего убийцы, а души коварных Ширайгольских витязей ниспровергнуть в преисподнюю не иначе, как коварством же. — При помощи стрелы „исманга" Гесер устанавливает незримую связь с Рогмо. Заклинает священную гору Ширайгольцев, Цзабсан-кюмэ. В образе дряхлого нищего Гесер уничтожает главную шаманку у врагов и заключает тайный союз с племянницей

[1] Все песни разбиты мною на главы.

ханов Ширайгольских. — Под видом Ольджибая-Найденыша он разрушает святой ширайгольский бел-камень и в единоборстве уничтожает всех главных ширайгольских витязей. — Гесер показывает Рогмо воочию, как она „пьет у мужа кровь сердца". — Успокоив тень Цзасы и примерно наказав Рогмо, Гесер возвращается в свою сказочно-счастливую ставку Нулум-Тала.

Таким образом до 14-й главы пятая песнь содержит повесть о Ширайгольской войне, возникшей из-за похищения жены Гесера, прекрасной Рогмо-гоа (Илиада), а с 16-й и до конца — о возвращении Гесера домой и наказании врагов (Одиссея).

По конструктивным условиям настоящей работы, имеющей, между прочим, в виду дать возможно более полное представление о Гесериаде, независимо от самого ее текста, представляется необходимым иллюстрировать эпические моменты этой песни несколькими цитатами.

Ниже приводится один из эпизодов своеобразных единоборств, которые включаются обычно в изображение разведочного поиска: витязь, произведя переполох в тылу противника, угоняет его табун и затем вступает с витязем противника, отряженным для преследования, в состязание, призом которого будет угнанный табун. Так было и с „Ахиллом" Гесериады, героем Нанцоном, принимающим вызов Турген-Бироа, который избирает стрельбу по гусям.

— Согласен! — отвечает Нанцон.

Тогда Турген-Бироа, с видом человека, натягивающего стрелу для выстрела по летящим в вышине гусям, в ту минуту как Нанцон взглянул вверх, стрелою пронзает ему напролет обе подмышки. Встает упавший было Нанцон, разворачивает свое суконное в девять сажен-алданов полотнище и плотно обвязывает обе подмышки, из которых била ключем черная кровь. Остановив кровь, он выругался:

— Отца твоего башку! Разве же это не подлый трус? Не так ли ты поступил, как баба, которая в ссоре с другой исподтишка пырнула ее ножницами? А я, разве я не Нанцон, муж-богатырь, по прозванию Арук Сеймегей, которому не подобает умереть от одной паршивой стрелы? Покажу я тебе одно мое диво-искусство, а ты, воротясь, подиви им, негодный, трех своих ханов!"

Мишенью для стрельбы „на приз" Нанцон выбирает хворостинку на шапке противника, которую он перебьет выше маковки шапки и ниже насаженного на хворостинку аргала. Противник для выполнения условия о расстоянии поворачивает тыл, чтоб отъехать; но надмеваясь своею хитростью обманут и сам: Нанцон улучает момент „на-смерть пронзить стрелой и панцырь и самого врага, по самой середине тела".

Вскочил Нанцон на своего бурого, на своего буро-саврасого коня а отсеченную голову врага прицепил вместо красной кисти — „монцок" к нагрудному ремню у коня. Взял он и лошадь врага и, гоня перед собою весь свой табун, едет хребтом Элесту-улы. По пути, в безводной мест-

ности, течет-течет кровь его, и припал он к луке изнемогши. Когда склонится он на правую сторону, буро-саврасый конь будто поддерживает его, дает ухватиться за правую сторону своей гривы. Когда склонится он на левую сторону, подставляет ему левую сторону своей гривы. Но нечаянно припал он к луке по-над гривой коня, и не успел еще конь выше приподнять голову, как упал Нанцон без сил. Уже приближаются два волка, чтоб жрать его тело, два ворона — чтоб выклевать ему глаза. Но стал его бурый конь, стал, оградив Нанцона четырьмя своими ногами, и плачет, вспоминая Нанцона:

— Сокол мой, по вольной воле гуляющий в синем небе, ужели мог ты попасться в птичью сеть? Кит мой, по вольной воле гуляющий в глубоком море, ужели мог ты пойматься в пустые ладони? Нанцон, мой родимый, племянник Гесер-хана, по вольной воле живущего на покрытой лугами Златонедрой Земле, ужели демон-шимнус мог сжать тебя в своем кулаке? Ведь тридцать богатырей сошлись-слились, словно звуки одной лютни-хӯр'а, словно коленца одного камыша. А мы, тридцать бурых коней, сошлись-слились, как крылья одной птицы. Ужели тебе, мой родимый Нанцон, тебе, сыну могучих тэнгриев-небожителей, суждено пасть от руки человека этой земли, Чжамбутиба? Ужели тебе, мой милый, болезный мой Нанцон, тебе, рожденному по повелению царственного неба, подобает пасть от руки черноголового человека?

И он отгоняет волков, продолжая плакать:

— С той минуты, как я позволю вам съесть драгоценное плотское тело его, кто же, кто сможет тогда назвать меня его буро-саврасым конем?

Подойдет пара волков сзади — лягнет, подойдет спереди — кусает и бьет и продолжает плакать.

Вдруг Нанцон немного пришел в себя. Лежа на земле и едва в силах выглянуть из-под ног коня, говорит он такие слова:

— Ах, двое воронов! Не только эти глаза мои, но и все мое бренное тело кому же достанется? Но пред обедом своим слетайте к тридцати богатырям и передайте им мои слова. Скажите им, что благородный[1] Нанцон в наступательной битве с ненавистным врагом полонил его дочерей и сынов и уж близко он, гоня их перед собой по хребту Элесту-улы. Скажите им, что он смертельно изнемогает от жажды в безводьи: просите их подать мне воды. Но много надо говорить, чтобы пересказать эти речи, а тридцать богатырей не понимают птичьего языка: обратитесь же, вороны, к Буйдону-Вещему!

Другая зарисовка: сетования гесерова коня. В бездействии и богатстве Гесер начинает скучать и тяготиться чрезмерным вниманием Аралго. Прилетают „родные тибетские журавли“ с тяжелыми вестями, от которых Гесер сотрясся в рыданьях. Запертый в жалкий хлев ревнивою Аралго,

---

[1] „Дорогой их“. Мы оставляем в своем переводе такую передачу слова erdenitü, понимая слово благородный, конечно, не в дословном смысле.

конь его слышит гесеровы рыданья и „не в силах удержать своего гнева“. Разбивает путы и двери, подбегает к балкону Гесера и говорит:

— „Не хороши, видно, стали тебе и твой старший брат, благородный Цзаса, и тридцать твоих богатырей, и ставка твоя — полная чаша и все твои доспехи. За то милы тебе стали прожорливый мангус и супруга его Аралго-гоа. А теперь вот плачешь ты, видно, оттого, что не знаешь, куда себя девать!“ И до того прогневался честный конь, что сбежал в горные табуны диких лошадей, наотрез отказавшись выступать с Гесером в запоздалый поход. Охотясь по пути в горах на диких лошадей и мулов, Гесер узнает вдруг среди них своего вещего гнедого:

— Стой, мой вещий конь гнедой! Я хочу стрелять на-скаку диких лошадей и мулов. Если ты не остановишься, отшибу у тебя все четыре копыта!

Подбегает тогда вещий гнедой конь и, положив голову на шею (нового) гесерова бурого коня, со слезами говорит такие слова:

— Делает, бывало, моя Рогмо-гоа седельную подушку — олбок, так делает из атласа-маннук, именуемого хонхойя: пусть, говорит, седло будет видным! Делает, бывало, оторочку ленчиков-горби, так делает из золота: пусть, говорит, блестит! А попоною покрывает соболиною: в зимнее время, говорит, холодно! А кормила, бывало, по три раза в день, ячменем с пшеницею. В летние дни привяжет, бывало, в тенистом месте, а в полуденный зной даст испить ключевой воды. И угощает, бывало, и сахаром, и финиками, которые впору есть только благородным людям. А в ночное выгонит, бывало, на подножный корм: тоже ведь животина, говорит... Разлучен я и с Рогмо-гоа моей, и с тридцатью богатырями, во главе с Цзаса-Шикиром; разлучен и со всеми твоими близкими. Загнала́ меня Тумен-чжиргаланг в глухой загон, загнала̀ и заперла... Вот причина моих горестей и слез!“

Под влиянием неверной жены Рогмо-гоа, связавшейся с богатым ламой-оборотнем, Гесер в первый и последний раз изменяет свое холодное отношение к ламам: на этот раз (Песнь шестая) он соглашается принять у этого ламы благословенье, но только после многократных уговоров жены, которая, наконец, доказала ему, как этот богатый чужестранец лама до расточительности щедр к сирым и убогим (mani ügei yadaγu-du) гесерова улуса. Конечно, лама не замедлил превратить Гесера из простого рогоносца в осла, на котором и стал перевозить свои зловредные, напускающие порчу, тяжести.

Зато и Гесер, освободившись не без труда от ламского наваждения, так расправляется с этим врагом, что не оставляет даже и его „чортова семени“.

Гесер спасает затем (Песнь седьмая) свою мать из ада, в который та попала по механистическому правосудию управителя этого учреждения, Эрлик-хана: яма за яму; за ту яму, в которую мать когда-то хотела закопать своего „незаконного“ сына, малютку Гесера. Гесер с глумлением

отвергает такую „правду“ Эрлик-хана, правду хана адских чертей, и возводит мать в царицы фей-дакинисс (лучших своих сыновних дум); а мать и в аду, в адских „горьких полынях“, которыми она там питается (aγi-šibaγ tegüzi idejü yabunam bile. S. 188), все твердит данное ею когда-то мальчику Цзуру-Гесеру прозвище: „родной мой, соплячок Шилу-Тесве (за правду терпящий?). Здесь же в аду Гесер прямо называет своим земным (т. е. единственным) отцом — горного царя-атамана, Ова-Гунчида.

Мы еще раз должны вернуться к обстоятельствам рождения героя сказания, которые при ближайшем рассмотрении вскрывают с самого же начала, тот идеологический стержень, на котором держится все произведение.

По поводу того, что времена на земле стали смутными (čaγ samaγu boloγsan. S. 1, 2, 5), боги „составили между собой великий пир“-совет (öber jaγur-a ben yexe xurim kibe, S. 2), а люди — „составили сход“ (xara-terigüten čiγulγan čiγulba, S. 5). И оба схода признали необходимость особого искоренителя смут. Сход князь-Цотонова улуса, или знаменитое всеязычное собрание на урочище Кюселенг-ова, при помощи прорицателей-ворожеев, решил, что такой именно искоренитель смут, Гесер-хан, должен родиться от дочери некоего Го-баяна (из соседнего улуса) и одного из бывших на сходе ворожеев, по прозвищу Ова-Гунчид, горный царь-атаман. Князь Цотон, по-своему понимавший „смуты“, глубоко возмущался бреднями своих холопов о герое-избавителе и „в отместку“ (ösiyedejü, S. 6) им придумал план провести (arγa sedkjü), и своих холопов, а за одно и их небесных патронов: он решил сам жениться на этой красавице, а уже его-то сын будет понимать смуту как следует. С этою целью он забежал вперед улусного ополчения, тронувшегося добывать невесту, и, запугав Го-баяна грозящим якобы ему нападением, сам воспользовался суматохой и захватил невесту Амурчилу для себя; но на беду та серьезно себя искалечила при падении с лошади. Тогда Цотон, опасаясь браком с калекой уронить свое дворянское достоинство (minu nere xamiγa baγtam? S. 6 — куда денется мое доброе имя?), решил сбыть калеку своему „старшему братцу“ (axa-daγan), очевидно, захудалому дворянину, дряхлому старику Санлуну, при этом он рассчитывал, что, если Амурчила поправится, не трудно будет потом ее и отобрать (xoyin-a abxu-du sayin) от старика, обвинив того хотя бы, например, в „злостном неплодии“, не оправдавшем надежд народа; но вот Санлун вылечил Амурчилу, и та стала опять красавицей, пуще прежнего. Цотон этого „видеть не может“ (üjen yadan, S. 6) и сейчас же выступает в народном собрании обвинителем Санлуна:

— Известно, как трудно нам было добыть (походом) женщину такой удивительной красоты (Eyimü sayixan γoa-üjeskülengtei eme ma da oldaxu berke bülüge, S. 6). Известно также, что, по предсказанию, от нее должен родиться необыкновенный сын (Egün-eče sayin köbegün törö ü gei gejü bile!). Но вот этот необыкновенный сын все что-то не родится (Sayin köbegün

ese töröbe). А значит и сама смута идёт от этой вот четы! (Ene čaγ samaγu boloγsan či ere eme xoyar-eče bolba!). А потому давайте-ка их обоих изгоним (xoyari kügejü orkiya!), а Санлуна отлучим при этом от прежней его семьи и хозяйства (uridaxi eme ger mal-i xaγajaγulu abuya!) — Вследствие этого... их и сослали (čölöjü ilegebe, S. 7).

При этом Цотон, как бы в насмешку над таким явно бесплодным браком, наделяет ссылаемых самками всех домашних животных пестро-рябой масти — символ плодородия еще с библейских времен. Цотон рассчитывал, что плодовитости старика Санлуна не поможет и пустынное уединение, а стало-быть скоро Амурчила достанется ему. Но в пустыне-то ей и явился „горный царь" со всеми признаками настоящего плодородия: и пестрый бунчуг, и пестро-барсовая борода, и пестро-барсовая шапка и тигрово-пестрая шуба и пестрые сапоги... Таким показался он на троне в горной пещере и Амурчиле и остальным двум волхвам, дежурившим со времени схода на холме Кюселен-ова в ожидании знамения о том, что сбудется их предсказание.

— Как нельзя более устал я в эту ночь! — изрек горный царь. И в испуге убежала домой Гекше-Амурчила (забеременевшая сразу четверней). И волхвы разошлись убежденные, что теперь сбудется...

Таким образом уже самое появление Гесера на земле, так страстно ожидаемое „черноголовыми", происходит вопреки намерениям и планам их господ и сразу же обнаруживает два диаметрально противоположных понимания смуты, два класса с противоположной социальной идеологией.

Когда затем Гесер чудодейственной пастьбой обогатил ссыльного старика, естественно у него и у Амурчилы теперь одна забота, как бы добиться если не отмены, то смягчения приговора о ссылке и запрещении, условно наложенном на имущество Санлуна и его прежнюю семью: ведь ребенок так или иначе родился, хоть, повидимому, не только не божественный, а скорее чортов отпрыск. Вот почему, когда старик начинает похваляться, что счастье ему по молитвам, жена замечает ему: „Чем же ты тут не прав? Я-то уж вот как уверилась в твоих молитвах! Но вот если бы приговор оказался постановленным не в серьез, вот тогда бы можно сказать, что ты необыкновенный молитвенник. А то ведь кому же у нас за скотом-то этим ходить!" (Ünen biši yaγubi tere čini? Činu iröger-i bi kübčin kedü-yin medegšen bile bi! Adabiši irögertei bišüü-či, gejü, xuγurču jariliγ bolba — ene mal-i biden-i ken xadaγalam? S. 13). По таким ее речам (gejü) поехал Санлун в главные кочевья своего улуса (yeke ulus — taγan ečibe), явился к Цотону и при всем народе говорит: „От твоей невиданной красавицы, которую ты из ненависти сослал, родился дрянной мальчишка. Дрянной — так устроим его; хорош — так посадим его ханом. Но ведь как бы он ни был дурен, но право-то на простое устройство имеет (saγulγaxu jišiyetei-le bolba, S. 14). Значит, мне обязаны вернуть все мое: и семью и хозяйство!" (Eme küked ger mal-i minu nada ača! gebe). — Разве старик Санлун в чем не прав? — сказал весь улус (bügüde ulus), и присудил вер-

нуть (geǰü ögbe) ему полностью и семью, и все хозяйство (tede bügüde-yi bołtu ögbe). Забрал все свое старик Санлун и вернулся к себе (в изгнание).

Здесь уже народное собрание, не давая себя обойти никакими уловками Цотона, решительно становится на сторону Санлуна, хотя уже всем известны были и первые подвиги Гесера в виде истребления оборотней — ламы и черного ворона.

Итак в этих эпизодах,[1] связанных с рождением героя, как и в прослеженной его деятельности, вскрываются симпатии и антипатии борющихся классов в монгольском обществе с такой ясностью, что нет больше надобности в дальнейшем раскрытии длинного ряда аллегорий, рассыпанных в сказании щедрой рукой. Таковы, например, и черные „забвенные напитки“ (Baγ neretü xara önggetü idege, S. 104, 140 и др.), которыми опаивает Гесера его скрываемая от народа, но единственно любимая как бы „незаконная“ жена Аралго-гоа (Она же Tümen ǰirγałang.-Arałγo-γoa xatun-iyan ołan ułus eče niγuǰu, S. 75), тогда как другие его официальные жены, знатные ханши, не дают ему тех забвенных напитков, которые способны надолго удержать героя, вечно тоскующего по в о л ь н ы м с т е п я м. Такова и сама, простонародная его Аралго-гоа, чистейшая шаманка в своих думах и сетованиях, которая и Гесера именует просто, без всяких буддийских украшений, — сыном Вечного Синего Неба и покрытой лугами Златонедрой Матери Земли — Этуген (Kürüsütü Ałtan Delkei Etügen-Eke). Таково и „воскрешение“ Гесером павших богатырей: он восстановляет их в поколениях (üre ündüsün-i tegüsugsen, S. 179). И только в последующих песнях (VIII) для сказочных подвигов в жанре китайских романов (IX—XV) он прибегает и к сказочному воскрешению их, одухотворяя их славные тени в образах Орлов, Львов, Слонов и Тигров...

При этом ирония, явная и скрытая, иногда переходящая в тона ядовитого сарказма, достаточно густо насыщает все те моменты, где изображается в той или иной форме столкновение двух противоположных социальных миров.

В виду изложенных соображений я нахожу теперь уже возможным поставить вопрос о том, не является ли Гесериада исследуемой версии монголо-тибетским литературным памятником, возникшим в эпоху смут (samaγu čaγ), в эпоху величайшего обострения классовых противоречий в современном памятнику монголо-тибетском мире (быть может и XVI—XVII вв.) под влиянием волнений и войн, а вместе с тем и в эпоху наивысшего расцвета монгольского литературного творчества. При этом памятник, в монгольской его версии, оформлен, повидимому, в монгольской среде, территориально и культурно наиболее близкой к Тибету, и

---

[1] Имевшийся в литературе единственный вышеупомянутый перевод Гесериады как в этом важнейшем эпизоде, так и во многих других, — по характеру перевода, отразившего на себе в одинаковой мере и специфическую трактовку памятника и языковедческие средства своей эпохи, — не дает достаточных оснований для освещения его с намеченной нами стороны.

отразил на себе по преимуществу и прежде всего влияние столь распространенного в Тибете сатирического жанра. С этой точки зрения Гесериада может быть определена как аллегорическая поэма-сатира, с острием сатиры, обращенным в сторону господствующих классов — духовных и светских феодалов, современных памятнику.

Вместе с тем поэма включает в себе и элементы народного эпоса и отражает также в своей тематике разнообразные литературные и изустно-народные влияния. Сложена при этом в таких сказочных тонах буддийской вульгарной легенды, ирония так прикрыта буддийско-шаманским орнаментом, что действительный смысл и значение поэмы не могли быть легко понятными. По крайней мере европейцы никогда не усматривали в этом произведении его сатирических тенденций.

Целый ряд проблем о Гесериаде требует еще своего научного разрешения, и это обстоятельство лишает пока возможности дать на все только-что поставленные выше вопросы утвердительный ответ. Но вопрос об определении памятника как аллегорической поэмы-сатиры может, пожалуй, считаться решенным, обусловливая в известной мере разрешение и других.

Однако социологический анализ этого важнейшего памятника монгольской литературы, который несомненно имеет огромную социальную значимость, соразмерную с огромной популярностью его, может стать доступным не ранее разрешения всех этих вопросов, и в первую очередь вопроса о твердом приурочении этого памятника к точно определенной эпохе и социальной среде.

С. А. Козин

Май 1930.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

1. ЗАБЫТОЕ ПОВЕЛЕНИЕ БУДДЫ

В давние времена, еще перед тем, как будда Шигемуни[1] явил образ нирваны,[2] тэнгрий[3] Хормуста[4] отправился к нему на поклонение, и, когда прибыл и поклонился, будда заповедал тэнгрию Хормусте:

— По прошествии пятисот лет в мире настанут смутные времена. Возвращайся к себе и, когда пройдет пятьсот лет, пошли одного из трех твоих сыновей: пусть он сядет в том мире на царство. Сильные будут пожирать слабых, дикие звери станут хватать и пожирать друг друга. Если отправится один из трех твоих сыновей, он сделается царем, владыкой сего мира.

— Смотри только, предавшись своим радостям, не проживи дольше пятисот лет, но пошли сына своевременно, как мною указано.

— Истинно так, — сказал будде тэнгрий Хормуста и возвратился к себе.

Но возвратясь он позабыл повеление будды и прожил целых семьсот лет.

Вдруг сам собою разрушился — по западному углу, на целых десять тысяч бэрэ,[5] кремль его великого града Сударасун.[6] Тогда все тридцать три тэнгрия, во главе с самим тэнгрием Хормустой, взялись за оружие и направились к разрушенному месту кремля, недоумевая:

— Кто бы мог разрушить этот наш кремль, раз нет у нас злых врагов? Разве что полчища Асуриев[7] могли разрушить его?

---

1 Сакьямуни.

2 Скончался.

3 Санскр. Дэва — гении-божества.

4 Индра.

5 Снскр. yôdjana. Parasanga — миля в 1000 саж.

6 Обиталище Хормусты, владыки 33-х тэнгриев.

7 Снскр. Asoura — злые гении.

Но лишь только они приблизились, стало очевидно, что кремль разрушился сам собой, и вот все тридцать три тэнгрия, во главе с Хормустой-тэнгрием, рассуждали между собой, от какой же именно причины мог разрушиться кремль, и тогда за беседой Хормуста-тэнгрий стал вспоминать:

— Еще перед тем, как будда Шигемуни явил образ нирваны, я был у него на поклонении, и заповедал мне будда после поклонения ему, чтоб по истечении пятисот лет я послал на землю одного из трех своих сыновей. В мире, говорил он, настанут смутные времена: сильные будут хватать и пожирать слабых; дикие звери станут пожирать друг друга. Но я забыл про этот завет будды, и вот живу не пятьсот, а уже семьсот лет.

2. СОВЕТ НА НЕБЕ

И составили между собою великий совет: тридцать три тэнгрия во главе с тэнгрием Хормустой. И отправил Хормуста-тэнгрий посла к трем своим сыновьям.

Посол обратился к старшему из братьев, по имени Амин-Сахикчи,[1] и сказал:

— Любезный мой. Твой батюшка, Хормуста-тэнгрий, послал меня передать тебе его повеленье итти в мир и сесть на царский престол.

Амин-Сахикчи отвечал:

— Я — сын Хормусты-тэнгрия. Однако, хотя бы я и отправился, что из этого выйдет? Ведь я не смогу сесть на царский престол. Если же пойдет на землю сын самого Хормусты-тэнгрия и не сможет сесть на царство, то он только уронит тем славу и власть царственного родителя. Я бы очень хотел и не то что отказываюсь итти, но я докладываю так единственно по неспособности своей занять царский престол.

Приняв этот ответ, посол отправился к среднему брату Уйле-Бутугекчи.[2]

— Любезный мой, — сказал он. — Я имею передать тебе повеление твоего батюшки итти в мир и сесть на царство.

Уйле-Бутугекчи отвечал:

— Разве я не сын Хормусты-тэнгрия и разве живущие в мире существа не люди Златонедрой Земли? Я хоть бы и отправился в мир, все равно не смог бы сесть на царство. Наконец, причем тут я? Ведь есть, кроме меня, старший брат: разве не уместно было бы ему, Амин-Сахикчи, и сесть на царство; или, может быть младшему брату, Тэгус-Цокто?[3]

Когда посол отправился, затем, к Тэгус-Цокто, и передал ему то же самое повеление, Тэгус-Цокто отвечал:

---

[1] Жизнехранитель.

[2] Делоисполнитель.

[3] Всесветлейший.

— Если судить по старшинству, то надо было бы итти старшему брату, Амин-Сахикчи, или среднему — Уйле-Бутугекчи. Причем же я? Пойти-то я и пошел бы, но вдруг я окажусь неспособным: а разве мне дела нет до славы и власти царственных моих родителей?

Так ответили послу три сына Хормусты, и, приняв их ответы, посол предстал пред тэнгрием-Хормустой и тридцатью тремя тэнгриями:

— Вот полностью ответы трех твоих сыновей — доложил он.

Тогда Хормуста-тэнгрий приказал позвать к себе трех своих сыновей и, лишь только те явились, встретил их такими словами:

— Я посылал вас в мир не по пустому предлогу, уверяя, что в мире наступили смутные времена. Но я посылал вас в силу заповеданного мне повеления будды. Не мои ли вы сыновья? — думал я. — Однако выходит, что отцом-то оказываетесь вы, а я — ваш сын. Что ж? Садитесь втроем на мой царский престол и исполняйте все мои обязанности, каковы бы они ни были.

После того, как Хормуста-тэнгрий произнес эти слова, три его сына сняли шапки и, став на колени, поклонились.

— О, царь наш, батюшка! — сказали они. — Зачем изволишь говорить такие слова?

И Амин-Сахикчи продолжал:

— Мыслимо ли не пойти по приказу своего царственного родителя? Однако можно и пойти, но не суметь сесть на царский престол. А разве к славе вашей будет, если земные люди станут глумиться, говоря: Как же это так? Явился сын самого Хормусты-тэнгрия, Амин-Сахикчи, и не сумел сесть на царский престол. Ужели мне отправляться с мыслью, что я лишь по имени сын тэнгрия? И можно ли сказать, что я взвожу напраслину на своего младшего брата, доказывая, что этот Уйле-Бутугекчи, все, кажется, может: взять, например, стрельбу из лука на играх по окончании великого пира у семнадцати тэнгриев сонма Эсроа, и что же? Этого Уйле-Бутугекчи не превзойдет никто, он сам превзойдет всех; или, например, когда точно так же затеваются игры, с состязаниями в стрельбе из лука или в борьбе у преисподних драконовых царей, опять никто не осилит его. Во всевозможных искусствах и познаниях этот Уйле-Бутугекчи — совершенный мастер. Ужели же отправляться нам с мыслью, что мы лишь по имени сыновья тэнгрия? Ему же хоть и отправиться — будет по силам.

И сказали тридцать три тэнгрия:

— Действительно, во всем справедливы эти речи Амин-Сахикчи. В чем бы мы ни были доблестны и что бы ни затевали — стрельбу ли, борьбу ли — во всем он превосходит и побеждает всех нас. Поистине справедливо сказал Амин-Сахикчи.

Так отозвались тридцать три тэнгрия, и Тэгус-Цокто прибавил:

— Говорить ли о том, что и я могу лишь подтвердить решительно все ими сказанное? Все это — чистейшая правда.

3. РЕШЕНО ПОСЛАТЬ НА ЗЕМЛЮ СРЕДНЕГО СЫНА ХОРМУСТЫ

И опять сказал Хормуста-тэнгрий:

— Ну, Уйле-Бутугекчи! Вот что все они говорят. Что же теперь скажешь ты сам?

— Что я скажу? — отвечал он. — Прикажет царь-батюшка итти — и пойду.

— Родитель мой, Хормуста-тэнгрий! Дай мне свой черносиний панцырь, сверкающий блеском росы; дай мне свои наплечники цвета молний, дай мне главный свой белый шлем, на челе которого изображены рядом солнце и луна; дай мне тридцать своих белых стрел с изумрудными зарубинами и свой черно-свирепый лук; дай мне вещую саблю свою с тремя злато-черными перепонками; дай мне всюду прославленный золотой свой аркан. Дай мне большую секиру свою, булатную, весом в девяносто и три гина,[1] а также и малую булатную секиру свою, весом в шестьдесят и три гина. Дай мне и девятирядный железный аркан свой. Будь же милостив все это полностью мне ниспослать, лишь только свершится мое возрождение в мире.

— Хорошо, дам! — отвечал Хормуста, и Уйлэ-Бутугекчи продолжал:

— Ниспошли мне на землю трех сестер-хубилганов:[2] пусть родятся они там в мире из единого чрева со мною и пусть переродитесь в них вы, три тэнгрия, из сонма тридцати трех тэнгриев. Одного же из великих тэнгриев, в моем собственном образе, ниспошли старшим их братом-хубилганом, а остальных тэнгриев твоей свиты ниспошли мне в образе тридцати моих богатырей. Не для собственной своей прихоти домогаюсь я, чтоб вас, тэнгриев, непременно послали в мир, нет: все это я прошу, имея в виду, что если сын Хормусты-тэнгрия, придя в мир, не сумеет сесть на царство и будет превзойден людьми, то чем иным будет это для вашего имени, как не злом? Если же, напротив, он уничтожит докшитов[3] и возрадует живущих, чем иным это будет, как не благом?

И Хормуста-тэнгрий, и все тридцать три его тэнгрия рассудили так:

— Что же неправильного в этих словах Уйле-Бутугекчи? Разве мы можем хоть чем-нибудь поступиться для успеха его посольства? Мы дадим решительно все.

— Слушаю, — сказал Уйле-Бутугекчи. — Но я полагаю также, что, раз ни мой старший брат Амин-Сахикчи, ни младший мой брат Тэгус-Цокто не согласились отправиться на землю, то очередное право наследования родительского престола будет за мною; после того, разумеется, как я потружусь в мире на пользу живых существ.

---

[1] Китайская мера веса; 1 чжин или гин = 0.5 кило.

[2] Воплощения потусторонних сил.

[3] Свирепые демоны.

И снова в ответ было изъявлено согласие.

— Дай мне, родитель мой, и великий твой меч, целиком отлитый из бронзы.

— Дам! — был ответ.

— Милостиво ниспошли мне, когда свершится мое возрождение в мире, и прекрасного коня, которого не превзойти никому из живущих.

— Хорошо, дам! — был ответ.

4. СОВЕТ НА ЗЕМЛЕ. ПРЕДСКАЗАНИЕ О РОЖДЕНИИ ГЕСЕРА

Вслед затем и на земле, по случаю наступивших смутных времен, собирался сейм возле обо,[1] называемого Куселенг: собирались не только все люди черноголовые, но и птицы, и все — триста языков живых существ — и божественная белая дева Арья-Аламкари, переводчиком.

Трое приготовили для метания жребьи: Моа-Гуши, славный Дангбо, и горный царь, Оа-Гунчид. Говорит им Арья-Аламкари:

— Киньте гадальные жребьи, вы, три волхва, и узнайте: родится или нет такой царь, который будет в силах прекратить в мире смуту?

Бросил жребий Моа-Гуши, и после метания жребия сказал:

— Должна родиться Боа-Донцон-Гарбо: тело у нее будет хрустальное, зубы белоснежные, голова птицы Гаруди,[2] волосы — злато-желтыми гроздями, а по концам волос как будто рассыпаны цветы с дерева Ута.[3] И если родится она, то будет владычицей вышних тэнгриев.

— Так, — сказала дева. Бросайте следующий жребий. Бросил жребий волхв, славный Дангбо, и бросив сказал:

— Должна родиться Арья-Авалори-Удкари, светлосияющая с ликом палево-красным. Верхняя часть ее тела будет как у человека, нижняя — как у змея, царя драконов. И если родится она, то будет владычицей ханов-драконов.

— Так, — сказала дева. Теперь бросай жребий горный царь, Оа-Гунчид! Жребий брошен.

— Должна родиться белоснежная Чжамцо-Дари-Удам, сиянье которой осияет десять стран света. Если ж родится она, то будет владычицей дакинисс[4] десяти стран света.

— Пусть еще раз кто-нибудь из вас бросит жребий, — говорит дева. Жребий бросили:

— Должен родиться Гесер-Сэрбо-Донруб. Верхняя часть его тела будет исполнена признаков будд десяти стран света; средняя — признаков

---

[1] Священный холм из камней.
[2] Санскр. Garuda — баснословная птица.
[3] Санскр. Utpala — водяная голубая лилия.
[4] Фея, волшебница, „шествующая по воздуху".

четырех великих тэнгриев,[1] нижняя — четырех великих царей драконов.[2] Если же родится он, то будет милостивым, премудрым Гесером, государем десяти стран света,[3] владыкой этого Джамбутиба.[4] И еще спросила небесная белая дева Арья-Аламкари:

— Как все они родятся: от одного отца с матерью или же от разных отцов-матерей? И кто именно будет их отцом, а кто матерью?

Снова был брошен жребий и последовал ответ:

— Отцом их будет здесь присутствующий горный царь Оа-Гунчид, а матерью — Гекше-Амурчила, дочь Го-Баяна.

— И так, сказала небесная дева, они родятся от одного отца с матерью, очевидно для того, чтобы помогать друг другу. Известны, следовательно, их отец и мать, но откуда же последует милость возрождения на земле?

Тогда волхвы отвечают:

— Возродится ли то в мире сын самого Хормусты-тэнгрия, имеющего на то повеление вышнего будды, на случай смутных времен в мире, это нам недоведомо.

5. ЦОТОН ССЫЛАЕТ САНЛУНА И БУДУЩУЮ МАТЬ ГЕСЕРА, ГЕКШЕ-АМУРЧИЛУ

В то время улус (народ) состоял из трех округов — отоков: Туса, Донгсар и Лик. В Туса нойоном[5] был Санлун; в Донгсаре — Царкин и в Лике — Цотон.

Цотон славился хорошими конями: один из них, чалой масти, бежал быстрее водопада, свергающегося в стремнину; другой, этот был светло-буланой масти, мог обгонять бегущую напрямки лису; третий, желто-рябой масти, обгонял бегущую наперерез серну-цзэрэна.

Пока улусное войско этих трех отоков собиралось выступить в поход против Го-Баяна, Цотон, этот злобный предатель, забежал на своем лучшем коне вперед и оповестил Го-Баяна, будто бы уже приближается войско отоков Туса, Донгсар и Лик.

Тогда дочь Го-Баяна, Гекше-Амурчила, спасаясь бегством, в пути поскользнулась на льду и упала. Цотон захватил девушку, у которой оказалась надорванной подбедренная мышца, отчего она и охромела.

Цотон рассудил так:

— Вздумай только я взять себе в жены этакую вот хромую, куда денется моя добрая слава? Сбуду-ка ее кому-нибудь другому. Но вот что:

---

[1] Махараджи, стражи 4 стран света: Вайшравана (С); Дритараштра (В); Вирутака (Ю) и Вирупакша (З).

[2] Санскр. Nagaraja.

[3] В; ЮВ; Ю; ЮЗ; З; СЗ; С; СВ; Зенит и Надир.

[4] Полуостров Индостан, а также и весь Азиатский материк.

[5] Владетельный князь.

сдам ее своему старшему брату, нойону Санлуну. И он действительно отдал ему девушку с тем лукавым намерением, что-де впоследствии ее не трудно будет и отобрать у него.

Санлун, будучи вынужден принять девушку, выправил ее ногу, и она стала попрежнему цветущей и прекрасной.

Тогда Цотон, по злобе своей, сказал народу:

— Известно, как трудно нам было добыть женщину такой удивительной красоты. Известно также и то, что от нее, по предсказанию волхвов, должен родиться необыкновенный сын. Однако этот необыкновенный сын все еще не родился: следовательно и самые-то смутные времена происходят от мужа с женой, а потому следует изгнать и Санлуна и Амурчилу, отлучив при этом Санлуна от всякого общения с прежней его семьей и наложив запрещение на все движимое и недвижимое имущество его.

Вследствие этого их и приговорили изгнать в пустынную местность при слиянии трех рек, предоставив в пользование им: одну лишь черную полуюрту, рябую верблюдицу с рябым верблюженком, рябую кобылу с рябым жеребенком, рябую корову с рябым теленком и рябую овцу с рябым ягненком, да рябую суку с рябым щенком.

6. ЗАЧАТИЕ ГЕСЕРА

В ссылке старик Санлун стал промышлять ловлей горностаев-оготона[1] по близости от двух-трех голов своего скота. В иной день добывал он по десятку, а в иной по семи-восьми штук. А Гекше-Амурчила собирала топливо. Один раз, отправляясь за топливом, видит она — ходит и пристально на нее смотрит такой странного вида ястреб: сверху — птица, а снизу человек. Гекше-Амурчила окликнула его и спросила:

— Почему это ты сверху похож на птицу, а снизу на человека? Что это значит?

Ястреб ответил:

— Сверху я как птица в знак того, что род мой свыше — непостижим. Снизу же я как человек в знак того, что мне надлежало бы принять тленную плоть. От имени верховных тэнгриев ныне я ищу достойную женщину, чтобы возродиться в мире, и, сколь ни надобно здесь возрождаться, все же я родился бы только у такой достойной женщины. Иначе мне пришлось бы остаться как я есть. И, проговорив эти слова, ястреб улетел.

Когда, затем, в восьмую ночь первой луны, Гекше-Амурчила возвращалась домой с топливом, на пути она встретила такого необыкновенного великана, что при виде его со страху упала в обморок... Пролежав так некоторое время и придя в себя, она воротилась домой, а рано утром,

---

[1] Ср. Потанин. Очерки Северо-западной Монголии. В. IV, стр. 251.

по выпавшему мелкому снегу, она отправилась тою же дорогой, по которой принесла топливо, и найдя следы своих каблуков, тут же по следам увидела, что уходил человек со следом в целую сажень, алда-дэлим.

„Что же это за человек с таким огромным следом“, подумала она и пошла по его следам, которые привели ее к пещере в огромной скале. Подойдя настолько, чтобы можно было видеть, что делается в пещере, Гекше-Амурчила заглянула, и вот видит его: сидит он на золотом троне, с бунчуком из рябого барса; сидит, облокотясь на ручки своего золотого трона, в шапке из рябого барса, в шубе из рябого барса, в сапогах-гутулах из рябого барса. Счищает иней со своей рябо-барсовой бороды и говорит:

— Как нельзя более устал я в эту ночь!

Увидав его, Гекше-Амурчила в испуге поспешно вернулась домой.

* * *

Разошлись по домам все триста языков живых существ, поднялась на небо и белая небесная дева, Арья-Аламкари. Тогда восходят на Кусе-ленгский холм-обо жребьеметатели, Моа-Гуши и славный Дангбо, и ждут знамения: сбудется ли все, что предсказали они?

И в надежде, что сбудется, разошлись и они...

7. РОЖДЕНИЕ ГЕСЕРА

Когда Гекше-Амурчила возвратилась домой, она вдруг так располнела, что не в силах ни стоять, ни сидеть. Пятнадцатого числа утром старик берет свой силок и собирается отгонять скот, но перед самым его уходом Гекше-Амурчила говорит ему:

— Зачем ты уходишь? Во мне как-будто бы раздаются детские голоса: я очень боюсь оставаться одна — побыл бы ты сегодня со мною.

— Если буду все время сидеть около тебя, — говорит ей старик Санлун, — то кому же добывать оготона и присматривать за двумя-тремя моими скотинами; а не добывать оготона, так чем же и кормиться?

Не согласившись остаться дома, старик ушел, поставил силок и, добыв семьдесят оготона, принес их на спине в юрту, сваливает и, присев, радостно думает: по сравнению с прежними днями сегодня я добыл слишком много; должно быть и в мой дом пришло счастье!

Санлун прибрал оготона и опять ушел.

После полудня, уже под вечер, во чреве матери стало вдруг раздаваться пение детских голосов. Один голос поет так:

— Вот возрождаюсь я, Боа-Донцон-Гарбо. Тело мое хрустальное зубы белоснежные, голова — птицы Гаруди с кудрями злато-желтыми, а по концам волос у меня как-будто рассыпаны цветы с дерева Ута. А возродившись я сделаюсь властнейшею высших тэнгриев.

Другой голос поет:

— Вот возрождаюсь я, Арья-Авалори, все озаряющая ясным светом, палево-красноликая. Сверху я как человек, снизу — как змей, царь драконов. А возродившись я стану владычицей преисподних драконовых ханов.

Поет затем третий голос.

— Возрождаюсь я, Чжамцо-Дари-Удам-Уткари белоснежная, сиянье которой осияет десять стран света. А возродившись я буду владычицей фей-дакинасс десяти стран света.

Послышался и еще один голос:

— Возрождаюсь я, Гесер-Гарбо-Донруб. Верхняя часть моего тела исполнена признаков будд десяти стран света, средняя — четырех великих тэнгриев, нижняя — великих царей драконов. А возродившись буду я милостивым и премудрым Гесер-ханом, государем сего Джамбутиба.

— Увы мне, горе мне, — стонет мать. — Как это могло случиться, что мною зачаты и рождаются будды? Мною, которая, по ненадобности и простым-то смертным, изгнана в пустыню у слияния трех рек? Вернее, что зачала я и рождаю демоново отродье.

— Вашему негодному отцу, — продолжает она, — вашему отцу, старику Санлуну, не до того, чтоб еще вас нянчить: его самого-то некому кормить. И не то что вас вырастить и воспитать, он и меня-то не в силах прокормить в этой черной полуюрте с птичье гнездо.

И она порешила выкопать девяти-алданным[1] железным колом для рытья корней растения гичигэнэ[2] яму на всех четверых сразу:

„Вот где я вас убаюкаю!", думала она, как вдруг раздался голос:

— Матушка, пропусти меня! — и из ее темени выпала несравненной красоты Боа-Данцон-Гарбо и тотчас же неуловимо выскользнула от матери. Пока та напрасно пыталась ее поймать, от вышних тэнгриев подали в полной упряжи хрустального слона. Загремели тимпаны и барабаны, зажглись жертвенные пахучие свечи, и, под звуки тимпанов и барабанов, малютку посадили на слона и унесли в небеса.

— Милая моя оказалась настоящим божеством, — в слезах причитает мать, а в это время опять раздается голос: „Сестрица, пропусти меня!"

Приподняв правую руку, мать сдавливает себе темя, а в это время у нее из правой подмышки выпадает ребенок. И этот ускользает у нее из рук, и его она не может поймать, а тем временем из глубины океана царь драконов подает для него, как и для первого малютки, хрустального полуслона полульва, так же в полной упряжи. Гремят тимпаны и барабаны, возжигаются пахучие жертвенные свечи, и драконов царь уносит малютку и вселяет в глубины океана.

---

[1] Сажень маховая.

[2] Echinops Gmelini. — Кит. Гоу-шэ-цао.

— Сестрица, пропусти меня! — опять раздается голос. Мать, стиснув подмышки, обеими руками сдавила темя, и у нее из пуповины выпал ребенок: еще прекраснее двух первых, и, так же как и тех, не удержать его матери. Пока она тщетно пыталась это сделать, дакиниссы десяти стран света подали в полной упряжи бирюзового слона. Зажглись благовонные жертвенные свечи. Ударяя в литавры и барабаны, дакиниссы десяти стран приблизились к малютке, подхватили его и унесли.

— Увы мне, горе мне! — причитает мать. — Малютки вы мои, что я наделала? Ведь сущею правдой оказались ваши уверения, что вы хубилганы будд. Как же я посягнула вырыть яму на всех вас четверых? Не то что закопать, но хоть бы одного из вас на прощанье довелось рассмотреть хорошенько, обнять, приголубить! О, детушки мои родимые, что же я наделала?

И во время этих причитаний раздаются слова:

— Сестрица! А каким способом мне пройти?

— Проходи, родимый, положенным путем! — отвечала мать, вскрикнула и тотчас же родила естественным образом.

Родился же вот какой ребенок: правым глазом смотрит искоса, левым — в даль; правой рукой намахнулся, левую сжал в кулак; правую ногу приподнял вверх, левою — как будто топнул; все сорок пять белоснежных зубов прикусил.

— О, горе! Что будет со мной? Как видно, предыдущую тройню я родила настоящими хубилганами будд, почему и не удержала, а теперь родила я, должно быть, удержу вот это лишь демоново отродье, ребенка греха.

— Чем бы тебе, мой родимый, перерезать пуповину? И с этими словами она достала из-под подушки большой нож с двумя лезвиями и принялась резать его пуповину.

— Этот нож не годится для пуповины! — говорит ребенок. — Тебе матушка не справиться с моей пуповиной этим твоим ножом: ее нужно резать черно-острым камнем, который лежит к югу от нас, в море-океане. Этим камнем режь и приговаривай: „Крепче камня будь крепок, родимый мой!“ Перевязывай потом белой травкой и приговаривай: „Гуще белой травушки плодись родимый улус у любезного!“

Мать завернула ребенка в полу своего халата и побежала: подняла она со дна морского черно-острый камень и отрезала им пуповину, а отрезая приговаривала по-сказанному. Перевязала затем пуповину белой травой, а перевязывая сказывала тот самый йороль, — слово заветное.

Но, перерезая пуповину, мать отморозила себе мизинец, так как, при появлении Гесера на свет, вдруг пошел мелкий знобящий дождь. Отморозила и плачет:

— Вот я ознобила себе мизинец, из-за пуповины этого злосчастного ребенка, грехом зачатого.

— Не бранись, родимая, и не плачь! — говорит ребенок. — Опусти свой мизинец в море: посмотри, что будет.

Мать послушалась, опустила палец в море, и он опять приобрел прежний прекрасный вид. Пошла она с ребенком на руках, а на дороге и говорит.

— Где мне баюкать тебя, родимый мой? Убаюкаю тебя вот в этой яме! — Но приподнятый было ребенок вырвался у нее из рук. Мать опять поднимает его на руки, но тот вырывается и говорит:

— Родимая моя! Ведь правый-то глаз мой косо смотрит оттого, что я косо смотрю на демонов-элиэ и шимнусов. Левый же глаз мой взглядом устремлен в даль потому, что я проницаю в даль и эту, и будущую жизнь. Правой рукой я намахнулся в знак того, что прочь смахну всех супостатов, а левую сжал в кулак в знак того, что всех я буду держать в своей власти. Приподнял я правую ногу в знак того, что подниму я правую веру, а левой я топнул в знак того, что уничижу и попру ногами своими всех неправоверных, еретиков. Я родился с прикушенными сорока и пятью белоснежными зубами в знак того, что окончательно сокрушу я силу и величие злых шимнусов.

— Ах, горе мне! — забранилась мать. — У людей коли родились дети, так родятся, бывало, уткнувши два безымянных пальца в нос и с закрытыми глазами. Почему же я-то родила вот этого злого на язык болтуна таким драчуном и спорщиком с самого рождения?

В то время как мать бранится, домой возвращается Санлун, и ему слышится, будто раздается женский голос вперемежку с ревом тигра. Санлун возвращается со скотом. На спине он тащит десяток оготона, а свободной рукой волочит свою девятирядную железную ловушку.

— Что тут такое? — спрашивает он. Тут напускается на него Гекше-Амурчила:

— Злой чорт, иссохшая, несчастная кляча! Не просила ль я тебя побыть сегодня со мной? Сию минуту у меня поисчезали кто куда три ребенка: известно, что когда возрождаются настоящие хубилганы будд, то они или восходят на небо, или ниспускаются к драконовым царям или восходят в область дакинисс. И эти вот так же: не успела я даже их сосчитать, как они поисчезали кто знает куда, упоминая то вышнее небо, то преисподних драконовых царей, то дакинисс десяти стран света. А сейчас вот, негодная ты кляча, не успела я родить вот это демоново отродье, как он уже, кажется, готов схватить меня и съесть. Убери его прочь, совсем!

— Эх, ты! — говорит Санлун. — Как это можешь ты знать, что это непременно демоново отродье? Разве же мы будды? Мы то, со своими пустыми суждениями? Уж не убить ли собственное детище? Попробуем-ка лучше его вырастить. За нынешний день я добыл восемьдесят оготона. А эти мои две-три скотинушки, оказывается, по-настоящему затяжелели: от тяжести едва с земли поднимаются. В прежнее время вблизи нашего

жилья вовсе не бывало оготона. Сегодня же такую массу я добыл всего на пространстве выстрела от нас свистун-стрелы, годоли, и при этом на такое же расстояние от нас не шел снег. От роду не случалось добывать так много ни настоящею ловецкою сетью, ни, тем паче, вот этим силком.

— Если б так пошли дела и дальше, то зачем же лишать его жизни? Растить, так попробуем вырастить! — отозвалась мать.

8. ГЕСЕР УБИВАЕТ ТРЕХ ОБОРОТНЕЙ И ТРЕХ СВИРЕПЫХ ДЕМОНОВ ДОКШИТОВ

В ту пору некий демон, превращаясь в черного ворона, выклевывал глаза у новорожденных[1] детей и ослеплял их. Прослышав о рождении Гесера, черный ворон является. Но Гесер распознал его своею чудесною силой. Прищурил он один свой глаз, другой совсем закрыл, а на прищуренный глаз нацелил свою девятирядную железную ловушку и, как только черный ворон приготовился клюнуть его в глаз, потянул он веревочку своей девятирядной ловушки, поймал оборотня-ворона и убил.

В ту же пору появился, под видом ламы Кунгпо-эциге Эркеслунг, демон с козлиными зубами и собачьим переносьем. Возлагая руки на двухлетних детей, он тем временем откусывал у них конец языка и делал их навек немыми. Ведал Гесер и про это, как и про то, что демон уже подходит к нему: прикусил он свои сорок пять белоснежных зубов, лежит и ждет.

Приходит мнимый лама и, благословляя ребенка, возлагает на него руки, а сам пальцами пытается разжать его зубы, но не может, пробует разнять трубочной ковырялкой — не может.

— Что это? — говорит он. — С языком у вас родился мальчик-то, или от рождения такой, с прикушенными зубами?

— А кто его знает? — говорят ему. — Ревет-то он как следует быть.

Тогда демон-лама стал всовывать ребенку в рот свой язык, чтобы тот сосал.

— Немного, оказывается, может сосать, — говорит он. — Уже стал сосать мой язык: это хорошо. И еще глубже всовывает ему сосать свой язык. Тогда Гесер, притворяясь, будто сосет, напрочь откусил у демона язык, по самую глотку и таким образом умертвил его.

В ту пору Монгольскому народу причиняло вред некое порожденье нечистой силы, в виде горностая-оготона, величиной с вола, который изменил самое лицо земли. Как только узнал об этом Гесер, он немедленно явился в образе пастуха овечьих стад со своею секирою и на смерть поразил это чудовище ударом между рогов.

Непосредственно затем он уничтожил также трех свирепых демонов, докшитов.

---

[1] Собств. „годовалых“: у монголов лета человека исчисляются со дня зачатия.

9. ЦЗУРУ (ГЕСЕР) ЧУДЕСНО ОБОГАЩАЕТ САНЛУНА, КОТОРОМУ УДАЕТСЯ ОСЛАБИТЬ ТЯГОТЕЮЩИЙ НАД НИМ ПРИГОВОР: ЕМУ ВОЗВРАЩАЮТ ПРЕЖНЮЮ СЕМЬЮ И ИМУЩЕСТВО, НО В ОБЪЕДИНЕННОЙ СЕМЬЕ ВОЗНИКАЮТ ССОРЫ

Вскоре объягнилась у Санлуна овца совершенно белым ягненком. Ожеребилась у него и кобыла вещим гнедым жеребенком. Отелилась корова теленком невиданной железно-синей масти. Ощенилась и собака медным щенком-сукой с железной мордой. Но Гесер отпустил всех новорожденных к небесной своей бабушке Абса-хурцэ, которой так помолился пред воздвигнутым жертвенником:

— Как следует вскорми и взрасти их, моя бабушка, и возврати их мне, когда попрошу!

Бабушка приняла их и обещала своевременно возвратить.

* * *

Старик Санлун дал ребенку имя Цзуру, так как в муках он родился у матери его.

Цзуру стал пасти у отца две-три головы его скота, но пасет он их вот как: вырывает он трижды-семь камышей-хулусу, вырывает трижды-семь степных ковылей-дэресу, выдергивает трижды-семь репейников-хилгана, выдергивает трижды-семь крапивников-харгана. Ковылем стегает он свою кобыленку, стегает и приговаривает:

— До той поры буду стегать тебя трижды-семью ковылями, пока не наплодишь мне белого, как степной ковыль, табуна.

Камышом стегает свою коровенку, стегает и приговаривает:

— Наплоди ты таких добрых коров, чтобы мастью были как камышевое семя, с хвостами на подобие камышевого листу.

Репейником стегает он овцу и приговаривает:

— Плодись ты в таком множестве, как и этот славный репейничек.

Точно так же стегает он крапивником и своего шелудивого верблюда...

И вот, по гесерову веленью, стали они плодиться так, что от одной кобыленки выплодился целый табун белых, как степной ковыль, коней... К чему перечислять подробно? Каждую луну по гесерову слову, плодился в свою пору весь скот, и развелось таким образом несметное скотоводство...

Вне себя от радости старик Санлун.

— Это все по моим молитвам, — говорит он. — Вот и сбывается, что „тысячи делаются из одной единственной единицы“.

— Чем же ты неправ? — стала говорить на это Гекше-Амурчила. — Мне-то в особенности хорошо известен результат твоих молитв. Отме-

нили бы приговор о ссылке — вот это было бы действительно великим результатом твоих молитв. А то и скот-то у нас пасти некому.

Тогда Санлун поехал в главные кочевья своего улуса, явился к Цотону и при всем народе говорит ему:

— От твоей необыкновенной красавицы, которую ты по неприязни изгнал, родился и жив обыкновенный мальчик. Просто ли водворять и наделять его как простого смертного или предоставить ему ханское правопреемство, как благородному, но на худой конец простое то правопреемство ему принадлежит. Верни же поэтому все мое: и семью и все хозяйство.

— Разве же старик Санлун в чем неправ? — в один голос сказал весь улус и присудил полностью вернуть ему и семью, и все его хозяйство.

Старик Санлун забрал все свое и возвратился к себе, в изгнание.

* * *

— Теперь-то, — распоряжается Санлун, — теперь пасите скот вы все трое: Цзаса, Рунса и Цзуру.

И вот за скотом его теперь ходят трое его сыновей. Но Цзуру пасет скот, как истинный хубилган; дальние горы делает близкими, ближние горы делает дальними.

Однажды Цзуру говорит своему отцу:

— Вот ты все не нарадуешься, что по твоим молитвам умножился у тебя скот. Раз так, то почему бы у тебя не построиться и дворцу, белой ставке?

— Что же! — отвечает Санлун. — Ехать, так ехать! до лесу авось доберемся, да только хватит ли у нас сил заготовить лес?

И они поехали, добрались до лесу и всею семьей принялись за рубку. Старик срубил и повалил несколько ровных деревьев. Цзуру же чудесным образом воздвигает постройку: за стенными решетками — решетки, за потолочными унинами — унины.

Увидя хорошее прямое дерево, старик Санлун пошел было его срубить, но Цзуру взял и вдруг обратил его в корявое и колючее дерево, так что старик не мог его срубить и вернулся с порезанными руками.

— Сразу видно, что тут окаянный сынок! — ворчит он. — Едва только подошел я рубить, как вдруг хорошее прямое дерево стало корявым и колючим. Только поранил себе руки!

Тогда Цзуру притаскивает вполне годное строевое бревно и говорит:

— Батюшка зачем же ты бросил срубленное тобою дерево? Я взял вот его и обращу на постройку.

— Я действительно срубил это дерево, — отвечает Санлун, — но только так, как по пословице: „опять засадил в землю срубленное дерево". Его-то ты, негодный, должно быть и своровал.

— Верно, батюшка, — отвечает Цзуру. — И поверь, этого твоего лесу, который я своровал, хватит, пожалуй, на дре-три юрты.

Ты рубишь, а я, как малосильный, строю из готового леса! — и с этими словами он покрыл кровлею готовые юрты.

* * *

Со скотом отправлялись все три сына. Мать Рунсы, к которой Санлун был более расположен, по уходе сыновей принималась готовить обед. Для Цзасы и Рунсы она накрывала на стол как следует, а для Цзуру наливала похлебку в поганую чашку, из которой только есть собакам.

Отправляясь на пастьбу, Цзуру брал с собою по три пригоршни белого и черного камня: расставит он по горам белые камешки, и весь скот пасется сам собою; когда же надо возвращаться с пастьбы, кладет он в поясной карман свой черный камешек, и весь скот сам за ним идет.

Однажды, как обычно втроем, братья отправились со скотом на пастбище. Когда, расположившись в виду своего стада, они беседовали, Цзуру говорит:

— Пасем мы такое множество скота, а ходим совершенно голодные: давайте зарежем и съедим хоть одного теленка!

— Зарежем и съедим? — говорит Рунса. — Да ведь отец с матерью нас заругают! Никак этого нельзя!

Цзаса-Шикир сидит, не говоря ни слова, а Цзуру продолжает:

— Я беру ответственность на себя. Цзаса, поймай-ка теленка!

Цзаса поймал, а Цзуру зарезал теленка и содрал с него шкуру в виде мешка. Когда они ели мясо, кости кидали в этот кожаный мешок. Но вот Цзуру дернул этот мешок за хвост, трижды взмахнул рукой и вдруг теленок ожил и побежал в стадо телят.

Когда братья вернулись со скотом домой и все трое вошли в юрту, то Цзуру уселся на свое место, слева, и принялся за еду, а Цзаса с Рунсой стоят.

— Цзуру ест, а вы почему не едите? — спрашивает мать.

— Мы сыты, не хотим! — отвечает Рунса. — Наш младший брат Цзуру резал телка и накормил нас телятиной.

Старик Санлун так и ахнул:

— Цзуру, это правда? — спросил он.

— Не стану говорить, что это ложь, — отвечает Цзуру.

Тогда старик схватил кнут и бросился с намерением отстегать Цзуру. Он хочет стегать, а Цзуру хватается за кнут и перебранивается со стариком.

— В чем дело, старина? — спрашивает выбежавшая на шум Гекше-Амурчила.

— Этот твой негодяй, — говорит Санлун, — зарезал, чортов сын, теленка. Этакая подлость! — И старик никак не может унять своего гнева.

— Ах ты, негодная заблудшая кляча, — забранилась Гекше-Амурчила. — Что же? твоим телкам и сметы нет, что ли? Ты сначала сосчитай гелят: будто у тебя, негодного, уж так много их. А еслиб и в самом деле съел? Эка беда! Как же ты смеешь бить моего мальчика из-за одного единственного теленка! Похоже, что ты и всерьез думаешь, будто скот и сам по себе будет хорошо разводиться.

Старик выбегает и пересчитывает телят; все оказываются налицо. Вбегая в юрту, набрасывается он тогда на Рунсу:

— Ну, что ты за лгун, а? Попробуй-ка ты у меня еще раз наврать: не я буду, если я тебя не запорю до полусмерти.

* * *

На следующее утро все трое опять ушли со скотом, и Цзуру опять зарезал теленка. Тогда Рунса потихоньку спрятал хвост к себе за пазуху. Как и прошлый раз они ели мясо, бросая кости в мешок; так же, потом, Цзуру трижды взмахнул рукой, и оживший теленок резво помчался в свое стадо.

Когда пришли со скотом домой, Рунса говорит:

— Покушаем-ка хвоста от теленка, которого зарезал наш младший братец Цзуру! — и он вытаскивает из-за пазухи хвост, на котором еще не запеклась кровь и, присев к огню, закапывает его в золу.

— Что это значит, Рунса? — спрашивает старик.

— Младший наш братец, Цзуру, зарезал для нас телка: вот я и хочу теперь испечь телячий хвост и покушать! — говорит Рунса. — Ну, голубчик Цзуру, говорит Санлун, как же это ты решился на подобную подлость?

И опять старик берет кнут и хочет стегать Цзуру, но тот сопротивляется, хватаясь за кнутовище:

— Э, да он совсем из ума выжил! — кричит Цзуру. — Что это он на меня замахивается и лезет в драку?

В это время вбегает мать Цзуру:

— Что это ты, что это ты, старый греховодник? — кричит она.

— Вон, — говорит старик, — вон Рунса жарит телячий хвост, на котором еще не запеклась кровь. Говорит, что Цзуру зарезал теленка. Теперь сама суди: правда это или ложь?

— Что же ты лезешь драться-то из-за небылиц, которые плетет этот вот твой сынок? Ты лучше бы посмотрел, все ли телята? Старик пошел и пересчитал телят: все оказались налицо, только у одного из хвоста идет кровь.

— Хвост-то у него обрублен! — кричит старик, вбегая в юрту, — и принимается стегать Рунсу, приговаривая:

— Не клевещи понапрасну на бедного мальчика! Это тебе и будет: „Пришел бодочей,[1] хотонцам [2] же его и угощать“.

[1] Сборщик.
[2] Поселяне.

— Такое уж мое счастье! — говорит Цзуру. — Однако чем быть оговариваему понапрасну, пусть лучше оговаривают меня поделом: и не я это буду, старик, если завтра я у тебя не стравлю изрядное количество скота.

* * *

Отправились три брата со скотом. Цзуру зарезал на этот раз девять валухов из своего овечьего стада, чудом набрал откуда-то огромных котлов и, приведя Рунсу в трепет своим величественным видом, принялся стряпать еду. Потом он вынул готовое мясо, устроил жертвенник и с молитвою обратился ко всем своим гениям-хранителям:

— Ты, мой родимый, верховный Хормуста-тэнгрий и покорные тебе семнадцать тэнгриев сонма Эсроа, и тридцать три тэнгрия свиты твоей. И ты, родимая моя бабушка, Абса-Хурце. И ты, переводчик мой, белая небесная дева Арья-Аламкари, покровительница моя, владеющая тремя стами языками. И вы, мои жребьеметатели, Моа-Гуши и славный Дангбо. И ты, земной мой отец, горный царь Оа-Гунчид. И вы, три победоносные сестрицы мои, и вышние мои хранители, будды десяти стран света и четыре драконовых царя преисподней. Все вы повелели мне отправиться в мир, и вот я родился в мире и хочу я, ничтожный, явиться пред вашими очами и молитвенно воззвать к вам, принося предлежащую чистую жертву.

И сказали все его гении-хранители:

— До наших ноздрей доносится сладостный запах: то родился, значит, на Златонедрой Земле наш соплячок, и вот дает нам знать, что родился.

Помолившись, всем этим покровителям своим, он поставил пред Цзасой и Рунсой большой стол и предложил им угощение. Цзаса ел вволю, а Рунса, подавленный величием Гесера, сидел и ничего не ел. Созванные же Цзурой его гении-хранители пришли под видом множества людей и съели все дочиста. Встав из-за стола, Рунса поспешил домой вперед, а Цзаса с Цзурой отправились со скотом вслед за ним.

Дома Рунса рассказывает:

— Ваш сынок Цзуру стравил до десяти валухов. Набрав откуда-то котлов, стал он всех баранов варить, а после того как вынул готовое мясо, давай он всуе причитать: Верховные тэнгрии, преисподние драконовы цари! Всуе поминал даже будд, причитывая „Цзу-Цзу“ и много болтал он такого, что я и не упомню. Потом он стал угощать нас обоих мясом, и меня, и Цзасу. Но я, с горя о бедных наших баранах, не стал есть... Не знаю, в какие стороны поразбрелся и весь-то наш скот... А в то время как они ели, стало подходить множество всяких проходимцев. Цзуру же выбегает им на встречу и приглашает: принимает их коней под уздцы и просит пожаловать. Само собой разумеется, что этот сброд дочиста сожрал все угощение.

— Экое нечистое дело вышло! — говорит старик, выслушав рассказ Рунсы; хватает кнут и бежит посмотреть, не видно ли скота. Он поднялся

на пригорок и пристально смотрит из-под руки вдаль. Цзуру со всем стадом находится совсем близко от него, но старик не видит ни Цзуру, ни своего скота: затмил ему очи Цзуру своей волшебной силой.

Старик возвращается домой и садится на свое место:

— Просто беда: ничего вдруг не могу видеть! — говорит он. — Погоди, Цзуру: вот я ж тебе!

Но не успел старик и пригрозить, как Цзуру с песнями пригоняет ревущий скот.

— Эге, я тебя узнаю: ведь сынок-то у меня настоящий певец!

Старик хватает кнут и выбегает ему навстречу. Только было он намахнулся, чтобы ударить Цзуру, как тот вырвал у него кнут и забросил. Тогда старик вступает с ним в борьбу.

— Ой-ой, помогите! — кричит Цзуру и, притворясь будто падает, перекидывает старика через свою голову.

— Ой-ой! — вопит старик, а Цзуру, в свою очередь, кричит: Помогите!

В это время подбегает Гекше-Амурчила:

— В чем дело, старик, в чем дело? — спрашивает она.

— Я думал, — говорит тот, — я думал, что ты родила мне сына, а оказывается ты правду говорила, что это настоящее чортово отродье! Зарезал и стравил девять валухов, а когда я попробовал было его наказать, так он вот как перекинул меня через свою башку! Не изуродовал ли он меня: так сильно все болит.

— Жалко, если не изуродовал! — говорит Гекше-Амурчила. — Ведь Рунса и прошлый раз все науськивал тебя, уверяя, что Цзуру режет телят: и что же, правда это оказалось? А теперь он же уверяет, будто Цзуру зарезал девять валухов... Перекинуть-то он, кажется, тебя действительно перекинул, а все же, тебе следовало бы и теперь сосчитать своих валухов.

Старик пошел, пересчитал своих валухов и вернулся, убедившись, что они в целости.

— Ай, ай-ай, Рунса! Что же ты делаешь? —сокрушается старик.

Тогда вступается Гекше-Амурчила:

— А ты, голубчик Цзуру, ты чего же смотришь? Выходит по пословице: „Кто дом строил — позади сидит, а кто веточки резал — вперед идет“? Теперь уже ясно, что Рунса задался целью тебя извести. Стоит только теперь ему явиться и наговорить на тебя, а старику по наговору Рунсы приняться бить тебя: и умереть тебе неминуемо под ножом. До коих же пор я буду смотреть на твои злоключения?

Тут и Цзуру принимается укорять Рунсу:

— Ведь ты еще и не жил здесь, когда я один развел скот и один, не говоря ни слова, пас его. Ведь если б я всякий день резал да ел, то каким образом я умножил бы этот скот? За что же ты ненавидишь меня? Зачем ты постоянными наговорами заводишь между нами ссоры?

Рунса не отвечает ни слова, а Цзаса-Шикир посмеивается.

— Ну, что же? — говорит старик Рунсе. — Разве это не истинная правда? Впредь я тебя, Рунса, буду стегать, лишь только ты откроешь рот.

* * *

Поутру старик рассуждает про себя:

„Теперь ясно, что у моих ребят втроем дело не ладится. Стану-ка я теперь сам ходить с каждым поодиночке".

И он отправляется на пастьбу, захватив с собой Цзасу. Этот день обошелся без особых происшествий, и вечером старик с Цзасой благополучно пригнали скот домой.

На следующий день старик отправился с Рунсой. Оба они были при скоте, когда волк на их глазах зарезал трех овец. Вернувшись вечером домой, старик рассказывает:

— Я находился около скота, а этот дурень Рунса пас овец и допустил, чтобы на его глазах волк зарезал трех овец.

Присел Цзуру и говорит:

— Случись это со мной, так наверно избил бы: во-время я постарался, чтоб меня не взял с собой!

На следующий день старик берет с собой Цзуру, и тот дальние горы обращает в близкие. Идут они краем отары, как вдруг бежит волк.

— Батюшка, — говорит Цзуру, — бежит волк: понимаешь ты в чем дело?

— Что тут понимать? Должно быть волк высматривает овцу.

— Тогда, батюшка, стреляй без промаху по этому волку и, если попадешь, то имеешь право резать валуха и есть один: мне ничего не давай. А если промахнешься — стреляю я, и, при успехе, режу валуха и ем один: тебе ничего не дам.

Старик, согласившись на это условие, дал выстрел и промахнулся.

— Теперь, батюшка, моя очередь? — говорит Цзуру.

— Правда, твоя! — отвечает старик.

Цзуру выстрелил и насадил волка на стрелу. Отдает он волка старику и говорит:

— Ты, батюшка, человек старый: сделай себе из него теплый набрюшник.

Тогда Цзуру навел на старика страх своим волшебным величием и зарезал девять валухов. Собрав множество котлов, Цзуру хватает барана за бараном. Старику хочется закричать „Цзуру, что же ты наделал?" и нет сил подать голоса. Хочет встать и прикрикнуть на Цзуру и не может: молча сидит старик и смотрит.

Тем временем Цзуру вынул из котлов готовое мясо и попрежнему стал сзывать своих гениев-хранителей: они представились взору старика в виде множества людей, накрывавших на стол и подававших еду. Подавленный величием Гесера, старик не мог есть; Цзуру же, превращаясь во множество неведомых людей, прикончил таким образом все мясо,

и тогда оба они встали из-за стола. Старик тотчас же бросился бежать домой, а Цзуру пошел со скотом. Прибежав домой, печалуется своей жене старик:

— Ну, матушка, я сам такое видел, что слова-то Рунсы оказываются чистейшей правдой. Зарезал он девять баранов и один слопал все мясо. Ты, Гекше-Амурчила, совершенно правильно называла его чортом: это или магус или мангус, и теперь совершенно ясно, что сначала он переведет нашу скотину, а потом прикончит и нас самих.

Пока старик таким образом сокрушается, Цзуру подгоняет к дому весь скот. Старик хватает кнут и с криком выбегает ему навстречу:

— Ты что же это, голубчик Цзуру, тигр ты, или волк? — И он намеревается ударить его кнутом, но Цзуру удерживает кнутовище рукой:

— Что ты, что ты, дедушка? — кричит он.

— Ты чего притворяешься, как будто это не ты давеча-то губил баранов?

— Пойдем-ка! — говорит Цзуру. — Мы тут вдвоем с тобой не разойдемся, — пойдем: пусть рассудит нас Цзаса!

Он приводит старика к Цзасе, и старик начинает рассказывать, как было дело.

— Идем мы вдвоем с этим негодным Цзуру, как вдруг около овечьей отары бежит волк. Этот паршивый мальчишка и говорит мне: Батюшка! бежит волк, понимаешь ли ты в чем дело? — Да он должно быть хочет зарезать овцу! — говорю я. — Когда так, давай, говорит, батюшка, с тобой поспорим. — Что же, давай, говорю. — Стреляй, говорит, в этого волка, и, если попадешь, то ты режешь овцу, а мяса не даешь мне и покушать: все ешь сам. Но если ты промахнешься, говорит, то буду стрелять я и уж коли попаду, то совершенно так же буду есть я один. Я согласился, и оба мы стреляли: у меня по старости лет вышел промах, а Цзуру застрелил волка.

И затем он подробно рассказал, как они вдвоем с Цзуру ели баранов. Тогда Цзаса говорит:

— Из всего этого видно, что ты, батюшка, и вчера был не прав, так как окарауливал скот вдвоем с Рунсой и допустил волку зарезать трех баранов, и на этот раз ты явно проиграл: ведь стреляли-то вы на спор! А потому тебе бы, старому человеку, уж помалкивать!

— Совсем особенные понятия у этих моих сыновей, — сказал старик и ушел.

* * *

Поутру старик отправляется на пастьбу с Цзурой. Вот на дерево между табуном и гуртом скота села сорока, а мимо скота бегает лиса.

— Батюшка, понимаешь ли в чем тут дело? — говорит Цзуру. — Почему это сорока и лиса настораживаются около скота?

— Нет, не понимаю! — отвечает старик.

— А я думаю, — говорит Цзуру, — я думаю: не хочет ли сорока расклевать болячку у лошади, а потом она помаленьку доберется у лошади до спинного мозга, и лошадь, чего доброго, подохнет? А коровы ведь станут щипать траву, которую грызла лиса и, пожалуй, передохнут, заразившись ее ядом? Давай-ка мы вдвоем перестреляем их! Кто из нас убьет, тот режет одну корову и одну лошадь, ничего не давая другому даже и покушать.

— Хорошо, — отвечает старик, выстрелил в сороку и промахнулся.

— Батюшка, вот она лиса! нацеливайся и стреляй! — говорит Цзуру.

Видит старик, действительно лиса близехонько, и с радостью принимается натягивать лук, но, по волшебному навождению Цзуры, лук не подается.

— Что за беда! — говорит старик и все силится натянуть лук, но напрасно.

— Скорей же, батюшка! — торопит Цзуру. Сильно волнуясь, старик выстрелил и промахнулся. Тогда стреляет Цзуру и одним выстрелом убивает и сороку, и лису. Отдав старику лису, Цзуру выбрал из табуна жирную кобылу и зарезал; выбрал и зарезал также одну жирную корову из скотского гурта. И на этот раз старик хочет закричать, но не в силах вымолвить ни слова. Между тем, приготовив мясо, Цзуру попрежнему ставит перед стариком стол и угощает, но тот не в силах есть; Цзуру же, волшебством, приканчивает все мясо один и, потом начинает напевать песню:

Хотела клевать лошадиную болячку сорока...
Хотела потравить скотину лисица...
Хотел их обоих застрелить старик...
Можно ли пуще этих троих осрамиться?

Тогда старик поднимается и поспешно уезжает домой.

— Уж теперь, — говорит он жене, — уж теперь мне с ним не сладить; что же будет потом? Потом, прикончив мой скот, он съест и меня самого: по всем его повадкам видно, что если это не чорт, так дьявол.

10. КАК САНЛУН ИСПЫТЫВАЕТ СВОИХ СЫНОВЕЙ

Старик Санлун решил испытать своих сыновей. Для этого он поймал куропатку, завязал ее в мешок и едет верхом на своем хайныке,[1] посадив позади себя, сундлатом,[2] Цзасу. По дороге куропатка стала биться, отчего хайнык сильно лягнул и сбил старика на землю. Старик лежит, притворясь мертвым, а Цзаса со слезами причитает:

— Ох, батюшка! Не успел ты обучить нас ни охоте, ни езде! Что ж теперь делать?

---

[1] Тибетская корова.

[2] Вторым верховым, на одном и том же коне.

Поплакал Цзаса и вернулся домой. Вернулся верхом на своем хайныке и старик.

На другой день старик посадил с собой, сундлатом, Рунсу. Хайнык точно так же опять лягнул и вывалил старика на землю. Лежит он, притворясь мертвым, а Рунса поплакал и вернулся домой. Вернулся за ним и старик, верхом на своем хайныке.

На третий день сажает он Цзуру. По дороге какой-то китаец пахал пашню и по меже пашни расставил вехами колья, по которым прыгает сорока. В это время куропатка в мешке у старика попрежнему стала биться, хайнык лягнул и опрокинул старика на землю. Тот притворился мертвым, а Цзуру быстро соскочил, попридержал хайныка и давай притворно голосить громким голосом. Потом перестал плакать и говорит:

— Кто же виновник моего горя: не эти же горы или растущий на них лес? Не паши этот зловредный китаец, да не понаставь по меже вех, где бы тогда уселась сорока, с чего бы тогда стал брыкаться хайнык, с чего бы тогда и умереть моему старику? Пойду и привяжусь к этому китайцу!

Он пошел и высказал все это китайцу, но тот и слушать не хочет:

— Не хочешь ли ты, — говорит он, — не хочешь ли ты воротить своего мертвого тем, что заставишь заплатить за него живым человеком? Отстань!

Тогда Цзуру принимается вытаптывать его пашню. В страхе и скорби за свою пахоту китаец подбегает и говорит:

— Как ты прикажешь, так пусть и будет: только не трогай моей пашни!

— А я, — говорит Цзуру, — я буду настаивать на своем: ты обязан, в качестве следуемого с тебя штрафа „яла-цзанха", нарубить и привезти мне с этой горы лесу, чтобы я мог предать погребальному костру своего батюшку.

Китаец отправился, нарубил на горе дров и доставил, а Цзуру обложил ими своего отца и зажег огромный костер. Когда пламя с треском разгорелось, старик приоткрыл глаза и взглянул, а Цзуру говорит:

— Известно, батюшка, что, если человек умирает с открытыми глазами, то это худая примета для его живых потомков, и он швырнул отцу в глаза подхваченную горсть пыли. Между тем старика начинает донимать жар, и он скрючивает ноги.

— Когда у покойника скорчены ноги, — продолжает Цзуру, — то не сдобровать, говорят, оставшимся после него жене и детям. Притаскивает огромное бревно и наваливает отцу на ноги, а потом поднимает его и тащит на костер. Уже перед самым пламенем старик заговорил:

— Цзуру, да отец твой вовсе не умирал, он живехонек!

Но Цзуру продолжает тащить старика в огонь:

— Ведь есть, батюшка, примета, что, если покойник подает голос, так будет недоброе оставшимся после него родным.

— Родной мой! — кричит старик. — Так, значит, ты хочешь сжечь своего отца живым: говорю ведь, что я не умер!

— Так, значит, ты, батюшка, не умер: это хорошо! — говорит Цзуру, взваливает его на хайныка и везет домой.

Дома старик рассказывает своей жене, как трое его сыновей пасли скот и как он хотел испытать характер каждого из них.

— Мой Цзаса, — заключил он, — мой Цзаса будет богатырем, мой Рунса будет человеком, который любит есть втихомолку, но уж с моим-то Цзурой никому не сравняться!

Сказав это, старик вышел, а мачеха задумала худое:

„Что же это? Выходит, что сын сбытой с рук женщины лучше обоих моих сыновей?“

И замыслив немедленно извести Цзуру, она поставила на стол для двух своих сыновей хорошую пищу, а Цзуре подсыпала сильнейшего яду.

Вечером являются все трое сыновей. Цзаса с Рунсой садятся за стол и оба принимаются есть, а Цзуру стоит с левой стороны и смотрит:

— Голубчик, Цзуру! Что же ты стоишь и смотришь? Садись за стол и принимайся за свою еду! — говорит мачеха.

Тогда Цзуру быстро подходит, берет свою чашку с едой, садится и говорит:

— Наши родители до сих пор наделяли нас едой, а теперь будут наделять и скотом. Вы же, оба моих старших брата, сделали оплошность: не поднесли своим родителям начатка — дэчжи. Хоть сам еще и не ел, ну так что же? — говорит Цзуру и подает от себя отцу дэчжи.

Только было хотел отведать ничего не подозревавший отец, как Цзуру быстро выхватывает у него чашку и передает мачехе. Та, сгорая со стыда, собиралась уж было отведать, как Цзуру и у нее быстро берет чашу и делает возлияние на котел со словами:

— Издавна повелось, что он, котел — главное в домоводстве. А котел и лопнул. Полил он на таган — таган разлетелся, покропил на дымник — дымник развалился. Тогда Цзуру покропил на голову собаке, приговаривая:

— И желтый пес служит в домашнем хозяйстве! — и у собаки голова расселась надвое. Затем, с остатками в чаше он сделал так, что они сами собой разнеслись, сами собой выплеснулись в жертву его сестрице, находящейся у драконовых царей.

11. ВОЗВРАЩЕНИЕ САНЛУНА НА РОДИНУ. ЦОТОН ИЗГОНЯЕТ ЦЗУРУ С МАТЕРЬЮ

Старик Санлун откочевал к своему улусу и расположился на краю многолюдного родного кочевья. Охотясь поблизости, Цотон-нойон обратил внимание на новое стойбище и говорит:

— Чья же это такая прекрасная белая юрта и чей этот несметный скот?

И он послал человека узнать, чье это кочевье. Когда посланный сообщил, что кочевье — старика Санлуна, Цотон-нойон со всей своей свитой, подъезжает к юрте и задает Санлуну вопрос, откуда это у него взялось такое скотоводство и настоящий дворец — белая юрта? Цзуру выступил вперед и говорит:

— Не подпилок ли ты, который не разбирает металла? Не собака ли ты, которая не разбирает родства? Разве не ты прогнал в ссылку своего старшего брата и разве не сонмы всех вышних тэнгриев и преисподних драконовых царей сжалились над ним и наделили его хозяйством?

— Тьфу, пропасть на тебя, — крикнул Цотон-нойон. — Посмотрите-ка на этого негодяя! Говорят, — продолжал он, — говорят, что семь ночных демонов-албинов хватают и пожирают в день по семисот человек, вместе с их конями, не разбирая при этом, по наряду они или без наряду, а потому поднесем-ка им в очередной оброк Цзуру вместе с его матерью! Отправляйтесь-ка вы туда сегодня оба, и пусть семь албинов сожрут сначала вас, а в следующий срок мы дадим ужо им других людей!

— Хорошо! — говорит Цзуру и смеется. А мать говорит ему потом:

— Что это, милый, что ж ты смеешься? Я думала, что родила разумного, доброго сына, но видно родила-то я сына скверного и никчемного. Разве не всем известно, что эти семь албинов хватают и пожирают в день по семисот человек, вместе с их конями? И разве не за тем нас посылают, чтоб нас обоих похватали и сожрали албины?

— Молчи, матушка, — отвечает Цзуру. — Ты, как женщина, не можешь понять: ведь если остаться тут, убьет дядюшка Цотон-нойон; отправиться туда — сожрут семь албинов. Разве у них не одинаков закон?

Не спеша, навьючил он на хайныка свою черную, дырявую полуюрту и тронулся вверх по балке-ущелью Больчжомурун-хоолай.

12. ЦЗУРУ УБИВАЕТ СЕМЕРЫХ АЛБИНОВ

Располагается Цзуру кочевьем у истоков Больчжомурун-хоолай. Поставил свою черную, рваную полуюрту, высек огня для матери и, сходив на охоту, вернулся с двумя семерками убитых оготона. Одну семерку он изжарил, а другую семерку сварил. Вечером являются семь албинов. У каждого спереди поперек седла — по сотне людей, а сзади поперек седла — по сотне лошадей. Цзуру выходит к ним навстречу.

— Умереть со страху, что же это такое? Зачем же беспокоишься выходить ты сам, премудрый Гесер-хан, государь десяти стран света?

— Дошла до меня про вас молва, — говорит Гесер, — молва, будто вы поедаете в день по семисот человек вместе с конями, не разбирая, обречены вам они или нет. Потому-то и послал меня к вам на съеденье дядя Цотон. А в другой раз, говорит, представим им других людей.

— Умереть со страху, что значат эти слова твои, милостивый, премудрый Гесер-хан, повелитель десяти стран света?

— Но вы, должно быть, голодны? — говорит Гесер. — В таком случае соблаговолите остановиться в моей плохонькой юрте и отведать у меня чаю и супу-ш о л ю.

Албины остановились, и он предложил им две семерки оготона. Но те, не съевши даже и одного оготона, стали было прощаться, как Гесер говорит им:

— Отдайте мне семь голов коней своих за одну волшебную штуку, которой я вас научу! — Тогда албины стали между собою советоваться, говоря: вот беда-то! На чем же нам ехать, если отдать семь голов коней?

— А вы, — говорит Цзуру, — вы поезжайте верхом на этих вот моих семи белых палочках. Но только поезжайте вскачь и приговаривайте: Режь горы, пересекай долины, сокрушай скалы, дроби кочки, пересекай море! Эти мои палочки будут, пожалуй, подороже ваших коней.

Албины с радостью согласились, слезли с коней, пересели на палочки и поехали. Едут и приговаривают они „режь горы". И действительно, как и говорил Гесер, свободно мчатся. Тогда албины подумали: „Раз уж этакие трудности мы свободно миновали верхом на этих фальшивых конях, то нам и море нипочем". И вот они смело бросаются в море. Но тут семь белых палочек, обернувшись семью рыбами, нырнули в морскую глубину, а семь албинов пошли ко дну и потонули.

Семь белых палочек вернулись к своему хозяину, и таким образом Гесер своею чудесной силой истребил семерых албинов и завладел семью их конями.

13. ЦЗУРУ (ГЕСЕР) ОБРАЩАЕТ В БУДДИЙСКУЮ ВЕРУ ШАЙКУ РАЗБОЙНИКОВ

В то время повыше жилья Цзуру, охотясь, кочевала шайка горных бродячих хищников. Цзуру распознал их своею волшебной силой, распознал и выходит им навстречу в виде одного из своих хубилганов — оборотней. То был хорек с белоснежными коготками, спереди золотой, а сзади серебряный. Цзуру заставляет его играть и забавлять охотников. Все они бросили охоту, смотрят и удивляются. С закатом солнца Цзуру забирает своего хорька и уходит домой. Пора бы на покой и охотникам, но поздно вечером является к Цзуру от них человек и говорит:

— Наши полагают так: а ведь этот человек нам немного сродни! Пусть же одолжит нам своего хорька, мы позабавимся и вернем.

— А вы отдадите мне взамен триста своих меринов, если потеряете моего хорька? — спрашивает Цзуру.

— Отдадим! — говорит тот.

— Ведь ты, должно быть, высказываешь только свое мнение, не спросясь своего сайда-атамана. Пойди-ка лучше спроси, — говорит Цзуру.

Тот пошел, спросил и ему было сказано: конечно, мол, дадим, только непременно приноси.

Опять посланный является к Цзуру и говорит:

— Мне велено передать тебе, что если потеряют твоего хорька, отдадут своих меринов.

Тогда Цзуру вручил ему хорька и повторил:

— Смотрите же не потеряйте моего хорька! Разумеется, в ту же ночь хорек по привычке вернулся к своему хозяину, а Цзуру рано утром является к охотникам и требует назад своего хорька. Те поискали в очаге — хорька нет.

— Видно твой хорек прокопал нору и ушел! — говорят они.

— Известное дело, что хорек не с неба сходит! — говорит Цзуру. — И вы прекрасно знаете, что хорек из земли вылазит, да только задумали, должно быть, отделаться шутками? Отдавайте-ка по уговору триста своих меринов!

— Да разве же ты, — говорят разбойники, — разве ты не такой молодец из молодцов, что сможешь и сам отобрать триста наших меринов? и с этими словами они тронулись в путь. Цзуру пошел за ними пешком. Когда они втянулись в ущелье между двух очень высоких гор, он взобрался на вершину ближайшей горы, оторвал целиком огромную скалу и этой скалой ударил по вершине дальней горы, которая пошла оттого кругом, сотряслась же и ближняя. Когда же сотряслись, закружились обе горы, то под ударами падающих камней с этих гор закружились и кони, и люди трехсотенной банды и бросились было бежать к ближней горе, где был Цзуру, но тот попрежнему валит их с ног.

— Милосердный Богдо! — взмолились те. — Мы готовы поступить по твоей воле, какова бы она ни была, если б даже ты и казнил нас лютейшею казнью.

— Что там за моя воля, подайте моего хорька, — говорит Цзуру.

— Что там за твой хорек, поступи по твоей воле, — отвечают те.

— А раз поступать по моей воле, — говорит Цзуру, — так снимай свои волосы и бороды, принимай веру, посты и обеты!

Тогда являются к нему все они и без различия пола снимают и волосы и бороды. Так, обративши разбойников в веру, забрал Гесер триста меринов и воротился домой.

14. ЦЗАСА НАВЕЩАЕТ ЦЗУРУ В ССЫЛКЕ. ЦЗУРУ ОТКРЫВАЕТ ЕМУ, ЧТО ОН ГЕСЕР

И стал летовать Цзуру в своей рваной черной полуюрте с целым табуном коней: семь голов, взятых у албинов да триста — у шайки горных разбойников.

Тем временем Цзаса-Шикир оплакивает своего младшего брата:

„Послал коварный Цотон-нойон соплячка моего Цзуру на съеденье семерым албинам и должно быть они уже съели его. Если так, то сражусь

с ними в смертном бою, а если жив еще Цзуру, так проведаю-ка своего младшего брата"!

И с этими словами седлает он своего серого крылатого коня, надевает свой чешуйчатый панцырь, покрывает свою благородную голову знаменитым своим шлемом — дагорисхой, вкладывает в колчан тридцать своих белых стрел, берет свой черный лук, надевает свой булатный обоюдоострый меч и едет вверх по ущелью Больчжомурун-хоолай. У истоков Больчжомурун-хоолай видит он табун меринов и думает: ну, это должно быть албины пожирают моего соплячка Цзуру. Выхватывает Цзаса-Шикир свой остро-булатный меч, пришпоривает своего крылатого серого коня. Видит он среди табуна стоит рваная черная полуюрта. В потайном месте привязывает он своего крылатого серого и с обнаженным остро-булатным мечом в руках, подкравшись к юрте, заглядывает в нее, приподняв кошму. А как заглянул, видит там сидит соплячок Цзуру, от жары распахнув полушубок. В один миг меч в ножны, и Цзаса в юрте.

— Ай, Цзаса мой! — вскрикнул Гесер. — Встал, побежал, обнялись и оба рыдают. И от рыданья их всколебалась златонедрая земля.

— Цзаса мой! — говорит Гесер. — Разве не ясно, что ты пришел за тем, чтобы умереть вместе со мною у албинов, если умер я; но если я жив, то — проведать меня? И разве это не верный признак твоего богатырского нрава?

И поставил Гесер жертвенник и умиротворил златонедрую землю.

— Родной мой, — продолжал Гесер. — Я ведь не Цзуру-соплячок, твой брат: я не иной кто, как милосердный Гесер Мерген-хан, государь десяти стран света. Но об этом, мой родной, не открывай людям. До пятнадцати лет суждено мне, в образе Цзуру, усмирять всяческих злобных докшитов, а потом проявлюсь я Гесером и возьму вас в свою свиту.

Цзаса радостно смеется, а Гесер продолжает:

— Отведи вот этих моих триста меринов и подари ты нашему бедному отцу, а вот эту семерку коней ты возьми себе. И знай, родной мой, что я не подвластен закону смерти. Цзаса-Шикир поехал домой и погнал табун меринов. По дороге встречает его Цотон-нойон и спрашивает:

— Цзаса! откуда ты взял этот табун меринов?

— Я, — отвечал Цзаса, — убил семерых албинов, которые схватили Цзуру, и пожирали, и вот угнал меринов.

— Стало быть, тот негодяй умер? — говорит Цотон. — Туда ему и дорога! Хорошо, что ты-то, мой родной, благополучно вернулся! и с этими словами Цотон поехал своей дорогой. Цзаса передал своему отцу триста меринов. Радуется старик и говорит:

— Да, сразу видно, что это мой сын: вылитый я!

15. ЦЗУРУ (ГЕСЕР) УБИВАЕТ МАНГУСА ИК-ТОНГОРОКА

В то время появился Мангус Ик-Тонгорок, который восседал на маковке высокого, до самых небес, субургана-часовни, называемого Курме. Людям, находившимся к югу оттуда, он заслонял утренний свет солнца; людям, находившимся к западу, заслонял полуденный свет, а людям к северу от него — вечерний свет солнца.

Цзуру знал про это, как и про то, что Мангус различал людей еще за сутки пути от него, хватал и пожирал их уже за полсуток пути от него. Оборачивается он нечистым грешником, человеком, промышляющим ловлей тарбаганов, приходит к субургану, ложится у его основания и притворяется будто раскапывает норку. Мангус окликнул его и спрашивает:

— Что ты за человек?

— Ах, благодетель, — отвечает Цзуру. — Разве я не вправе тебя немного побеспокоить: я — убогий человек, промышляющий ловлею тарбаганов; вот в эту норку забежал тарбаган, и я прилег, чтобы его выкопать. Мангус перестал обращать на него внимание, а Цзуру тем временем наделал подкопов под фундаментом субургана, в разные стороны; толкнул субурган, и он упал, разбившись на несколько частей. Падая с маковки субургана, разбился на смерть и Мангус.

Покончив с Мангусом, Цзуру возвращается домой, навьючивает свою старенькую черную полуюрту и вместе с матерью едет в свой улус. Вблизи главных улусных кочевий, увидал его Цотон-нойон и ахнул:

— Цзуру! Какими судьбами? А про тебя мне Цзаса сказывал, будто тебя схватили и пожрали албины: я же, — говорил он, — убил этих албинов и вот угнал меринов.

— Значит, ты теперь так можешь говорить про нас обоих с Цзасой! — говорит Цзуру.

— От нет происходит да, а так все равно что да! — говорит Цотон.

— Мать его с отцом и с тобой вместе! — говорит Цзуру. — Чего ради Цзаса про меня плетет небылицы?

И с этими словами Цзуру поехал своею дорогой.

16. ЦОТОН ВТОРИЧНО ИЗГОНЯЕТ ЦЗУРУ ВМЕСТЕ С МАТЕРЬЮ. В НОВОМ ИЗГНАНИИ, НА УР. ЭНХИРЕХОЙН-ЦЗУ, ЦЗУРУ СТРОИТ ХРАМ В ЧЕСТЬ ХОМШИМ-БОДИСАТВЫ

Снова распаляется гневом Цотон-нойон и отдает такой приказ:

— С нынешнего дня на урочище Больчжомурун-хоолай будем кочевать мы, а Цзуру с матерью пусть отправляется кочевать на урочище Энхирехойн-Цзу.

— Ладно! — отвечает Цзуру и ухмыляется. А мать его, со слезами на глазах, говорит ему:

— Эх, родимый ты мой! Что же ты смеешься? Радовалась я, чаяла в тебе доброго, дельного сына, а выходит, что родила-то я сына худого, никчемного. Родной ты мой, ведь на этом самом Энхирехойн-Цзу, говорят, летом не бывает дождей, а зимой великие снежные заносы и страшные метели-шурганы. Нет там ни скотского помета-аргала, ни другого какого топлива, ни даже зверя: вот какая, говорят, это пустыня. Разве не ясно, родной, что нас посылают на верную смерть? Не лучше ли нам как-нибудь кормиться ткацким трудом около людей Цотонова улуса?

— Молчи, матушка! — говорит Цзуру. — Ты женщина и по-женски судишь. Пословица говорит: „И коза к своей паре льнет. А пободаются — разойдутся. И женщина к милому дружку льнет. А поссорятся — расходятся“. Уйдем-ка лучше, матушка! И он откочевал со своей матерью.

После того, как Цзуру водворился на Энхирехойн-Цзу, это урочище превратилось в прекрасное блаженное кочевье: из моря провел он воду, у самых дверей, около своей юрты насадил множество деревьев, которые стали приносить всевозможные плоды. Оттого в ту местность сбежалось множество всякого зверя, и Цзуру прозвал это урочище — Цакирмак-хоолту.

Однажды, когда Цзуру охотился на Энхирехойн-Цзу, там проходил, возвращаясь домой с барышами, караван из пятисот купцов Тескийского Эрдени-хана, которые побывали в царстве Дайбун-хана китайского. У них не было недостатка ни в чем, кроме разве пары обыкновенных человеческих глаз, и не было ничего, чего б не могли эти купцы. Является им Цзуру то под видом шайки в двадцать человек, то под видом кусачих шмелей, и тотчас же эти люди сбились с дороги. Никакими способами не находя дороги и чувствуя приближение смерти, обращаются к нему эти пятьсот купцов.

— О, милосердный Богдо! Разве не ясно, что мы больше не располагаем собой? Захочешь ли ты взять эту нашу казну — бери по расположению твоей воли; захочешь ли сделать нас твоими покорными друзьями — мы станем твоими друзьями.

— Ладно, ступайте за мной! — Привел их Цзуру к себе и говорит:

— Выстройте вы мне здесь такой прекрасный дом, который бы приличествовал храму Хомшим-бодисатвы, и выстройте его из таких материалов: из золота, серебра, железа и камня.

Тогда пятьсот купцов поставили на великом море каменную плотину и стали воздвигать колонны из огромных валунов. Из железа делали они стропила, из свинца оконные рамы; и во все оконные рамы вставили огнепламенные эрдени-драгоценные камни, через которые в дом проникал свет. Крышу они сделали серебряную, позолоченную; на коньке водрузили огнепламенный эрдени, драгоценный камень. Тогда поставили они внутри храма кумир Хомшим-бодисатвы, по четырем углам залы подвесили светоносные огнепламенные эрдени, а пред кумиром Хомшим-бодисатвы — чин-

дамани-эрдени. Потом извлекли они камень из плотины, и пошла оттуда святая вода-расаяна во внутрь храма. Держат тогда речь пятьсот купцов:

— Думаем, что строили, предусмотрев все возможные удобства: ветру не погнуть, ливням не размыть; ни лампад особых не надо искать, ни курительных свечей, ни святой воды-расаяны. По сердцу ли тебе, Мерген-хан?

— Ваш покорный слуга доволен, — говорит Цзуру. Теперь я вас провожу домой. Вам предстоит возвращаться через наш Тибет, или же другой дорогой, несколько в сторону. Непременно поезжайте через Тибет, да заезжайте по пути к Цотону. Он непременно станет вас, как проезжих, расспрашивать, не бывали ли вы в Энхирехойн-Цзу? А вы отвечайте, что заезжали. Туда, скажет он, укочевал наш Цзуру-сопляк; жив этот негодный, или умер? А вы ответьте, пожалуйста, Цотону так: Цзуру-соплячок выстроил там храм в честь Хомшим-бодисатвы, употребив для этой постройки всевозможные драгоценные материалы: и камень, и железо, и серебро, и золото, и драгоценные стекла, и свинец. Но самого-то Цзуру, должно быть, уже нет в живых: тот его дом стоит без хозяина.

17. ЦЗУРУ, ЗАМАНИВ К СЕБЕ ЦОТОНА, ИЗБИВАЕТ ЕГО И ОПОЗОРИВАЕТ ПЕРЕД ВСЕМ УЛУСОМ

Проводив этих купцов, Цзуру занялся постройкой вокруг своего дома крепкой ограды из колючих деревьев. В ограде оставил он всего одни ворота, к которым приделал железную цепь длиною в тридцать алданов. Вбив затем в землю две трехсаженных сваи, на одну из них, укрепленную у самой проезжей дороги, он приладил из железной цепи петлю, с таким разрывом, в который как раз мог бы въехать конный человек. При самом же входе в западню он положил ворох дрючьев.

Когда купцы проезжали мимо Цотоновой ставки, он сам выехал к ним навстречу и стал расспрашивать. Тогда, выдавая наставления Цзуру за свои собственные слова, купцы рассказали ему все по порядку.

— Славно, — думает Цотон. Седлает своего гнедого, привешивает к поясу сайдак и приезжает в Энхирехойн-Цзу. Почуяв своею вещею силой, Цзуру ложится возле своей западни, притворившись мертвым. Цотон подъезжает. Конь его становится на дыбы, испугавшись дороги. Пришпоривая коня, он хлещет его по голове и ляжкам. Конь рванулся вперед и, стараясь обойти дорогу, попал прямо в железную западню. Тогда Цзуру вскакивает, подбегает, вырывает из земли одну трехалданную сваю и несколько раз обматывает цепью коня вместе со всадником. Опутав их таким образом, Цзуру принялся хлестать их дрючьем, не разбирая ни коня, ни всадника. А нахлеставшись вдоволь, вырвал он вторую сваю, точно таким же образом опутал коня цепью и пустил на волю. Гнедой вдруг понес...

— Что это Цотон-нойон, сбесился, что ли? — говорят люди. Простыми средствами его, однако, не поймаешь: давайте-ка будем ловить его прорывая наперерез ему канавы.

А конь тем временем все несет... И носился он так целых семь суток, никакими средствами неуловимый. Тогда тибетцы всем улусом устроили на Цотона настоящую облаву, нагромоздив в три ряда телеги и идя правильной облавной цепью. И только таким образом удалось его поймать. Распутав цепь, они сняли его с коня, но Цотон еле передвигает ноги.

— Что с тобой случилось, дядюшка Цотон? — спрашивают все в один голос.

— Мимо меня, — говорит Цотон, — проезжал большой купеческий караван, и я стал расспрашивать купцов про Цзуру, помер он или живой. Уж не сочли ли эти купцы, что я побил у них отцов-матерей: наврали мне, будто он умер, а на самом деле, когда я приехал к Цзуру, тот поймал меня и вот, как видите, отделал до полусмерти.

Тогда заворчал на Цотона Цзаса-Шикир:

— Ты спрашиваешь, не сочли ли эти купцы, будто ты побил у них отцов с матерями. Ну, а Цзуру-то разве убил у тебя отца с матерью, что ты изгнал его в погибельное место, в Энхирехойн-Цзу? Бил тебя мой брат, да жалко, что не забил до смерти!

После этой перебранки весь народ разошелся по домам.

18. ЦЗУРУ И ДЕВУШКА АРАЛГО-ГОА

Однажды во время охоты встречает Цзуру дочь Ма-баяна, Аралго-гоа, с мешком на плечах, в котором та несла пирог с начинкой из баранины и дикого лука. Цзуру спросил ее, кто она такая и зачем пришла сюда.

— Я дочь Ма-баяна, Аралго-гоа, — отвечает девушка. — Мой отец прислал меня просить у тебя позволения кочевать здесь.

— Ладно, — говорит Цзуру, — подожди тут, а я пойду снесу это кушанье своей матушке.

Возвращается Цзуру к девушке, а та спит. Тогда Цзуру побежал в табун ее отца, притащил скинутого кобылой жеребенка, подсунул девушке под подол и будит ее. Проснувшись, та привстала, а Цзуру и говорит ей:

— Как это ты смела притти ко мне, ты, девушка с таким грехом и нечистотой? Если предположить, что ты сошлась со своим отцом, то должна бы родить ребенка с лошадиной головой. Еслиб сошлась со старшим братом, должна была родить ребенка с лошадиной гривой. Сошлась бы с младшим братом — должна бы родить ребенка с лошадиным хвостом. Сошлась бы с чужеземным рабом, должен бы родиться ребенок с четырьмя конскими ногами. Ну-ка встань, распутная ты девка!

„Беда! Что же это такое говорит он мне?“ И так подумав, девушка вскочила, а из-под подола у нее и выпал жеребенок.

„Ой горе, ой грех какой, какое осквернение!“ убивается девушка. Цзуру милый! Никому об этом моем грехе не говори, а возьми меня замуж.

— Ты правду говоришь? — спрашивает Цзуру.

— Правду, — отвечает девушка.

— А коли правду, так лижи в знак клятвы мой палец. И с этими словами Цзуру уколол свой мизинец и заставил ее лизать кровь. Потом берет он хвост жеребенка, вешает девушке на шею и говорит:

— Это в знак нашего обручения! А отец твой, — продолжал он, — отец твой пусть кочует здесь один, прочие же хошунцы пусть и близко не подходят!

Девушка поехала домой.

19. ЦЗУРУ НА СВАДЬБЕ В ДОМЕ ЦОТОНА

Цзуру продолжал охотничать, а в это время за старшего сына Цотон-нойона, Алтанту, выходила замуж Мачиха-Химсун-гоа, дочь Ма-баяна, младшая сестра Цористон-ламы, которому Царкин доводился дядей по матери. И вот Цористон-лама провожает невесту. По дороге встречает его Цзуру и, взяв его лошадь под-уздцы, говорит:

— Ты — милосердующий ко всем старший лама, а я — ничтожный бедняк: так подари мне, лама, что-нибудь от твоих щедрот!

— Что я могу дать тебе в данную минуту; я — человек, находящийся в пути? Завтра Цотон-нойон устраивает большой пир: приходи туда, и я покажу свою щедрость.

А Цзуру не отстает и говорит:

— Еслиб ты действительно собирался что дать, так разве не при тебе твой верховой конь и шуба на плечах?

— Посмотрите на дерзость этого нахала! — вскрикнул лама и хлестнул Цзуру плетью по голове. Тогда Цзуру сбросил ламу с коня и навалился на него. Тут подоспел Царкин, дядя Цзуру по матери:

— Оставь его, голубчик Цзуру, оставь, батюшка Цзуру, — просит он. — Не заводи ссоры с этим человеком: ведь если мне вступиться за Цористон-ламу, как за своего шурина, обидишься ты, мой племянник, а вступиться мне за тебя, своего племянника — обидится на меня мой шурин. Не завтра ли большой праздник? Если тебе не с чем явиться, ну так что же? Попроси у людей хоть клок мякины, да приноси! Тогда Цзуру выпустил ламу и говорит:

— Прощаю тебе только по просьбе дяди Царкина. Но смотри, как бы я не осрамил тебя и здесь, в этой жизни, при всем народе, да и в будущей — там при Эрлик-хане!

На следующий день Цзуру, выпросив у людей козу, зарезал ее, сварил мясо, сложил в мешок и, взвалив на плечи, пошел с матерью на свадьбу.

За столом на первом месте сидел Цотон-нойон, а Цористон-лама — на первом месте на женской половине стола. Пир в разгаре. Цзуру не предложили даже места за столом, и он уселся ниже всех мужчин, как и

его мать, тоже поместившаяся на голой земле, за неимением места за столом. Тогда Цзуру выбежал, набрал и принес себе в юрту конского помета и на нем соорудил себе стол, воткнув в него вербовый прут, который он на конце расщепил на три части.

Всех гостей обнесли, все едят: только одному Цзуру никто ничего не подает. Цотон-нойон сидит, держа в руках целый ха, бараний передок с ребрами.

— Дядюшка! — обращается к нему Цзуру. — Мяса тут целая гора, а вина — море разливанное. Глаза-то счастливые — им все видно, а в озорную глотку ничего не попадает. Дай-ка мне, дядюшка, эту свою ха!

— Дал бы я тебе от седловины, — говорит Цотон, — да боюсь не было б худо для самой основы моего благосостояния. Дал бы мозговую кость от средины переднего бедра — да как бы не постигло несчастье моих детей. А дать мозговую кость от верхней части бедра — не вышло бы горшее из всех зол. Возьми себе, да отведай-ка черной земли, да кашля, да слез с мокротами поотведай. Забери скотскую всю падаль на западном берегу реки, забери падаль на восточном и северном, всю забери себе! Или на-ка, вот, возьми, — продолжал Цотон, — возьми-ка отбери тряпки-лоскуты у просватанной девки, или отними передние амулеты у вошедшей в дом снохи.

Тогда Цзуру вскакивает с места и обращается к гостям с такою речью:

— Прошу у всех внимания. Вот — оно, каково пожаловал меня своею милостью дядюшка Цотон! Он жалует мне черную землю: стало быть вы, промышляющие рытьем кореньев ургунэ и хичжигинэ, а также и вы, землепашцы, обязаны впредь выбирать у меня разрешение, иначе будет на вас великое заклятие. Жалует он меня также слезами и мокротами всех кашляющих и льющих слезы людей. Смотрите же, впредь не кашлять и слезы не лить без моего позволения, а кто закашляет или прослезится, не спросясь у меня, — на том будет великое заклятие. Дарит он мне также всю падаль: и конскую падаль к западу от реки, и скотскую падаль к востоку, и овечью падаль к северу от главной реки. Питайтесь же ею, но и то не иначе, как с моего разрешения, а иначе будет на вас великое заклятие. Он велит мне также забрать передние амулеты у выданной замуж девки!

С этими словами Цзуру подбегает к Химсун-гоа и начинает стаскивать с нее все надетое и привешенное.

Но тут-то и обнаружилось, что Цористон-лама был чародей. Выпускает он из левой своей ноздри пчелу и велит ей:

— Подлети-ка к Цзуру да выколи ему один глаз.

Вещею силой своею понял Цзуру: один глаз закрыл тотчас, а другой наискось сощурил. Насекомое бросается на него, но с перепугу жалит Цзуру в губу и назад к ламе.

— В глаз ты его ужалила? — спрашивает лама.

— У него один глаз слепой, а другой кривой! — отвечала пчела. — Я ужалила его в губу.

— Ты залезь ему, — велит лама, — залезь поглубже в левую ноздрю и убей его проколом главной артерии.

Насекомое налетает, а Цзуру, делая вид, будто у него идет носом кровь, заткнул правую ноздрю, а левую ладонь подставил в виде ловушки. И не успела пчела влететь, как он поймал ее в свою ловушку. Поймал и крепко зажимает в кулаке. Тут вдруг лама упал бев памяти со своего кресла, упал и катается по земле. Отпустит немного Цзуру пчелу — лама приподнимается немного и кланяется ему; опять прижмет — лама замертво без памяти лежит.

Поняла тогда младшая сестра Цористон-ламы, поняла Химсун-гоа, что Цзуру поймал душу ее старшего брата. Направляется она к Цзуру, держа в одной руке драгоценный камень бирюзу, величиною с голову грифа, а в другой руке — корчагу с водкой. Тогда Цзуру выступает вперед и обращается к ней:

— Ай-ай! Полюбуйтесь-ка на свою невестку. У нас в Тибетской земле так ведется, что ханская невестка до трех лет не должна заговаривать с посторонним мужчиной, а невестка простолюдина — да трех месяцев. А у этой беспутной невестки нет что ли ни свекора, ни свекрови? Или может быть для нее вот это насекомое и муж и свекор со свекровью?

С этими словами Цзуру повернулся к ней спиной и отошел. Тогда подходит к нему цзаргучей[1] Цористон-ламы, горбач Хара, и с низким поклоном заводит речь:

— Вот каково будет впредь: кто что увидит, да тебе не покажет, пусть у него глаза выколят. Кто что услышит, да тебе не скажет, пусть у того уши оглохнут. Будет есть, да тебе не даст, пусть у того зубы потрескаются. Добудет что, да тебе не даст, пусть ему руки переломают.

Есть белоснежная гора. На той горе
сам собою блеет белоснежный ягненок.
Есть золотая гора. На златой горе сама собой
вертится золотая мельница.
Есть железная гора. На железной горе сама собою
резвится бирюзово-железная корова.
Есть золотая гора. На златой горе
золотая палочка сама собой бьет.
Есть медная гора. На медной горе сама собой
лает медная собака.
Есть золотая гора. На золотой горе сам собою
жужжит золотой слепень.
Есть слиток золота, из песчинок собранный,
в муравейнике муравьиного царя.
Есть золотой аркан, которым можно поймать
солнце.

[1] Судейское должностное лицо.

Серебряный аркан, которым можно поймать
луну.
Склянка крови с муравьиного носа.
Горсть сухожилий вшей.
Рожок крови из клюва черного орла.
Склянка молока из грудей черной орлицы.
Рожок слез из глаз черного орленка.
Есть сочно-влажный хрусталь на дне океана,
Хрусталь величиною с молотильный жернов.

— Голубчик Цзуру! Забери ты все эти драгоценности, возьми на придачу и эту Химсун-гоа, только пусти эту пчелу! — так взмолился с поклонами Хара.

Тогда Цзуру выпустил насекомое. Лама с поклонами поблагодарил Цзуру и с почетом усадил на свое седалище. А Цзуру взял Химсун-гоа и отдал ее старшему своему брату, милому сердцу его, Цзаса-Шикиру.

20. ЦЗУРУ ГЕРОЙСКИМИ ПОДВИГАМИ В ТИБЕТЕ ДОБЫВАЕТ СЕБЕ ЖЕНУ, ДАКИНИССУ РОГМО-ГОА

В ту пору прибыла в Тибет дочь Сенгеслу-хана, Рогмо-гоа, озабоченная тем, что все не находит по себе мужа. Прибыла она с тремя своими знаменитыми стрелками, тремя могучими борцами, с одним великой мудрости ламой, в сопровождении многочисленной свиты.

„Говорят в Тибетской земле есть тридцать чудо-богатырей: не окажется ли среди них достойного меня мужа?“ думала она. Созывали десять тысяч женихов, собирались десять тысяч женихов. Отправлялся и Цотон-нойон, а Цзуру просится с ним:

— Посади меня сзади, сундлатом, дядюшка Цотон!

— Уж не собираешься ли и ты, дурной, свататься за дакиниссу Рогмо-гоа? — говорит Цотон и уезжает, сказав, что едет совсем в другое место.

Отправляется и Царкин.

— Дядюшка Царкин! Посади и меня с собой сундлатом! — просит Цзуру.

— Поезжай, родимый соплячок! — говорит Царкин и посадил с собой Цзуру.

Приезжает Царкин. Собралось уже десять тысяч женихов, и во главе их, оказывается, Цотон-нойон. Тогда Цзуру говорит:

— А я-то горевал, что дядюшка Цотон едет совсем в другое место. А на деле выходит, что он-то и заполучит Рогмо-гоа. В добрый час!

Поднимается Рогмо-гоа, выходит и ведет такую речь:

— Я думаю, что среди присутствующих здесь ханов непременно найдется разумный, доблестный муж. Я давно порешила, что пойду за того жениха, который превзойдет в искусстве и вот этих трех моих знаменитых стрелков, и вот этих трех моих могучих борцов. Но никто еще не превзошел их. Я же пойду лишь за того жениха, который превзойдет этих трех

моих славных стрелков и победит этих трех моих могучих борцов. „Сколь же должна быть необыкновенна девушка, что сама избирает себе мужа?“ с осуждением подумаете, быть может, вы. Но ведь в час рожденья моего на левом намете моей юрты играл зверь серу-единорог, на левом намете играл особенный зверь-оролок. С пасмурного неба сходил луч, с безоблачного неба шел дождь. На дорогом на хозяйском столбе-унэ пел у меня попугай, на женском столбе хатун-тулга — куковала кукушка, на сватальном столбе бокталун-тулга распевала птица уранхатийн-гоа. Вот какими девятью знаменьями показано, что я дакинисса Рогмо-гоа! Выставляйте же своих лучших стрелков, выставляйте своих сильных борцов!

Из знаменитых же стрелков Рогмо-гоа один стрелял так, что выпущенная им рано утром стрела возвращалась на землю, когда солнце свершит больше трех четвертей своего пути; стрела другого возвращалась через столько времени, во сколько можно сварить два чая; стрела третьего возвращалась через столько времени, во сколько можно сварить один чай.

— Эти мои люди, — продолжала Рогмо-гоа, — выстрелив ложатся навзничь и успевают отстранить голову при обратном падении стрелы на землю: стрела должна угодить именно в то место, где находилась голова — вот это у нас называется искусный стрелок! Но кто не соблюл этого условия, тот считается у нас плохим стрелком, хотя бы и дольше был полет его стрелы.

Тогда состязались в стрельбе с тремя стрелками Рогмо-гоа все тридцать чудо-богатырей, но никто из них не взял верха; боролись, но никто не победил. Выбегает тогда Цзуру и обращается к ламе, состоявшему при Рогмо-гоа:

— Ваше преподобие! Берет меня охота попытать силы, хочу побороться!

— Брось, любезный! — говорит лама. — Не то что ты, а тридцать чудо-богатырей и те не осилили. Брось, любезный!

— Нет, хочу побороться! — говорит Цзуру.

— Поборись! — отвечает лама. — Цзуру оправляется.

— Где наши борцы? — крикнул лама. — Этот паренек хочет бороться!

Выходит старший богатырь. Тогда Цзуру оборачивается Гесером, но для других кажется самим собой: так волшебной силой помрачил глаза он у всех. Опираясь одной ногой в вершину горы, другою ногой оперся он о берег моря. И отбросил он старшего борца на тысячу миль-бэрэ; среднего борца отбросил на две тысячи бэрэ, младшего борца отбросил на три тысячи бэрэ. Не сводил глаз с Цзуру весь народ. Тогда стали с ним состязаться в стрельбе из лука трое знаменитых стрелков. Их стрелы возвратились на землю к полудню. Пустил стрелу Цзуру, но вот прошел и полдень, а стрела его не возвращается. Не настал еще вечер, как совершенно стемнело, и народ начал было расходиться, думая, что закатилось уж солнце и наступила ночь, как Цзаса-Шикир говорит:

— Нет, постойте! Так всегда бывает при обратном падении на землю стрелы моего соплячка Цзуру! — Не успел он этого проговорить, как при общем клике — вот приближается цзурова стрела! — Цзуру отстранил свою голову, и стрела угодила как раз в то место, где была его голова. Это владычица тэнгриев, старшая сестра Цзуру, возвратила на землю его стрелу, подхватив ее на лету и нанизав на нее всевозможных птиц и между ними гаруди; падая же на землю птица-гаруди и помрачила солнце.

— Ни для кого недоступное совершил соплячок Цзуру! — воскликнул весь народ и стал уже расходиться, как Рогмо-гоа попросила всех обождать и, держа в одной руке семьдесят бараньих ребер, а в другой — корчагу водки-арьхи и бирюзовый камень величиною с голову грифа, начинает обходить одного за другим женихов со словами:

— Я выйду за того жениха, который сумеет, пока я обернусь спиной к женихам, сумеет распределить между всеми десятью тысячами мужчин семьдесят бараньих ребер и корчагу арьхи, а бирюзовый камень величиною с голову грифа сможет уместить себе в рот!

Никто не мог сделать этого. Мог бы, однако, сделать это Бадмараев сын Бам-Шурцэ, если бы Цзуру, незаметно подсев, не выкрал у него четыре-пять его секретов, а без них отказался исполнить задачу и Бам-Шурцэ. Подходя затем по очереди к Цзуру и заметив, что у него сильно блестит под носом, Рогмо-гоа круто повернулась и прошла мимо. Тут Царкин громко стал ее упрекать:

— Ты хоть и благородная, а все-таки баба! А Цзуру мой хоть и простой человек, а все же мужчина! Не так ли? Трех-то знаменитых стрелков твоих победил, трех могучих борцов твоих погубил. Не в том ли и благородство твое, что о таких пустяках будто и не хочешь знать?

Тогда она опять обращается к Цзуру, а тот, выступив ей навстречу, выхватывает у нее из рук вещи и говорит:

— Да впрямь ли ты порядочная девушка? Уж не самая ли ты беспутная, раз не замечаешь, что у тебя задняя пола горит?[1]

Не успела девушка оглянуться назад, как Цзуру волшебною силой разделил на всех десять тысяч женихов и семьдесят бараньих ребер, и корчагу арьхи, а бирюзовый камень запрятал себе в рот, при громком хохоте всего народа.

„Пропало все!“ думает Цотон-нойон. Взял теперь ее наш свояк Цзуру. И стал он измышлять способы, как бы ее потом у него отобрать.

Народ же стал расходиться по домам. Уехала поспешно и Рогмо-гоа со своей свитой. Едет она и все оглядывается сзади себя: чудится ей все, что возле нее этот несносный Цзуру. Посмотрит — никого не видно. Опять оглянется — никого нет. А Цзуру-то, волшебством подкравшись, и уселся сзади нее сундлатом. Как вдруг заметили Цзуру ее слуги и кричат:

— Чего же ты смотрела, когда он сзади тебя сундлатом сидит?

---

[1] Задела священный огонь, да еще задней грязной полой (грех).

Стала тогда плакать-причитать Рогмо-гоа:

— Ох, что же мне делать, как мне быть? В беду неизбывную попала я! Навеки теперь заказан мне путь свободного выбора мужа! Что теперь скажу я своим матушке с батюшкой? С каким лицом с ними увижусь я?

Едут они, а Цзуру волшебною силой своей поднимает такую пыль, будто едет десять тысяч человек.

— Пыль поднялась, рассуждают ее родители — будто десять тысяч людей едет: уж не выбрала ли она Вираяну-хана?

Тогда Цзуру поднимает пыль, как от тысячи верховых.

„Так не выбрала ли она Мираяну-хана?" гадают они.

Поднимает Цзуру пыль, как от девятисот людей.

„Может выбрала она Чихачин-хана?" говорят они.

Поднимает Цзуру пыль, как от конной сотни.

„Ну так выбрала она, пожалуй, Цотон-нойона?" думают родители.

Поднимает Цзуру пыль, как от семидесяти человек.

„Может выбрала она Бадмараева сына, Бам-Шурцэ?" думают они.

Тем часом глядь, а она подъезжает, и с ней Цзуру сундлатом, Цзуру-сопляк.

Вспыхнув от гнева на свою дочь, отец выбегает вон из юрты, распахнув правую половину двери; схватывает уздечку с кнутом и уезжает в табун. В сердцах на свою сестру старший брат распахивает левую половину двери и уезжает к овечьей отаре. Пылая гневом на свою дочь, мать с мрачным видом рвет и мечет вещи, а прислуга тормошит котел. Для Цзуры вместо подстилки они положили потник наизнанку, на который Цзуру и уселся задом ко всем.

— Тебе подослали потник, чего ж ты задом-то уселся? — спрашивают его.

— А у вас-то как принято седлать лошадь для верховой езды? налицо или наизнанку? — спрашивает в свою очередь Цзуру. Тогда слуги попросили Цзуру встать и постлали потник как следует. Но Цзуру уселся на подушку Рогмо и говорит ей:

— Твой батюшка, хлопнув правой половиной двери, уехал из дому с кнутом и мундштуком. Не случился ли у вас в табуне грабеж? Так я ведь не из трусливого десятка! дай мне коня — погонюсь, ворочу. И братец твой старший убежал, хлопнув левой половиной двери и захватив свой лук со стрелами: должно быть волки напали на вашу отару? Так я не плохой стрелок: дай мне лук со стрелами — перебью их! И матушка-то твоя что-то сумрачно тормошит вещи: видимо, вещи-то у вас заколдованы? Так я и демонов-албинов заклинать научен. Давай закляну! И слуги у тебя что-то шевелят котел: видно котел-то у вас зачумленный? Так я знаю тарни-заговор и против чумы: давай прочту тарни.

Вечером собралась дома вся семья и давай бранить дочь:

— Скверная ты девка, беспутная ты девка! Приволокла же ты из женихов жениха! Чего доброго, твоего распрекрасного муженька еще собаки съедят, а нам за попущение отвечать.

Взяли они и втолкнули его на ночь под котел. Ночью Цзуру сбросил с себя котел, зарезал овцу, наелся сам и накормил собак, вымазал свой кожух бараньей кровью и сбросил его с себя, а сам пошел и улегся в степи.

Встали поутру ее родители, увидали все это и говорят:

— А милого-то твоего муженька, видно, собаки съели. За грех ты сама и будь в ответе!

Смутилась Рогмо, сама не своя сидит. Сидит и думает:

„Делал он дела свыше своих видимых сил: так неужели он погиб? Пойду поищу его!“ И отправилась. По дороге встречается ей Цзуру, обернувшийся пастухом многочисленного стада.

— Не видал ли ты, пастух, соплячка Цзуру? — спрашивает она.

— Я не могу утверждать, что прозвище того человека Цзуру-сопляк, но знаю, что сюда подходят улусные отоки Туса, Донсар и Лик. По их словам, дочь Сенгеслу-хана, Рогмо-гоа, затравила Цзуру собаками, и вот эти три улусные отока грозят казнить эту дочь самой лютой казнью, а родителей ее — раззорить самым беспощадным образом.

Поверила Рогмо-гоа словам этого человека, едет и горько плачет. А Цзуру опять выходит ей навстречу под видом пастуха многочисленной отары овец. На ее вопросы и овечий пастух отвечал то же самое во всех подробностях.

„Показания обоих этих людей сходятся!“ думает Рогмо-гоа. „Мне не остается другого исхода кроме смерти. Чем возвращаться к родителям и на их глазах переносить свое злосчастье, лучше умру здесь одна. Утоплюсь в этой вот реке!“ — И с этими мыслями она поскакала вниз с крутого утеса, но в этот миг Цзуру волшебной силой дернул ее коня за хвост.

— Ах, это ты, Цзуру? Садись на коня! — говорит она. Цзуру сел, и у него таким золотом заблестело под носом, что Рогмо-гоа брезгливо стала подавать свой стан вперед и говорит:

— Ц уру отстранись, пожалуйста, или поворотись ко мне спиной!

Тогда Цзуру слез с коня и говорит:

— Разве бывают проезжие дороги по крутым утесам? Кажется, у одного тела бывает и одна голова, а может две?

Потом он начинает взбираться лошади на голову и говорит:

— Не этак ли будет правильно садиться на коня? А может — нет, не так? — И с этими словами Цзуру пробует сесть коню на сгиб задней ноги. В это время конь лягнул, Цзуру свалился с ног и притворился мертвым.

— Голубчик Цзуру, встань! — говорит Рогмо-гоа, сойдя с лошади. Но Цзуру лежит безмолвно.

— Встань же, милый Цзуру! — Тогда Цзуру встает и говорит:

— Из этого урока авось ты поймешь, как, по-твоему, правильно сидеть сундлатом и как — неправильно! — И позволила она Цзуру сидеть сундлатом как полагается.

Вскоре после того, как Цзуру вошел в дом Рогмо-гоа, к ним с визитом отправились ее дядя и тетка по матери. Прибыли они с такими мыслями:

„Не простая ведь наша племянница, а хубилган: посмотрим каков-то окажется ее муж?“

Но свекор со свекровью порешили не показывать Цзуру, дали ему чашку с пшенной кашей и засадили в угол для домашних вещей, с просьбой и не показываться до самого отъезда гостей. Пришли дяди с тетками и стали расспрашивать:

— Ну, где же наш зять? Хороший ли он человек или худой?

— А кто ж его знает? — говорят свекор со свекровью. — Дело молодое: уехал в соседний аил погостевать. — Не успели они проговорить этих слов, как Цзуру со словами: — Кажется обо мне речь? — и выскакивает, распустив свой золотой блеск до самой каши.

— Тьфу, пропасть на вас! Разве можно так поступать, отца вашего башку.[1] Негодяи вы! — гневались родичи и по пути домой отогнали их табун.

— Коня мне! — говорит Цзуру. — Щит, сайдак и лук! Я бравый молодец, попробую их нагнать!

— Тьфу, дурень! — отвечают ему. Еще недоставало — дать тебе коня со снаряженьем! И не дали. Тогда Цзуру поймал возле юрты козла с валухом и на этой паре пустился в погоню за грабителями, настиг их, наповал избил и их самих, и их коней и пригнал обратно домой свой табун. После того Цзуру собирается уезжать к себе домой, а свекор со свекровью опять ворчат:

— Что такое тебе, дурню, сделали, что ты собираешься уходить? Живи себе пока живется!

* * *

Однажды Гесер в образе Цотон-нойона является домой, в то время как в образе Цзуру он ловил оготонов.

Мнимый Цотон-нойон останавливается возле юрты Рогмо-гоа и спрашивает ее:

— Где Цзуру?

— А ну его!

— Как-будто бы отправился на охоту на оготона, — отвечает Рогмо.

— Я, — говорит он, — я великий владетельный нойон в Тибете, а ты маешься, должно быть, с ним, дорогая моя красавица, невестка. Вели

[1] Ругательство, смысл которого в иносказательном значении слова törü ~ toloɣai — головка penis'a.

только убить этого негодяя Цзуру — и убью. Вели оженить на другой — и оженю. Вели сослать — и сошлю. А тебя возьму за себя! — говорит Цотон.

— Что я понимаю? — говорит она. — Сами вы должны бы лучше знать. Ведь мы с вами родственники.

В то время как Цотон, взволнованный мыслями о предстоящей женитьбе, стал уезжать, подъехал Цзуру.

— Кто это от тебя уезжает? — спрашивает Цзуру.

— А ну, тебя, — отвечает Рогмо.

— Твой, что ли, родственник, — говорит он, — Цотон? — А зачем он приезжал?

— А кто же его знает? — спросил тебя да и уехал.

— Наши Тибетские кочевья далеконько от ихних кочевьев! Почему же он в таком случае уехал, не повидавшись со мной, раз что меня спрашивал?

— Этого я не знаю. Справился о тебе и уехал.

— За то я знаю! — говорит Цзуру. — Я знаю!

— Что можешь знать ты, глупый? Ты нарочно так говоришь для того, чтобы меня помучить! — заворчала Рогмо.

— Нет, — говорит Цзуру. — Напротив, после всего бывшего ты начинаешь приводить меня в страх за будущее! — ответил Цзуру и уехал.

На следующий день Цзуру опять обернулся: домой является под видом Бадмараева сына Бам-Шурцэ, а в образе Цзуру уезжает опять на охоту. Поговорив с Рогмо, так же как и Цотон, и так же размечтавшись, стал он уезжать, как является Цзуру:

— Кто это был у тебя? — спрашивает он.

— Назвался Бадмараевым сыном, Бам-Шурцэ, — отвечает она.

— А по какому делу?

— Спросил тебя и уехал.

— Что же он сейчас не повидался со мной? Я понимаю теперь: ты сговорилась с ним убить меня, как только он соберет тибетскую знать! И с этими словами он вышел вон.

На третий день Гесер является домой в образе тридцати тибетских богатырей, до точности во всем их снаряжении. Так как богатыри расположились станом неподалеку от ставки Сенгеслу-хана, то он послал осведомиться, кто такие будут эти знатные иностранцы. Посланные принесли такой ответ:

— Скажите, что мы тибетцы и требуем определенного ответа: намерены ли вы выдать нам жену Цзуру или нет? Если намерены, то выдавайте сейчас, а нет так скажите прямо, что не дадим.

Тогда Сенгеслу-хан со всеми своими сановниками держали совет:

— Если выдать ее, то чем объяснить, что так беспрекословно отдаем свое любимое детище? Если же не выдадим, то нас перебьют эти тридцать богатырей. Попробуем отделаться хитростью. И они дали такой ответ:

— Возвращайтесь на родину, а мы пошлем ее вслед за вами, так как сейчас еще не готовы подобающие сборы ее в дорогу.

Тогда богатыри прислали им такое уведомление:

— Если вы считаете Цзуру худым человеком и намерены выдать свою дочь за другого, то выдавайте. Если же вы почему-либо не собираетесь ее выдавать за другого, а намерены и впредь держать зятем Цзуру, так знайте, что мы, тридцать тибетских богатырей, справлялись с людьми и повыше вас! Не лукавьте же с нами понапрасну и за промедление в своем деле пеняйте на себя! И с этими словами они поднялись уезжать.

До смерти перепугавшись этих угроз, Сенгеслу-хан откочевал вслед за богатырями и, достигнув Тибета, стал кочевать в одних кочевьях с тибетцами.

21. ПРОИСКИ ЦОТОНА

Пылая ненавистью к Цзуре, Цотон-нойон устраивает конские бега, созывая на них тридцать тысяч людей. Призом же он назначает: чешуйчатый панцырь, знаменитый шлем Дагорисхой, славный меч Томарцак и щит Тумен-одон „десять тысяч звезд“, и притом с тем условием, что выигравший возьмет на придачу и Рогмо-гоа в жены. Тридцать тысяч соискателей едет на бега, а Цзуру, принеся кадильную жертву небесной своей бабушке, Абса-хурцэ, обращается к ней с молитвою:

— Как в этом мире предопределено мне возродиться государем десяти стран света Гесер-ханом для благотворения всем одушевленным существам, так равно и в будущей жизни надлежит мне родиться Ханхой-Кöбегун'ом для спасения всех грешных душ. Но вот Цотон-нойон созывает на конские бега тридцать тысяч людей, замыслив отобрать мою законную жену. Ниспошли же ты мне с неба моего гнедого жеребенка-третьяка, если признаешь его подходящим; а нет — так пошли мне какого-нибудь коня из небесного табуна тэнгриев!

— А, это мой родной соплячок! — отозвалась Абса-хурцэ и послала к нему с небес гнедого его жеребенка-третьяка, обернувши его семилетним гнедым конем. Но Цзуру не может поймать его, ибо вихрем кружили его ветры, чтоб сойти ему с неба. Отчаявшись его поймать, Цзуру подложил в кадило нечистых курений, и тогда, от загрязнения жертвенника, гнедой конь обратился в шелудивого гнедого жеребенка-третьяка и сам собой поймался. Едет Цзуру на своем шелудивом гнедом третьяке, вслед за тридцатью тысячами людей, а навстречу ему Сенгеслу-хан:

— Ах ты, горе-зять! — говорит он. — Кого ты обгонишь на бегах на этом твоем шелудивом гнедом третьяке? Уж не с тем ли и едешь, чтоб люди отобрали у тебя мое милое детище! Поезжай на бега на одном из моих заветных меринов, Бумба-токтохо.

— Боюсь, — говорит Цзуру, — что не подымет меня твой конь Бумба-токтохо. Уж буду лучше по привычке скакать на своем шелудивом гнедом третьячке. И поехал своею дорогой.

Съезжаются в назначенное место тридцать тысяч участников бегов, приводят в порядок перед состязанием и себя, и коней своих, и вот поскакало все великое множество. Цзуру сдерживает своего шелудивого гнедого третьяка и отстает от всех. Но вот, попридержав некоторое время, он пустил гнедого и сразу оставил позади десяток тысяч людей. Опять попридержал он гнедого и потом пустил, и обогнал еще один десяток тысяч. Опять попридержал и опять пустил: оставил позади третий десяток тысяч. Впереди Цзуру идет Цотон-нойон на своем желто-соловом коне, обгоняющем цзерена, идет он впереди Цзуру всего на швырок посеваемого зерна. Впереди же Цотона, на расстоянии полета детской стрелы, скачет во всю мочь Асмай-нойон на дивном синевато-дымчатом коне своем. Говорит тогда Цзуру своему шелудивому гнедому такие слова:

— Налечу я на Цотона по-молодецки, налетай и ты на него по-богатырски, и вали на-земь и коня, и всадника! Разможжи ты подбедренную кость у желто-солового, догоняющего цзерена, и обскачи его!

— Ладно, — говорит шелудивый гнедко. — Налетает Цзуру, и вышло все так, как он говорил. После того как Цзуру перегнал Цотона, обернулся Цотон и видит его:

— Что же ты наделал, голубчик Цзуру?

— А ты-то что наделал, дядюшка? — говорит Цзуру, — посмотрим, как моя Рогмо достанется кому-нибудь другому! — И с этими словами он помчался вперед. Попридержав немного своего гнедого, он пришпорил его и просит:

— Обскакал ты, мой шелудивый гнедой третьячок, тридцать тысяч людей, обогнал бы ты теперь и сизого коня Асмай-нойона. Но прекрасный сизый конь Асмай-нойона мчится, высоко держа голову и с хрустом грызя свои удила и, попрежнему никем необгоняемый, идет во всю ярь впереди всех на выстрел детской стрелы. Со слезами взмолился тогда Цзуру к своему шелудивому гнедому третьяку:

— О, горе! Что ты наделал, шелудивый мой гнедко! Ужели ты хочешь попустить другому взять все у меня: и чешуйчатый панцырь, и славный шлем Дагорисхой и знаменитый острый меч Томарцак, и прославленный щит Тумэн-одон и даже Рогмо-гоа мою, с которой слюбился я с шестилетнего своего возраста!

— Должно быть не догнать мне этого коня, родимый ты мой, соплячок! Правда, я небесный жеребенок, но ведь тот уже конь, хоть и земной: он на четыре поколения старше меня и много больше на нем шерсти против меня. Скорей же помолись небесной своей заступнице, Абса-хурцэ:

— Родимая моя! — молится Цзуру. — Твой гнедой семилетний склоняется долу, а дольний Асмай-нойонов сизый конь возносится к небу.

И вот уже налагает жадную руку Асмай-нойон на все драгоценности, милые сердцу доспехи мои и на мою Рогмо-гоа, чудесною силой добытую. Горе мне, родимая! Что же теперь делать?

Услышала его молитву бабушка Абса-хурцэ.

— Беда! — говорит она. — Обгоняемый смертным, плачет мой бедный соплячок Цзуру. Поди сюда, Бова-Донцон! Ты возьми под свое попечение шелудивого гнедка, а я попробую угостить одной штукой Асмай-нойонова коня. И при этих словах вдвоем появляются они рядом на небосклоне. Под рукою Бова-Донцон гнедой третьяк принимает свой настоящий вид семилетнего гнедого коня, мчится он, с хрустом грызя удила. А бабушка Абса-хурцэ пронзает сизого коня огненной стрелой насквозь, через обе его подмышки. Сделав несколько прыжков, сизый конь пал распростертый, а третьяк на четвертом-пятом поприще идет к последней черте с расстояния, которое проскачет жеребенок-третьяк. Встает Асмай-нойон и со слезами причитает: „Горе! что случилось со мной!“ А гнедой конь бросает на ходу:

— То была очередь хрустеть удилами сизому коню, а теперь пришел и мне черед по хрустеть удилами!

А Цзуру передал своему старшему брату, Цзаса-Шикиру, все эти полученные обратно драгоценные доспехи и возвратился домой.

* * *

Продолжая неистовствовать, объявляет на другой день Цотон-нойон: пусть возьмет за себя Рогмо-гоа тот человек, который одним выстрелом застрелит буйвола и срежет у него тринадцатипозвонковый хвост .

Весь улус устремился на охоту. Между тем Цзуру, настигнув буйвола и угодив ему между глаз, убивает его наповал детской стрелой — шихинек из простого пихтового лука-аланкир и срезает у него тринадцатипозвонковый хвост. Подъезжает к нему Цотон-нойон:

— Милый мой Цзуру! Отныне обещаю не только не бранить и не бить тебя, но буду считать тебя милее родных своих детей: только отдай мне тринадцатипозвонковый этот хвост!

— Хорошо, дядюшка, отдам! — отвечает Цзуру. — Что такое для меня хвост? Но так как я уже начинаю охотиться с настоящим не детским сайдаком, то ты в свою очередь дай мне свою знаменитую стрелу-исманта.

— Что значит для меня стрела? — говорит Цотон. — На, возьми ее! И отдал, а Цзуру передал ему хвост, от которого волшебством незримо отрезал три позвонка и оставил у себя. Тогда Цотон-нойон направляется к общей облаве, цепь которой к концу охоты уже смыкается, и громким голосом кричит:

— Мне достается убить буйвола и срезать его тринадцатипозвонковый хвост! Я и возьму себе в жены Рогмо-гоа!

— Тогда подбегает к нему Цзуру:

— Дядя Цотон! ты преступный и наглый лжец! Ведь когда я убил буйвола и срезал его тринадцатипозвонковый хвост, не ты ли подъехал ко мне и стал клянчить: Милый Цзуру! Отныне впредь обещаюсь не бить тебя и не бранить, но жалеть тебя больше собственных детей, только отдай мне этот хвост! И разве на это я не ответил тебе:

— Что значит для меня хвост, дядюшка. Но так как я начинаю уже охотиться с настоящим сайдаком, то ты в свою очередь отдай мне свою знаменитую стрелу исманта. И разве ты не отдал мне ее со словами: что значит для меня стрела! — При этих словах Цзуру вынимает стрелу и показывает ее всем.

— Вот так штука! — вскричал Цотон. — Посмотрите, какова наглость этого негодяя! Разве теперь не ясно всем, что он украл эту стрелу у моих кладовщиков на тот случай, когда станут забирать его жену, и смеет при этом зря огрызаться?!

— Что несправедливого в моих словах? — отвечает Цзуру. — Лучше ты-то сам хорошенько посмотри, цел ли у тебя буйволиный хвост? — Смотрит Цотон, а у хвоста не достает трех звеньев-позвонков.

— Куда же девались три позвонка? — спрашивает Цзуру. — Цотон ничего не может ответить. Тогда Цзуру вынимает из-за пазухи и показывает всем три хвостовых позвонка и говорит:

— Я знал, что ты коварный лжец, и потому отдал тебе принадлежащий мне буйволовый хвост лишь тогда, когда взял себе от него три звена. Разве теперь это не ясно всем?

Со стыда Цотон-нойон повернулся и уехал.

* * *

В ту же ночь Цзуру украл у Цотон-нойона и зарезал черную лошадь, которая стоила сто восемь хайныков. На другой день Цотон-нойон, ведя след, обнаружил мясо своей лошади. И вот, взбешенный до крайности, он собирает тибетскую и тангутскую дружины и является с намерением убить Цзуру.

Впереди всех идет в панцыре и полном вооружении Цотон-нойон. Тогда Цзуру, обернувшись юношей-великаном с красно-желтым лицом, вынимает из своего кисета для огнива свой славный лук-дагорисхой и начинает его натягивать. Когда же Цзуру натягивает свой лук, раздается такой грохот, как от тысячи голосов громоносных драконов. Цотон-нойон бросился бежать первый.

* * *

На следующий день Цотон-нойон опять назначает состязание на таких условиях: тот возьмет себе в жены Рогмо-гоа, кто сможет в один день охоты убить десять тысяч буйволов и мясо их поместить в желудок одного из них; а также найти брод через реку Уктус. Идут все охотники,

сколько их ни было. Так как у Цзуру не было ни лука, ни стрел, то Рогмо-гоа приносит ему лук и стрелы своего верблюжьего пастуха и подавая говорит:

— На-ка возьми, Цзуру, да попробуй, натягивая, сломать его!

Цзуру, натягивая, переломил его. Затем Рогмо-гоа приносит и подает ему лук и стрелы своего коровьего пастуха, но и его переломил Цзуру. Тогда она приносит ему лук и стрелы своего табунщика и, подавая, говорит:

— Если уж и этот не погодится, тогда уж видно быть моим ребрам тебе вместо лука и стрел! — Но Цзуру изломал и выбросил и этот последний лук и ушел. Приходит Цзуру, а охота на диких буйволов уже идет. Цзуру тоже начинает охотиться и волшебной силой убивает в один день охоты десять тысяч буйволов и, мелко изрубив их мясо, начиняет им желудок одного буйвола. Взяв затем буйволиный хвост, он нацепил его на шест, и все охотники, которые разбрелись в разные стороны, стали собираться, держа на этот знак.

Подошли к Уктус-реке, и вот никто из десяти тысяч людей не может найти брода. Тогда Цзуру приносит к реке буйвола и, погрузив его в воду, переправляется на нем так, что при этом над водой торчат концы буйволиных рогов. Затем приносит дикого мула и, погрузив его в воду, переправляется на нем так, что мул сидит в воде повыше боков. Наконец, он приносит и погружает в воду цзерена; при этом, по наваждению Цзуру, Цотону кажется, будто Цзуру переправляется, загрузив мула на глубину с годовалого кабана „воробью по-колено".

— Ладно, — говорит Цзуру. — Раз броды найдены, пусть теперь три великие найона выбирают из них любой.

— Я, — говорит Цотон-нойон, — буду переправляться цзереновым бродом.

— А я переправлюсь муловым бродом! — говорит Санлун.

— Что же ты, дядюшка Царкин, ничего не говоришь? — спрашивает Цзуру.

— Ты уж мне сам укажи, милый мой Цзуру! — отвечает Царкин.

— Тогда, дядюшка мой, Царкин, переправляйся и ты муловым бродом. И Санлун и Царкин и все охотники благополучно переправились муловым бродом. А Цотон-нойон тотчас же и поплыл по течению, как стал переправляться цзереновым бродом.

— Цзуру, голубчик, тащи меня! — кричит он.

Цзуру взял свой кнут, поспешно вошел в воду и, накинув Цотон-нойону на шею петлю из своего двойного кнута, почти уже подтянул его к берегу; тогда Цотон и говорит ему:

— Вот что я тебе скажу, голубчик Цзуру: вытащить-то ты меня вытащил, а уж звание висельника ты наверно получишь.

— Ладно, — говорит Цзуру. — Мне чина не нужно! — и бросил его. Цотон-нойон опять поплыл и, близкий к гибели, громко вопит:

— Тащи, голубчик Цзуру! — Цзуру бросается в воду, и вот он приближается к берегу с Цотоном, которого он совершенно оплешивил, вытаскивая за волосы. У самого берега Цотон-нойон опять заговорил:

— Вот что я тебе скажу, голубчик Цзуру: вытащить-то ты меня вытащил, а уж титул плешивца ты наверно получишь.

— Правильно! — отвечает Цзуру и бросает тянуть Цотона, который поплыл опять:

— Ну, уж теперь-то, голубчик Цзуру, тащи: иначе я погиб! — просит Цотон, но Цзуру и ухом не ведет.

— Спаси его, голубчик Цзуру, — просит Цотонов улус. — Дорогой человек ведь пропадает!

Тогда Цзуру, превратив свой кнут в две длинных острых сабли, погрузил их в воду, и Цотон ухватился за их острие. Когда он вытащил Цотона из воды, у того оказались срезанными обе ладони.

— Милый Цзуру, — говорит он. — Вытащить-то ты меня вытащил, да только где ж мои ладони?

— Ладно, — отвечает Цзуру. — Молчи, дядюшка, лучше будет!

* * *

В ту ночь охотничья облава заночевала в степи. Стало очень холодно, а ни дров, ни аргала не было. У Цотона была собака, понимавшая человеческую речь. Посылает ее Цотон и говорит:

— Пойди послушай, что там у себя поговаривает Цзуру!

Но Цзуру волшебною силой почуял приближение собаки и говорит:

— Завтра расположимся станом на Луко-стрельной реке, где можно добыть и луков и стрел: поэтому ломай на топливо свои луки и стрелы! Когда же расположимся затем у Сапожно-Гутульной реки, то раздобудем там сапог-гутулов, а потому вешай свои гутулы на хайнычьи рога! Потрое составляй свои колени, в виде тагана-треноги, и так вари пищу! Да ложись поевши, а натощах не ложись!

Приходит собака и рассказывает Цотону: во всех подробностях передала ему слова Цзуры. — Тогда Цотон-нойон отдает приказ по всему своему великому улусу:

— Есть сведения, что завтра, войдя в Луко-стрельную реку, добудем и луков и стрел; а когда расположимся станом у Гутульной реки, то найдутся и гутулы. А потому отдается приказ ужинать, составив таганы-треноги из колен — по-трое. Спать натощах в сегодняшнюю ночь запрещается, ложиться поужинавши!

И пошла команда:

— Именем Цотон-нойона вставай! Ломай на топливо свои луки и стрелы! По-трое составляй таганы-треноги своими коленями и вари ужин! А гутулы свои вешай на хайнычьи рога! В сегодняшнюю ночь воспрещается ложиться спать натощах!

И вот, изломав свои луки и стрелы, все охотники по-трое составляют таганы своими коленями, а гутулы вешают на хайнычьи рога. Но не успел разгореться огонь, как все с криками ой-о-ой! поопрокидывали свои котлы, и поневоле пришлось им ночевать натощах, не поевши. На другой день Цотон-нойон чуть-свет приезжает к Цзуру и окликает его:

— Ты дома, голубчик Цзуру?

— Что такое, дядюшка? — отзывается Цзуру и выходит.

— Где же твоя хваленая Луко-стрельная река, где твоя Гутульная река?

— В чем дело, дядюшка? — говорит Цзуру. — Что за речи?

— Как остановимся, говорил, у Луко-стрельной реки, так добудем и луков и стрел; а как расположимся у Гутульной реки наберем, говорил, — сапогов!

— Кто тебе, дядюшка, такого наговорил?

— Говорила мне моя собака.

— Выходит, что ты очень хороший человек, раз тебе впору советоваться с собаками! — говорит Цзуру.

От стыда Цотон круто повернулся и уехал прочь.

Но вот он возвращается назад и спрашивает:

— Слушай, голубчик! А может быть в действительности тебе этой ночью было такое видение, как ты говоришь?

— Да, дядюшка! Нечто подобное действительно было: мне было показано в сновидении, что застрелить буйвола черной масти — худая примета, а застрелить черного с лысиной — ничего.

На следующее утро, чуть-свет, охотники пошли огромной облавной цепью. Тогда Цотон-нойон при встрече с черным буйволом не стреляет, а все выжидает черного с лысиной. И вот, еще до рассвета, набегает на него огромный буйвол с белым пятном между рогами.

— Вот это будет черный буйвол с лысиной! — и стал его преследовать. Но во время преследования белое пятно у него между рогами исчезло.

— Напрасно я гнался: это, оказывается, черный! — говорит Цотон и возвращается на прежнее место. Не успел он стать в цепь, как набегает на него буйвол с застрявшим между рогами комком снега.

„Вот он черно-лысый!“ думает Цотон и начинает его гнать. Преследуя буйвола в разных направлениях на коне и с собакой, Цотон-нойон натыкается на Цзуру:

— Милый Цзуру, — говорит он. — Батюшка Цзуру! Свали этого буйвола!

— Увы, дядюшка, — отвечает Цзуру. — Разве ты не знаешь, какова моя стрельба: нацелю в буйвола, а убью твою лошадь, либо твою собаку. Нет, не стану стрелять.

— Что мне лошадь с собакой? Только повали буйвола, милый Цзуру!

— Ладно, дядюшка! Пусть будет по-твоему! Но на моей скверной лошади не догнать буйвола: уж ты сам гони его на меня!

Когда затем Цотон-нойон пустился преследовать буйвола и нагонять на Цзуру, тот, при стягивании облавной цепи, вышел ему в тыл и волшебною силой прострелил напролет и Цотонова коня с собакой и буйвола, так что Цотон-нойон стал на ноги прямо на буйвола:

— Голубчик Цзуру! — говорит. — Убить-то ты убил буйвола, да где же мои любимые конь с собакой?

— Ладно, дядюшка, согласен, твоя правда! Не успел я подумать, что ты мне это скажешь, как ты и говоришь! Но ведь я-то, не сказывал ли тебе я, какой я стрелок?

И продолжает затем Цзуру:

— А буйвол-то твой вовсе не черно-лысый, а просто черный?

— Что я наделал! — восклицает Цотон взглянувши. Оказывается я гнался за черным буйволом, приняв его за черно-лысого. Твоя правда, голубчик Цзуру.

— Ну, ничего, дядюшка! Пусть худая примета и сбудется на коне с собакой!

— Прекрасно, голубчик мой, прекрасно ты выразился! — говорит Цотон.

А цотоновы конь с собакой понимали человеческую речь: вот почему Цзуру волшебною силой и убил их обоих.

Тогда все охотники разъезжаются по домам. Рогмо-гоа выходит встречать Цзуру и спрашивает Царкина:

— Кто же в один день облавы убил десять тысяч буйволов? Кто смог найти брод через Уктус-реку?

— А кому же и смочь, — отвечает дядя Царкин, — кому же и смочь, как не моему Шилу-тэсвэ?[1]

„Кого же это так называют?“ — недоумевает Рогмо и, не зная еще, что такое прозвание дали Цзуру, продолжает расспрашивать. Когда же она задала тот же самый вопрос дядюшке Цотону, тот ответил:

— Кому же и смочь, как не моему старшему сыну Алтану!

„Непостижимые дела!“ думает Рогмо-гоа и, пригорюнившись, возвращается домой.

Тем временем подъезжает Цзуру верхом на корове с какой-то жердью, на конце которой привешен грязный сычуг; а теща его выходит навстречу, приготовившись принимать от него мясо убитого буйвола.

— Эх, беда! — говорит ей Цзуру, подъехав близко. — Видно обделили меня охотники! Недовольно ворчит Цзуру и входит в юрту, а теща бросает сычуг на дымник юрты, и от этого юрта их чуть не повалилась, так как совсем разошлись связи.

---

[1] Терпеливый простак.

— Ой-ой, зять, да что же это такое? — говорит она.

— Простой грязный сычуг! — говорит Цзуру и тотчас же ставит прочную подножку под мясо, а теща выкапывает очаг и наполняет котел.

— Тебе, матушка, — говорит Цзуру, — не поместить этой моей буйволиной говядины только в один свой котел. Набери-ка для стряпни котлов у соседей! Тогда теща посылает во все стороны просить у соседей котлов, и затем, выкопав много печей и налив котлы водой, стали парить говядину, которою оказались доверху полны все решительно котлы.

Когда мясо упрело и его вынули, собралось есть его множество народу. Теща съела всего один кусочек сычуга, но Цзуру волшебством вложил ей в живот целую буйволовую тушу, отчего та смертельно заболела несварением желудка и свалилась.

— Нет, не должна умереть моя матушка от избытка! — говорит Цзуру и трижды погладил ее по животу вверх и трижды вниз своей златосветлой палочкой. Пронесло тогда тещу и верхом и низом, и она выздоровела.

* * *

А Цотон-нойон все продолжает неистовствовать. Теперь он назначает Рогмо-гоа в жены тому, кто убьет вещую птицу Гаруди и добудет два ее лучших пера. Весь улус скочевывается подивиться на редкостную облаву. Цзура же хубилганским своим телом ходит по поднебесью, а дурным телом — по златой земле. Когда он пришел на место охоты, там уже собралось десять тысяч человек. Стреляют по Гаруди, но попасть не могут. Только Бадмараев сын, Бам-Шурце, угодил прямо в гнездо Гаруди. Тогда подходит Цзуру и начинает выхвалять Гаруди:

— Как прекрасен твой звонкий голос! Но сколь прекраснее должна быть голова на шее твоей!

Гаруди показала свою голову и шею, а Цзуру продолжает:

— Прекрасна голова на шее твоей, но сколь прекраснее должна быть вся ты!

Гаруди показалась вся, а Цзуру продолжает:

— Прекрасна ты вся, но сколь же прекраснее должен быть взмах твоих крыльев и стремительный полет твой по воле!

Не успела Гаруди расправить крылья для полета, как Цзуру натянул лук, выстрелил и убил ее. Несясь хубилганским телом по поднебесью, вырвал он у нее два лучших пера еще на лету и приколол к шапке Рогмо-гоа.

К упавшему телу Гаруди толпами устремляется весь улус. Люди, чтобы вырывать друг у друга ее перья, теснят и толкают Цзуру со всех сторон. Цзуру притворяется плачущим, а Рогмо-гоа со слезами говорит:

1929

— Пусть бы убили Гаруди знатнейшие люди в улусе, пусть бы прикалывали ее перья своим женам: что же мне-то вот приколол их муж мой Цзуру?

Сетуют друг на друга со слезами и все другие жены:

— Какой-то ничтожный Цзуру прикалывает своей Рогмо-гоа два лучших пера с убитой Гаруди! Ах, почему не наши благородные мужья такие удалые стрелки?

И весь улус разъезжается по домам.

* * *

Цзуру еще не возвращался домой, когда вернулась Рогмо-гоа, но остановилась при входе в юрту, так как два ее прекрасных пера уперлись в дверной косяк.

„Что за диво?“ думает она. Снимает она шапку: смотрит и видит перья и ничего больше.

„Должно быть Цзуру — хубилган!“ и с этою мыслью она пошла по следам Цзуру. А Гесер тем временем находился на великом пиру у своих многообразных гениев-хранителей, в пещере огромной скалы. Приблизившись к пещере и увидав Гесера, Рогмо-гоа подумала:

„Ах, еслиб мой муж был так же прекрасен!“ Но не успела она с этой мыслью войти в пещеру, как Гесер превратился в Цзуру.

Тогда обращается к Рогмо-гоа белая небесная дева Арья-Аламкари:

— Невестка, все здесь присутствующие многочисленные гении-хранители отныне будут почтительно служить тебе. Но тебе надлежит есть все, что бы тебе ни дали с этого пиршественного стола.

— Я согласна! — отвечает Рогмо-гоа.

Пир окончился, и вот после его окончания небесная белая дева Арья-Аламкари приносит на блюде захороненного ребенка и подает Рогмо-гоа. Рогмо-гоа не стала есть. Тогда она приносит и подает ей палец покойника. Рогмо-гоа отрезала от него, но, едва положивши в рот, выплюнула.

— А мы о чем с тобой условились? — говорит белая небесная дева Арья-Аламкари, и при этих ее словах участники великого пира начинают расходиться. Не в силах поспевать за ними, Рогмо-гоа, ухватилась за конец платья белой небесной девы Арья-Аламкари.

— Что тебе надобно, невестка? — спрашивает та.

— Я прошу у тебя детей.

— Ах, невестка! Жаль, что ты не смогла. Но еслиб ты съела предложенное, то родила бы ты трех сыновей выше Гесера, трех одинаковых с ним и трех ниже Гесера. Скольких же просишь ты теперь?

— Пошли мне, белая небесная дева, по своему усмотрению.

— Пусть будет у тебя сто восемь! И с этими словами, проводив Рогмо-гоа до дому, она исчезла.

22. ЦЗУРУ ОТКРЫВАЕТСЯ ЖЕНЕ И ПЕРЕЧИСЛЯЕТ СВОИ ПОДВИГИ

Уехал Цзуру из дому, а Рогмо-гоа, заливаясь слезами, жалуется своей свекрови:

— Ах, матушка, как давно я переношу всяческие мучения! Твой сын не живет как следует со мною, невесткой твоей. Чем мучиться так, лучше мне умереть и судиться с ним у Эрлик-хана. Белое в глазах моих пожелтело, черное в глазах моих побелело! — И с этими словами ушла. А когда она ушла, мать Цзуру позвала его и выговаривает:

— Твоя жена, Рогмо-гоа, хочет умереть; говорит, что она очень давно страдает и намерена судиться с тобою у Эрлик-хана. Милый мой! Вместо того, чтобы извести у людей дочь и навлечь на меня дурную славу, живи ты лучше с ней как подобает.

И вот Цзуру исчез, а лежит в юрте сам Гесер. А Рогмо-гоа, которая тем временем подкралась к юрте, вдруг вбегает и наваливается всем телом на Гесера. Тогда Гесер стал ее учить:

— Кажется положено мужчине быть над женщиной, а не выходит ли тут, что женщина над мужчиной? И заставил он Рогмо-гоа поворачиваться на все четыре стороны и изрек он ей тридцать шесть наставлений, по девяти кряду.

* * *

Окончив поучения, стал Гесер рассказывать:

— Когда я родился, демон в виде черного ворона выклевывал глаза у новорожденных детей и ослеплял их. Тогда я навел на свой глаз девятирядную свою ловушку, поймал и убил демона в образе черного ворона. Разве не видно из этого, что я прозорливый Гесер-хан, которому даны сверх глаз глаза.

— Когда мне было два года, демон, приняв вид ламы, отца Кунгпо-Эрхеслунга, откусывал у детей кончик языка и делал их немыми. Я же, перестав сосать, лежал, крепко стиснув все свои сорок пять белоснежных зубов. Спрашивает тогда демон у родителей:

— От природы так у этого вашего мальчика или теперь с ним что сделалось?

— Родился-то он у нас как следует быть ребенку, отвечают те: и рот, и нос в порядке. И сами не можем решить: не к смерти ли с ним теперь сделалось такое?

Тогда лама принимается заставлять меня сосать его язык, а я делаю вид, что еле-еле могу сосать.

— Хорошо сосет! — говорит лама и всовывает мне свой язык все больше и больше. Тогда, притворясь будто сосу, я откусил у демона его язык по самую глотку своими сорока пятью белоснежными зубами и так

умертвил его. Разве не видно из этого, что уже двух лет от роду я проявил себя вещим Гесер-ханом, которому сверх языка дан язык?

Когда мне было три года, я убил порожденье нечистой силы, в образе оготона, который вредил монгольскому народу, изменяя самую поверхность земли. Разве не явил я себя в этом деле милостивым Гесером, Богдо-Мерген-ханом, государем десяти стран света?

А четырех лет от роду разве не выказал я себя милостивым Гесером, Богдо-Мерген-ханом, когда в ущелье Больчжомурун-хоолай семеро демонов-албинов пожирали в день по семисот человек вместе с конями их, не разбирая при этом назначенных им и не назначенных; я же, отправившись туда, утопил в великом море этих албинов, а затем истребил полностью трехсотенную шайку горных бродяг и разбойников и демона-мангуса, по имени Ик-тонгорок?

Пяти лет от роду, откочевав на урочище Энгхирехойн-Цзу я обратил его в счастливое, прекрасное кочевье. Здесь же, при ставке моей Нулум-тала, я сбил с дороги пятьсот человек искусных мастеров Эрдени-хана, обратив чудесною своею силою один день в три дня, наведя засушливый зной и напустив на них диких пчел; в безводную степь я завлек пятьсот человек купцов и силами их воздвигнул храм Хомшим-бодисатве ради сыновней почтительности к родителям своим. Разве не очевидно из этого, что я и есть Богдо-Гесер--хан, превративший Энгхирехойн-Цзу в счастливое прекрасное кочевье?

Когда мне было шесть лет и явилась ты, Рогмо-гоа, с тремя славными стрелками и с тремя могучими борцами, и собралось десять тысяч женихов, и ты в их присутствии назвала себя небесным хубилганом Рогмо-гоа, я убил трех твоих борцов, победил в состязании трех твоих искусных стрелков и взял тебя, оставив в дураках десять тысяч женихов. Тогда опять впал в бешенство Цотон-нойон; в присутствии тридцати тысяч человек назначает он конские бега и устанавливает награды: чешуйчатый панцырь, славный шлем Дагорисхой, славный острый меч Тормоцак, славный щит Тумен-одон; назначает он все это в награды, а тому, чья лошадь окажется первой — кроме того и Рогмо-гоа в жены. И тогда весь улус собирается. И разве не оказался я тогда всех обращающих в веру тойном Гесер-ханом, который, помолившись небесной своей бабушке Абса-хурцэ и оседлав, после кадильной жертвы, своего вещего гнедого коня, обогнал тридцать тысяч человек, получил все драгоценные доспехи и отдал их своему старшему брату, Цзаса-Шикиру.

Когда мне было семь лет, Цотон-нойон, распаляясь яростью на меня, опять назначает состязание: кто убьет с одного выстрела дикого буйвола и первый отрежет его тринадцатисуставной хвост, тому достанется в жены Рогмо-гоа. Целый улус отправляется на охоту, я же, придя последним, одним выстрелом пронзил буйвола, угодив ему в переносицу детской стрелой-шихинак, простым пихтовым луком-алангир. Я ль не удалый Гесер-хан, посрамивший Цотона и весь народ обратившый в своих послушников-тойнов?

Когда мне было восемь лет, Цотон-нойон опять объявляет: пусть Рогмо-гоа достанется тому, кто в один день облавы убьет десять тысяч буйволов и укажет брод через реку Уктус. И Цотон-нойон, и весь улус отправляются на охоту. И разве Цзуру, который, верхом на своем шелудивом гнедом третьяке в один день облавы убил десять тысяч буйволов и указал брод через Уктус-реку, разве этот Цзуру был на самом деле не я, милостивый Богдо-Гесер-хан десяти стран света?

Когда мне было девять лет, Цотон-нойон в припадке ярости опять назначает Рогмо-гоа в жены тому, кто сможет застрелить птицу Гаруди и вырвать из крыльев ее два лучших пера. Выражая друг другу удивление, скочевались все охотники. А я в теле Цзуру хожу по златой земле, а хубилганским телом — по поднебесью. Пришел я и вижу, что весь улус тщетно стреляет в Гаруди, но Бадмараев сын Бам-Шурце прострелил ее гнездо. Когда же потом я, подойдя близко, стал восхвалять Гаруди, и она собралась было взмахнув крыльями лететь, я прострелил ей голову; хубилганским своим существом вырвал для тебя два лучших пера Гаруди и приколол их тебе. Разве не ясно теперь, что то был я, удалый Гесер-хан, побеждавший всех и всяких стрелков?

Не я ли Богдо-Гесер-хан, который десяти лет от роду воздвиг храм Хамшим-бодисатве, чтобы воздать сыновнюю почтительность своим родителям?

Когда мне было одиннадцать лет, не сам ли я Гесер-хан поймал и убил демона Рогмо-Нагпо, владыку худших болезней?

Не я ли, владыка всех, Гесер-хан, который двенадцати лет от роду прекратил опухоли тем, что поймал и убил владыку опухолей, демона с железными серьгами?

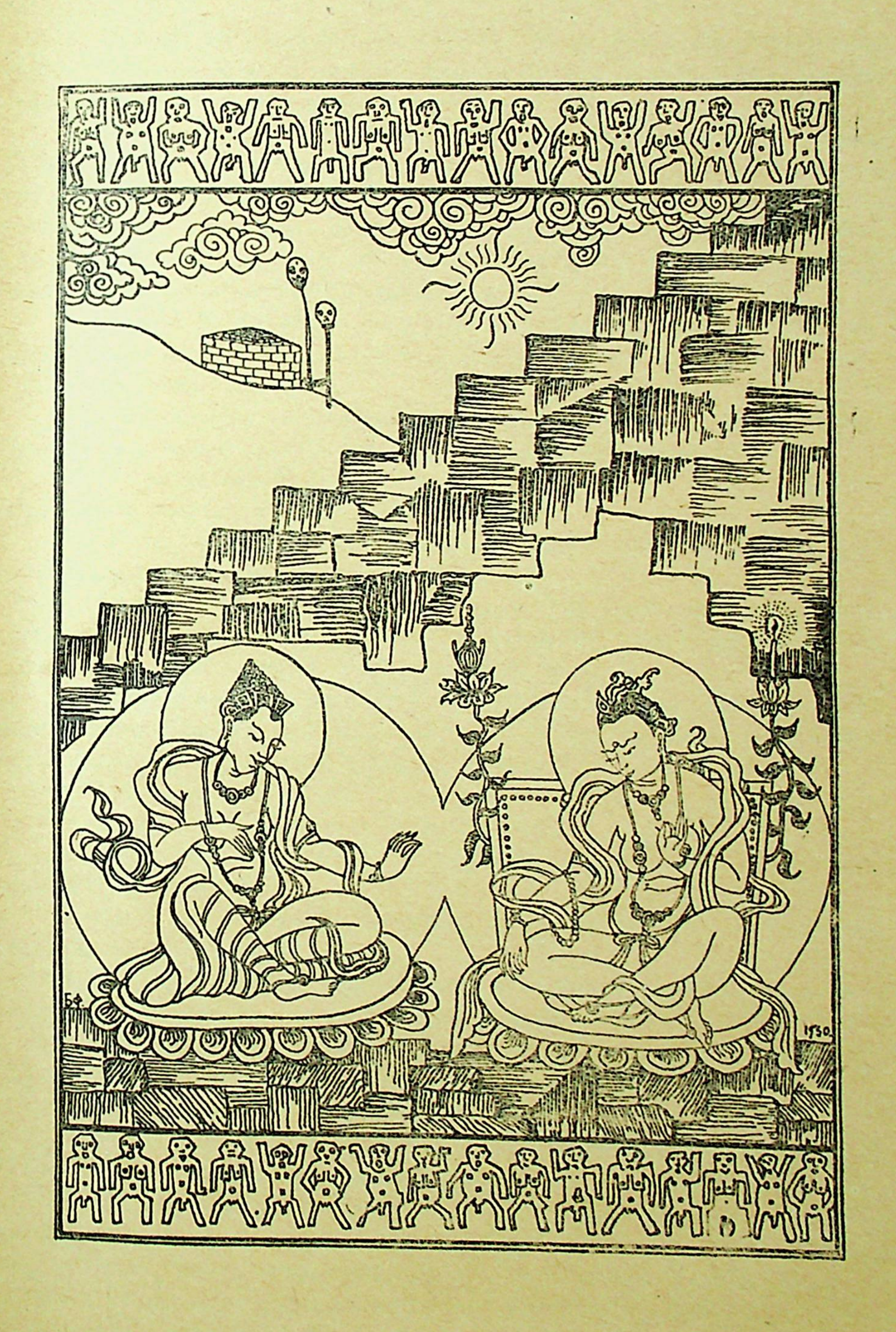
Не я ли, Богдо-Гесер-хан, тринадцати лет от роду положил конец моровой язве тем, что убил владыку моровой язвы, демона с огромной головой?

Когда мне было четырнадцать лет, отправился я однажды на охоту вдвоем с Ачжу-Мерген, дочерью драконова царя. Едут вместе Ачжу-Мерген и Гесер-хан, и вот набегает на Гесер-хана семь буйволов. Я выстрелил так, что стрела, пройдя насквозь семи буйволов, вонзилась в землю. Вслед затем набегает на Ачжу-Мерген девять буйволов, и Ачжу-Мерген выстрелила так, что стрела, пройдя насквозь девять буйволов вонзилась в скалу. Тогда я, Гесер, стал рассуждать про себя:

„Как бы узнать: мужчина это или женщина?“

Тем временем набегает буйвол. Тогда я, Гесер, дал промах и вызвал ее из большого числа охотников преследовать буйвола. Ачжу-Мерген отстает от меня в преследовании. Тогда я, Гесер, оборачиваюсь и говорю ей:

— Ты — баба! На простую бабу похож этот следующий за мной по пятам человек!

1930.

— Так вот же узнай, какова я баба! отвечает она и одним выстрелом убивает буйвола. Я же, Гесер, успеваю ловко подхватить стрелу, всунуть себе подмышку и падаю, притворившись мертвым.

— Вчера только, — говорит Ачжу-Мерген, — я убила Аматаева сына, Темур-Хадая и взяла его чалого коня. А теперь, раз уже так случилось, что убила я государя десяти стран света Гесер-хана, приходится вот мне взять его гнедого! И с этими словами она направляется ко мне, а я, Гесер, сам оставаясь неподвижным, обращаю одного своего хубилгана в другого человека, который начинает звать на помощь:

— Ачжу-Мерген убила государя десяти стран света, Гесер-хана! Сюда Цзаса-Шикир, его старший брат, сюда его люди трех отоков! Убьем и раззорим Ачжу-Мерген!

Тогда Ачжу-Мерген начинает высвобождать свои спрятанные волосы. Правую свою косу спускает она вниз направо и приговаривает:

— Пусть не будет беды ни батюшке, ни старшему брату! Спускает левую свою косу вниз налево и приговаривает:

— Пусть не будет худа ни младшей сестре, ни матушке! Откидывает назад свою прическу и приговаривает:

— Пусть не будет худа ни рабам нашим, ни прислужникам! Убедившись тогда воочию, Гесер вскакивает и начинает с нею бороться, но она с первого раза поставила Гесера на колени.

— Разве мужчины, — говорит Гесер, — не до трех раз борются? Разве пыль в доме не в четырех углах сметают? И опять борется Гесер. И вот я, Гесер, бросил ее на-земь, и говорит Гесер:

— Я возьму тебя в жены!

— Я согласна! — отвечает Ачжу-Мерген.

— А раз так, — говорит Гесер, — то ты должна в знак клятвы облизать мой мизинец.

— Согласна! — говорит Ачжу-Мерген, и он, уколов свой мизинец, заставил ее лизать кровь.

Тогда отправляются они вдвоем к великому морю прохладиться. Будучи уже невдалеке от моря, Гесер увидел на воде отражение стрелы и думает: „Сзади меня никого не должно бы быть с луком наготове“. Обернулся и видит Ачжу-Мерген с натянутым луком.

— Что ты это? — спрашивает он.

— Не в тебя конечно я целила, а в морскую рыбу! — отвечает она. И действительно видно, как море трепещет красной волной: рыба издыхает.

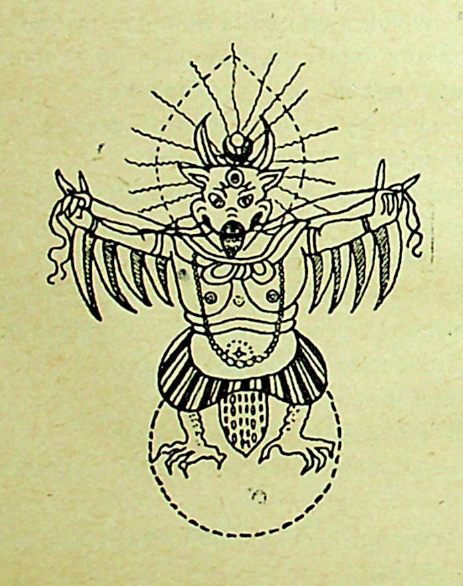
Когда они подошли к морю и напились воды, Гесер разделся, поплыл по морю и вышел на противоположный берег. Изнемогая от пота, Ачжу-Мерген тоже сняла свою шубку и платье и вошла в море. Проведав об этом, Гесер свистнул: поднялся ветер, забушевал ураган, и вся одежда ее взлетела и повисла на верхушке дерева. Тогда Гесер вернулся обратно и пока он надевал свою шубу, Ачжу-Мерген до того прозябла, что бросилась в объятья Гесера.

Так Гесер на все четыре страны света вещает свои поучения, по девяти кряду.

Итак, разве не следует отсюда, что я, Гесер-Богдо-Мерген-хан десяти стран света, четырнадцати лет, взял себе в жены дочь царя драконов? И вот теперь, пятнадцати лет, не я ли рокочу голосами тэнгриев, не я ли гремлю драконовыми громами? При этих его словах разразились громы-голоса тэнгриев, загремели громами драконы, и пошел дождь, дождь из святой воды-расаяны.

Слушая наставления Гесера, Рогмс-гоа и плачет и смеется.

Первая песнь о всюду прославленном милостивом Богдо-Мерген Гесер-хане, искоренителе десяти зол в десяти странах света.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

ГЕСЕР УБИВАЕТ ТИГРА СЕВЕРНОЙ СТРАНЫ

Разносится молва, будто в северной стороне должен быть огромный, как гора, черно-пестрый тигр, хубилган мангуса: длина его туловища простирается на сто миль-бэрэ; из правой его ноздри пламенеет огненная стихия, из левой его ноздри дым клубится; замечая человека за сутки пути, он глотает его за пол-суток пути.

Является к Гесеру сестрица его Чжамцо-дари-удам, одна из трех родимых победоносных сестер Гесер-хана, государя десяти стран, и говорит:

— Чудодейственно побеждающие три родимые твои извещают, что по слухам в северной стороне живет хубилган мангуса, огромный, как гора, черно-пестрый тигр; что не подобает твоим людям, людям сего Чжамбу-тийба, ходить под властью этого тигра и что тебе надлежало б, родной мой, постараться победить его. Известно ли тебе об этом, соплячок ты мой?

— Справедливы указания родимых моих. Я не знал об этом. Теперь иду, чтобы победить! И он отправляет посла к благородному Цзаса-Шикиру, старшему своему брату, и к тридцати своим богатырям, чтоб он всех их созвал одного за другим.

Все они собрались, и Цзаса-Шикир доложил:

— Зачем ты звал нас, Богдо мой? — Гесер-хан ответил:

— Слыхал ли ты, мой Цзаса, что живет, говорят, в северной стороне огромный, как гора, черно-пестрый тигр: замечая человека за сутки пути, он, говорят, глотает его за пол-суток пути. Говорят также, что не бывать в его власти красноногим людям! Живя в настоящем образе до пятнадцатилетнего своего возраста, я еще не показал вам, своим близким, ни одного настоящего богатырского дела: идемте же, я покажу вам его!

Тогда государь десяти стран, Гесер-хан, садится на своего вещего гнедого коня, надевает свой темносиний панцырь цвета сияющей росы, свои белые наплечники, свой главный белый шлем, на котором выкованы рядом солнце и луна; вкладывает в колчан тридцать своих белых стрел с зарубинами из драгоценного камня; привешивает свой черно-свирепый лук, свою вещую трехалданную саблю, из темного коралла, и отдает команду:

— Вслед за мной садись на своего серого крылатого коня, мой Цзаса-Шикир, ястреб среди людей! Надевай свой кольчатый панцырь,

надевай на свою благородную голову свой славный шлем Дагорисхой, вкладывай в колчан тридцать своих белых стрел, бери свой черно-свирепый лук, вешай свой славный булатный меч Курми. Стройся, мой Цзаса, непосредственно за мной!

— Вслед за моим Цзасой и ты, мой Шумар, беркут среди людей, садись на своего сиво-серого коня. Надевай свой темносиний панцырь цвета сверкающей росы, вкладывай в колчан тридцать своих белых стрел, бери свой черно-свирепый лук, привешивай свой непритупляемо-острый твердо-булатный меч. Ты стройся в затылок моему Цзасе.

— Вслед за ним, за Шумаром, садись на своего доброго изсинесерого коня Бадмараев сын, Бам-Шурце. Надевай свой синий вороненый панцырь, бери все свои доспехи и стройся в затылок Шумару.

— Вслед за Бам-Шурце садись на своего сиво-серого и ты, мой Буйдон, между людьми мой дядя по матери. Бери все свои доспехи. Ты имей за собой тридцать моих богатырей, и все вы держите неразрывную связь, равняясь друг другу в затылок. Сам ты непосредственно следуй за Бам-Шурце.

Отдав эти распоряжения, государь десяти стран Гесер-хан выступил в поход с тридцатью своими богатырями. В пути стал высматривать огромного, как гора, черно-пестрого тигра, еще за целые сутки от него. Когда Гесер-хан изволил заметить, что это должен быть огромный, как гора, черно-пестрый тигр, то стал разглядывать его и старший брат его, благородный Цзаса-Шикир, и сказал:

— Так это он? Кажется, будто стелется по вершине горы туман или дым.

— Да, это он, мой Цзаса-Шикир! — ответил Гесер.

— Где, где? — стали спрашивать в один голос тридцать богатырей.

Тогда Цзаса-Шикир заметил им:

— Не спрашивайте. Куда б ни вели гесеровы неисповедимые бразды, туда и пойдем мы не глядя.

Государь десяти стран Гесер-хан поскакал хлынцой, а черно-пестрый тигр, огромный, как гора, обратил тыл еще за полдня пути. Тогда государь десяти стран света Гесер-хан пришпоривает своего вещего гнедого коня и пускается вскачь, и тридцать богатырей гесерова тыла один за другим следуют за ним. Воспользовавшись тем, что огромный, как гора, черно-пестрый тигр упустил момент проглотить Гесер-хана с расстояния полдня пути, они спешно идут, охватывая его в кольцо. Когда подтянулись тридцать его богатырей, Гесер с умыслом испытать, кто из них настоящий богатырь, а кто нет, чудодейственно проникает в пасть тигра и, проникши туда, располагается так: двумя своими ногами он упирается в два нижних клыка тигра, головой своей касается нёба, а локтями — челюстей.

Тогда Буйдон вместе с тридцатью богатырями обратился в бегство. Видя Буйдона, Цзаса-Шикир громко окликает его:

— Остановись, Буйдон! Позор, что ты сделал?

Но Буйдон так неудержимо бежал, что остановился только на межевых выпасах у главных кочевий улуса. При Гесере же остались таким образом только три богатыря: благородный Цзаса-Шикир, Шумар, этот орел среди людей, и Бадмараев сын — Бам-Шурце.

Со слезами обращается тогда Цзаса-Шикир к двум своим товарищам-богатырям:

— Моего милостивого Гесер-Богдо-Мерген-хана, искоренителя десяти зол в десяти странах света, проглотил огромный, как гора, черно-пестрый тигр. Негодяй Буйдон бежал с тридцатью богатырями. Если теперь и мы втроем обратимся в бегство, что будут говорить о дорогом имени моего Богдо многочисленные докшиты? Что скажут братья между собой, злобные завистники, три Шарайгольских хана? Вы, оба мои, как полагаете?

— Нам ли двоим решать? Решай ты, наш Цзаса-Шикир, — отвечают те.

— Предоставляя решение мне, не подразумеваете ли вы решение об участии в пирушке: оставаться — так оставайся, а уходить — так уходи? Усердие ваше очевидно. И проговорив эти слова, Цзаса-Шикир со слезами на глазах пришпоривает во всю мочь своего серого крылатого коня, обнажает свой в меру изогнутый булатный меч, Курми, но в тот момент как сделать внезапное нападение, его взяло раздумье:

— Ведь хубилган мой Гесер-хан, государь десяти стран света. Умер он, нет ли, но как бы мне нечаянно не задеть его драгоценного тела! И с этою мыслью он взял в ножны свой острый булатный меч Курми и, внезапно бросившись на тигра, он ухватил его левой рукой за кожу на лбу, той же, рукой затем рванул изо всей силы становившегося на дыбы зверя, и тотчас же отскочив ему в тыл, уцепился за уши тигра и не дает ему пошевельнуться. Воспользовавшись внезапным нападением Цзасы, два другие богатыря выхватывают свои сабли, спешиваются и подбегают.

Тогда говорит Гесер-хан из тигровой пасти:

— Благородный мой Цзаса, я узнаю тебя. Все же не порти шкуры этого тигра: мы сумеем искусно умертвить его. Как бы нам получить сто шлемов из шкуры его головы, а из шкуры туловища — сто пятьдесят броней? Пусти же его, мой Цзаса!

— Ах, Богдо мой! Что он приказывает? — говорит Цзуру и, смеясь выпускает тигра. Тогда Гесер-хан левой рукой стиснул горло зверю и, сильно сотрясши его, выхватил правою рукой свой нож для очинки стрел с хрустальной рукояткой, и, целиком всадив его в глотку тигра, вышел наружу. Покончив с тигром, он сказал:

— Разве ты не мастер, мой Цзаса? Выкрой, как по мерке, тридцать шлемов для тридцати своих богатырей из шкуры его головы, а из шкуры туловища выкрой ровно тридцать броней. Остаток раздай лучшим из трехсот хошучинов передового отряда!

Уничтожив тигра, Гесер-хан со своими тремя богатырями пустился в обратный путь, и вот в дороге Цзаса-Шикир стал ему докладывать:

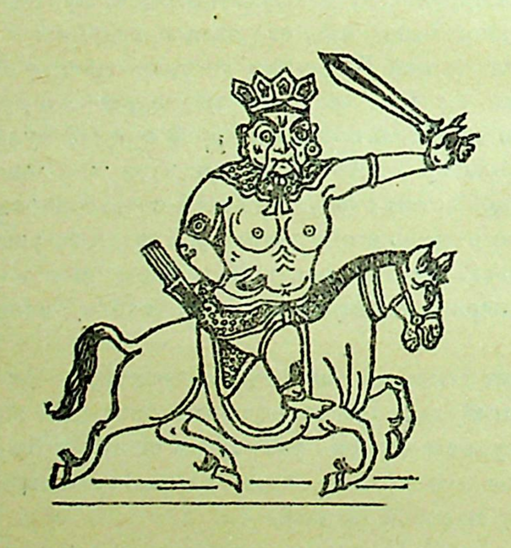
— О, мой Богдо! Негодный Буйдон с тридцатью твоими богатырями обратился в бегство. Дорогое имя твое...

— Перестань, перебил его государь десяти стран света, Гесер-хан, и изрек:

— С раннего детства я стал уничтожать докшитов и всегда пользовался Буйдоном как проводником. Кому уподоблю его? Человеку, который в темную ночь не пропустит даже и воткнутой иглы! Вот какой был проводник этот Буйдон! К тому же он так мудр, что постигает языки всяких существ шести разрядов. И будет ему титло Мергэн-Тэбэнэ! — Мудрая Игла.

* * *

Вторая часть о том, как в пятнадцатилетнем возрасте государь десяти стран света, Гесер-хан, предводительствуя тридцатью своими богатырями, убил хубилгана Мангуса, огромного, как гора, черно-пестрого тигра, обитавшего в северной стране.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

ГЕСЕР УПОРЯДОЧИВАЕТ ДЕЛА ПРАВЛЕНИЯ КЮМЭ-ХАНА КИТАЙСКОГО

У Китайского Кюмэ-хана скончалась — сделалась буддой — супруга, и вот по случаю ее кончины вышел ханский указ:

„При таковых моих обстоятельствах пусть плачут все. Кто стоит — плачь стоя. Кто в пути — плачь в пути. Кто еще не в пути — так и плачь. Кто поел — плачь уж поевши. Кто еще не ел — так и плачь!"

Вот какой указ издал хан. Собирается опечаленный народ у приказа ханских сановников, в один голос рассуждает:

— Скончается, бывало, ханша: прах ее предадут земле; собрав лам, закажут им сорок девять суток читать номы; так щедро потом одарят, что не унести; хан по сговору возьмет себе супругу-ханшу и возрадует, бывало, весь свой народ. А тут выходит, что умерла не одна только ханша: всему народу приходит смерть! К чему же другому поведет этот указ? И стали тогда все сообща доискиваться, кто бы это смог развеселить хана? Но сколько ни доискивались, не находилось никого. А у этого хана было семь плешивых кузнецов, все семеро родные братья, а между ними старший плешивец, по прозванью шальной-пустомеля; унимать его умела только его жена. Этот плешивый кузнец, отложив свою работу, говорит своей жене:

— Вот ханские чиновники рассуждают о том, кто бы это смог развеселить хана. Но ведь если не сможет развеселить его милостивый Гесер-Мерген-хан, государь десяти стран света, то кто же другой, кроме него, в состоянии развеселить? А эти, негодные, того и не ведают! Разве не так?

— Ах ты, шальной дурень! — говорит жена его. — Ах ты, скверный беспутный плешивец! Не ты ли надоумишь ханских цзайсанов в том, чего они не домыслили? Берись-ка за свою давешнюю работу да помолчи!

Зная, что жена его не пустит, шальной плешивец говорит своей жене:

— До смерти хочется есть: сходи-ка по-воду, свари обед — поедим!

А у ведра, с которым его жена ходила по-воду, он взял и просверлил дно. Услав жену по-воду, является он в собрание сайдов-сановников и говорит:

— Ну, что, сайды-сановники, нашли вы того, кто мог бы развеселить хана?

— Нет, мы еще не нашли, — отвечают те.

— Кто же может развеселить хана? Государь десяти стран света милостивый Мерген-Гесер-хан, вот кто может! — говорит плешивый.

— Трудноватое это дело! Разве что ты сам его и позовешь? А уж если и ты не в состоянии, то кто же другой позовет? — отвечали чиновники.

— Что ж тут такого? Ехать — так я, пожалуй, поеду. Давайте мне коня и кетчи-оруженосца!

Лошадь и кетчи предоставили, и плешивый кузнец пустился в путь-дорогу. Подъезжая к Гесер-хану, он спешился, а Гесер-хан, чудодейственной силой распознал шального; не успел еще тот спешиться, и, прежде чем ему войти, поразил его благоговейным страхом. Уже и вошел мастер и не знает: то ли ему садиться, то ли кланяться в ноги; стоит он, и растерянно озирается. Говорит ему Гесер-хан:

— Кто ты таков, негодный? Что ты за плешивый дурак такой, чего без толку стоишь-то, почему не сядешь или не уйдешь?

Кузнец все еще не может выговорить ни слова. Тогда Гесер-хан перестал подавлять его своим величием, и плешивый кузнец, придя в себя и сделав земной поклон, начал ему докладывать:

— Супруга китайского Кюмэ-хана сделалась буддой скончалась и хан повелел: кто стоит — плачь стоя; кто еще не пустился в путь — отложи и плачь; кто тронулся в путь — плачь на ходу; кто не может ходить — плачь сидя; кто поел — плачь поевши; кто не ел — подожди есть и плачь! Таково было повеление. При таком положении ханские зайсанги с общего согласия послали меня с поручением: не соблаговолит ли государь десяти стран света пожаловать и развеселить хана?

— Ужели же я должен ходить и увеселять всех своих ханов, когда у них умирают супруги? — отвечает Гесер.

Плешивец молчит.

— Ну, хорошо, — продолжает Гесер. — Ехать-то я, пожалуй, поеду, но только вот что:

Есть совершенно белая гора: и на этой горе сам собой издает блеянье совершенно белый ягненок. Доставьте его.

Есть золотая гора: на златой горе сама собою вертится золотая мельница. Доставьте ее.

Есть железная гора: на железной горе сама собою резвится сине-бирюзовая железная корова. Доставьте ее.

Есть золотая гора: на златой горе есть золотая палочка, которая сама собой бьет. Доставьте ее.

Есть медная гора: на медной горе сама собой лает медная собака. Доставьте ее.

Есть золотая гора: на златой горе сам собою жужжит золотой овод. Доставьте его.

Есть золотой аркан, которым можно поймать солнце. Доставьте его.

Есть слиток золота, из песчинок собранный в муравейнике муравьиного хана. Доставьте его.

Есть серебряный аркан, которым можно поймать луну. Доставьте его.

Есть пригоршня сухожилий вшей. Доставьте ее.

Есть рожок крови из клюва черного орла. Доставьте его.

Есть рожок молока из грудей черной орлицы. Доставьте его.

Есть склянка слез из глаз орленка. Доставьте ее.

Есть сочный хрусталь-драгоценность, находящийся на дне океана, хрусталь — величиною с молотильный каток. Доставьте его.

Но если бы всего перечисленного не оказалось, то есть семь плешивых дарханов — кузнецов, все искусные мастера, — доставьте головы этих семи мастеров.

Если уж и этих всех драгоценностей не окажется, то я поехать не могу!

Так наказывал Гесер.

— Слушаю, — промолвил плешивый и пустился в обратный путь. Когда он подробно доложил ответ Гесера, то цзайсанги порешили убить семерых кузнецов и передать Гесеру их мозги, рассуждая так:

— Чего же ради нам трудиться добывать так много драгоценностей, когда и одну-то из них еще вопрос можно ли добыть. Но раз, по его же словам, можно обойтись сдачей мозга семерых плешивых кузнецов, то это раздобыть можно.

И они перебили всех семерых и послали семь голов с двумя посыльными, а те доставили их Гесер-хану.

— Правильно, — говорит Гесер. — Вы доставили мне головы нужных людей. Хорошо!

И стал он варить в одном котле мясо, наполнив его до краев, а в другом котле стал варить семь человеческих голов. Сидят два Кюмэкановых посла и со страхом думают:

„А что как этот Гесер-хан нас же и угостит головами наших семерых людей?“

Но он вынул из котла баранье мясо и предложил двум послам в угощенье; потом он достал совершенно разваренные головы и выстрогал из черепов семь чаш-кабала. Послы же сидели до тех пор, пока он не отпустил их со словами:

— Возвращайтесь: я приеду вслед за вами!

Когда два посла уехали, Гесер, пользуясь семью кабала как чашами, стал гнать из арьки[1] — арацзу, из арацзы — хурузцу, из хурузцы — ширацзу, из ширацзы — борацзу, из борацзы — такбатикба и марбамирба; изготовив семь хурцза с такими наименованиями, он пропустил их через цедило. Тогда стал он приносить семь напитков в жертву: послал возношение бабушке своей, Абса-Хурцэ, круговоротом ветра. Отве-

[1] Молочная водка, которая для крепости перегоняется несколько раз.

дала бабушка его, Абса-Хурцэ, захмелела, взглянула, наклонясь вниз, и говорит:

— Не придет ли сюда мой соплячок?

— Хочу проведать тебя, родимая, — говорит Гесер: — спусти мне лестницу!

— И в самом деле: мой родимый! — говорит бабушка и спускает веревочную лестницу.

— Матушка моя! — говорит Гесер. — Зачем же ты спускаешь мне веревочную лестницу: ужели ты хочешь, чтобы я упал и разбился на-смерть, я, твой единственный внук? Спусти железную лестницу. Тогда она спуская подает ему железную лестницу, по которой Гесер-хан восходит проведать свою бабушку.

— Бабуся моя! — говорит он. — Твоя скверная невестка, а моя жена, Рогмо-гоа, сказывала, будто бы есть совершенно белая гора: на полуденной ее стороне сам собою блеет совершенно белый ягненок. Золотая мельница, железная сине-бирюзовая корова, золотая палочка, медно-мордая собака, золотой овод, пригоршня сухожилий вшей, склянка крови из муравьиного носа, золотой аркан для поимки солнца, серебряный аркан для поимки луны, рожок крови из клюва черного орла, рожок молока из грудей черной орлицы, склянка слез из глаз черного орленка, морской сочный хрусталь-драгоценность.

— Все это, — говорит она, — есть сполна у отца моего, у моего отца Сенгеслу-хана!

— Эти ее россказни правда или выдумка? спрашивал Гесер.

— Родимый мой, откуда же могли оказаться у этого негодного столь многочисленные драгоценности? Пожалуй, они у меня, все полностью.

— Где же они, бабуся? Дай мне их все посмотреть.

— Неужели для тебя, своего родимого, поскуплюсь? Бери: они находятся вот в том сундуке под замком!

Взял он у бабушки ключ, отпер замок, и, поворотясь к бабушке спиной, вынул все драгоценности и все до единой засунул себе за пазуху.

— Ну, бабуся моя, — говорит он, — проведал я тебя, теперь пора и домой! И стал спускаться по железной лестнице. Но еще не успел он спуститься, как бабушка окликает его:

— Милый мой Цзуру! Что ты так торопишься уходить? Не лучше ли скушать с дороги свой суп-шилю, а потом бы и уходить?

— Бабуся моя, отозвался он, сходя на землю по железной лестнице. Что за невидаль чай и шилю? С тобой-то, родимая, повидался, и того поди довольно с меня!

В то время было в обычае провожать уезжавших, бросая во след им золу. И бабушка бросила во след ему золу:

— Благополучного пути, мой родимый!

Говорят, что рассыпающиеся по небу белые облака и есть та самая зола, бросаемая ею на прощанье.

Спустившись в дольний мир, Гесер-хан разложил все драгоценности на разостланную полу свою и стал рассматривать. Прочие драгоценности налицо, не достает только четырех драгоценностей: крови из клюва черного орла, молока из грудей черной орлицы, слез из глаз черного орленка и морского сочного хрусталя, — этих четырех драгоценностей не хватает.

— Эх, отца его! второпях не сумел я захватить четырех драгоценностей из той массы драгоценностей, что давала мне бабушка. Откуда же мне взять их теперь?

Государь десяти стран света, Гесер-хан, навел сновиденье на черного орла, ходившего в небе. Проснувшись рано поутру, черный орел говорит своей черной орлице:

— Не видывал еще я подобного сна с тех пор, как возродился в этом своем теле. Снилось мне этою ночью, будто в истоках реки Найранцза лежит околевшая пестрая корова, тучная от восьмилетней яловости. И снилось мне, будто я прилетел туда и ем ее мясо; как прекрасен был сон мой!

А жена его говорит:

— Существам, ходящим по небу, не подобает, говорят, спускаться за падалью на златую землю; как не подобает существам, ходящим по златой земле, восходить на синее небо. В то же время говорят, что возродился государь десяти стран света, Гесер-хан, и возродившись облекся в человеческую кожу. Говорят, что хубилганы его являются в десяти странах света. То, может быть, употребляемая им пища, и вкушаемое им питие бессмертия — расаяна показаны в сновиденьи твоем? Разве не сведущ в хитростях человек — хубилган? Остерегись, не ходи!

— Но ведь я, — отвечает орел, — я покружусь по небу — посмотрю, нет ли человека, и тогда только опущусь и буду есть. Если же там окажется человек, то я покружусь и вернусь. Мне хочется удостовериться, правдив или ложен мой сон? И с этими словами он полетел, а жена его осталась одна, не смогла удержать его.

Государь десяти стран света, Гесер-хан, у истоков реки Найранцза зарезал пеструю корову, тучную от восьмилетней яловости, и распростер ее тушу. В самую грудь ее он вдвинул свою девятирядную железную ловушку, а сам, выкопав яму, спрятался в ней со шнуром от ловушки в руках. Черный орел подлетает, и, описывая в небе круги, смотрит:

— Человека нет! — говорит он, спускаясь; потом, принявшись за еду, он клюет мясо задней части. Но лишь только затем он проник в грудь и начал было есть, как Гесер потянул за шнур своей девятирядной железной ловушки и поймал птицу. Поймав орла и заставив его биться в ловушке, он набрал склянку крови из разбитого клюва и ждет. А в это время самка его, с плачем летая по небу, говорит своему самцу:

— Разве я не говорила тебе? Теперь, видно, пришла твоя смерть!

Чудесною силой своей постигая, что это с плачем летает его самка, Гесер-хан говорит ей:

— Ах, черная орлица! Я не собираюсь убивать твоего самца. Ты черная орлица, дай мне рожок молока из своих грудей, дай мне рожок слез из глаз черного орленка, дай мне тот сочный хрусталь-драгоценность с молотильный каток, что находится в пучине океана. Принеси мне эту тройню, а иначе я заставлю твоего самца до смерти метаться и биться в западне, пока не убью.

Отвечает ему черная орлица:

— Я попробую найти, государь десяти областей, грозный Гесер-хан; только не убивай! — и улетела с этими словами.

Не дала она грудей своему птенцу и набрала рожок своего молока; заставила плакать своего птенца и набрала рожок слез его. Раздобыла она и сочный хрусталь-драгоценность в молотильный каток, раздобыла из океана. Доставив эту тройню, она вручила государю — хану десяти стран света и улетела вместе со своим самцом.

Как только со всеми этими драгоценностями Гесер-Мерген-хан отбыл к китайскому Кюмэ-хану, так тотчас и прибыл и уж входит в ханский дом, — а Кюмэ-хан, оказывается, продолжает и дневать, и ночевать со своею ханшей в объятиях. Тогда говорит Гесер-хан:

— Эх, хан! Разве же не преступно ты действуешь? Ведь это, кажется, беззаконие: живому человеку жить с мертвецом! Как бы такое сожительство не оказалось дурным предвестьем для живого из двух! Делом живого человека было бы похоронить свою покойницу, пригласить лам для заупокойных служб и совершать благотворения! Когда же ты, хан, обрадовал бы весь свой народ новой женитьбой, то в этом и сказалось бы твое доброе имя, которое станут славить на весь мир.

— Кто таков этот глупый человек? — говорит Кюмэ-хан. — Я не покину ее целый год, нет: пока не истечет десять лет, до тех пор и не покину ее!

— В таком случае как же мне и помочь хану? — И с этими словами Гесер-хан вышел; но когда хан уснул, он похитил ханшу, находившуюся в его объятиях, и в объятия его подложил дохлую собаку. Встав рано поутру, хан говорит:

— Горе, беда, видно правду вчера говорил человек: моя-то вот долежалась до того, что превратилась никак в собаку? Возьмите ее и выкиньте!

Когда ее взяли и выкинули, то один привратник и говорит:

— А выкинул-то ханшу, пробравшись сюда, Гесер! Я ж от страха не мог сказать ему ни слова!

— Горе, беда, — воскликнул хан. Что этот Гесер-хан выкинул мою ханшу — это бы еще куда ни шло! Но как он смел в мои объятия подкинуть собаку, самое грешное и нечистое из всех животных?

И он с целью казнить Гесера взял и кинул его в змеиный ров. Гесер же побрызгал понемногу на всех змей молока из грудей черной орлицы: все змеи и перетравились. Сделав себе из большого змея подушку, а из маленьких змей ковер, Гесер улегся спать.

Рано встает государь десяти стран света Гесер-хан и поет:

— Оказывается, этот хан кинул меня в змеиный ров не с тем, чтобы его змеи умертвили меня, как думал я; а с тем, чтоб я умертвил его змей, на его ханскую потеху!

Так он пел, а страж змеиной ямы пошел к своему хану и рассказал ему, передал сполна все Гесер-хановы речи по порядку.

— И человек тот, — добавил он, — вовсе и не думает умирать, а лежит и поет, умертвив наших змей всех до единой.

Тогда Кюмэ-хан велит бросить его в муравьиный ад. Гесера берут и бросают. Окропил он всех муравьев кровью из клюва черного орла, и все муравьи перетравились. Истребив муравьев, поет Гесер-хан:

— Бросил Гесера оный Кюмэ-хан в свой муравьиный ад. Я-то думал, что хан хочет умертвить меня; а оказывается — хан хочет заставить меня умертвить своих муравьев ради собственной ханской потехи! Так он пел, а страж муравьиной ямы пошел к своему хану и говорит:

— Тот человек уничтожил всех наших муравьев, лежит и поет.

Тогда Кюме-хан велит бросить его во вшивый ад. Посыпал Гесер-хан во все стороны вшивыми жилками и все великое множество вшей передохло. Уничтожив вшей, Гесер поет:

— Выходит, что этот хан для потехи заставил меня уничтожить всех своих вшей, а я-то думал, что он бросил меня во вшивый ад, чтобы уничтожить меня при помощи своих вшей!

Страж вшивого ада пошел к своему хану и говорит:

— А этот человек убил всех наших вшей, лежит и поет.

Велит он бросить его в осиный ад. Гесера берут и бросают в осиный ад. Но Гесер приканчивает всех ос, напустив на них своего золотого слепня, и поет:

— Бросил меня оный хан в свой осиный ад, и я думал, что он велит своим осам меня умертвить; а он вот для своей потехи велел мне умертвить своих ос!

Страж осиной ямы пошел к своему хану и со всею точностью подробно рассказал все речи Гесер-хана. Тогда снова берут его и ввергают в звериный ров. Но Гесер-хан приканчивает весь звериный ад, напустив свою медномордую собаку, и поет Гесер-хан:

— Оный царек бросил Гесера в свой звериный ад. Я думал, что это хан, карающий казнью; а оказывается хан для своей потехи заставил меня покарать смертью свой звериный ад!

Так он пел а страж ада пошел к своему хану и говорит:

— Тот человек и не думает умирать, но сам умертвил весь наш ад, лежит и поет.

Снова приказывает хан схватить его и бросить в темный ров. А Гесер-хан, при помощи своего золотого аркана для поимки солнца и серебряного — для поимки луны, поймал — заарканил и солнце и луну, осветил свой темный ров и лег спать. Встал Гесер и поет:

— Бросил оный хан Гесера в свой темный ров, и я было подумал, что это смертью карающий меня хан, а оказывается, — хан для своей потехи осветил свой темный ров силою Гесера!

Так он пел, а страж ямы пошел к своему хану и подробно передал ему все речи Гесеровы. Снова приказывает хан схватить его и бросить в океан-море. Гесера схватили и бросили. Гесер же, погружаясь в воду, обнял свой сочный хрусталь-драгоценность, в молотильный каток, и, от погружения его, море расступилось на-двое и высохло. Танцует и поет Гесер около своего драгоценного хрусталя:

— Бросил Гесера оный хан в свое море-океан: я думал, что хан хочет покарать меня смертью, а оказывается, он хочет потешить весь свой народ безводьем, осушив свое море силою Гесера!

Так он пел, а страж при море пошел к своему хану и говорит:

— Этот человек и не думает умирать, но, высушив море, ходит и поет вот какие песни.

Тогда вновь приказывает хан: казнить его, усадив верхом на медного осла, вокруг которого заставить четырех дюжих раздувальщиков мехов раздувать пламя. А Гесер-хан незаметно покрыл все свое тело углем при помощи своего черного угля без трещины, угля с лошадиную голову и ждет. Подходят раздувальщики мехов и, разведя с четырех сторон огонь, начинают раздувать пламя, и вот огонь уже охватил Гесера. тогда он незримой чудодейственной силой источает из своего тела множество воды и совершенно угашает огонь; а загасив пылавший на себе огонь, Гесер попрежнему поет. Пошли раздувальщики мехов и говорят:

— Этот человек и не думает умирать и вот что поет.

Тогда хан опять отдает приказ:

— Изрубить его острыми мечами.

Принялись было колоть-рубить Гесер-хана, но он при помощи золотой палочки чудодейственно переломал все их вооружения. Не могут его умертвить; пошли к своему хану и говорят:

— Что это за человек греха? Не остается теперь у нас никакого средства умертвить его. По крайней мере мы не можем умертвить его. Ваше ханство сами ведайте, как теперь быть!

Тогда хан говорит:

— Вот как его умертвить: соберите множество копий и повесьте его на острия их!

Гесер-хана уводят, а он, захватив с собою свою золотую мельницу, нарочито говорит:

— На это дело нет у меня больше средств! Теперь пришла моя смерть!

И ждет. Дочь Кюмэ-хана Кюнэ-гоа — сама хубилган — поняла.

— Плохо это! — говорит она. — Доколе же ты будешь терпеть эти муки?

Тогда Гесер-хан делает вид, что посылает попугая послом к себе домой, Привязав к ноге попугая тысячу златошелковых нитей, он держит нить в руках и громким голосом приказывает своему попугаю, который сел на городской башне:

— Лети, лети, моя птица-попугай! Китайский Кюме-хан убил Гесер-хана, государя десяти стран. Позови трех моих богатырей, которые выше меня, позови трех моих богатырей, которые одинаковы со мной, позови трех моих богатырей, которые ниже меня! Пусть, будут за ними во след и тридцать моих богатырей. Пусть придут мои девять богатырей, пусть разрушат стольный город этого хана и самого хана казнят лютейшею из казней. Пусть обратят в пепел все, что может видеть глаз, пусть обратят в черный уголь все, что можно окинуть оком! Пусть полонят весь народ его! Лети же моя птица-попугай! И полетела его птица-попугай, а Гесер-хан держит в руках конец нити и ждет. Услыхал Кюмэ-хан и все его приближенные и говорят:

— Горе, что делать? Мы не смогли умертвить и одного-то Гесера. Ясно, что от нас и праха не останется, если теперь придут девять его богатырей! — Ах, Гесер-хан, призови свою птицу: мы дадим тебе все, чего ты ни потребуешь!

— Птица моя улетела далеко, никак невозможно! — отвечает он.

— Каково б ни было твое повеленье — все мы исполним по твоему повеленью! — говорят они и все земно кланяются ему.

— Хорошо! — говорит Гесер-хан. — Ты должен отдать мне свою дочь Кюне-гоа, тогда я попробую призвать свою птицу.

— Отдам! — говорит хан. — Разве для тебя пожалею чего?

— Сюда, мой попугай! —чудодейственно поманил Гесер и принял птицу на руки, потянув за шнур, к которому была привязана тысяча златошелковых нитей.

Пригласив Гесер-хана в свой дом, Кюмэ-хан устроил большой пир. Тихонько он спрашивает свою дочь Кюнэ-гоа:

— Милая Кюнэ-гоа, я собираюсь выдать тебя за Гесера. Если бы ты, чего доброго, не согласилась, то он, пожалуй, убьет меня, а тебя заберет силой.

— Беда, батюшка мой! — говорит она. — Раз это нужно для Гесер-хана, государя десяти стран, то неужели мне не соглашаться и ждать, пока он убьет моего батюшку?

— Справедливо, — говорит хан, — и выдал Кюнэ-гоа за Гесера, государя десяти стран.

Три года прожил там Гесер-хан со своей женой Кюнэ-гоа. По прошествии же трех лет говорит он Кюнэ-гоа:

— Усладил я покоем твоего отца и вот около тебя жил пока не исполнилось три года. Теперь я хочу возвратиться к себе и, навестив свое хозяйство, приехать обратно.

Отвечает ему Кюнэ-гоа:

— Что за речи изволишь говорить, государь мой, Гесер-хан? Лучше бы жить здесь, а нет — так поехала б и я с тобой. Что мне жить здесь в одиночестве?

— Справедливо, поедем вдвоем! — говорит Гесер. — Едем не откладывая за город. И с этими словами Гесер садится на своего вещего гнедого коня, а Кюнэ-гоа — на своего синелысого мула и, выехав вдвоем на ночлег за город, уговариваются гадать:

— Если справедливы твои слова и следует нам с тобой вдвоем жить здесь, то пусть мой вещий гнедой конь и твой мул оба после ночевки повернутся в сторону города. Если же твои слова несправедливы, а мои справедливы, то пусть мой вещий гнедой конь повернется в сторону дома!

Согласились и оба заночевали. Рано поутру встал Гесер-хан, государь десяти стран света, смотрит: и мул и конь оба стоят, повернувшись в сторону города.

— Что ж это ты, мой вещий конь гнедой? — окликнул его Гесер. — Повернись в сторону моего дома! — Тогда повернулся вещий гнедой конь в сторону своего дома. Будит Гесер Кюнэ-гоа:

— Рассвело уж, вставай! Загадали ведь мы с тобой этой ночевкой по коню и мулу увидать, чья правда выходит, а чья — неправда! Пошла Кюнэ-гоа, взглянула и говорит:

— Выходит твоя правда, а моя неправда: в своей поездке ты волен! Ехать — так поезжай, государь мой, Гесер-хан! И оба они сели верхами.

Проводив Кюнэ-гоа до города, так как она была одна, государь десяти стран света Гесер-хан изволил отбыть. По дороге, доехав до одной очень высокой горы, он присел и говорит:

— С того времени и до сей поры много я дел переделал: посижу-ка теперь в дияне-созерцании!

Спускается тогда к нему сестрица его Боа-Донцон-Гарбо, одна из трех его родимых побеждающих, и говорит:

— Милый мой соплячок! Верхняя часть твоего тела исполнена признаков будд десяти стран света, средняя часть твоего тела исполнена признаков четырех великих тэнгриев, нижняя часть твоего тела исполнена признаков четырех драконовых ханов. От гнева твоего — грехи спадают, от смертной твоей кары — души спасаются. Разве ты не Гесер-хан, государь сего Чжамбутиба? Или ты сидишь в созерцании, чтобы обрести перерождение какого-нибудь будды, еще выше того?

— Справедливо наставление моей родимой сестрицы, но присел я оттого, что и конь и сам я утомились. Ворочусь же! И с этими словами Гесер-хан сел на коня и пустился в путь-дорогу. Подъезжает он рано поутру, а Рогмо-гоа спит, укутавшись в соболье одеяло.

— Рогмо-гоа моя! Чем лежать, как лежит укутавшись в мураве красный теленок-третьячек, встала б ты рано поутру, как сизая лань, ходящая по вершинам гор, и ходила бы озираясь туда и сюда! — говорит

Гесер. — Встает Рогмо-гоа, одевается и будит домашнего своего раба по имени Нанцона:

— Вставай, мой мудрый Нанцон! — Бегом уходи, вскачь приходи! Златокромым аргалом подбивай, среброкромым аргалом покрывай! Вода словно матушка: побольше лей. Как племянник соль: поменьше клади. Словно батюшка чай: поменьше клади. Молоко словно дядя по матери: побольше лей. Масло как барин-нойон: поменьше клади. Кипение уподобляй волнам молочного моря. Многократное сливание уподобляй сонму монахов-хувараков, читающих номы — писание. Питье уподобляй золотой чечотке, которая входит в свою норку. Видно, подъезжает к дому милый мой Богдо, искоренитель десяти зол в десяти странах света. Поторопись же сварить чай!

Докладывает мудрый Нанцон госпоже своей Рогмо-гоа:

— Что такое ты изволишь приказывать? Хоть и похожа ты с виду на золотой ларец, но похоже также, что внутри он набит сухожилиями. Хоть и похож я с виду на мешок из лошадиного брюха, но похоже также, что внутри-то я набит затканной парчей, называемой ха-гуй-я. Не собираешься ли ты порадовать государя десяти стран света Гесер-хана одной чашей чаю? Дай-ка знать дядюшке его Арслану, кочующему у истоков Арслан-реки! Дай-ка знать дядюшке его Цзану, кочующему у истоков Цзан-реки! Дай знать старшему его брату Цзаса-Шикиру! Дай знать тридцати богатырям и тремстам его хошучинам. Дай знать трем отокам улуса его! Пригласи их всех к нему на великий пир!

— Может быть неправильны мои речи? — земно поклонился он.

— Эти твои речи правильны, Нанцон мой! — ответила Рогмо-гоа. — Извести их всех на почтовых: пусть пожалуют к своему Гесер-хану! Мудрый Нанцон послал извещение на почтовых, возрадовал их всех, и свиделись они со своим Гесер-ханом на великом пиру. Потом великое собрание разошлось по домам.

Третья песнь о том, как устроил правление у Китайского Кюмэ-хана.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1. ЦОТОН УХИТРЯЕТСЯ ИЗГНАТЬ ВОЗЛЮБЛЕННУЮ ГЕСЕРА, АРАЛГО-ГОА (ТУМЕН-ЧЖИРГАЛАНГ), КОТОРАЯ С ГОРЯ УХОДИТ К ДВЕНАДЦАТИГЛАВОМУ МАНГУСУ

Государь десяти стран Гесер-хан скрывал свою супругу Аралго-гоа от всего улуса и, поселив ее в месяце пути от себя, время от времени навещал ее. Никто об этом не знал, но проведал Цотон-нойон и отправляется к ней. Отправляется он верхом на своем желто-рябом коне Кюнэ-бирова, привесив к поясу мешок с гостинцами. Свидевшись с Тумен-чжиргаланг (как называл ее Гесер), стал он ей говорить:

— Бедная ты, моя невестушка! Не ясно ли, что кажет он тебе только тень свою, именуемую государем десяти стран Гесер-ханом? Направив государственные дела Кюмэ-хана Китайского, прожил он три года в браке с Кюнэ-гоа и приехал. Теперь живет возле своей Рогмо-гоа, а к тебе вот и не является. Ты же, милая, бедняжка моя, маешься с такой-то красой! бросишь взгляд туда — будто десять тысяч людей смеются; бросишь взгляд сюда — будто десять тысяч людей смеются! Женюсь я на тебе?

— Ого, дядюшка мой Цотон, к чему эти твои речи? Пусть соберется сюда десять тысяч Цотон-нойонов; разве сравняются все они с одною тенью моего Гесера в сновиденьи моем? Пусть услышит эти твои речи вышнее синее вечное небо! Пусть услышит их дольняя Матерь Земля-Этуген, зеленый покров, Златонедрая! Если же слышали все одушевленные твари — пусть уши у них оглохнут, пусть глаза ослепнут! Разве не таковы эти твои речи, что их и вымолвить невозможно? Замолчи, отведай чаю с шулю и выпроваживайся! — С этими словами она выпроводила его, подарив милостыней с великого пира, „не солоно хлебавши".

Цотон-нойон уехал, но через семь-восемь суток является опять и ласково обращается к Тумен-чжиргаланг:

— Ах, ты милая, добрая бедняжечка, невестка моя! Разве же не видно, как ты мучаешься лютейшею из мук? Женюсь я на тебе?

— Ах, дядюшка! Не по-человечески ли я говорила прошлый раз? Разве покинул меня мой Гесер-хан, сын тэнгрия из чистой области Тушит, государь десяти стран света? Разве отдал меня тебе, Цотон-нойону, дяде своему? Разве я не отказывалась итти за тебя, считая тебя негодяем? Разве ты заметил во мне, своей невестке, ветренность или рев-

ность? Пока пред тобой не соблюду мое имя, какое будет мне имя? И она крикнула:

— Эй, кто там есть? дворовые-хоронские ребята! Тащи сюда свои батоги!

Отстегали они, не разбирая, и Цотон-нойона, и его коня, забрали у него коня и пустили пешим.

Так что в свой дом, находящийся в одном месяце пути, Цотон-нойон добрался только в два месяца. Меняя кожу свою, Цотон-нойон должен был употреблять в пищу крепкий бульон „шица", пока не поправился.

Пересидев дома семь-восемь суток, Цотон-нойон думает: „Посмотрим, как я не найду средства тебя-то, Тумен-чжиргаланг, разлучить с Гесером!" и он поехал к заклятой яме, запасшись провизией на сто дней. А яма была такая, что могла предрекать в образе привидевшегося во сне человека все то, что случится с кем: порадует ли его будущее или принесет скорби. Приехав к этой своей заклятой яме, он там и лежал, пока не истекло три месяца, но за этот срок ничего особенного не привиделось Цотону.

— Э, — говорит Цотон, — что это за странный случай: то ли заклятая яма теряет свою предвещательную силу, то ли здесь-то и надлежит мне, Цотону, проявить всю свою настойчивость? — И вот он пролежал еще девять суток, теперь без всякого продовольствия. В последнюю ночь девятых суток Цотону во сне привиделся человек, который говорит ему такие слова:

— Надобно стакнуться с пастухом коров Тумен-чжиргаланг и вот чего налить в три чаши: в одну чашу до краев налить крови, в другую до краев налить хороцзы, трижды перегнанной молочной водки, а в третью до краев налить кислого молока-тарак. Сверху чашу плотно прикрыть и поставить, привязав к дверной петле в юрте у Тумен-чжиргаланг. Когда та, загасив лампаду уснет, пусть ее окликнут: „Барыня! Коров телки сосут!" „А скольких сосут?" наверно спросит она. Тогда пусть отвечают: „Сотню сосут". Не беда! должно быть отзовется та и заснет. Но, дав ей уснуть, пусть опять окликнут: „Барыня! Коров телки сосут". Спросит: „А скольких сосут?" Говорите „тысячу сосут". Опять она тоже, должно быть, станет засыпать со словами: „Не беда!" И опять надобно ее окликнуть: „Барыня!. Телки коров сосут!" „Скольких же сосут?" спросит. Надобно сказать тогда: „Всех до одной сосут!" — „Ой, батюшки!" всполошится она и вскочит: „Никак все дойное молоко уйдет!" И как прольет она тут содержимое трех чаш, вот это-то и будет настоящее средство отворота Гесера от Тумен-чжиргаланг.

Тогда Цотон едет и подъезжает к табунщику Тумен-чжиргаланг. Было же так, что табунщик собирал свой табун в один косяк, и, когда забирался в средину его, то выходило, будто бы можно просто брать покинутый табунщиком косяк, будто бы табунщика и вовсе нет. Подъехав на близкое расстояние, Цотон обратился к табунщику с разговором:

— Ну, как, табунщик, ваш табун? Велик — мал, жирный — тощий? Табунщик отвечает:

— Ладно! Коли велик, так не скажешь ли ты: давай кое-сколько мне? Коли мал, так не велишь ли с нас правеж править? Коли тощий — так не велишь нам выговаривать? Коли жирный — так не прикажешь ли нас наградить?

— Я же тебя проучу! — говорит Цотон. — Смотрите, пожалуйста, как себя этот негодяй ведет! Мне в лицо он смеет говорить подобные слова?

И успел уже хлестнуть лошадь того по маковке:

— Сюда, сюда все табунщики! — закричал тот. — Дядя Цотон приехал грабить табун! Сюда!

Тогда все табунщики, как у них было условлено, окружили Цотона и принялись молотить его укрюками для поимки коней. Цотон-нойон пустился наутек, и вот, повстречав верблюжьего пастуха, завел ту же речь и с ним. Точно так же и верблюжьи пастухи в ссоре избили Цотона. Спасшись от них бегством и повстречав затем коровьего пастуха, он с тем же успехом побеседовал и с ним. Убежав от коровьих пастухов, явился он к овечьим. И опять заводит речь с овечьим пастухом о состоянии его стада. Вышла такая же ссора, как и с табунщиком. Тогда Цотон украл себе на леченье большую овцу и ушел высоко в горы на поправку. Поправившись, Цотон-нойон однажды поздно вечером, в изрядные сумерки, является к человеку, заведывавшему пастьбой телят у Тумен-чжиргаланг и с глазу на глаз заводит с ним речь о том, кому же из пастухов пяти родов скота живется у них лучше всех, а кому — хуже всех? Телячий пастух и говорит:

— Что у нас хорошего? Дождь — не говори, что дождь. Зной — не говори, что зной. Грязь — не говори, что грязь: разве же не правда, что мы должны неотступно ходить следом за множеством телят? Если же взять, скажем, табунщиков, то они сколько душе угодно ездят верхом на меринах, сколько душе угодно пьют тепленькой арьки. Разве же это не жизнь в полное свое удовольствие? А какая разница между прочими четырьмя родами скота? Разве та, что если кто и страдает — так это мы!

— Так-то, — говорит Цотон. — Ну, а чем вы мне сможете отплатить, коли я сделаю ваше житье еще лучше, чем у тех четырех родов пастухов?

— Эх, — отвечает телячий пастух, — чем бы только мы поскупились для своего дядюшки Цотона? Что только посильно раздобыть — все бы отдали! А нет, так и свое, что ни есть у нас, отдадим!

— А ведь я бы, пожалуй, мог осчастливить вас, моих болезных! — говорит Цотон.

— Вот-то благодать! — радуется телячий пастух. Зарезал теленка и предложил Цотону угощение. Тогда Цотон говорит телячьему пастуху:

— Налей в одну чашу крови, в другую — тараку, в третью — хорцзы и, дав ему подробное наставление, Цотон уезжает домой.

Телячий же пастух всем этим снадобьем наполнил три чаши, поставил и привязал; а ночью, когда Тумен-чжиргаланг потушила лампаду и заснула, окликает ее:

— Барыня, телята коров сосут!

— Скольких сосут?

— Сотню сосут!

— Не беда! — говорит она и дремлет, а пастух опять и опять окликает ее одними и теми же словами, что и раньше сказаны, пока не поднялась Тумен-чжиргаланг и, выбегая со словами „Как бы не кончилось все дойное молоко!“, не пролила все, что было в трех чашах, привязанных к дверной петле. А это тройное от них испарение дошло до двенадцатиглавого Мангуса, и Мангус заболел. Велит тогда он подать себе свою красную гадальную нить и по ней принимается ворожить, отчего это он заболел; и вот что вышло: у государя десяти стран света, в особом уделе и в особом кочевье, есть некая особа, дивная красавица. — Видно для меня пролиты три чаши с каким-то дурным снадобьем, налитые по наущению человека из заклятой пещеры. Посмотрим же, кто кого осилит! — говорит Мангус, и налив в три чаши тех же трех снадобий, он в свою очередь пролил их в дурное наваждение Гесер-хану. И заболел не только Гесер-хан, но эпидемия охватила и весь улус.

Тогда Рогмо-гоа с Цотоном отправились к гесеровым прорицателям, Моа-гуши и славному Дангбо и стали выяснять дело:

— Хорошенько поворожите и дознайте, почему заболел Гесер-хан, и почему это одновременно напали мор и болезни на весь улус?

Прорицатели поворожили на жребьях и вот что вышло:

— У нашего Гесер-хана, в особом нутуке-кочевье есть, оказывается, некая особа, собою очень пригожая, и есть, оказывается, у Гесера некий злоумышленный родственник, который, умыслив нечистое против Тумен-чжиргаланг, добился из заклятой пещеры дурного слова и по таковому пролил дурное снадобье Мангусу. Но Мангус отгадал причину своего недуга при помощи своей красной гадальной нити. А отгадав, он приправил ту же еду дурным наговором и пролил сюда: вот почему занемог Гесер; отсюда же, оказывается, постепенно пошла зараза и мор по всему улусу.

— Что же теперь делать, чтобы поправить беду? — спросили они прорицателей.

— Пусть Рогмо станет сущим морем хитрости, и тогда ту особу с успехом можно будет изгнать, а лучшего средства и быть не может: вот ведь какое нечистое дело выходит! — сказали прорицатели.

Вернулись домой, Рогмо-гоа с Цотоном послали к Тумен-чжиргаланг гонца и приказали передать ей:

— Люди говорят, что и болезнь Гесера, и зараза, и мор во всем улусе пошли от тебя и велят тебе убираться куда глаза глядят. Если, говорят, она уйдет — пройдет и Гесеров недуг, а не то — как бы ни кончилось худо!

— Я, Тумен-чжиргаланг, понимаю смысл твоей речи, гонец! Может ли Гесер изгонять? Это твои господа, Рогмо и Цотон изгоняют, а говорят будто изгоняет Гесер. А вернее, что и это преступление — дело рук Цотона! Так как Гесер меня не стал бы изгонять, то выходит, что изгоняют меня Рогмо с Цотоном. Я уйду: да здравствует же мой государь, Гесер-хан, сын Могучего Вечного неба!

* * *

— Каких еще скорбей недостает мне в этот день? Но знаю твердо одно, что, еслиб молитвы прежние исполнились силы, то в этой силе мое возвращенье и брак мой! Ты же, гонец, поезжай в обратный путь: я уйду!

* * *

В этот день каких скорбей недостает еще мне?
Но одно я знаю твердо, что, исполнись силы прежние молитвы,
В тот же день свершатся разом и возврат и брак мой.
Ты ж, гонец — езжай в обратный путь-дорогу:
Я уйду, спокоен будь, отсюда

Тумен-чжиргаланг велит собрать бедных и убогих своего разноплеменного, из всяких улусов собранного, хорона и, наказав им всем хорошенько присматривать за ее домом и скотом, как-будто бы она сама тут была, говорит:

— Тяжел недуг моего Гесера и нежданно надо мной разразилось горе-страданье: вот почему я и созвала вас! — Распределяет она между ними все свое достояние и со слезами пускается в путь. Начиная с хоронской ее разноплеменной бедноты, все решительно пришли в уныние и кочуют вслед за ней при всеобщих слезах-сетованиях:

— Ах, болезная, сокровище ты наше, матушка! Зачем ты покидаешь нас, великое свое разноплеменье? Тебе радость — сообща и мы бы радовались, тебе горе-страданье — и мы бы сообща страдали! Коль нужны эти наши жизни — так умрем! — И они с плачем продолжают провожать ее. Тогда обращается к ним Тумен-чжиргаланг:

— Хоть бы все эти пошли за мной — только худо это для государя, Гесер-хана. Хоть бы все и вся пошли — только худо это для милосердного моего государя, Гесер-хана. Возвращайся ж по домам, народ мой! — При этом раздает она взятую было на дорогу казну и пускается в путь, а все ее люди возвращаются по домам.

Едет она одна-одинешенька куда глаза глядят, и вот приходит к белоцветной земле

— Уж не всякая ль там тварь у них белым-белоцветная? Выходит ей во сретенье послом, принимает ее белый заяц. Устраивает белоцветный улус-народ великий пир, надевают на нее белый кафтан, сажают на белого коня, говоря: не суженая ль то в ханши нам? И выходят провожать ее.

Следуя далее, приходит она в пеструю страну. Выходит ей на встречу послом и принимает ее пестрая сорока. И этот улус, по образу прежнего, устраивает пир и так же затем ее провожает.

Приходит она, затем, в желтую страну. Встречает послом и принимает ее лиса. Все твари и здесь устраивают пир и, проводив ее, возвращаются.

В дальнейшем пути приходит она в синюю страну. Встречает ее послом и принимает ее волк. Попрежнему устраиваются пир и проводы.

Но вот приходит она в черную страну и, войдя в море, идет куда глаза глядят. С расстояния, которое пробежит во весь дух мерин, дохнуло на нее знойным ветром.

„Что это?“ думает она и со страхом идет дальше. С расстояния, которое пробежит во весь дух двухгодовалый жеребчик, дохнуло на нее резким холодным ветром, и от веяния этого ветра не может Тумен-чжиргаланг устоять на ногах.

— Что же мне делать, мой Гесер-хан? — плачет она и идет дальше. С такого от нее расстояния, которое пробежит во весь дух годовалый жеребенок, идет на нее некто: верхняя губа его достает до неба, а нижняя — на полу. Испугалась Тумен-чжиргаланг, не двенадцатиголовый ли то Мангус; пошла навстречу, земно поклонилась и ведет такую речь:

— Говорят вышний Хормуста — хан тэнгриев. Прибыв сюда этою ночью, я ночевала в степи, и вот во сне ли то было или наяву, но только сделалась вдруг великая тьма, и я как-будто бы поднята была на небо; как могу я знать, был ли то непременно хан тэнгриев, Хормуста? А поутру сегодня, устав от ходьбы, я уснула на берегу моря. И вот будто бы из пучины морской набрасывается на меня, чтобы проглотить, рыба-кит: но ведь может быть то не рыба, а сам драконов царь? И тебя вот, как я могу распознать? — И кланяется в ноги:

— Покинул меня государь десяти стран, Гесер-хан, и вот поднялась я и пришла сюда, держа в мыслях двенадцатиглавого Мангуса. Уж не сам ли здесь Мангус-хан? или не он? И она преклонилась пред ним, продолжая:

— Желала б я некогда стать у такого хана рабыней, доильщицей коров, или хоть служанкой, которая выносит золу!

— Ха-ха! Прекрасно, прекрасно, — говорит Мангус. — Пойдем! — и при этом проявился весь. Ты, дорогая, не пугайся, тебя я не стану есть! Должно быть, ныне проявляется сила моих молитв. О тебе я слышал: говорили, что у Гесера-хана есть хорошенькая жена, и я надумал было забрать тебя, но поостановился: сказывали, будто крутоват — государь десяти стран света, Гесер-хан! Никому неизвестно, будешь ли рабыней-доильщицей коров или моей воистину настоящей, любимой женой?

Он забрал ее с собой и отправился. Приведя Тумен-чжиргаланг в свою ставку, он переглотал затем одну за другой двух-трех своих миловидных жен, и сделал Мангус Тумен-чжиргаланг своею женой.

2. ГЕСЕР-ХАН СОБИРАЕТСЯ В ПОХОД ПРОТИВ ДВЕНАДЦАТИГЛАВОГО МАНГУСА

Между тем болезнь государя десяти стран света прошла, избавился от болезней и мора и весь улус. Говорит Гесер-хан, государь десяти стран света:

— Наладив дела правления у Китайского Кюмэ-хана, воротился я домой после трех лет жизни в Китае, и вот я долго проболел с тех пор, как вернулся к тебе, моя Рогмо-гоа. Пусть же подадут мне моего вещего гнедого коня: хочу теперь съездить к своей Тумен-чжиргаланг.

— Подают ему вещего гнедого коня, а Рогмо-гоа учтиво обращается к нему:

— Искоренитель десяти зол, грозный Богдо мой! Твоя ханша, Тумен-чжиргаланг стала, говорят, дурной женщиной и так куда же ты хочешь ехать?

— Что это значит? Что же такое она сделала, чтобы стать у меня дурной женщиной? Полно, я еду! — говорит он.

Тогда Рогмо-гоа послала человека за Цотоном. Приходит Цотон. Перемолвились Рогмо с Цотоном, и докладывает Гесеру Цотон:

— Ах, Богдо мой, доложу я тебе по правде: говорят, что твоя Тумен-чжиргаланг, ссылаясь на то, будто бы ты покинул ее, поднялась и ушла к двенадцатиглавому Мангусу. Батюшка мой, дай поотдохнуть хоть немного и коню и себе!

Но властно сказал тогда Богдо:

— Окажется неправой она — убью ее; окажется неправым Мангус — убью Мангуса и ворочу свою ханшу: я еду!

И уж садится Гесер-хан на коня, как говорит ему Цотон:

— Грозный Богдо мой! Еще с малых лет я хаживал меряться силами с мангусами и забирал мангусов в плен: я погонюсь, родной мой!

— Не стоит, дядюшка мой, — говорит Гесер, — этот скверный Мангус пожалуй будет крутоват — погонюсь за ним я!

— Да чем, же, родимый мой, чем же особенным этому скверному быть бы крутым? Я повоюю!

— Ну, так едем же, дядюшка, в самом скором времени! И он устраивает великий пир. Раздавая милостыню, раздает он ее в самом центре своего главного улуса, Цотона жалует, а затем, воротясь, во всеоружии выступает в поход.

Через два-три дня Цотон срочно оповещает в приказе по главному своему улусу о своей болезни, а затем снова экстренно оповещает, будто бы Цотон-нойон совсем плох.

Тем временем государь десяти стран света Гесер-хан оседлал своего вещего гнедого коня, надел свой шлем цвета сверкающей росы, свой черно-синий, унизанный драгоценными камнями панцырь и во всеоружии

снарядился в поиск за Тумен-чжиргаланг. Но, услыхав, что Цотон-нойон при смерти, отправляется к нему:

— Мой долг сейчас не за женщиной следовать, а поднять прах лежащего, как говорят, на смертном одре моего любезного родного дядюшки и переправить душу его на небо.

Приезжает Гесер-хан и входит, а Цотон-нойон, притворясь мертвым, лежит на столе: один глаз слегка прищурен, а другой закрыт, левая кисть руки открыта, а правая сжата в кулак; левая нога вытянута, правая скорчена.

— Увы, оказывается дядюшка действительно скончался! — говорит Гесер. — Но вот не успел умереть у нас дядюшка, а как бы не пришлось умереть у нас и Алтану, старшему его сыну от старшей жены: ведь, говорят, дурная примета, когда у покойника один глаз закрыт, а другой — полуоткрыт. И Гесер, захватив горсть пыли, подходит, чтобы засыпать ему полуоткрытый глаз, но Цотон успевает зажмурить полуоткрытый глаз.

— Если же человек умирает с одной ладонью сжатой в кулак, в то время как другая открыта, то это, говорят, дурной знак того, что отец чего-то требовал от своих детей и внуков.[1] И с этими словами Гесер подходит к руке Цотона, а тот успел сжать и ее в кулак.

— Если же, — продолжает Гесер, — человек умирает с одной ногой вытянутой, а другой — скорченной, то и это, говорят, недоброе предзнаменование для его оставшихся в живых детей и внуков, наследников. И он — к его скорченной ноге, но Цотон успел и ее вытянуть. Тогда Гесер говорит:

— Повесим нашего дядюшку на высокое дерево, натаскаем побольше толстых дров, зажжем костер и переправим душу его на небо. А уж потом я поеду ворочать свою Тумен-чжиргаланг!

— И он выносит Цотона, подвешивает к высокому дереву и разводит огромный костер. Тогда Цотон вскакивает на ноги и пытается бежать.

— Э, дядюшка мой! Ведь известно всем, что мертвецы обычно поднимаются на ноги, когда им на огне подпалят сухожилия: не то ли и тут? И он обметал Цотона пылающими плахами-головнями.

— Беда, пропал! — вопит Цотон. — Да ведь он же вовсе не мертвый, дядюшка твой!

— Так сюда, дядюшка! — кричит Гесер и волоком вытаскивает его, волоча по самой середине костра. У Цотона и волосы, и лицо, и руки, и ноги совсем опалило.

— Дядюшка Цотон, что означает твое поведение? — спрашивает Гесер.

— Родимый мой! — отвечает Цотон. — Говорят этот самый двенадцатиглавый мангус не в шутку трудноват. И вот из опасения твоей погибели в походе на него я и придумал эту хитрость.

---

[1] Или: на том свете побираться будет.

— Ну, и славная же оказалась эта твоя хитрость, дядюшка мой! — говорит Гесер-хан и едет домой. — Теперь в путь! — приготовляется он к походу.

Тогда является к нему духовенство, ламы и бакши, и начинают в учтивых выражениях его отговаривать, но Гесер ответил им:

— Придет, говорят, добрый лама — душу спасет; придет средний лама — писание прочитает, а придет худой лама — что прожорливая птица соя сожрет скот на дворе, сожрет все пожитки в доме. Вспоминается при этом и присказка про двух слепых, тщетно искавших дорогу, или про теленка, закружившегося вокруг дерева, к которому был привязан. Уходите-ка и позаботьтесь лучше о своих постах и обрядах!

Являются тогда к нему и почтительно отговаривают от похода нойоны-бояре и тиуны-цзаргучеи:

— Постарайтесь-ка лучше блюсти великое уложение — иехэ туру цзасаг цачжи, — да в судах ваших не лицеприятствуйте, ступайте! — говорит он.

Приходят и почтительно отговаривают его тридцать богатырей и передовой отряд в триста хошучинов, но Гесер ответил им:

— Никто твердо не может знать, что вслед за моим уходом не нагрянут отовсюду враги. Идите и держите наготове свои панцыри, шлемы, прочие доспехи и оружие!

После всех вышесказанных приходит и в учтивых словах начинает отговаривать его Рогмо-гоа:

— В час моего рожденья с правой стороны покрова — намета на нашей юрте играл зверь, называемый сэру-единорог, а на левой стороне намета — играл зверь Ролок. Без солнца сиял дневной свет и в безоблачный день шел дождь. На княжом столбе, нойон-тулга, распевала у нас птица попугай; на княгинином столбе, хатун-тулга, куковала у нас птица кукушка, а на святом столбе, Богдасун-тулга, сидела у нас птица Урянхадыйн-гоа!

— Белоснежная гора есть, говорят, наружное средоточие, а Белый Лев, Цаган-Арсланг — внутреннее сокровище, и Медносиняя Грива его краса Урджану, граду святому. Эти три сотворены от предвечных дней. Но хоть ныне-то почило б на нас с тобою, Гесер, благословение счастья!

— Черная гора есть, говорят, внешнее средоточие, а Черный Вол — внутреннее сокровище. Хвост и Рога его — краса Урджану, граду святому. Эти три сотворены от предвечных дней. Но хоть ныне-то почило б на нас с тобою, Гесер, благословение счастья!

— И вот отговариваю тебя я, твоя Рогмо-гоа, совершенное перерождение из всех девяти родов дакинисс!

Отвечает тогда Гесер-хан:

— Еслиб взаправду, супруга моя Рогмо-гоа, ты была порождением девяти родов дакинисс, то добудь ты воды из сухой земли, добудь плодов из бесплодной земли.

И достает она плодов из бесплодной земли, добывает воды из сухой земли. Тогда прожил дома еще три года государь десяти стран света, Гесер-хан.

3. ГЕСЕР ПРОБИРАЕТСЯ К МАНГУСУ

Ныне сбирается Гесер-хан в поход. Садится на своего гнедого коня, надевает все свои драгоценные доспехи. Властно говорит тогда Рогмо-хатун:

— Если ты, гнедой конь, не доведешь до благополучного конца гесерова предприятия, то отстригу я у тебя гриву и хвост и пущу их пеплом. Если и Гесер не доведет до благополучного конца дела гнедого коня, то отрежу я у него большой палец, и пусть он обратится в пепел!

Потом уложила она гесерову еду-расаяну в дорожную суму, а изюм и сахар для гнедого привязала коню на шею. Едет Гесер-хан, едет и все оглядывается назад, а гнедой конь говорит:

— Раз эта женщина договорилась до таких слов, что же ты еще оглядываешься назад?

Едет Гесер и, поднявшись на своем гнедом коне на вершину высокой горы, пускает он его попастись и порезвиться на воле, а сам обращается с молитвенным призывом к трем своим победоносным сестрам:

— Вы, три победоносные сестрицы мои, Боа Данцон Гарпо, Арья Авалори Удкари и Чжамцо Дари Удам. Молитвенно спрашиваю я, по прозванью соплячок ваш: в какую сторону мне итти?

Три сестрицы его, гении-хранители, сходят на землю в образе птицы-кукушки:

— Сюда, родимый мой соплячок: путь тебе на восток! А дальше в этом направлении, милый мой Гесер-соплячок, будет оборотень двенадцатиглавого Мангуса в виде дикого буйвола: правым рогом упирается в небо, левым — касается златонедрой земли; целую степь травы слизывает он за одну еду, сглатывает он за одно питье целый горный поток от истоков до устья. Вот какой это трудный враг. Берегись с ним в боях, родимый мой.

— Справедлив наказ сестрицы моей! — говорит Гесер и пускается в путь.

Уходящий из-под выстрела дикий буйвол делает за один прыжок десять верст — гадзаров, а вещий конь гнедой — семь. Отставши на триста гадзаров, Гесер все время пытался наверстать отставание всеми своими тридцатью белыми стрелами с изумрудными зарубинами. Стрелы же его — ходят и собирают три победоносные его сестрицы. А Гесер, упустивший буйвола, на обратном пути по следам своим ищет и не находит своих стрел...

О, их походя собирают три его победоносные сестрицы!

Тогда обращается к ним Гесер со слезами:

— Что вы наделали, сестрицы мои! Дикий буйвол, дикий буйвол скачет за один прыжок десять гадзаров, а вещий гнедой мой конь — семь. Отстав от него на триста гадзаров, я пытался наверстать стрельбою и расстрелял все тридцать своих белых стрел с изумрудами, и их не нахожу я, тридцать своих белых стрел с изумрудными зарубинами. Что же вы наделали, сестрицы мои?

Все три победоносные сестры его, гении-хранители, обернувшись одною птицей кукушкой, подлетают и говорят:

— Зачем ты плачешь, милый мой соплячок? Не женщина ль ты, а не мужчина, что постоянно клянешь судьбу, вместо того чтобы действовать? Вот я кладу, принеся тебе твои тридцать белых стрел с изумрудными зарубинами; вот я кладу, принеся тебе, кушанье, разбавленное — приправленное ламскими благословениями, кушанье для твоего собственного пропитания, и мешок овса — для прокорма твоего вещего гнедого коня. Возьми это и поезжай, мой милый Гесер!

Не успел он сойти с места, как все нашел.

— Правду сказала сестрица моя! — говорит. Вложил в колчан тридцать своих белых стрел с изумрудными зарубинами, отведал благословенного кушанья, покормил своего вещего гнедого коня и, пустившись в путь по следам дикого буйвола, опоздпился и заночевал в степи. Гнедого своего вещего коня привязал он простыть, а сам на сон грядущий повернулся лицом на север.-восток, покрыл голову длинной своею полой и задремал. В полночь подкрадывается дикий буйвол: лизнул-глотнул он раз — у вещего гнедого коня гривы и хвоста как не бывало; лизнул-глотнул другой — у тридцати белых стрел с изумрудами оперенья как не бывало. Говорит тогда вещий гнедой конь:

— Стану подымать я своего Гесера, государя десяти стран, против вот этого, против дикого быка-буйвола!

— Ладно! — говорит буйвол. — Раз так, то вот же тебе, чтоб уж завтра ты меня больше не смел догонять! И с этими словами он выронил Гесеру на лицо свой помет, величиною с гору, и ушел.

Встрепенувшись чуть-свет на заре Гесер-хан, государь десяти стран света, сбросил с себя помет, величиною с гору, и завалил этот помет все поле. Встал он, вскочил на ноги, смотрит: его вещий гнедой конь обратился в паршивого гнедого жеребенка-третьяка без гривы и хвоста, а тридцать его белых с изумрудами стрел обратились в тридцать голых стрел без перьев.

— Где же были вы все мои бодрствующие на небе, пока вот что натворил бодрствующий над человеком? Что вы все наделали, вы все и всякие мои гении-хранители и вы, три мои победоносные сестрицы! Вот пришел буйвол-зверь, слизнул хвост и гриву у вещего моего гнедого коня и обратил его в паршивого жеребенка-третьяка. Слизнул оперение у тридцати моих белых стрел с изумрудами и превратил их, и оставил мне

тридцать белых моих стрел в виде детских стрел без перьев! Так говорил он, и вот птицей-кукушкой прилетели три его победоносные сестрицы, гении-хранители:

— Родной мой, коли хочешь плакать — ворочайся домой! Разве мужество не в соревновании, разве женственность не в слабости? Если берег не обваливается — значит он скалист. Если муж не сбивается с пути — значит сердце в нем сокровище бронзокаменное. Вот я несу тебе мешок овса, которым надобно кормить вещего гнедого коня, чтоб отросли у него грива и хвост; вот я приношу тебе ламой благословенной еды, вот я несу тебе и оперенные тридцать твоих белых стрел с изумрудами. Посмотри-ка, хуже ль они прежних или еще лучше стали?

Посмотрел он: стрелы стали как будто еще лучше прежних. Воткнул он в колчан свои тридцать белых стрел, отведал благословенной своей еды, с утра и до вечера трижды в день покормил своего вещего гнедого, отростил ему гриву и хвост. И пускается Гесер-хан в путь, по следу буйвола, обратясь к вещему своему гнедому с такими словами:

— Ах, вещий мой конь гнедой! Или должен ты обскакать зверя-буйвола, или, если не обскачешь, я обрежу твои четыре копыта, взвалю себе на спину седло и узду и ворочусь домой!

Отвечает ему вещий конь гнедой:

— Ах, государь десяти стран! Справедлив наказ моего Гесер-хана. Коль обгонять зверя-буйвола, так я обгоню его, но и ты пускай стрелу так, чтобы, угодив в белое пятно на лбу буйвола, она вышла из правого бока! Если же ты промахнешься, то я, лягнув задними ногами, сброшу тебя и умчусь к небесным твоим сестрам!

— Ладно, пусть будет так! — говорит Гесер-хан, трижды хлещет коня своей волшебной плетью по правой ляжке и мчится. Рассердившись на Гесера, гнедой конь взметнул Гесера по поднебесью. Еле переводя дух, говорит Гесер:

— Ах ты, вещий гнедой мой конь! Уж не сокол ли ты или ястреб, который преследует гуляющего в небе сизо-пегого журавля? Лучше бы, однако, попросту, бежал ты, мой милый, по златонедрой земле. Спускается он тогда на златонедрую поверхность и наскаку так расколачивает целину вглубь к ядру ее, что над гесеровой головой летят от нее комья.

— Ах ты, вещий мой конь гнедой! Уж не крот ли ты иль хорек, который целину буровит? Ах, еслиб ты, однако, попросту бежал вскачь, по златонедрой земле да вышел навстречу тому, кто нам надобен!

Мчится конь по-над златонедрой поверхностью и выходит навстречу зверю-буйволу. При помощи своего вещего гнедого Гесер-хан стреляет почти в упор, и стрела его так угодила в белое пятно на лбу буйвола, что вышла наружу через правый бок. Пронзив буйвола стрелой, соскакивает он со своего вещего гнедого, бросает его, подбегает к буйволу и, отрезав от хвоста его три звена, засовывает в рот.

Три его победоносные сестрицы сходят с неба, благоволивши явиться в материальном своем теле:

— Милый ты, наш сопля́чок! Что и говорить: нападать ты — богатырь, стрелять — мастер; но бросать вдали своего вещего гнедого и пешим отходить — дурак, а прежде всех кромсать и себе в рот совать — обжора! Хорошо было бы тебе принести мясо этого буйвола в чистую жертву всем небесным своим покровителям, и трем своим победоносным сестрам, и всем вообще многочисленным своим гениям-хранителям; и всех их пригласить отведать!

— Справедливо замечание моих сестриц, — отвечает Гесер. — Не знаю, чего я больше хотел: есть или мстить? — И он принес буйволовое мясо в чистую жертву всем небесным своим покровителям, попотчевал их, каждого по чину его.

Когда же, затем, Гесер собрался ехать дальше, говорят ему три его победоносные сестры:

— Милый наш сопля́чок! Дальше отсюда, в шимнусовой земле, будет всякая худая и грязная нечисть: мы уж не пойдем, поезжай ты один! Будешь ехать до тех пор, пока не встретится по пути Чортова речка, Албинту-гол, оборотень шимнуса: кажется, будто по ней, вотще шумя и воя, все время плывут лошади, люди и скалы; там произнеси ты — Гуру-сояга! трижды ударь вещим своим кнутом и переезжай. Далее, затем, будут две скалы, оборотни шимнуса, которые имеют свойство захлопываться. Ты сам, родимый, придумай хитрость, как пройти мимо них, и вообще в дальнейшем ты сам взвешивай свои поступки.

Сказав это, они отстали, а государь десяти стран света, Гесер хан, поехал дальше и действительно подъезжает к Чортовой речке, Албинту-гол:

— Верно сказали сестрицы! и, произнеся „Гуру-сояга!“, он трижды хлестнул своим волшебным кнутом и перешел.

Подъезжает он далее к двум скалам, оборотням Мангуса:

„Это и будут“, думает он, „те две скалы, о которых говорили сестрицы!“ И превратил он своего вещего гнедого коня в шелудивого третьяка, а себя — в поджарого простолюдина и, подойдя к скалам, стал с нарочитым притворством говорить такие слова:

— Эх, как прекрасно должны смыкаться эти две скалы! Так-то оно так, но неужели они возьмут да тотчас же и сомкнутся при виде меня, жалкого простолюдина и шелудивого третьяка, пришедших из Тибетской земли? В том ли их природный талант и наука? Вот у нас в Тибете скалы умеют смыкаться и убивать человека с расстояния друг от друга в день пути, или по крайней мере в пол-дня пути между ними. Уй, однако лучше пойду я назад, умереть со страху!

Тогда две скалы рассуждают:

— Правильно говорит этот человек! А так как к тому же бедняга боится, давай-ка прикончим его, сомкнувшись с расстояния в день пути друг от друга! И две скалы расступились далеко-далеко, а Гесер-хан,

отдалив таким образом скалы, пришпорил своего вещего гнедого и проскочил мимо; две же скалы, собираясь раздавить Гесера, пали сами, до основания разрушив друг друга в своих собственных объятиях.

* * *

Продвигаясь далее, Гесер встречал всевозможного вида людей Мангуса и благополучно миновал их, оборачиваясь и сам в подходящий вид. Так, пройдя ущелье между двух скал, видит он мангусова пастуха верблюдов, который ходил со стрелой, сделанной из остро отесанного камня величиною с верблюда. Глядя на него и Гесер сделал себе стрелу, остро отесав камень величиною с корову.

— Эй, приятель! Ты чей будешь? — окликнул он.

— Я — коровий пастух! — отвечает верблюжатник.

— Ладно, — говорит Гесер. — Давай-ка с тобой в шутку побьемся!

— Идет, — отвечает пастух.

— Как же будем бить: выше цели или ниже? — спрашивает Гесер.

— Я, — говорит пастух, — я буду бить выше, а ты — бей ниже! И верблюжий пастух метнул в Гесера своей скалой величиной с верблюда.

Гесер же вдруг обернулся маленьким Цзуру, и удар пронесло над его головой.

— Ну, приятель, теперь не мой ли черед? — и Гесер, притворясь будто бьет ниже цели, угодил пастуху прямо в предсердие. Верблюжатник замертво повалился на землю, а Гесер, навалившись на него, расспрашивает:

— Где находится Мангусова ставка, легок ли туда путь, по каким местам Мангус обычно охотится?

— Мангусова ставка — здесь близехонько! — отвечает пастух. На ближайшем отсюда Бело-небесном перевале, Тенггрийн Цаган дава, расставляется караул из детей верховных тэнгриев; за ним, на Желтом Мирском перевале Йиртинцуйн Шара дава, расставляется караул из мирских детей; а за этим, на Черном перевале нашего Мангуса, стоят на карауле мангусовы дети. Все, что тебе надобно, должны ведать тэнгриевы небесные дети!

* * *

Убив верблюжьего пастуха, Гесер-хан перебил затем, точно таким же образом, и пастухов трех прочих стад Мангуса и двинулся далее.

Когда он приближался к Бело-небесному перевалу, завидели его дети небесные и со слезами окликают Гесера и говорят:

— Горе! Еще никогда этой земли не попирали стопы красноногого человека, но уж если пришел сюда человек, то непременно перебьет нас Мангус. Впрочем как знать: не оказался бы он каким-нибудь святым, Богдо? — со слезами рассуждают дети.

— Эй, милые ребятки! — крикнул Гесер. — Не бойтесь, подойдите сюда: я — Гесер-хан, повелитель десяти стран света! А вы, раз вы — небесные дети, то что же такое с вами сталось?

— Своевольничали мы у своих родителей, спустились мы поиграть на златонедрую землю, а двенадцатиглавый Мангус исподтишка схватил нас и привел сюда. И с того часа, как он стал думать о возможности появления здесь Гесера, он и ставит нас здесь на караул!

— Хорошо! — говорит Гесер. — Коли так, я убью двенадцатиглавого Мангуса ради вас, но вы, дети, что же сделаете ради меня?

Поклонились ему дети до земли и говорят:

— О, святейший Богдо! Пожалеем ли мы чего бы то ни было своего ради тебя? Но вот что, наш Гесер-хан, государь десяти стран света: подальше отсюда будет Желто-Мирской перевал, и его ты пройдешь, обратясь к тамошним детям с такими же словами, как и к нам; а еще дальше, на перевале двенадцатиглавого Мангуса, будет расставлена стража из мангусовых детей. На том перевале — непроходимые леса и скалы, и стоит там как-будто бы непроглядно-темная туманная мгла, безразлично как днем, так и ночью: не погодится ли там тебе вот это! и дети вынимают из-за пазухи и дают ему огненно-драгоценный хрусталь.

— Итак, Богдо, коли уж надобно тебе переходить через этот перевал, то поднимайся с этим хрусталем в руках — и будет свет!

— Ну, бедные детки, я доволен вашим поведением! — говорит Гесер.

— Ах, Богдо, — продолжают они, — за этим перевалом, в средней пади — долине между трех следующих далее высоких гор, будет человек величиною с локоть. Он так ворожит, что при помощи своей гадальной красной нити угадает даже, готово или не готово жареное: заставь его поворожить. Скажет хорошо — иди дальше, а скажет худо — отложи.

— Правильно! — молвил Гесер-хан и тронулся в путь.

На Желто-Мирском перевале он говорил те же слова, что и у небесных детей и благополучно миновал его. Затем, приближаясь к мангусову Черному перевалу, он видит: вблизи стоит высокая трудно проходимая гора, на которой нет ни травинки и лишь чернеет на ней такой густой туман, что невозможно понять — день или ночь. Остановившись на расстоянии одной кочевки от нее, он поставил жертвенный балинг и обратился с молитвой ко всем своим гениям-хранителям:

— Многочисленные мои, на небе пребывающие, гении-хранители и вы, три победоносные мои сестрицы! Наведите вы такую дождевую грозу с градом в кулак, чтоб казалось, будто рокочут тэнгрии или резвясь ревут драконы. Я хочу врасплох захватить ненавистного врага, перейдя его трудный перевал! И вот будто тэнгрии зарокотали, будто резвясь заревели драконы, поднялась гроза и пошел ливень с градом, величиною в кулак. И тронулся Гесер на перевал, сжимая в правой руке драгоценный хрусталь и пришпорив вскачь своего вещего гнедого коня. Мангусовы дети, испугавшись града, полегли с покрытыми головами. Тогда Гесер,

спрятанным за пазухой камнем величиною с кулак, проломил насквозь головы мангусовым детям и умертвил их. Побив их, стал он подниматься вверх по течению средней из трех рек.

* * *

И действительно, там оказался человек с локоток. Обращает тогда Гесер своего вещего гнедого коня в шелудивого третьяка, а себя в самого темного человека и, спешившись, подходит к нему, подходит к нему пешком и говорит:

— Посмотрим еще, не враки ль про тебя говорят, будто ты при помощи своей красной гадательной нити можешь угадывать даже, готово или нет жареное? И, присев около человека, Гесер продолжает:

— Погадай-ка мне, человек с локоток: идти ль мне на грабеж кладеных верблюдов вверх по Белой реке; погадай, не идти ль мне на грабеж табуна желто-соловых жеребцов по Желтой реке; погадай, не идти ль на грабеж табуна черно-лысых жеребцов вверх по Черной реке? Погадай же мне!

Человек с локоток вынул одну прядь из своей красной нити, посмотрел и говорит:

— Вверх по Белой реке не ходи: то божественный путь; не ходи и вверх по Желтой реке: то путь мирской, а иди вверх по Черной реке: ведь стремишься ты к Мангусу. Хоть и предстоит принять немного муки, ну так что же? Задуманное тобою дело исполнится.

Только что стал было Гесер уезжать, как человек окликнул его:

— Эй, постой! Не посмотрел я еще одной своей нити. — Поглядел он тогда на Гесера, поглядел и говорит:

— Отчего это верхняя часть твоего тела исполнена признаков будд десяти стран света? Отчего это средняя часть твоего тела исполнена признаков четырех великих тэнгриев? Отчего это нижняя часть твоего тела исполнена признаков великих драконовых ханов? Если же сопоставить все это, то разве ты кто иной, как не Гесер-хан, государь десяти стран света, повелитель Джамбутиба? Что же скажешь ты теперь обо мне: скажешь, может быть, что плетут всякое про этого человека с локоток, будто бы он, при помощи своей красной гадальной нити, угадает даже, готово или нет жаркое?

— О, мудрый знахарь-оточи! — говорит Гесер. — Неужели прогневался ты на те мои слова?

— Зачем бы стал я гневаться? — отвечает тот. — Но вот когда станешь ты подниматься по средней дороге вот этой высокой горы, будет там во все стороны колыхающееся дерево, мангусов оборотень: у этого дерева свойство изрубливать в куски человека своими мечами, как только он проходит близко мимо него. Постарайся его одолеть!

— Постараюсь! — молвил Гесер и поехал.

* * *

Завидев вдали это дерево, Гесер отослал на небо своего вещего гнедого коня, обернулся нищим странником, вещую саблю свою, темнокоралловую, в три алдана длиной, превратил он в трехалданный черный посох из дерева, все свои доспехи — в две сумы переметные с небольшим количеством муки, а свой нож для очинки стрел, с хрустальной рукояткой, сунул он в своей правый рукав. Под видом нищего подошел он к дереву, сел в его тени и давай рыть ходы в земле у основания дерева своим ножом с хрустальной ручкой. Но не успел он расположиться, как сверху дерева кто-то стал будто бы замахиваться мечом. Взглянув вверх и испустив громкий крик ужаса, Гесер говорит:

— Когда я, убогий человек, подходил к нему и располагался, — было дерево как дерево. Что за чудо вдруг случилось с этим деревом, откуда взялся кто-то, замахивающийся острым мечом? Я убогий человек исходил весь свет: слышно, что есть дерево-хубилган вышнего Хормусты-тэнгрия; завидя исполненных ненависти врагов, оно поражает их внезапной смертью; но то дерево, завидя бедных и слабых, говорят, щадит и милует их. Не оно ли здесь, это древо-хубилган? А может быть — это древо-хубилган государя десяти стран света, Гесер-хана-Тибетского? Говорят, что оно имеет свойство, завидя, с мрачным умыслом убивать исполненных отчужденности врагов, и, напротив, завидя всех и всяких неимущих и слабых — указывать им дорогу. Не ты ли это древо-хубилган Гесер-хана, государя всех и вся? Как мне то знать? Но есть, говорят, так же дерево-хубилган двенадцатиглавого ракшасского — чортова хана. Если это и верно, то о нем все же я еще не получал вестей; а я ль не худой, убогий странник, который все что ни есть обошел? А под этим вот деревом растут полевые лилии: я собираюсь накопать их корней и закусить.

— Вот это действительно сладкоречивый странник, трогающий сердце! — говорит дерево.

— Эй, бедняжка! Сиди-себе в тени дерева, копай лилии и кушай.

Тогда, делая вид, будто копает лилии, Гесер подрыл ходы под самым основанием дерева и перерезал все его корни своим ножом с хрустальной ручкой, повалил дерево, посек его своею вещею темнокоралловою острою саблею в три алдана, и спалил его.

4. ВСТРЕЧА ГЕСЕРА С АРАЛГО-ГОА В СТАВКЕ МАНГУСА

По той причине, что был убит главный его хубилган-оборотень, Мангус, находившийся в то время на охоте, вдруг почувствовал головную боль, и войдя в море, прилег освежиться. Когда же он лежа уснул, обернулся серым ястребом Гесер-хан, государь десяти стран света, подлетел к Мангусу, с налету вырвал ему левый глаз и улетел. Пропустив момент схватить ястреба, Мангус вскочил и погнался за ним. А Гесер, взлетев на вершину дальней высокой горы, обернулся человеком с локо-

ток, ходит и потешается. Но как только Мангус стал приближаться, он опять обернулся серым ястребом, прилетел к великому морю и, обернувшись там человеком с локоток, ходит и потешается. Опять подбегает Мангус к морю и так же оборачивается Гесер в серого ястреба и улетает. Изнемог Мангус и вернулся домой. И говорит Мангус, обращаясь к Тумен-чжиргаланг:

— Эх, беда, пропал я! От роду не испытывал подобной муки! Сегодня на охоте сильно вдруг заболела у меня голова, и я, войдя искупаться в океан-море, прилег и уснул. Вдруг прилетает серый ястреб, с налету вырывает у меня левый глаз и улетает. Но когда я вскочил и погнался за ним, он взлетел на вершину высокой горы, обернулся человеком с локоток, ходит себе и потешается. Я гонюсь за ним до самой маковки горы, а он улетает назад к океан-морю, опять оборачивается человеком с локоток, ходит себе и потешается. Я — к морю, он опять улетает. Выбился я совсем из сил. Заклокотало тогда темное сердце мое, заныли у меня нижние ребра, всклокочились волосы на голове моей, задрожали члены и суставы. Увы, что за грех-беда! Не пришел ли то государь десяти стран света, Гесер-хан? Не пришел ли, возродившись Хормуста-тэнгрий, не пришли ли драконовы ханы, не пришли ль асурии? Ни для кого, кроме названных четырех, я недоступен, я, земной вседержитель.

Отвечает ему Тумен-чжиргаланг:

— Увы, добрый мой муж! Тот, кого именуют Гесер-ханом, государем десяти стран света, кто может возрождаться в десяти странах света, разве станет он принимать образы всяких помраченных глупостью тварей? Божественный по рождению не должен превращаться в птицу! Вероятно — то асурии. Что ты на это скажешь?

— Это будет самое верное предположение! — говорит Мангус.

* * *

На другой день рано поутру отправляется Мангус на охоту. Государь же десяти стран света, Гесер-хан, садится на своего вещего коня и отправляется в мангусовой ставке. Оказалось, что Мангус воздвиг свою ставку с несказанной высоты оградой, в которой при этом Гесер не может сыскать ворот и обращается он к своему вещему гнедому:

— Ах, вещий мой конь гнедой! Подними ты меня по-над мангусовой ставкой-оградой и пади-осядь ты внутри ставки, как падает-оседает золотой песок. А не сможешь так поднять и перенести меня — обрублю я все четыре твои копыта, взвалю на плечи седло и узду и вернусь домой. Если ты и поднимешь меня, но я упаду и останусь один, то пусть умру в ставке его, этого шимнуса-демона, и отдам свое тело на съедение псам!

— Ах, грозный мой Богдо! К чему эти твои слова, к чему эти рассуждения: будет так или этак? Разве тебе, своему господину, говорил я когда-нибудь „нет, нельзя“ вместо всегдашнего „да, слушаю“? С рас-

стояния в тридцать гадзаров-верст пустись ты вскачь с посвистом молодецким, а с расстояния, которое пролетит стрела-годоли, крикни — „ну, пошел, вперед“ — и скачи, подтянув мои удила справа. А про то свое, как поднять и перенести тебя, моего господина, — буду ведать я сам!

— Ладно, вот это дело! И государь десяти стран света Гесер-хан, отъехав на тридцать гадзаров, с молодецким посвистом бросается вскачь, держа в левой руке повода вместе с гривой коня, изо всей мочи сжимая коня обеими ногами. Правой рукой трижды хлестнул он коня по ляжкам, и с гиканьем скачет-мчится. На расстоянии выпущенной стрелы-годоли потянул он за повод и не успел крикнуть „эй, пошел, вперед“ — как доехал: вещий конь гнедой, летя по поднебесью, домчался и пал-осел внутри ставки, обернувшись золотым песком. Тогда отослал он вещего своего гнедого на небо, сам обернулся нищим странником, а все свое оружие превратил в две сумы переметные с небольшим количеством муки, вещую же свою трех-алданную темнокоралловую саблю превратил в черный трех-алданный посох. Прикинулся он слепым на один глаз, вскочил на кремлевый вал и говорит:

— Что за прекрасная ставка? Я, убогий калика перехожий, где только не побывал: видел я и ставку верховного Хормусты-тэнгрия; видел и ставку драконовых ханов; но не так прекрасны их ставки. Прекрасная, говорят, ставка у государя десяти стран, Гесер-хана Тибетского, но ее я еще не видал. Прекрасна, говорят, ставка и у двенадцатиглавого Мангуса, но и ее я еще не видал. Без дела скитаясь по свету, не попал ли я в ставку одного из этих двух ханов? Вот еслиб мне повидать и здешних хана с ханшей! Запел он тогда громким голосом и, опираясь на длинный свой посох, направляется в сторону жилья. Смотрит: стоит неописуемо большая белая юрта с красным верхом, а у самого входа, у обеих дверных половинок, справа и слева, сидят два паука величиною с теленка-бирючка.

Услыхала Тумен-чжиргаланг голос Гесеров, вскакивает, выбегает из юрты:

— Ах, кто это там?

Но оказывается, это Мангус поставил здесь своих оборотней в виде двух пауков величиною с бирючка, и, так как они были поставлены с тем, чтобы немедленно глотать Тумен-чжиргаланг, как только она выйдет за дверь, то вот пауки и бросаются на нее с разинутой пастью, чтобы проглотить. Но убогий странник чудодейственным ударом своей черной палицы, что была у него в руках, насмерть убил их и забросил, подменив двух прежних пауков точно такими же своими собственными оборотнями и на тех же самых местах.

С громкими рыданиями бросилась Тумен-чжиргаланг в объятия Гесера:

— Откуда пришел, мой Грозный Богдо?

Льет слезы Тумен-чжиргаланг, а Гесер говорит:

— Верно говорит пословица, что „у бабы поводья коротки“... (а ум тесен). Перестань плакать! Разве не заметит Мангус, что ты плакала? Придумай мне лучше хитрый замысел против этого злодея!

Тумен-чжиргаланг уняла слезы.

— А почему это у тебя, — продолжает он, — правая щека нарумянена и вообще правая сторона украшена славными украшениями, а левая щека — бледная и весь левый бок украшен плохонькими украшениями?

— Правый бок у меня изукрашен в знак того, — говорит Тумен-чжиргаланг, — что придет наконец мой Гесер-хан, ловкостью захватит коварного Мангуса, убьет его, отсекая одну за другой его головы. А левый бок изукрашен у меня худенькими украшениями в знак того, что должен быть ниспровержен двенадцатиглавый Мангус. Когда рассказал мне подробно Мангус про вчерашний случай с ним, как ястреб вырвал у него глаз, поняла я тогда, что ты мой явился, и вот почему я и приготовила такую дурную примету. Ах, Богдо мой! Только ведь несказанно силен двенадцатиглавый Мангус, уходи: не погибнуть бы тебе, мой родной!

— Эх, что за речи у тебя, моя Тумен-чжиргаланг! В тот час, как я допущу, чтоб тебя мою взял себе в жены двенадцатиглавый Мангус, то разве останусь я тем, кого всюду прославляют, величая государем Джамбудвипа, Гесер-ханом, неоспоримым владыкой десяти стран, Гесер-ханом, порешившим ниспровергнуть двенадцатиглавого Мангуса? Победит он — значит ты моя суждена ему; за мною будет победа — возвращусь я с тобой моей!

— Но откуда же мне знать про дела этого нечестивца? — говорит она. — Ведь пока не явился ты, я вовсе не выходила из его дому. Уезжает он на охоту верхом на своем медно-синем лошаке, а возвращается вечерней красной зарей, с навьюченным изюбрем. Этот лошак, почуяв присутствие поблизости врага, подходит обыкновенно к дому, храпя носом, грызя мундштук своих удил, подпрыгивая всеми четырьмя ногами и передними взрывая землю. Вперед обычно прибегают два его бурых коня, которые все время меняют места один другого, идя попеременно то спереди, то сзади. На своей же гадальной красной нити гадает он так, что не ошибется даже сказать, готово ли жареное. Ах, Богдо мой, куда же я дену тебя, моего милого?

— Что тут такого? — говорит Гесер. — Ты только дай мне тайком и хитростью как-нибудь спрятавшись залечь.

5. ПРИ ПОМОЩИ АРАЛГО-ГОА И ТРЕХ ПОБЕДОНОСНЫХ СЕСТРИЦ ГЕСЕР ИСТРЕБЛЯЕТ МАНГУСА И ПОСЕЛЯЕТСЯ С ЛЮБИМОЙ В ЕГО СТАВКЕ У ЗОЛОТОГО СУБУРГАНА

И вот какую хитрость придумали Гесер с Тумен-чжиргаланг. Гесер забрался в выкопанную в семь алданов глубиной яму, которую привалили белокаменной плитой, покрыли ее полотном с начертанной на нем

молитвою-мани, присыпали затем землей, поверх земли — сухою травой, а поверх нее положили свежей зелени. Надо всем этим поставили котел, до краев наполненный водою, а возле этой воды разбросали вырванные перья всяких птиц, и привязали красно-белую веревку.

Туманной вечерней зарею подъезжает Мангус на своем медно-синем лошаке, с навьюченным изюбрем. Приближается к дому лошак его, храпя носом, грызя мундштук своих удил, подпрыгивая и роя землю копытами. Подбегают и два его бурых коня — передний и тыловой, — прыжками меняющие места один другого.

— Тут, должно быть, ее фокусы, моей фокусницы жены, — говорит Мангус. — Тут, должно быть, ее лукавства, моей лукавой жены! Или враг пришел? Смрадно смердит у меня в носу навозным жуком? Сейчас же подай мне мою гадальную красную нить! — обращается он к Тумен-чжиргаланг.

— Стыд и срам! — воскликнула та. — Ты дошел до того, чтобы сказать: тут фокусы моей фокусницы жены! что это значит? Пусть же придет мой фокусник Гесер, пусть фокусно изрубит фокусничающего Мангуса!

— Ты дошел до того, чтобы сказать: тут лукавства моей лукавой жены! Что же это такое? Пусть же, наконец, придет мой завороженный Гесер, пусть перережет глотку лукавому Мангусу и снова и снова приносит жертвы своим бурханам!

— Отвергнув Гесера, предпочтя тебя, я поднялась и пришла сюда. Что же это я живу здесь в твоем доме, я, лукавая фокусница?

— Чего же сейчас-то на меня зря ругаться? — говорит Мангус. — Поди в юрту да подай мою красную гадальную нить. Только не смей подавать ее, сперва пропустив под бабьей промежностью или под собачьей мордой, иначе гаданье мое выйдет с ошибками, а подавай, пропустив ее через правый бок юрты!

Войдя в юрту, Тумен-чжиргаланг сделала с нитью то самое, что говорил он про гаданье с ошибками, и подала ему. И вот, оставаясь на своем лошаке, Мангус начинает ворожить:

— Эх, оказывается, пришел сюда государь десяти стран света, Гесер-хан. Не закопался ли негодный у меня под очагом, не привален ли белокаменной плитой, не лежит ли присыпанный черной землей?

— Что такое ты говоришь? Кто станет закапывать Гесера, не я ли, выходит, и закопала?

— О, еслиб подал человеческий голос мой родитель — вышнее синее небо! О, еслиб подала человеческий голос дольняя Златонедрая Земля. О, еслиб, внимательно прислушиваясь, услыхать мне их разговоры!

Тогда подает с неба человеческий голос один из хубилганов Гесера:

— Ты пришла, отвергнув Гесера, а теперь уходи!

А из-под земли говорит сам Гесер:

— Ты, Мангус, зря, пожалуй, ворчишь! Услыхал эти слова Мангус, рассмеялся и говорит:

— Ну, и диво-дивное! Однако я не поворожил еще на одной нити! Поворожил и говорит:

— Оказывается, умер Гесер, обратился в черную землю. Привалило его белокаменной плитой, занесло белыми снегами, захоронило черной землей, закидало сухой травой, поверх которой поросла зеленая травка. Вот великое море в чугунных берегах, полощут в нем свои перья всевозможные птицы, и всех выше сидят сороки-вороны и над ним насмехаются. Оказывается, уж год прошел, как он умер! И Мангус слез с лошака. Велел он подать себе большую зубочистку, взял ее и когда стал ковырять в зубах, выпало на-земь два-три человека. Он велит подавать себе обедать, и Тумен-чжиргаланг, обведя его вокруг пальца, подает ему тех же покойников. Мангус принялся за еду, а Тумен-чжиргаланг села к нему на колени и говорит:

— Ах, славный мой муженек! Воротясь давеча с охоты, понапрасну ты бранился: ведь на тебя променяла я Гесера и к тебе пришла. Но в этой твоей ставке нет ворот. Ты уезжаешь, а я дома сижу: придет нечестивец Гесер, убьет меня, да и был таков — непременно это случится! Тогда как, узнав заблаговременно о его приближении, я могла бы дать знать тебе, моему милому...

— Ого! Разве не говорил я тебе, что не следует давать веры трем вещам: нельзя дубину считать деревом, нельзя считать воробья птицей, нельзя считать женщину другом. Отстань!

— Ты, — продолжает она, — ты сожрал свою хорошенькую наложницу как только привел к себе меня. Может быть теперь ты ищешь себе другую, и вот прилег и рассуждаешь, как бы и меня съесть? Коль убивать, так пусть убьет меня мерзкий Гесер, пусть поймет он молитвенное желание это! И она ложится:

— А ведь ты, Тумен-чжиргаланг, говоришь правду! Ха-ха-ха — заливается Мангус громким смехом. Ложись поближе! и он заключил ее в объятия.

— На, возьми! — говорит он, — вручая ей два золотых перстня. Один из них для выхода: дотронься им до кончика носа и выходи — ворота моей ставки откроются и пропустят. Другое для обратного входа: надень его на мизинец и входи — ворота моей ставки откроются и пропустят. Сказывая, что отправляюсь на юг, я обычно иду на север. И тут он подробно рассказал ей, как он ходит во все четыре стороны.

— Ну, это-то все пусть будет так, милый мой муженек! Но вот что: всех оборотней моего Гесера я могу перечесть по пальцам и тем указать тебе, как одолеть Гесера, если он явится. Но твоих оборотней я еще не знаю; расскажи мне, я с удовольствием послушаю!

— Да разве я не убью этого сквернавца одним своим мизинцем, если только он вздумает явиться?...

— К югу от моей ставки есть трехцветное великое море. Не доходя до него — камыши в пять поясов. На берегу, недалеко за камышами, постоянно борются два быка: белый и черный. Утром обычно побеждает белый бык, гений-хранитель Гесера. В полдень побеждает черный бык, мой гений-хранитель. Убить его, пожалуй, все равно, что убить меня самого: иначе возможно ль меня убить?

— За тем морем находится главная ставка: в этой ставке живут три моих младших сестры, девицы. Живут они на вершинах девяти красных деревьев. Кто убьет этих моих сестер, тот осилит и меня: иначе как можно осилить меня?

— К востоку от главной ставки есть три моря. Там резвятся три марала. В полдневный зной выходят они из моря и нежась лежат на берегу. Если одною стрелой попасть и убить этих трех маралов, вынуть внутренности у среднего, достать оттуда золотой ларец, отомкнув его, взять из него большую медную иглу и переломить ее, — это, пожалуй, значит убить меня самого: иначе как же это возможно со мной?

— К западу находится ставка, в которой пребывает мой оборотень, старшая моя сестра. Есть у нее огромный жук, которого мне она отроду еще не показывала. Если убить этих двух моих, душу мою, это значит, пожалуй, убить и меня самого: иначе как же, кто может убить?

Я все сказал о своих хубилганах. И он лег.

Тогда Тумен-чжиргаланг говорит:

— Ах, какой же ты глупый. Что я тебе давеча говорила? Не просила ли я тебя сказать, который же из твоих оборотней самый главный? Есть и еще? говори!

— После того, как я засну, — говорит Мангус, — из правой ноздри у меня выходит большая золотая рыба и играет у меня на правом плече; а из левой ноздри выходит маленькая золотая рыбка и резвится у меня на левом плече. Пусть убьют и этих двух: ну так что же? Я умру, сражаясь как лучший из лучших. Допустим, однако, что меня смогут убить, но как можно убить следующих трех моих родных: моего старшего брата, Тарничи-ламу, мою мать — Якшаску и единственного сына и наследника моего? Превращаясь в меня, они будут биться, а я безвозвратно погибну лишь в том случае, если убьют этих троих моих!

Тогда отвечает Тумен-чжиргаланг.

— Поистине славный мой муженек! Теперь желание мое удовлетворено вполне. Видно по молитвам моим сбылась встреча с тобой!

— Ха-ха! Верно, верно! — лежит и радуется Мангус.

* * *

Чуть свет поднялся Мангус и, сказавшись едущим на юг, отправился на север.

Подняла тогда Гесера Тумен-чжиргаланг, вручила ему два своих золотых перстня и подробно рассказала обо всех мангусовых делах.

— Ну, теперь не беда! — говорит он и, низведя с неба своего вещего гнедого коня, садится верхом. При выезде приложил он к кончику своего носа один перстень — ворота открылись и пропустили. Спеша к трехцветному морю, пробирается он через пять поясов камышей. Сейчас же за ними видит он сражаются два быка: белый и черный. Встрепенулся белый бык, подогнул две ноги, вращает налитыми кровью глазами и выпускает изо рта белую пену. А справа от него, тяжело дыша, стоит черный бык. Гесер нацеливается в черного быка, простреливает ему предсердие и затем изрубает его в куски своею вещею коралловой саблей в три алдана. Спалил он потом пять поясов камышей и бежит назад без оглядки.

Вблизи ворот он надел на мизинец свой золотой перстень, подойдя показал его — и ворота открылись и уж было пропустили его. Оглянулся тогда Гесер назад, а трехцветное море его настигает. Но, при помощи своего вещего гнедого коня, Гесер успел влететь в ворота. Море чуть не сглотнуло гнедого поверх крупа, когда ворота захлопнулись и море отступило на свое место.

— Ну, вот, я убил этого поганого, — говорит Гесер своей Тумен-чжиргаланг. И весело, мирно провели они полдня, а вечером, в ожидании прибытия Мангуса, Гесер забрался в свою яму и лег. Вечером является Мангус:

— Ой, беда! Болит у меня голова! — говорит он. — Уж не пришел ли Гесер?

— Ах, милый мой муженек! — говорит Тумен-чжиргаланг. — Что такое с твоей головой? Может быть ты просто ничего не добыл покушать?

— Чуть-чуть нашел и поел! — говорит он. — Но вот вдруг у меня зашумело в голове и стало дурно.

* * *

На другой день Мангус сказал, что едет на север, а сам отправился на юг. Вышел и Гесер, направляясь к северу. Подходя к его главной ставке, он видит: на верхушках девяти красных деревьев сидят три девицы, мангусовы младшие сестры. Обернулся Гесер цветущим и прекрасно одетым красавцем и входит в ставку. Подходя к девяти красным деревьям, резвится он на все лады и поет:

— Чьи же это будут красные девицы, живущие на девяти красных деревьях? Говорят, есть три прекрасных дочери у верховного Хормусты-тэнгрия. Уж не они ли это? Говорят, есть три дочери и у преисподних драконовых ханов; есть, говорят, дочери и у Гесер-хана, есть дочери и у Мангуса. Должно быть это дочери кого-нибудь из этих четверых. Ах, если б эти прекрасные девушки посмотрели на мои игры, сойдя с деревьев и подойдя ближе ко мне!

— Ого! Однако не вороны ли это или сороки? Иначе зачем бы им жить на этих деревьях?

— И в самом деле! — говорят девушки. — Разве не справедливо говорит этот человек? Птицы мы, что ли? К чему нам зря торчать на верхушках этих деревьев? И с этими словами они сошли и приблизились к нему. Смотря на его игры, и девушки стали дивуясь резвиться.

— Кто ты таков, человек? — спрашивают его девушки.

— Я, — отвечает Гесер, — я пришел из Вечной Земли, на Западе. Есть у меня — дар черно-шапочного Кармы — сто восемь священных шейных шнурков — цзангя, из шелкового гаруса-сырца. Станете ли вы носить?

— Ах, как же не носить дара великого ламы? Где они? Дай!

— Но как вы станете носить: на шеях, а то может быть на ногах?

— Зачем же мы станем надевать их на ноги? Мы будем носить их на шее!

— Подойдите ближе: я надену их вам! — говорит Гесер и, вынув из-за пазухи три тетивы от своего лука, он удавил всех троих.

Срубил он тогда девять красных деревьев, спалил главную ставку и ушел.

Вечером приходит Мангус, жалуясь на головную боль.

— Ты должно быть нарочно хочешь заболеть? — говорит Тумен-чжиргаланг. Разве тебе есть нечего? Я хочу, чтобы ты посидел один день дома и поправился!

— Ах, милая! Зачем ты меня удерживаешь? Заболел: ну так что же? Все же буду ездить на охоту! — и с этими словами Мангус уснул.

* * *

На другой день Мангус заявил, что едет на восток, а поехал на запад. Выехал и Гесер и направился на восток. В полдень подкрадывается он к трем маралам, которые вблизи от него лежат и нежатся на берегу моря. Прострелил он всех трех маралов одной стрелой и выпотрошил среднего, из внутренностей которого выпал золотой ларец. Раскрыл он ларец, достал медную иглу, изломал ее и возвращается.

Поздно вечером приходит домой Мангус и жалуется на очень сильную головную боль.

— Я хочу, чтобы ты завтра пересидел день дома и поправился! — говорит Тумен-чжиргаланг.

— Что ты мне говоришь такое, моя милая. Завтра я поведу тебя и буду тебе все показывать! На утро встал Мангус чуть-свет, обвязал свою голову и велел Тумен-чжиргаланг следовать за собой. Он ввел ее в свою большую золотую юрту, где он устроил огромный склад человеческих трупов. Затем он водил ее по своим многочисленным прекрасным юртам, всячески изукрашенным: они оказались доверху наполненными запасами мяса, рыбы и дичи. Была у него и старенькая деревянная из-

бушка. Привел он ее и туда: там было собрано великое множество золота и серебра.

— Если бы я захотел эти запасы проесть, то разве я не мог бы их прикончить в один день? Разве не видно, что я позаботился о том, чем кормиться в черные предсмертные дни? Болен? Ну так что же? На охоту я поеду! И с этими словами Мангус отправился на восток.

Выехал и Гесер, устремляясь к западной его ставке. С южной стороны от Гесера, набегает на него, роя землю, прыжками скачущий старый палевый марал. Гесер нацелился и угодил ему прямо в белое пятно на лбу с такою силой, что конец стрелы вышел у него через копчик, но марал бросился на утек, унося с собою стрелу. Когда, неотступно преследуя его, Гесер стал было его настигать, марал вскочил в свою главную ставку, и захлопнулись ворота на каменных столбах в девять рядов. Тогда двумя своими булатными топорами Гесер сокрушил обе половинки ворот и, едва переступив через порог, видит: сидит какая-то седовласая старуха, нижним клыком достает до неба, верхним клыком достает до земли, груди по полу разметаны, из копчика у нее торчит острие стрелы, которая угодила ей пониже маковки; сидит она на корточках и по-собачьи скулит:

— Ой, беда! Ой, пропала я.

Гесер, обернувшись человеком удивительной красоты, входит и говорит:

— Что с тобой такое, бабушка?

— По вольной воле я хожу по златонедрой земле, ловлю живность и кормлюсь. Но вот напала было я на какого-то человека, чтоб съесть его, как вдруг он вот этак меня прострелил и вот я валяюсь в муках: отчаялась я вырвать стрелу за перо, отчаялась я вырвать стрелу за острие. До того прострелил, что изойду я черною кровью, от стрелы приходит моей жизни конец.

— Ах, прекраснейший человек, кто ты таков? Вынь из меня эту стрелу!

— Увы, матушка! Не должен я и сметь вытаскивать из тебя стрелы: ведь стрела-то, должно быть, или вышнего Хормусты-тэнгрия или срединных асуриев! Я не должен и сметь ее вытаскивать!

— Голубчик! Мы с тобой станем дружками-супругами. Как ты полагаешь по поводу супружества со мной?

— Что это ты? Или не узнаешь своего младшего брата? — говорит он.

— Да кто же ты, мой родимый?

— Разве не Мангус я, твой младший брат?

— С каких же пор, родной мой, ты стал таким красавцем?

— Я стал таким красивым с той поры, как отнял жену у Гесер-хана.

— Так. Но за что же ты застрелил-то меня?

— Сестрица! Ты отроду мне не показывала большого жука, души моей: вот за что я осердился и стрелял.

— Родимый мой! Я рассуждала, как бы не было худо показывать его людям, из-за того, чтоб не убили тебя, моего родного. Потому-то

я и взяла за правило ни под каким видом его никому не давать! И за эту услугу ты убиваешь, убиваешь меня! На, возьми! И с этими словами она вытряхнула — выкатила и передала ему жука.

— Поближе, сестрица: я буду вытаскивать твою стрелу! — говорит Гесер, и, притворясь будто извлекает стрелу и вертя ее туда и сюда, он умертвил старуху. А мангусову душу загнал он в коряненькую избушку и спалил огнем.

Вечером приходит Мангус:

— Ой, беда! Голова! — и как повалился снопом, так и заснул.

Вот из правой ноздри у него выходит большая золотая рыбка и играет на правом плече его, а из левой ноздри выходит маленькая золотая рыбка и играет на левом плече.

Тумен-чжиргаланг натолкла в два мешка угольной пыли и положила их на том месте, где обычно сидела. С тревогой подняла она Гесера. Встал Гесер и принялся точить свою огромную булатную секиру.

— Что это там шуршит? — взметнулся Мангус, схватил и проглотил находившийся пред ним мешок с углем.

— Пригрезилось тебе, что ли, что? — говорит Тумен-чжиргаланг. Ты, должно быть, и лег с тем, чтобы съесть меня.

— Что это там шуршит? — спрашивает Мангус.

— Сидела я, сучила нитки: и вот нитка при разматывании задевает за котел и шуршит! — отвечает Тумен-чжиргаланг.

— Может быть, а ну-ка я посмотрю! — и он заставил ее произвести шуршание пряжей.

— Как будто похоже! — говорит он, и засыпает.

Гесер начинает прилаживать стрелу к тетиве. Мангус вскакивает, хватает другой мешок с углем и глотает его.

— Чем глотать меня впотьмах, лучше проглоти меня при свете лампады! — говорит она.

— Что это звякает? — спрашивает Мангус.

— Это я потянула ремешок на кнутовище: вот и звякнуло!

— Возможно, а ну-ка, потяни?

Она потянула.

— Как будто похоже! — говорит он, и засыпает.

С двумя своими секирами в руках Гесер подходит к нему и велит Тумен-чжиргаланг захватить в обе горсти угля.

— Лишь только я рубну, ты швырни обе эти горсти прямо ему в обе раны!

И Гесер, вместе с золотыми рыбками на плечах его, рассек и самые его плечи, а Тумен-чжиргаланг вслед за ударом секиры швырнула как следует уголь. Грохнулся Мангус о-земь, опять вскочил и схватился с Гесером, но тот повалил его и давай сечь-рубить все его двенадцать голов. Срубил уже напрочь одиннадцать голов и стал было рубить двенадцатую, как заводит Мангус такие речи:

— Грозный Богдо, искоренитель десяти зол. Если б ты и казнил меня лютейшею казнью, все же между нами великой распри быть не должно: тебя, моего младшего брата, я никогда не хулил, брать твою собственную жену я никогда не приходил. Давай побратаемся: где бы ни был злой враг, будем воевать его вдвоем! Разве не тепла зима в моей земле? Будем проводить ее здесь. Разве не прохладно лето в твоей земле? Будем проводить его там!

Гесер в нерешительности остановился, думая уж согласиться, но в этот миг с неба раздался голос его сестры Чжамцо-Дари-Удам:

— Ах, соплячок мой, зачем ты веришь его словам? После того, как тело его обратится в чугун, его ты уж никак не сможешь убить: живей же!

Гесер стал перерезать ему глотку, а нож бренчит, сунул подмышку, — не берет. Тогда он сунул в тонкую брюшину и, разорвав кишки, выпустил из него чугунную руду и напрочь снял ему голову.

* * *

После того Гесер садится на верхового черно-лысого мангусова коня, превращается сам в Мангуса и приезжает к его старшему брату, Тарничи-ламе. Приблизившись к юрте пешком и войдя, он делает вид, будто подходит к ламе под благословение, а сам в это время разрывает ему внутренности. Позабыв произнести свое „ом", лама успел только произнести „пад". и оттого на дворе упал черно-лысый конь, но Гесер влил коню в рот крови ламы, и конь поправился.

Тогда едет Гесер к сыну и наследнику Мангуса и, остановившись за семи-поясовой оградой ставки его, окликнул:

— Сыночек мой!

— Входи! — отвечает тот и выходит ему навстречу.

— Дай руку приласкаться твоему батюшке! — И держа его за руку через ограду, Гесер говорит:

— Открой же ворота! Тот велит открывать, а Гесер, делая вид, будто хочет погладить руку у сына, отсекает ее.

— Батюшка, что ты наделал! — с криком повалился тот. Гесер вбегает и оседлывает его.

— Увы, пропал я! Вот ты хочешь казнить меня лютейшею казнью, а у меня есть отцовский дар — десять тысяч белых коней, и среди них есть конь белый, как снег: лучше возьми его, а меня пусти!

— Пожалуй, знаю! — отвечает Гесер.

— Есть десятитысячный черный табун Гесера, а в нем конь черный, как тушь: возьми его, только отпусти меня!

— Есть десятитысячный синий табун, а в нем иссиня-синий конь: возьми ты его, только отпусти меня!

— Есть красный табун, а в нем красный конь, красный, как коралл-маржан: возьми и его, только отпусти меня! Зачем тебе губить меня?

— Отца твоего башку, скверный дурак и вредный хищник! — выругался Гесер. — Убью я тебя или нет: табун-то кому должен принадлежать?

— Но я назову тебя своим отцом, а ты назови меня сыном своим! — просит тот.

— Теперь ты дело говоришь, — отвечает Гесер. — Но расскажи мне, каким образом ты обычно навещаешь свою бабушку? И выпытав у мальчика все подробности, Гесер отсек ему голову. Обернувшись затем мангусовым сыном, приходит он в юрту к мангусихе и говорит:

— Сказывают пришел Гесер: сыщи и подай мне, бабушка, медную иглу и золотую тамгу-печать. Бабушка достала и подала ему.

„Как бы бабушка не скушала!" думает он, и, держа у себя за спиной железную палицу и приговаривая — Гуру-Ракша! Гуру-Ракша! пятится к выходу. И так, забрав медную иглу и золотую тамгу, внучек убегает. Смекнула старуха и в погоню за ним. Тогда внучек изломал золотую печать и медную иглу: бабушка и скончалась.

* * *

И вот, после истребления двенадцатиглавого Мангуса и искоренения всего его семени, властно обращается Гесер к своей ханше Аралго-гоа:

— Искоренил я все семя двенадцатиглавого Мангуса: теперь вдвоем с тобой поживем припеваючи возле Золотого Субургана.

И Аралго-гоа в золотой чаше подносит Гесеру черного цвета напиток, называемый Бак. Отведал его Гесер и стал жить, позабыв все на свете.

* * *

Итак четвертая песнь повествует о том, как Гесер, истребив все семя двенадцатиглавого Мангуса, стал жить припеваючи у Золотого Субургана со своей женой Аралго-гоа.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

1. ВОРОН-ПОСОЛ ДОНОСИТ ТРЕМ ШИРАЙГОЛЬСКИМ ХАНАМ О БЕЗВЕСТНОЙ ОТЛУЧКЕ ГЕСЕРА, О ПОКИНУТЫХ ЕГО СОКРОВИЩАХ И ПРЕКРАСНОЙ РОГМО-ГОА, КОТОРАЯ ПОДСТАТЬ В ЖЕНЫ ШИРАЙГОЛЬСКОМУ ЦАРЕВИЧУ

Тем временем три Ширайгольских хана созывают сейм и на собрании сообща обсуждают вопрос о приискании приличной, по красоте и знатности, партии Алтан Герельту тайджию, сыну Цаган-герту-хана от старшей его жены, Цаган. Решили произвести всесветные смотрины ханским дочерям, а так как ни человеку ни коню явно не справиться с таким поручением, то послали следующих послов: накормили заячьим мясом Белого Ястреба и послали его выведать, хороши ли дочери у верховного тэнгрия; накормили червячками Краснобая Попугая и послали дознать, хороша ли дочь у Китайского хана; накормили плодами Наипригляднейшего Павлина и послали высмотреть хороша ли дочь у Балбосского хана; накормили сухожилиями Лису и послали ее высмотреть, хороша ли дочь у Индийского хана; накормили всякой всячиной Ворона и послали проведать, хороша ли дочь у Тибетского хана. И вот, все эти послы пустились в путь.

Белый Ястреб взлетел на небо и еще не вернулся...

Краснобай Попугай вернулся и говорит:

— Дознал я, что у Китайского хана есть дочь Кюнэ-гоа и что, оказывается, Гесер-хан, после того как он управил государственные дела у ее отца и прожил с нею в браке три года, возвратился на родину; что как следует быть хороша она и лицом и нарядом.

Однако Ширайгольцы решили дождаться прочих послов, чтобы располагать всеми сведениями.

Является Павлин и говорит:

— Оказывается, как следует быть хороша дочь Балбосского хана, но я полагаю: вовсе не знать мирового языка — не значит ли стать совсем не под-пару здешним?

Возвращается Лиса и говорит:

— Очень хороша и лицом и нарядом дочь Индийского царя, только люди там спят и видят во сне землю, спят и считают во сне черный и белый горох: вот в чем у них порок!

До истечения трех лет не возвращался Ворон, возвращается в последний год. Залетев на обратном пути к Хара-герту-хану, прокаркал;

завернув к Шара-герту-хану — просвистал, а прилетев ко двору Цаган-герту-хана, говорит ему такие речи, помавая крыльями в небесной выси:

— Вот воротился с чужедальней стороны я, посол ваш, Ворон, а разве вы готовы принять мои речи?

— Разве не прав он? — говорит Цаган-герту-хан и через послов созывает он двух своих младших братьев и все свои военные силы.

— Ведь этот Ворон, бедняжка, обломал концы своих крыльев, поизносил когти на ногах своих, поисточил конец своего клюва. И он приказал зарезать для него барана:

— Спустись-ка на него, бедненький Ворон, да веди свою речь!

— Нельзя, нельзя! Не гоже мне спускаться на эту твою требуху! — отвечает Ворон.

— Совершенно справедлив этот бедняга, Ворон! — говорит хан и режет для него кобылу.

— Спускайся на нее.

— Полно, — отвечает Ворон. — Я и не помещусь на этой твоей требухе! Странствуя для вашей пользы, обломал я в концах милые крылья мои, летающие по вольной воле в синем небе; притупил я свой клюв, кормильца моего; поизносил я когти на ногах своих, на ногах, по вольной воле скакавших по златонедрой земле!

Тогда говорит Шиманбироцза:

— Разве же не справедливы сетования этого бедняжки, Ворона? и он зарезал своего восьмилетнего сына:

— Ну, теперь спускайся и веди свою речь!

Но Ворон не доволен и этим и, махая крыльями в небе, говорит:

— Долетал я до верховного Хормусты-тэнгрия. У Хормусты-тэнгрия есть, оказывается, три дочери-красавицы: одну, может быть, он и отдал бы, если хан попросит; другую — можно бы насильно взять, а третью — своровать. Но свиреп Хормуста-тэнгрий, и потому, вероятно, ты, хан, ничего не добьешься!

Тогда подставляют Ворону золотой шесток и опять просят, спустившись на него, продолжать рассказ. Опять отказывается он спуститься и говорит:

— Есть три красавицы дочери у преисподних драконовых ханов, есть три красавицы дочери и у срединных асуриев. Но велика сила драконовых царей, свирепы асурии, а потому, вероятно, ты, хан, никак не сможешь взять дочерей у этих ханов. Какую б из них однако ни взять, эта добыча была б равносильна Хормустинской. К чему мне перечислять дальнейшие подробности?

Когда он высказал это, подставляют ему два шестка — серебряный и железный: только бы он продолжал, усевшись на любой. Но Ворон не спускается и опять говорит:

— Так вот! Долетал я в Тибетской земле и до государя десяти стран света, милостивого Гесер-Мерген-хана. Отцом ей приходится Сенгеслу-хан: такая, говорят, есть у Гесер-хана супруга Рогмо-гоа!

— Когда стоит Рогмо-гоа, то совершенно подобна она сосне, одетой дорогим штофом, хонхойя-маннук, а когда сидит, то подобна княжеской белой юрте, в которой поместятся пятьсот человек. Над правым плечом у нее кружится золотой комар, а над левым плечом у нее кружится серебряный комар. Повернется она направо к солнцу — будто бы тает; зайдет налево под сень луны — будто бы стынет. И кажется, будто в ночном сиянии ее красоты можно стеречь стотысячный табун.

— Так несравненно прекрасна она!

— Юрта ее — княжеская белая юрта, в которой могли бы жить пятьсот человек: покрыта она покровом из штофа маннук-хонхой; веревки-подвязки на ней из нервущейся вчетверо ссученной шелковой дратвы, а для подпоры стоит в ней золотая колонна.

— В юрте у нее есть большой субурган и драгоценность чиндамани, — волшебный талисман. Книги для чтения у нее — два спасительные нома, златописанные Ганджур с Данджуром. Есть у нее и уголь без трещины.

— А про Гесер-хана сказывают, что его нет дома, что он отправился в поход на двенадцатиглавого Мангуса догонять — ворочать свою ханшу Аралго-гоа, и он еще и не возвратился.

— Хоть есть дочери и у вышних тэнгриев, и у срединных асуриев и у преисподних драконовых царей, но уж с Рогмо-гоа им не сравниться! И хан, и все великое войско на нее не нарадуются!

— Ну же, Ворон, спускайся сюда! — говорят ему, подставляя деревянный шесток. Не спускается Ворон. Разгневался тогда Цаган-герту-хан:

— Погоди же, негодный! Или ты, негодный, небом ниспосланная птица? Не мною ли ты вскормленный, не мною ли посланный Ворон? Берет он свой лук со стрелами и нацеливается: с перепугу упал Ворон в золу и попался.

— Вот так! — говорит хан. — Что такое ты там толкуешь о Рогмо-гоа? Повтори-ка свой рассказ! И Ворон опять перечислил все по порядку, одно за другим.

— Эх, — говорит хан. — Если все это правда, то Рогмо-гоа столь же прекрасна, как речи этого Ворона. А если все это ложь, то сколь же красноречив Ворон! Ну, Ворон, ступай-ка и ешь свою требуху!

* * *

Послать бы тогда им к ней конный отряд, но ехать далеко: когда-то доедут?

2. СМОТРИНЫ-РАЗВЕДКА И СБОРЫ ШИРАЙГОЛЬЦЕВ В ПОХОД

И вот отправляются на смотрины гении-хранители тамошних трех ханов, обернувшись небесною птицей Ганга: гений-хранитель Цаган-герту-хана, Уркун-цаган-тэнгрий, обернулся белыми ее головою и грудью; гений-

Шара-герту-хана, Шара-уркун-тэнгрий, обернулся желтым ее станом, а гений Хара-герту-хана, Хара-уркун-тэнгрий, — черным ее хвостом.

И так, отправляются в путь гении-хранители трех ханов, обернувшись небесною птицей, Ганга, которая садится рано поутру на вершине дымника гесер-хановой белой юрты-дворца, в которой могли бы жить пятьсот человек. С шумом содрогнулось непоколебимое жилище, порвались обе нервущиеся шелковые подвязки, погнулась несгибаемая золотая колонна. В ужасе вскакивает Рогмо-гоа и, одевшись, прибегает она к своему Барс-богатырю, которого Гесер особенно любил из всех тридцати богатырей и пожаловал, оставивши в хороне-дворе своем попечителем. Прибегает и со слезами окликает его:

— Увы, мой Барс-богатырь! Говорят, коли спать будет мужчина, то прощай его походы и облавы. Коли женщина будет спать — прощай ее омоводство. Коли дерево сляжет — загнездятся в нем муравьи. Уж нед убил ли двенадцатиглавый Мангус милого моего Богдо, государя десяти стран света? Уж не явился ли он сгубить Цзаса-Шикира и тридцать богатырей? Страшно мне: прилетела и сидит птица, отменная от всех птиц! И рассказала она ему все по порядку.

— Ах, мой Барс-богатырь! Натягивай свой черно-свирепый лук, прилаживай свою златосветлую стрелу и выходи! Натянул Барс-богатырь свой черно-свирепый лук, приладил свою златосветлую стрелу и вышел. Но лишь только увидал он птицу, дрогнуло у него сердце, упустил он прихват своего черно-свирепого лука, запнулся о зарубину своей светлозлатой стрелы и, едва держась на ногах, озирается. Со слезами говорит тогда Рогмо-гоа:

— Горе, стыд! Убила б я того человека, который нарек тебя именем Барс-богатыря, окатила бы я тебя помоями с головы до ног! Разве у настоящего мужчины дрогнет сердце перед птицей? А я, не женщина ль я? Но подай сюда свой лук и стрелу, я буду стрелять!

„Беда“, думает он. „Если расславят, что я отдал женщине свой лук и стрелу и допустил ее стрелять, что скажет мой Гесер-хан, государь десяти стран света? Не назовут ли меня Барс-бабой-богатырем и выставят на всеобщее позорище и милый Цзаса-Шикир, его старший брат, и все тридцать богатырей?“ И он крепко сжал прихват своего черного лука, приладил стрелу и нацелился.

— Не промахнись попасть в зоб! — под руку говорит Рогмо-гоа.

Но он не попал в зоб, а только сбил крайние перья с крыла. Птица поднялась и, обернувшись трижды посмотрела на Рогмо-гоа, трижды посмотрела вверх и Рогмо-гоа. Птица полетела, а Барс-богатырь и Рогмо-гоа вдвоем стали собирать сбитые перья: набралось перьев на тридцать ослиных вьюков и перьевых мочек на три вьючных мула.

Прилетает птица Ганга в свою землю и говорит Цаган-герту-хану:

— К чему повторять речи нашего бедняжки Ворона? Все они оказывается — сущая правда! Действительно, как он и говорил, у Гесера

есть тридцать богатырей и старший брат Цзаса-Шикир. Верно и то, что Гесер еще не воротился.

Тогда Цаган-герту-хан отправляет послов к двум своим младшим братьям и срочно издает такой приказ:

— При таковых обстоятельствах не оставим дома никого из молодых людей старше тринадцатилетнего возраста, будь то даже духовные, ламы или баньди. Всякий беглец повинен смерти!

Является его средний брат Шара-гергу-хан.

— Ах, старший мой брат! — говорит он. — Сказывают, что в этом перерождении Гесер-хан облекся человечьей внешностью, что перерождается он в десяти странах света и что даже и тридцать его богатырей — враг трудно одолимый. Поход против него надлежало бы приостановить.

— Сиди же дома, негодный, притворясь ослепшим, лежи ты дома, будто заразился грешной болезнью, а твое великое войско я и сам поведу! — и с такою бранью отослал его прочь Цаган-герту-хан.

Является младший сын его младшего брата, Шиманбироцза:

— О, любезный мой старший брат и хан! — говорит он. — Разве Гесер не сын верховного тэнгрия, Хормусты? Еще в небесных краях победил он много существ. И хоть снизошел он на дольнюю землю, ну так что же? Ведь все они хубилганы: и родившийся для упразднения всякого величия старший любезный брат его, Цзаса-Шикир, и тридцать его богатырей. Не говоря уже о похищении Рогмо-гоа, законной жены Гесер-хана, государя десяти стран света, сможем ли мы похитить даже жену хоть у какого-нибудь одного из тридцати его богатырей? Между тем, если б с этим многочисленным войском мы решили обойти весь свет и посмотреть дочерей у всех ханов, то неужели не нашлось бы ни одной прекрасной девушки? Но пусть не нашлось бы: тогда мы назначили б выборы из дочерей сановников сайдов, тушимедов и табунангов — и, найдя прекраснейшую среди их дочерей, нарядили б ее наподобие Рогмо-гоа, дали б ей и самое имя Рогмо-гоа, и кто мог бы сказать, что она не Рогмо-гоа?

Напустился на него старший дядя, хан:

— Скажи, что на уши стал туг, и сиди дома! Скажи, что заразился нечистой болезнью и лежи дома! — наговорил ему много оскорблений в этом роде.

„Он, очевидно, считает меня трусом!“ подумал Шиманбироцза и ушел.

На другой день Цаган-герту-хан сосредоточивает войска для выступления в поход. Является Шиманбироцза и, поднеся ему в золотом кубке тройного вина — хороцза, говорит:

— О, в этом твоем войске я не из трусов, а из богатырей! Напрасно мы радовались и мнили себя детьми ханов, любезных хану-тэнгрию! и вот мы отправляемся, чтобы отдать наши холопские тела лютому душителю Гесер-хану! Мы мнили себя потомками мудрых владык, могучих тэнгриев: и вот мы идем, чтобы принести эти наши тела в жертву заклания лютому

владыке сего Чжамбутиба Гесер-хану. Всяческим срамом посрамимся! К чему же твой приказ вести на войну этих детей, лам, бандиев, старцев и рабов своих? Разве Гесер-хановы Цзаса-Шикир и тридцать богатырей не скажут, что вот-де жалуют бабы Шарайгольцы со своими бандиями, старцами, детьми, бабами и рабами! И разве мы не будем свидетелями, как при кличе „вперед" они нападут и сгубят наших, как губит сокол пеструю утку, засевшую у истоков реки Найранцза? Выше ведь слава потерявшего меньше убитых, а не больше!

— Ну, вот! Насколько прежние суждения твои превратны, настолько же последние справедливы! И хан, отменив всеобщее ополчение, назначил своему войску переучет с метанием жребия. По переучете войска оказалось три миллиона триста тысяч, и со всем этим войском три Шарайгольских хана выступают в поход.

3. В СТАВКЕ ЦЗАСА-ШИКИРА РЕШЕНО ВОЕВАТЬ С ШИРАЙГОЛЬЦАМИ И СОСРЕДОТОЧИТЬ АРМИЮ У СТАВКИ ГЕСЕРА

Кочевье благородного Цзасы далеко, на ур. Гурбан-Дулга, в верховьях реки Цацаргана. Чтобы показать Цзасе перо птицы, сбитое Барс-Богатырем, они вдвоем с Рогмо-гоа отправляются на сутки пути. Провели они в дороге всю ту ночь, а на заре подъезжают. Между тем Цзаса-Шикир, встав рано, поит свой табун в реке Цацаргана.

„Что за беда?" думает он. „Почему это чуть-свет жалует моя Рогмо-гоа и видно, что прибыла она вовсе не с прохладцей!"

— Рунса, поймай-ка моего бурого крылатого коня!

Рунса поймал его бурого крылатого коня, оседлал и взнуздал для него. Подоткнул под себя Цзаса-Шикир свой острый булатный меч — Курми и поскакал навстречу. Еще издали он громко окликает ее и спрашивает:

— Ах, Рогмо-гоа, что это у тебя в руках: дерево или перо?

— Откуда, родной мой, взяться дереву? Это перо, — отвечает она.

— Я понимаю! — говорит Цзаса. — Как могу я предвидеть три будущих события, так разгадываю я три тайны, и он поспешно подъезжает с приветом.

— Какая же у нее голова? — спрашивает потом Цзаса.

— Белая.

— А поясница?

— Желтая.

— Хвост и ноги какие?

— Черные.

— Это значит, — говорит Цзаса, — это значит, что три Шарайгольских хана проведали об отсутствии моего родимого Богдо, государя десяти стран света, и вот уж приближается их войско с целью захватить тебя, нашу Рогмо-гоа, и выдать за Алтан-герельту тайджия, сына Цаган-герту-

хана от старшей его жены, Цаган. Гении-хранители трех ханов, обернувшись небесною птицей-Ганга, приходили тебя, нашу милую, высматривать. А то, что голова у птицы была белая, поясница — желтая, а хвост — черный — перечислил Цзаса все эти приметы — все это означает, что приходили, обернувшись птицею-Ганга именно те три гения-хранителя. Чем-то занятый, не убил я тогда летавшего здесь Ворона, от него и пошла эта самая молва!

— Пусть так! Нашего Гесер-хана, государя десяти стран света, действительно нет дома. Но разве нас-то всех, любезного ему Цзасы, тридцати богатырей и трех отоков улуса тоже нет дома? Приходить, что ж, не беда, пусть приходят! Ты не бойся, моя Рогмо! А перо это следует снести и показать Цотону: согласится он со мной или нет?

Тогда Барс-Богатырь и Рогмо-гоа снесли и показали перо Цотону. Посмотрел Цотон-нойон и говорит:

— Горе, беда! Истинную правду говорит мой Цзаса! Но у Ширайгольских ханов к нам нет вражды, а идут они, видимо, силою забрать Рогмо-гоа. Поэтому ты, Рогмо-гоа, разъезжай и скрывайся в разных местах: то на острове Хатунь-реки, Агу-Арал, то на ур. Улан-Цзöльге — Красная Мурава, то на ур. Уртухай-шара-тала, то в ущелье Онггин-хара-хабцагай. На конские выпасы пускай верблюдов, на верблюжьи — коней, на овечьи — скот, на скотские — овец. Наряжай в свое платье рабынь и клади их спать на то место, где сама спала. Коли не найдут тебя, с нас-то что им взять? Когда Рогмо-гоа с Барс-Богатырем передали Цзасе речи Цотон-нойона, Цзаса говорит:

— Стыд и срам! Послушайте вы речи этого негодяя! Говорит, что у трех Ширайгольских ханов к нам нет вражды. Что же ты, Барс-Богатырь, не спросил его, зачем же теперь они являются?

— Мне и в голову не пришло! — отвечает Барс-Богатырь. Все еще не могу прийти в себя, как это я растерялся перед птицей.

— У этого негодяя, — продолжает Цзаса, — у этого негодяя обыкновение: пока нет врага — выставлять себя богатырем, а придет враг — без толку шуметь; нет умных — выставлять себя умником, а придут умные — забиться в угол и сидеть!

— Придет барс, что же, схватимся! Придет медведь, что же обнимемся! Придет слон, что же, потолкаемся! Придет лев, что же, порежемся! Придет человек, что же, померимся силою! Если же придет он, обернувшись черно-пестрым жалящим змеем, ну так что же? Обернемся и мы царь-птицей Гаруди и заарканим его сверху. Пусть обернется он рыкающим тигром, ну и что же? Обернемся и мы тогда львами с длинною иссиня-медною гривой!

И разослал он послов с приказом:

— Итак, в поход! Созывайте всех тридцать богатырей, созывайте улус-три отока, тибетско-тангутское войско! Созывайте и конных, и пеших своим чередом. Созывайте всех туда, на урочище „Красную Мураву“,

Улан-цзбльге, к юрте нашего Гесер-хана, к нижнему течению реки Цацаргана, на главный сборный пункт.

Берет затем Цзаса-Шикир свои военные доспехи, берет свое собственное войско и выступает в поход вместе с Рогмо-гоа и Барс-Богатырем. Подъезжая к Гесеровой ставке, захватывают они с собой Нанцона и являются.

Затем приводят тридцать богатырей, под начальством своим, тибетско-тангутское войско, в особых колоннах пешие и конные войска.

4. ЦЗАСА-ШИКИР С ШУМИРОМ И НАНЦОНОМ ВЫСТУПАЮТ НА РАЗВЕДКУ. ИСТРЕБЛЕНИЕ ПЕРЕДОВОГО ОТРЯДА ПРОТИВНИКА, УГОН ТАБУНА, ПОСЕЯНИЕ ПАНИЧЕСКИХ СЛУХОВ О ВОЗВРАЩЕНИИ ГЕСЕРА

Собирается великое войско и Цзаса-Шикир осведомляется, как идет ополчение, громко раздается вопрос по командам.

— Понемногу собирается! — отвечает Шумир.

Тогда Рогмо-гоа подает совет бросить гадательные жребьи, но Цзаса-Шикир замечает:

— Со жребьями, пожалуй, повременим, моя Рогмо! Я сам отправлюсь разведать, как велико войско трех Ширайгольских ханов.

— Со мной, мой Шумир, беркут среди людей, со мной мой благородный тринадцатилетний Нанцон!

Цзаса-Шикир садится на своего крылатого бурого коня, надевает свой кольчатый панцырь, надевает на голову свой драгоценный шлем-Дагорисхой, втыкает в колчан тридцать своих белых стрел, вешает свой черно-свирепый лук, свой острый булатный меч — Курми.

Шумир седлает своего желто-сивого коня, надевает свой панцырь темносерый, цвета сверкающей росы, вешает свой черно-свирепый лук, берет тридцать своих белых стрел, надевает свой меч дочерна закаленный, непритупляемо-острый.

Садится также и благородный Нанцон на своего желто-сивого коня, надевает свой иссиня-черный панцырь в сто блях, берет свои тридцать белых стрел и черно-свирепый лук, привешивает меч свой дочерна закаленный, непритупляемо острый. И по команде Цзаса-Шикира: вперед! — все трое выступили. Поднявшись на вершину Эльсен-улы, стоят они в карауле. Туда набегает несметное множество пришедшего в движение дикого зверя, спеша бегут всевозможные звери из ходящих по златонедрой земле, и раненые, и нераненые.

— Поднялась великая пыль, идет несметный зверь. Не значит ли это, что подходит войско трех Ширайгольских ханов? — изволил сказать Цзаса-Шикир и стал всматриваться. Посмотрел он, и, с расстояния в сутки пути, он усмотрел поднимающееся вверх по Хатунь-реке войско трех ханов.

— Впереди, — говорит он, — впереди на пол-дня пути идут триста разведчиков!

Навстречу им выступили Нанцон с Шумиром, и действительно в этом убедились.

— Эх, правду сказал мой Цзаса! — говорит Шумир. — Как их много! Кого же из них будем атаковать? И каков вид у этого войска, мой Цзаса! Кажется, будто все множество небесных звезд спустилось на землю, а цветы златонедрой земли взошли расти на небе!

Стал осуждать его благородный Нанцон:

— Что значат эти твои речи, Шумир? Откуда узнал ты, что Ширайгольского войска так много? Как ты наворожил, что нашего войска меньше? Когда ты видел, чтоб цветы восходили на небо и росли там? Когда ты видел, чтобы с неба на землю пало множество звезд? Разве, Шумир, в твоих привычках говорить такую неуместную ложь? Плох тот охотник, который берется снаряжать свои доспехи, когда надобно итти на охоту или в поход. Плоха та женщина, которая начинает наряжаться, когда надобно в гости итти. Выходит, что перед ними у всех нас троих померкла краса!

— Ты прав, мой Нанцон! — отвечает Шумир. — Я просто пошутил, не больше. Подходящее войско Цаган-герту-хана похоже на закипающее молоко; пусть же мой Цзаса будет тем, кто помешивает ковшом, заведя его в самую середину! Приближение войска Шара-герту-хана похоже на занимающийся пожар; пусть же я, Шумир, буду пожарным! А подступ войска Хара-герту-хана похож на возникающее наводнение; будь же ты, мой Нанцон, человеком, сводящим его на-нет, рассасывая воду каналами. Что же, в атаку? Дружно ударим втроем на трех ханов!

После Шумировых слов последовало такое распоряжение Цзаса-Шикира:

— Оба вы, друзья мои, правы. Сначала мы уничтожим трехсотенный разведочный отряд, а потом захватим находящийся у него в тылу табун какого-нибудь из ханов. Захватим пленных и по их показаниям мы сможем вывести заключение о том, действовать ли нам оборонительно или наступательно. Итак Шумир и Нанцон, выдвинувшись по этому направлению и занявши вон то ущелье, стойте. А я зайду им в тыл и, с криком на них бросившись, погоню на вас. Убегающих от меня бейте вы, а я стану истреблять убегающих от вас.

Этот план поиска был принят всеми единогласно, и ни один человеческий язык не ускользнул. Триста взятых верховых коней они привязали в яру, а на том холме-обо, на котором стояла разведка, понаставили обо на подобие каменных всадников, и на них надели отбитые латы и шлемы. Затем втроем они отбили на тьмы и тысячи разбитые табуны Цаган-герту-хана и возвратились на Эльсен-ула.

Подъезжает к ним младший сын младшего брата Цаган-герту-хана, Шиманбироцза, верхом на своем белом вещем коне. Ко всем четырем

ногам коня он привязал по наковальне да сверх того одной наковальней бьет коня. Оказывается это был такой конь, что не осади его таким грузом — не унять его ярости, занесет хозяина на небо.

— Вон какой-то человек быстро приближается! — говорит Цзаса. — Думает поговорить — так поговорю я; думает поссориться — так буду ссориться я; а вы, друзя мои, ступайте и присматривайте за своим табуном! — и он сам выехал на встречу.

— Куда это вы, братцы, гоните такое множество меринов? — говорит Шиманбироцза. — И чьи вы будете по имени?

— Мы, — отвечает Цзаса, — мы — пастухи коров и овец у Тибетского Гесер-хана. Нам причинили пропажу в 1500 голов рогатого скота. Ведя след, мы набрели на вашу трехсотенную заставу. Караульные ваши отвели нам след, и вот, ведя след далее, мы подвели его к вашим людям, людям двух ханов. Когда мы стали требовать выдать наш скот, те не только этого не сделали, но еще и избили и нас самих, и коней. За это мы и угнали у ваших табун, рассудив так: кто рождается мужчиной, а кто и бабой.

— Но как это случилось, — спрашивает Шиманбироцза, — как случилось, что вы растеряли свой скот? Цзаса-Шикир отвечает:

— Наш Гесер-хан, государь десяти стран света, ездил выручать у двенадцатиглавого Мангуса свою ханшу, Аралго-гоа. Он убил Мангуса и привез обратно свою жену. Воротясь же, он задал пир великий словно озеро или степь, на весь мир и всем и каждому пожаловал его долю, не исключая никого из рабочих: ни ухурчинов, ни хоничинов, ни аргальчинов, ни тульгечинов:[1] все опьянели и заснули, тут-то и случилась у нас пропажа скота.

Шиманбироцза воротясь все это подробно рассказал Цаган-герту-хану, который говорит со слезами:

— Горе, беда! Взяли табун моих меринов — ну и пусть взяли, но если действительно возвратился проклятый Гесер, тогда я думаю отступать!

Тут говорит ему Шиманбироцза:

— Ну и отступай прочь, притворясь, что у тебя ослепли глаза или что заразился грешной болезнью! Разве я поднял в поход твое великое войско? Помалкивал бы негодный! Тьфу!

— Постигая наделенных разумом восьмерых буланых своих меринов, я сумею скликать их, приманить! — И он уезжает, и издали заводит призывную песню:

— Рожденный изволением Вечного Неба-Царя, верхом правивший вами, вашего Хара-герту-хана любимый ваш Шиманбироцза, разве не здесь он? Где же ваше уменье проходя через ущелье черной горы ускользнуть, обернувшись сохатыми оленями? Разве не здесь я, ваш благородный Шиманбироцза, рожденный изволением Могучего Неба, я, сед-

---

[1] т. е. пастухов рогатого скота и овец, а также сборщиков аргала и истопников.

лавший и ездивший на вас? Где же ваше уменье, обернувшись сизыми оленями, убежать при переходе через перевал полуденного склона высокой горы?

Заслышав голос Шиманбироцзы, заржали восемь буланых меринов и им откликнулся весь табун.

— Понимаете ли вы, — говорит Цзаса-Шикир, — понимаете ли вы, друзья мои, Шумир и Нанцон? Эти восемь буланых меринов понимают, видно, человеческую речь: подал голос тот человек, и весь табун откликнулся вслед за этими вожаками. Давайте, однако, будем платить ему тою же монетой, что и он нам. Будьте внимательны! И при этих словах они сгрудили табун и взяли луки наизготовку. При переходе же через ущелье рудо-желтой горы вожаки, обернувшись рудо-желтыми цзеренами, ускользнули. Тогда, по команде Цзаса-Шикира: — Эй, пошел, вперед! — они стали стрелять. Стреляли они, расползшись в разные стороны друг от друга, и тремя стрелами перебили всех восьмерых меринов. Прянул в испуге весь табун и побежал. Не в силах его задержать, они с гиканьем погнали его с крутого яра вниз и сгубили весь в Хатунь-реке. Тогда, взобравшись наверх, они стали озираться подобно несытым волкам.

Возвращаясь, Шиманбироцза говорит Цаган-герту́-хану:

— Эти окаянные должно быть не пастухи, а кто-нибудь из тридцати богатырей знаменитого Гесера: там, где прошли они, не осталось ни дерева, ни камня на камне, а меринов наших они полностью сгубили.

— В таком случае, не отступить ли нам? — спрашивает Цаган-герту-хан.

— Разве исполнились твои широковещательные замыслы? — отвечает Шиманбироцза. — Разве я привел твое войско? Разве не справедливо говорится, что больше славы тому, кто умер наступая, чем тому, кто спасся бегством?

5. ПОД ВЛИЯНИЕМ ЗАПАЛЬЧИВОГО НАНЦОНА ЦЗАСА НАЧИНАЕТ НАСТУПАТЕЛЬНУЮ ВОЙНУ, НЕ ДОЖДАВШИСЬ СОСРЕДОТОЧЕНИЯ ВСЕХ СВОИХ СИЛ, С НАЛИЧНЫМИ ТРЕМЯ АРМИЯМИ

Предполага́я изменить свой план, Цзаса-Шикир ставит в совете вопрос:

— Как полагаете вы, друзья мои: не отступить ли нам, а тем временем пусть подойдут прочие богатыри?

Взял слово Нанцон и говорит:

— Позволь мне, мой Шумир, доложить раньше тебя? Раз мы приняли от досточтимого Гесер-Мерген-хана, государя десяти стран света, приняли звание тридцати его богатырей, — к чему отступать, к чему подвергать смерти в болезнях эти наши благородные тела, к чему исторгать слезы — стенания у своих жен и детей? Разойдемся же по разным местам и вместе отведаем этого красного чайку, заправленного кровью!

Взял слово Шумир:

— Присоединяюсь к мнению моего Нанцона. Ударь, мой Цзаса, на Цаган-герту-хана, я, Шумир, ударю на Шара-герту-хана, а на Хара-герту-хана ударь, мой Нанцон! Что же, в атаку? Атакуем втроем трех ханов и тогда отступим!

Друзья мои, я одобряю ваши предложения! — сказал Цзаса-Шикир и приказал Шумиру ставить жертвенник, а Нанцону — делать возлияние. Тогда Цзаса-Шикир, Шумир и Нанцон, втроем припадая стали молиться гениям-хранителям своего Гесер-хана:

— Услышь нас, отец его, великий Хормуста, милостиво услышьте и вы, исполненные силы, семнадцать тэнгриев, из сонма приближенных Эсроа-Ишвары! Смилуйтесь над восприявшими рождение тридцатью тремя тэнгриями, которые ради него ниспустились один за другим тридцатью тремя богатырями. И вышние будды десяти стран света, и небесная белая Арья-Аламкари, и бабушка его Абса-Хурце, и три победоносные сестры его, и земной отец его горный царь, хубилган Оа-Гунчид, и четверо наших верховных тэнгриев, и срединный материальный мир наш, и преисподние ханы белых драконов! Всем вам своим ваш Цзаса-Шикир посвящает чистую жертву свою, каждому в отдельности! И вот по какой причине я приношу свою жертву: заведомо зная, что Гесер-хан есть владыка этого Чжамбутиба, они и не подумали взять жену у обыкновенного человека, но вот приближается войско трех Ширайгольских ханов, чтобы силою захватить законную супругу нашего Гесер-хана — это ясно! А раз так, то мы решили втроем ударить на них. Если вы благоволите одобрить это решение, то будьте нашими друзьями вы, все и всяческие гении-хранители! Дружественно сопутствуйте нам всеми отрядами своего войска, тьмами и тысячами, сообразно своим чинам. Вы же четыре великих тэнгрия Махараджи, ниспосылайте на нас с четырех своих стран мира мелкие дождички и легкие туманы! Так молились они коленопреклоненно. Потом Цзаса сказал:

— Я стремительно ударю на Цаган-герту-хана и, поразив тысячу человек, возьму их головы. Ты, мой Шумир, устремясь сразись с Шара-герту-ханом и, поразив тысячу человек, бери себе их большие пальцы, а ты, мой Нанцон, стремительно напади на Хара-герту-хана и, поразив тысячу человек, бери их правые уши. Пусть это будут наши трофеи-подарки! Стали молить они трех своих бурых коней:

— При спусках сбегайте как низвергающийся водопад, при поворотах в сторону бегите как выхухоль, в прямом направлении — как лиса!

Три коня трижды зевнули, трижды, подняв хвост, опорожнились, трижды встряхнулись. Поправили они, затем, двойные подхвостники, двойные нагрудные ремни, двойные подпруги и тронулись в путь.

— Где и когда встреча? — спросил Шумир.

— Оставь, мой Шумир! — ответил Нанцон. — Разве одному из нас приезжать с женой и детьми, а другому в одиночку? Тотчас же все одинаково сойдемся на вершине.

Стоит ли вдаваться в подробности: все, одним словом, вышло как они и предполагали. При этом все трое, вместе со всеми их гениями-хранителями, во главе тысяч и тем по чинам их, шли с таким топотом, будто проходило множество конного войска. Тотчас же и сошлись они, возвратясь на высоты и попутно пригнав с собой триста коней, отбитых у неприятельской разведки.

* * *

Если сравнить с чем-нибудь то, что произошло у трех Ширайгольских ханов, то было похоже будто небо пошло кругом или побывали здесь тигры. Три хана сговорились сойтись на совет, встав рано поутру, но увидав павших своих воинов, они и в себя притти не могут, не только сойтись втроем. Они приказали собирать своих павших и только в полдень могли сойтись.

Первым из них со слезами заговорил Цаган-герту-хан:

— Сказать бы большое войско сразилось со мною, так нет, не большое! Сказать бы разбойные люди, так нет, не разбойные! Был всего один человек, но почему же топот при его нападении был словно топот многих тысяч и тем?

— Что это за странное знамение?

— Полно! — отвечает Шиманбироцза. — Разве я не предупреждал тебя и разве ты своим непониманием не заслуживаешь имени круглого дурака? Не ответишь ли ты мне, для чего хубилганы делаются хубилганами? Разве не видно теперь, что лишь только появятся потом тридцать его богатырей, они обратят все наше войско в подобие леса, срубленного их поперечными топорами? И за этими-то троими мы и гнались да не догнали; и пытались убить их, но не смогли того! И, порешив что их олг, вместо преследования, заняться погребением своих павших, они разошлись.

* * *

Обращаясь к Цзаса-Шикиру и Нанцону, Шумир говорит:

— Что нам возиться с этими головами, ушами и пальцами? Давайте их выбросим вон, мы достаточно уже познакомились с подарками друг друга!

— Какую такую тяжесть ты собираешься бросить, Шумир? — говорят они. — Ведь если кому от нее и мучиться, так это меринам трех ширайгольских ханов, кому другому от нее мука? Но, глядя на наши дела, пусть станут по-нашему действовать и прочие тридцать наших богатырей, а придет молодежь — пусть понемногу закаляет свои сердца! Давайте лучше свалим их Цотон-нойону, который кстати так заботится о благосостоянии своего муравейника.

Когда три витязя подъехали, Шумир собрал груз и свалил его перед Цотоном.

— Что это такое, милые детки? — говорит Цотон и отворачивается.

— Ах, дорогой дядюшка! — отвечает Цзаса-Шикир. — Неужели ты так оскудел на глаза и на уши, что не можешь распознавать человеческих голов, ушей и пальцев? Не оттого ли и тогда, как враги стояли уже у дверей, ты говорил тогда Рогмо-гоа, что у них нет к нам неприязни, что ей следует только спрятаться. Положим, Гесера-хана нет дома, но разве тебя-то, дядюшки Цотона, тебя, нойона в этом войске, тоже нет дома? А эта добыча разве не добыча мужей?

— Да ведь я, родной мой, — отвечает Цотон, — я потому, вероятно, так и поступал, что боялся, как бы вы не погибли. А добыча эта славная у вас!

Триста меринов они поднесли двух ханшам, Рогмо-гоа и Ачжу-Мерген, в качестве почина-начатка; по одной лошади получили тридцать богатырей, остальных они роздали всем безлошадным великого войска. Цотону же не дали ничего.

6. ЕДИНОБОРСТВО БАНДЖУРА С ШЕСТИПАЛЫМ

Рогмо-гоа обращается к Цзаса-Шикиру с вопросом:

— Сколько будет очередного караула? Я думаю посылать по жребию.

— Одного, двух богатырей, — отвечает Цзаса, — я отряжу лично, а следующих будем посылать по жребию. Поезжай ты, мой Банджур, сын Амбария.

Банджур также седлает своего вороного коня, надевает свой завороженный черный панцырь, свой черно-свирепый лук с тридцатью белыми стрелами, свой меч — из особой стали. Снарядившись, подъезжает к Цзаса и почтительно спрашивает:

— Должен ли я, мой Цзаса, сообразоваться по силе возможности с твоим поиском или ускорить?

— Следовать моему поиску будет долговато, — говорит Цзаса. — Провей ты ветром раз-другой, словно коршун, нападающий на утку у истоков реки Найранцза, и возвращайся!

Поехал Банджур, поднялся на вершину Элесту-улы, помолился гениям-хранителям своего Гесер-хана и ударил на Цаган-герту-хана, ударил на войско, расположенное в девять рядов. Он снес-скосил девять его знамен, переломал девять флагов, порубил у них девять продовольственных начальников, и д е - ч и н а к ч и е в, отбил у них девять табунов коней-меринов и ушел.

Встав поутру, Цаган-герту-хан послал за своими младшими братьями, и те явились.

— Налетал давешний окаянный опять! — со слезами говорит он.

— Нечего считать, мы знаем! — отвечает Шиманбироцза. Слезами делу не поможешь, надо снарядить искуснейшую погоню!

— Но кто же у нас такой доблестный муж, что ему можно доверить преследование?

— Вели позвать Мергенова сына, Цзурган-эрэхэйту-Шестипалого, пусть отправляется в погоню он!

Является Цзурган-эрэхэйту. Ему подали, загрузив двумя кулями земли Цаган-герту-ханова бурого аргамака, и Цзурган-эрэхэйту поехал, пообещав не только нагнать Банджура, но и передать ему слова Цаган-герту-хана. Банджура он действительно нагнал при переправе через Элесту-ула:

— Отпускай наш табун, тибетский бродяга и нищий вор! Не смей отлучать наших маток от жеребят-однолеток, не смей отлучать наших маток от жеребят-двухлеток, не смей запаливать наших жирных коней, не смей загонять наших тощих коней, не смей сбивать с пути слепых и хромых коней! Как ты смел, негодяй, нападать на нашего Цаган-герту-хана, как ты смел срезать девять знамен, скосить девять флагов, порубить девять иде-чинанчиев, угнать девять табунов коней-меринов? Зачем ты сгубил у него главных темников, а меня считаешь конченным в числе тысячников? Зачем ты сорвал волос со знамен-бунчуков, зачем переломал их древки? Разве наш Цаган-герту-хан не такой хубилган, что может, например, затмить солнце и луну своим мановением? Не я ли Цзурган-эрэхэйту, не я ли выпускаю из одного доброго лука шесть стрел зараз? Но я не могу стрелять потому, что на мне обет поста. Еслиб стал я стрелять, то отправилась бы, пожалуй, душа моя на дно преисподней. Лучше пусти наш табун добром, негодный!

Отвечает ему Банджур, сын Амбария:

— Ах, отца твоего башку! Сбесился ты что ли, подлый дурень? Не для того ль я брал табун, чтоб отдать тебе? Как это так: ты, ширайгольский богач, клянчишь лошадей у нищего тибетца! Лучше бы тебе убираться добром. Правильно и то, что у тебя хубилганы, правильно и то, что у Гесера нет хубилганов. И с этими словами он продолжает свой путь, а над самой его головой близко летят три серых орла.

— Смотри, тибетский нищий! — говорит Цзурган-эрэхэйту. — Из трех летящих над тобой орлов передний — мать, а задний — отец. Если я застрелю среднего так, что он упадет прямо возле тебя, то это пусть будет на твою голову, а промахнусь — пусть будет на мою! С этими словами он выстрелил и угодил так, что орел действительно упал возле Банджура.

— Отца твоего башку! — выругался тот. — Разве мужественный человек показывает свою доблесть на птице? Разве ты не говорил только что, будто на тебе обет поста? Зачем же ты уверял, что никого не можешь лишать жизни? Или твой лама, налагавший на тебя пост, говорил, что убивать птиц — ничего? Смотри же теперь ты, негодный трус!

— Вон там, к северу, на вершинах гор находится три оленя. Олень западной горы — святыня матери, олень восточной горы — святыня отца:

поэтому я буду стрелять в оленя средней горы. Но, намечая стрелять в оленя средней горы, я не буду стрелять и по нем, а прострелю гору от ее основания до вершины, и олени западной и восточной горы упадут по обе стороны. Только ты, негодный, смотри хорошенько! И взяв лук наизготовку, он молит-заклинает свои лук и стрелы:

— Не из рога ли оленя верхние наконечники у моего лука, не из рога ли белого цзерена его нижние наконечники? Не цвета ли печени оба внутренние его бока, не бела ли, как морская раковина, его рукоятка, не голуба ли, как радуга, его тетива? Да хранят будды десяти стран света моего Гесер-хана, да хранят эти будды верхние его наконечники; да хранят четыре великих драконовых хана нижние его наконечники, да хранят четыре великих тэнгрия-махараджи оба внутренних его конца! Тетиву да хранит голубая радуга, а рукоять удержу я сам, Банджур — богатырь! Подними ты, стрела моя, желто-пыльный вихрь! И он, пустив стрелу, прострелил гору по самую вершину, и вот олень восточной горы повалился по сю сторону, а олень правой — по ту сторону, и вихрем от полета стрелы подняло пыль. Оробел Цзурган-эрэхэйту, и, едва удержавшись за гриву коня, озирается во все стороны, а Банджур взял свою стрелу и двинулся вслед за своим табуном.

Нагоняет его Цзурган-эрэхэйту и говорит:

— Не ты ли зовешься Банджуром? Не следует спорить с мудрецами, сокровищами земли; не следует противиться могучим ханам и нойонам. И с тобой я не стану больше тягаться волшебством, а буду лишь просить отдать наш табун.

— Ну, знатный человек, придется видно мне забрать твой табун, сначала прикончив тебя, тогда незачем будет и отдавать тебе.

— Ах, Банджур! как говорится, павлина узнают по его хвосту, а мирского доброго человека, — по доброй славе. Отдай мне, по крайней мере, двух моих коней, белого и шелковисто-ворокого, а я покажу тебе еще одно диво!

Рассердился Банджур и говорит:

— Ты только что стрелял и хвалился, что вот оно диво. Теперь же выпрашиваешь пару коней и опять собираешься подивить дивом: какое же у тебя настоящее диво? Убить бы тебя ничтожного, но кто же тогда расскажет ширайгольским ханам о доблестном муже? Но если пошло на дружбу, то отдай мне буросерого аргамака, который под тобой: он будет под-пару бурому коню моего Цзасы. Я же отдам тебе трех лошадей, которых ты просишь, и сверх того, еще одну девятку коней: пусть это будет моею придачей.

— Ну-ну! — отвечает тот. — Отдав тебе своего буро-сивого аргамака, что я скажу своим?

— Значит ты, — говорит Банджур, — ты собираешься забрать мое обманом? В таком случае я заберу твое убийством: чей же будет буросивый аргамак?

— Эх, Банджур, к чему сердиться? Я отдам!

И Шестипалый отдал ему своего буро-сивого аргамака, а Банджур дал ему взамен тех двух лошадей, и еще девять коней и, поручив ему хорошенько рассказать о своих делах трем ханам, поехал дальше. Вернувшись домой Цзурган-эрэхэйту обо всем подробно рассказал трем своим ханам, которые заметили на это:

— Если у них один-единственный богатырь простреливает гору, то что же у нас останется, когда их будет тридцать?

Приезжает домой и Банджур. Буро-сивого он поднес своему Цзасе и, по прошлому примеру, правильно распределил табун, но Цотона опять обошел.

7. ЕДИНОБОРСТВО КРАСНОГЛАЗОГО С ШИМЦУ

Теперь отправляйся на поиск ты, Сумуев сын, мой Улан-Нидун-Красноглазый! — сказал Цзаса.

Улан-Нидун седлает рыже-чалого коня, надевает свой скрытый белый панцырь, берет свои заранее приготовленные доспехи и, подъехав к своему Цзасе, задает ему тот же вопрос, что и перед тем Банджур. И Цзаса велит ему обернуться с быстротою кречета, поражающего хармай у истоков реки Хатунь. Отправившись Улан-Нидун, по примеру Банджура, совершил налет на Шара-герту-хана и возвращается с таким же успехом и добычей, как и Банджур. Преследовать его пустился по назначению Шара-герту хана, Ай-Хонхоров сын, Шимцу, который и настиг его при спуске с Элесту-улы. Едет он вслед за Красноглазым и в тех же словах, как перед тем Шестипалый, высказывает свои сетования:

— Ладно, — заключил он. — Если ты не согласен возвратить наш табун, то, как богатырь, становись: я как искусный стрелок буду стрелять! А нет — стану как богатырь я: стреляй ты как искусный стрелок!

— Одобряю! — отвечает Красноглазый. — И, чтобы ты не счел меня трусом, пусть я буду стоять перед тобой как богатырь, а ты стреляй как искусный стрелок. И он остановился с видом богатыря, но едва лишь Шимцу, с видом искусного стрелка натянул свой лук и стал целиться, как Улан-Нидун раскрыл свою пасть величиною с большую сковороду и, вращая своими красными, огромными, как суповые чашки, глазами, разразился громким хохотом:

— Ну-ка, стреляй! Ха-ха-ха!

У Шимцу дрогнуло сердце, и стрела его пролетела над головой Красноглазого.

— Так-то, негодный, не за мной ли теперь очередь? — говорит Красноглазый. — Отойди на расстояние замедления скорости моей стрелы. Я сорву тебе маковку, и ты, негодный, умрешь только тогда, когда опрокинувшись поднимешься, поедешь и подробно расскажешь о моих делах трем шарайгольским ханам. Тут только настигнет тебя яд моей стрелы!

Улан-Нидун выстрелил и попал так, как и говорил. Шимцу упал, поднялся и, безумно озираясь и цепляясь за гриву своего коня, доехал домой, подробно рассказал о поступке Красноглазого и умер, едва проговорив:

— Не настиг ли уж меня яд стрелы этого проклятого?

Красноглазый, следуя предыдущим примерам, разделил и роздал свою добычу, обделив только Цотона.

8. ДВОЙНОЕ ЕДИНОБОРСТВО НАНЦОНА С АРАМЧЖУ И ТУРГЕН-БИРОА

Стали они бросать жребий, кому итти на смену караула, и жребий пал на восьмидесятилетнего старца, Царкина.

— За милого старца поеду я, юноша! — сказал благородный Нанцон, — и, надев все свои доспехи, стал седлать своего саврасого коня. У Нанцона была молодая жена, местная уроженка Монгольчжин-гоа, ханская дочь.

— Милый мой, — сказала она, — не сочти меня неразумной новобрачной, но еще в бытность у родителей мне снился настойчиво повторявшийся нехороший сон: не езди на этот раз, мой родной!

Нанцон согласился остаться. Тем временем приходит Цотон-нойон и говорит ему:

— Что сталось с тобою, родной? ведь ты рыцарь! Если же по совету жены будешь из страха смерти сидеть дома, то как бы люди не стали над тобою смеяться, сочтя тебя скверным трусишкой.

— Слушай, Цотон-нойон! Чего я не сделал еще свыше сил моего пятнадцатилетняго возраста? — И он твердо решает выступать, а жена со слезами говорит:

— О, еслиб хоть этот единственный раз ты вернулся домой, мой милый! Другого не чаю!

Нанцон поехал, взобрался на вершину Элесту-улы и оттуда, по примеру Улан-Нидуна, совершив налет на Хара-герту-хана, возвращается обратно. На переправе через Элесту-улы его настигает погоня, настигает Хара-герту-ханов Арамчжу, сын Рахаев. К чему перечислять подробности? Произошел такой же заклад-уговор.

Стоя у Арамчжу под прицелом, Нанцон помолился гесерову гениюхранителю, и тот пронес стрелу над головой Нанцона.

— Теперь не за мною ли очередь? Мне, юноше, слава прежде всего! — и он насквозь стрелой пронзил по самой середине и панцырь, и человека.

Забрав и коня, и панцырь убитого, по дороге Нанцон сейчас же подумал:

— Если я возвращусь, убив всего одного человека и с одним всего табуном, то разве не станут смеяться надо мной тридцать богатырей моего

Гесер-хана? Станут смеяться люди и во всем великом улусе, говоря: похоже, что Нанцон, не смог переведаться с неприятелем, убил всего одного человека и возвратился назад!

С этими мыслями он вторично совершил нападение. Он ударил на Агулайн-Турген-Бироа, изрубил у него десять тысяч воинов, связав их головы за косы в пучки и привязав к хвосту своего саврасого коня; порубил у него девять Иде-чанакчинов, скосил девять бунчуков-знамен, угнал девять табунов коней-меринов и возвращается.

На переправе через Элесту-улу его догоняет Агулайн-Турген-Бироа.

— Тибетский воришка! — говорит он. — Еслиб и была война, то у трех ханов не было совместных с союзниками битв; еслиб и было побоище, то у трех ханов не было совместного побоища. Разве ты не знаешь сына Непальского хана, Турген-Бироа? Как же ты смел оборвать у меня волос бунчуков, изломать древка моих знамен? Добром вороти мой табун, а не то горе тебе!

— Ах ты, отца твоего башку! — отвечает Нанцон! — Раз ты, негодный — Агулайн-Турген-Бироа, то я — благородный Нанцон, сын тэнгрия! Разве мы не чудо-богатыри непобедимого Гесер-хана? Разве узнал ты худое о моем Богдо, государе десяти стран света, что присоединился в шарайгольским ханам? Если б мы знали об этом, когда втроем с Цзаса и Шумиром являлись сюда, то давно сняли бы твою паршивую голову.

В ту самую минуту близко над Нанцоном летят трое гусей.

— Эй, воришка! — говорит Турген-Бироа. — Я буду стрелять по среднему из летящих над тобою гусей и, пронзив его, моя стрела железным наконечником угодит в переднего, а оперением собьет и заднего. И если в точности так я застрелю этих трех гусей, ты отдашь мой табун, а промахнусь — бери его ты!

— Согласен! — отвечает Нанцон. — Тогда Турген-Бироа, с видом человека, натягивающего стрелу для выстрела по летящим в высоте гусям, в ту минуту, как Нанцон взглянул вверх, стрелою пронзает ему напролет обе подмышки. Встает упавший было Нанцон. Разворачивает свое суконное в девять алданов полотенце и плотно обвязывает обе подмышки, из которых била ключем кровь. Остановив кровь, он выругался:

— Отца твоего башку! Разве это не подлый трус? Не так ли ты поступил как баба, которая, поссорившись с другой, исподтишка пырнула ее ножницами? А я, разве я не Нанцон, муж-богатырь, по прозванью Арук-Сеймегей, которому не подобает умереть от одной паршивой стрелы. Покажу я тебе одно мое диво-качество, а ты воротясь подиви им, негодный, трех своих ханов. Ты отъезжай подальше и воткни в кисть своей шапки хворостину, а на ее острие вдень овечий аргал, и я стрелою собью одну лишь хворостинку повыше кисти шапки и пониже аргала. Да, возвратясь, скажи им, что стрелял я вот так, полумертвый, пронзенный большою стрелой через обе подмышки.

Когда же Турген-Бироа, собираясь отъехать подальше, для соблюдения условия о расстоянии, поворотил тыл, Нанцон натягивая тетиву, думает: „ты воображаешь, что обманул меня, что я обманут, а не выйдет ли наоборот?“ И с этою мыслью он насмерть пронзает стрелой и панцырь и человека по самой средине.

Вскочил Нанцон на своего бурого, на своего буро-саврасого коня, а отсеченную голову врага прицепил вместо красной кисти-монцок к нагрудному ремню у коня. Взял он и лошадь врага и, гоня пред собой весь свой табун, едет хребтом Элесту-улы.

По пути, в безводной местности, течет-течет кровь его, и изнемогая припал он к луке. Когда склонится он на правую сторону, буро-саврасый конь поддерживает его, подставляя для опоры правую сторону своей гривы. Когда склонится он на левую сторону — подставляет ему ухватиться левую сторону своей гривы. Но нечаянно припал он к луке понад гривой коня, и не успел еще конь выше поднять голову, как упал Нанцон без сил. Уже приближаются два волка, чтобы жрать его тело, два ворона — чтобы выклевать его глаза. Но стал его бурый конь, оградив Нанцона четырьмя своими ногами, и плачет, вспоминая Нанцона:

— Сокол мой, по вольной воле гуляющий в синем небе, ужели мог ты попасть в птичьи сети? Кит мой, по вольной воле гуляющий в глубоком море, ужели мог ты пойматься в пустые ладони? Нанцон мой родимый, племянник Гесер-хана, по вольной воле живущего на покрытой лугами златонедрой земле, ужели шимнус мог сжать тебя в своем кулаке? Ведь тридцать богатырей сошлись, как звуки одной лютни-хура, как коленца одного камыша. А мы, тридцать бурых коней, сошлись, как крылья одной птицы. Ужели тебе, мой родимый Нанцон, тебе, сыну могучих небожителей-тэнгриев, суждено пасть от руки человека этой земли — Чжамбутиба? Ужели тебе мой милый, болезный мой Нанцон, тебе, рожденному по изволению царственного тэнгрия, подобает пасть от руки черноголового человека?

И он отгоняет волков, продолжая плакать:

— С той минуты как я позволю вам съесть драгоценное плотское тело его, кто же, кто может тогда назвать меня его буро-саврасым конем?

Подойдет пара волков сзади — лягнет, подойдет спереди — кусает и бьет и продолжает плакать. Вдруг Нанцон немного пришел в себя. Лежа на земле и едва в силах взглянуть из-под ног коня, говорит он такие слова:

— Ах, двое воронов! Не только эти глаза мои, но и все мое бренное тело кому же достанется? Но пред обедом своим слетайте к тридцати богатырям и передайте им мои слова, скажите им, что благородный Нанцон в наступательной битве с ненавистным врагом полонил его дочерей и сынов и уж близко он, гоня их перед собой по хребту Элесту-улы; скажите им, что он смертельно изнемогает от жажды в безводьи, попро-

сите их подать мне воды. Но надобно много слов, чтобы пересказать эти речи, а тридцать богатырей не понимают птичьего языка: обратитесь же, вороны, к Буйдону вещему!

* * *

Прилетают два ворона и кружатся над великим войском.

— Прекратите великий шум! — говорит Буйдон.

— Ну-ну! — говорит он. — В речах этих двух воронов какие-то небылицы! — а сам вскакивает и со слезами на глазах выбегает.

— Скорее пойди сюда, Буйдон, — окликает его Цзаса-Шикир. — Я догадываюсь в чем дело. Не таит ли в себе доблестный муж рыцаря в шлеме и латах, как и женщина, не таит ли в себе ребенка с ногтями и волосами? Так и эти твои вороны, должно быть, полны вестей о Нанцоне!

Тогда Буйдон подробно пересказал ему вести о Нанцоне. Тайком плачут и Цзаса и Рогмо-гоа, но от великого войска скрывают, говоря:

— Наш дорогой Нанцон захватил бесчисленное множество скота и уже недалеко: мы повезем ему воду. И они втроем, Цзаса, Рогмо-гоа и Буйдон, отправившись в путь, послали Буйдона позвать врача Кунгген-эмчи: авось не умер наш болезный, может быть жив еще!

Подъехав, Буйдон вызвал Кунгген-эмчи, который в один голос со своей женой говорит:

— В этом году ездить на восток бесполезно; если же я поеду, могу погибнуть. Решительно отказываюсь! Когда Буйдон воротясь сообщил этот ответ Цзасе и Рогмо-гоа, та вскипела гневом:

— Послушать только речи этого негодяя! Так ты, негодный, думаешь, что можно не ехать даже при таком состоянии моего Нанцона, уповая на то, что Гесера нет дома, а я баба? Но ведь если я и убью тебя — с меня некому требовать ответа! И она силою потащила его с собой.

Вчетвером они насквозь прошли хребтом Элесту-улы, вернулись и опять ходили до тех пор, пока не увидели, как неизвестно откуда вырвалось что-то огромное, которое убегало, взрывая пыль до самого неба. Они стали итти по его следам, пока Рогмо-гоа не опознала.

— Да ведь это след гесерова вещего гнедого коня, поведем след дальше, авось нагоним. И они продолжали итти следом, тщательно его исследуя. И вдруг видят: Нанцона окружает многочисленный его табун так, как будто бы собрался многочисленный сход, а навстречу им выбегает буро-саврасый конь со слезами на глазах. Плачут и Цзаса, и Рогмо-гоа.

То был гесеров вещий гнедой, который, почуяв вещею силой паденье Нанцона, прибежал и согнал вокруг Нанцона многочисленный его табун так, как будто это были люди, собравшиеся на сходе в круг.

* * *

Кунгген-эмчи наложил швы и лекарственные снадобья на раны в подмышках у Нанцона, и тот выздоровел.

9. ЦЗАСА УБИВАЕТ ШЕСТИПАЛОГО, РАНИВШЕГО ИЗ ЗАСАДЫ БУЙДОНА, НАНЦОНА И КУНГГЕН-ЭМЧИ, И ИСЦЕЛЯЕТ РАНЕНЫХ

И вот сидят они. Нанцон со всеми подробностями рассказывает о своих военных подвигах у трех шарайгольских ханов, и все смеются, перебирая и рассматривая косы тьмы убитых людей и голову Улайн-Турген-Бироа. Вдруг впиваются шесть стрел; одна в Нанцона, другая в Буйдона, третья в Кунггена-эмчи, а остальные три угодили в коней всех троих. Встала в слезах Рогмо-гоа:

— Ах, Цзаса мой, что же это такое?

— О, Рогмо-гоа моя, разве это не признак присутствия врага? — отвечает Цзаса. — Успокойся!

И он извлек все три стрелы, приложил Кунгген-эмчиево снадобье к ранам и поскакал.

Поднявшись на вершину горы, он видит: то, стоя в засаде, стрелял Шарайгольский Шестипалый, Мергенов сын, сразу шестью необыкновенными стрелами из необыкновенного лука, стрелял и нашептывал:

— Если какая стрела моя пролетит мимо человека, пусть попадает в коня, а если пролетит мимо коня, пусть попадает в человека!

— Негодный,—вскричал Цзаса.—Не ты ли Цзурган-эрэхэйту-Шестипалый, Мергенов сын? По какой причине ты, негодяй, отдал своего бурого аргамака моему Банджуру, сыну Амбария?

— Слова твои справедливы! — отвечает тот. — Но я стрелял в отместку за то, что у нас только что побывал и всем наделал беды какой-то ваш паренек.

— Раз так, — говорит Цзаса, — то и на меня пенять не за что! — и он пронзил его стрелой; но так как душа Шестипалого заключалась в его шести пальцах, то стрелою ее не достать. Он вскакивает и берет лук и стрелу наизготовку. В это мгновение Цзаса-Шикир, все постигший вещею силой, внезапно бросается на него с обнаженным булатным мечом и отсекает у него, вместе с тетивой у стрелы, все шесть пальцев, которые перестали натягивать тетиву. Цзурган-эрэхэйту упал без признаков жизни, а Цзаса, забрав его панцырь, коня и шесть пальцев возвратился назад. Он застал Рогмо-гоа все еще в слезах.

— Ах, моя Рогмо-гоа! Если все время плакать, кто же будет лечить этими лекарствами? Я только что убил этого негодяя, Шестипалого.

И он принялся в большом количестве составлять смесь из лекарств Кунгген-эмчи, способных воскрешать мертвых, и из лекарств, принесенных по воле неба нашим Гесером. Затем, поставив жертвенник, Цзаса-Шикир так молился гениям-хранителям своего Гесер-хана:

— О, верховный Хормуста-тэнгрий, родитель почитаемого моего Богдо, искоренителя десяти зол в десяти странах света, три победоносных сестры его и вы, все и всяческие его гении-хранители, каждый в своих

путях, соблаговолите помиловать! Сделайте это мною составленное лекарство легче пара, быстрее стрелы; да возвратим мы слившиеся воедино души этих трех моих, да соберу я души их, теперь далеко разошедшихся! С этими словами он совершил поклонение и, соединив всех троих над жертвенником, он влил им лекарства Кунгген-эмчи. Все трое тотчас же стали поправляться, а Кунгген-эмчи встал и, говоря, что он еще не вполне восстановил свои силы, стал пить лекарство и поить двух других. Тогда все трое вернулись в прежнее свое состояние.

Кунгген-эмчи извлек стрелы у всех трех коней, примешал к своему лекарству мяса с пальцев Шестипалого и приложил к ранам трем коней: все три коня ожили.

Тогда из многочисленных своих табунов они выбрали девять самых жирных коней, и зарезав их, принесли в жертву и поклонились гениям-хранителям Гесер-хана. Тронулись в обратный путь. Рогмо-гоа с Буйдоном следовали за табуном, а Цзаса с Нанцоном и Кунггеном-эмчи, втроем, стреляли наскаку по голове Турген-Бироа.

Попрежнему тщательно распределили они многочисленный табун, не дав Цотону ничего.

10. ОБМАНУТЫЙ ВЕСТЬЮ ЦОТОНА ОБ ОТСТУПЛЕНИИ ВРАГА, ЦЗАСА РАСПУСКАЕТ ВОЙСКО И ПОКИДАЕТ ГЕСЕРОВУ СТАВКУ

Три шарайгольских хана, повернув тыл, располагаются общим лагерем. Цотон-нойон, рассчитывая при неотступном преследовании как-нибудь своровать табун, седлает своего коня, Кюнэ-бироа, желторябого, с черной головой и белым хвостом, пристегивает к поясу свой колчан-Ширгульчжин, надевает свой панцырь из сыромятной кожи, свой широкий обоюдоострый меч и пускается в погоню. Подобравшись, он отбивает неприятельский табун и следует обратно. Но вот в погоню за ним отправляется Цаган-герту-ханов Хара-Тушимель, по прозвищу Чису-ухчи Беркут (Беркут-кровопийца), который почти настигает Цотона при переправе через Элесту-улу, а Цотон-нойон тем временем едет и надменно рассуждает сам с собой:

„Разве я не такой же доблестный муж, как и Цзаса! Но и у меня для Цзасы не очистится из этого моего табуна ни единого коня!"

„А, вот он, негодяй-то!" думает Беркут. „Но к чему его пустые угрозы?" и, скрывшись в засаде, он делает на Цотона внезапное нападение с криком:

— И я хочу, чтоб Цзасе ничего не очистилось из этого твоего табуна, когда ты вернешься домой!

Цотон бросил свой табун и пустился бежать; когда же тот стал его настигать, Цотон вместе со своим колчаном, луком и стрелами залез в прорытую тарбаганами огромную нору.

— Выходи, негодяй, — кричит тот. — Влезая в эту нору, куда же ты думал вылезти?

— Раз и табун, и даже мой конь там, у тебя, что же тебе еще нужно от меня самого? — отвечает Цотон.

— Вот какой ты благодетель! — говорит Хара-Тушимель. — В таком случае подари мне свой колчан, лук и стрелы! Тот стал сдавать ему и колчан, и лук, и стрелы, причем тридцать его белых стрел вышли из норы так, что земля доходила им до оперенья.

— Раз ты не хочешь выходить, я буду тебя выкуривать, — говорит Хара-Тушимель и подходит к норе, набрав целый подол аргала.

— Не губи ты меня! — говорит Цотон. — Гесера нет дома, я помогу вам хитростью добыть Рогмо-гоа.

Когда затем Цотон вылез из своей норы, Хара-Тушимель связал его, и гоня перед собой вслед за табуном, привел к своим трем ханам и, сняв с него узы, пустил. Цотон поклонился до земли, и Цаган-герту-хан предложил ему встать. Тогда Шиманбироцза сказал:

— Как прекрасны оба эти поступка: и коленопреклонение Цотон-нойона и любезное приглашение хана встать! Говори же, любезнейший, что ты хотел сказать!

Тогда Цотон-нойон сказал:

— Гесера нет дома. Отправившись на Мангуса он еще не возвратился. Но любимый старший брат гесеров, Цзаса-Шикир и тридцать его богатырей и все войско — это люди трудно одолимые. Однако, что из того? Я хитростью помогу вам добыть Рогмо-гоа!

— Как же это, скажи?

— Дайте мне моего коня, панцырь и доспехи, дайте косяк каких-нибудь худеньких коней. Я скажу, что шел по пятам за отступающим Ширайгольским войском, но настигнуть его не мог, а захватил и привел только плохонький брошенный табун. При таком моем известии и все наше великое войско, и все тридцать богатырей, порешат разойтись по домам. Тогда вы, немного повременив, являйтесь вслед за мной и забирайте Рогмо-гоа.

Одобрив его план, три хана предоставили ему все просимое. Цотон-нойон уехал было, но вернулся опять, входит и говорит:

— У нас с Гесером идет распря из-за улуса. Я надеюсь, что вы, после того, как получите Рогмо-гоа, пожалуете улус-то мне!

— Предоставим! — сказал Цаган-герту-хан.

Цотон земно поклонился и поехал.

Когда он приехал домой, Цзаса-Шикир, в присутствии всего великого войска, приступил к нему с расспросами, почему это дядюшка Цотон так задержался?

— Оказывается, — отвечает Цотон, — оказывается войско трех шарайгольских ханов дрогнуло и отступает. Следуя за ним по пятам, я не мог, однако, его настигнуть, но захватил и привел плохонький табун.

Наверно вы и послали-то меня уже после отступления войска с расчетом сделать мой поиск неудачным. Но я изрядно натерпелся даже и из-за этого табуна. Как я ни плох, но разве я тебе не близкий родственник? Если не веришь мне, то пошли на разведку человека!

— Разве ты чужой человек, ты, дядюшка Цотон! — отвечает Цзаса-Шикир. Если поступить по твоим словам, то, принимая во внимание, что враг действительно значит обратил тыл, пусть тогда разойдется все великое войско вместе со всеми нами!

Плачет Рогмо-гоа и по секрету обращается к Цзасе с такими словами:

— Разве тебе, своему любезному, не говаривал мой Гесер: Цотоново лицо — шелковая вата, речи — мягкая мука, за то сердце — чугунно-каменное. Потому-то, говорил он, вы, Цзаса и Рогмо, скрыто беседуйте обо всем том, что следует скрывать, а вслух, при Цотоне, говорите только о пустяках. Тогда только ни трусость, ни коварство его не будут иметь последствий. Вот как наказывал Гесер!

— Ах, моя Рогмо-гоа! Конечно, он слишком коварен, но передаться на сторону врагов не кажется ли это уж слишком? Уж дозволь нам разойтись по домам. Ясно, что в данном случае он говорит правду!

Итак разошлись по домам и Цзаса и все великое войско.

11. САМООБОРОНА РОГМО-ГОА КОНЧАЕТСЯ НЕУДАЧЕЙ В ВИДУ ВОЗРОСШИХ СИЛ НЕПРИЯТЕЛЯ

Не переставая плакать, Рогмо-гоа снаряжает коня и доспехи для своего слуги Аригуна, Аргаева сына, которого она посылает проверить известие об отступлении войска трех шарайгольских ханов: правда это или обман.

Перевалив всего два холма, тот наткнулся на войско трех шарайгольских ханов.

„Если я уклонюсь от этого врага“, думает он, „то намного ль я продлю свою жизнь?“ И, ворвавшись в неприятельские ряды, он вступает в рукопашный бой, поражает тысячу человек и погибает.

Когда неприятель приближался, Рогмо-гоа уняла слезы и выступила, спрятав сзади под платье меч: то был гесер-ханов огромный меч, вылитый из редкостной бронзы. Рогмо-гоа послала позвать ханшу Аджу-Мерген, свою разлучницу. Эта вторая жена Гесер-хана, дочь драконова царя Аджу-Мерген-хатун, была мастерицей стрелять из лука. Аджу-Мерген пришла и Рогмо-гоа сказала ей:

— Неужели я буду сидеть сложа руки, ссылаясь на то, что милого Богдо моего, государя десяти стран света, нет дома, ссылаясь на то, что я женщина и что нет ни его любимого Цзасы, ни тридцати богатырей? Вступим в бой хотя бы с передовыми отрядами, с хошучинами! И она подала Аджу-Мерген огромный гесеров колчан, туго набитый тысячью

и сорока стрелами. Аджу-Мерген привешивает колчан к поясу и выступает навстречу врагу.

Впереди всех шел с отборным отрядом в сорок человек Алтан-герельту-тайчжи:

„Как бы не запылилось лицо Рогмо-гоа от движения большого войска!" думал он.

Обращается к ним Аджу-Мерген:

— Эй, вы, сорок рыцарей, явившихся за Ромго-гоа! За кого принимать вас: за хошучинов великого войска или за сватов?

— Мы хошучины! — отвечают те.

— Тогда стройтесь в четыре десятка!

Едва построились они по десяти человек в шеренгу, как Аджу-Мерген четырьмя стрелами пронзила сразу все четыре шеренги и, отскочив от них, стрелы полетели дальше и стали поражать людей в великом войске. Тогда Аджу-Мерген вскакивает на рыже-чалого коня с золотым сиденьем, из-под убитого Алтан-герельту-тайджи, врывается в передовые отряды великого войска и производит опустошение. Побежало войско трех ширайгольских ханов.

— Цотон-нойон нас предал. Оказывается Гесер-то дома и уж истребляет передовые отряды нашего войска! — Но выступают пять витязей, чтобы привести в порядок войско. Первый выступает в полном вооружении, верхом на своем белом вещем коне, Шиманбироდза, младший наследник младшего брата Цаган-герту-хана; вторым — Беркут-харачисун-идекчи Тушимель; третьми — Цаган-герту-ханов зять, сын Солонгосского хана, Манцук-Цзула; четвертым — Шара-герту-ханов зять, сын Непальского хана, Мила-Гунцук; пятым — Хара-герту-ханов зять, сын хана земли Мун, Монса-Тускер. Выступили они впятером и взмахами мечей повернули обратно бегущие свои войска.

Наступает неисчислимая армия трех ханов. Аджу-Мерген уничтожила десять тысяч и сто человек их войска. Попробовала колчан — стрел больше нет.

„Что делать? Нет доброго товарища!" думает она, озираясь во все стороны. Поднимается всем домом и уходит в горы.

Уже окружили враги Рогмо-гоа и хотят ее взять, но тогда взмахивает она мечом по нападающим справа — десять тысяч сметает, взмахивает по нападающим слева — десять тысяч сметает. И опять, и опять все так же. Стоящие сзади отряды с криками наседают на нее с фронта и с тыла.

— Вперед, вперед! Пока не взмахнула она своим мечом!

Когда у нее отняли это средство обороны, она обернулась серым оводом и волшебною силой понеслась к небу. Но гений-хранитель Цаган-герту-хана Цаган-элие пускается за ней в погоню, обернувшись Цаган-уркун-тэнгрием. Она стремительно летит с неба вниз, на землю, но за ней по златонедрой земле несется на крыльях ветра Шара-герту-ханов гений-хранитель Шара-элие, обернувшись Шара-уркун-тэнгрием,

несется и Хара-герту-ханов гений-хранитель Хара-элие, обернувшись Хара-уркун-тэнгрием.

Потерпев и тут неудачу, Рогмо-гоа присела на землю и вдруг оборачивается в шестьсот монахинь. Не в силах сами ее распознать, три ширайгольских хана выпускают своего белого вещего коня, чтобы тот распознал ее. Прямо к ней подбегает белый вещий конь и треплет Рогмогоа за подол, и роет копытами землю. Побежденная в хитрости Рогмо-гоа принимает свой собственный вид, и тут ее схватывают.

Все захватывают и увозят враги: и гесеров белый субурган, и драгоценный талисман-чиндамани, две златописные великие книги спасения, Ганджур и Данджур, и четырнадцать часовен из драгоценного камня, и черный уголь без трещины.

В слезах идет Рогмо-гоа и, подозвав какого-то простолюдина гесерова улуса, говорит ему:

— Мой Гесер склонен впадать в беспамятство. Возвратясь от Мангуса и увидев, что меня и все его достояние похитили, он наверное упадет без памяти. Тогда ты покури ему лицо вот этим! — и она выдернув дала ему волосок из своих ресниц. И еще подает ему склянку слез из своих глаз:

— Этим ты опрыскай его уста!

Потом она отправилась в дальнейший путь.

12. ЗАХВАЧЕННЫЕ СОБЫТИЯМИ ВРАСПЛОХ И ДЕЙСТВУЯ ПООДИНОЧКЕ ИЛИ ОТРЯДАМИ, ВСЕ ТРИДЦАТЬ БОГАТЫРЕЙ ПОГИБАЮТ

После проводов Цзаса-Шикира, Гесеров Барс-Батыр отправился на пирушку. Один-одинешенек, пьяный возвращается домой, и, услыхав о случившемся, он надевает свои доспехи, настигает войско трех ширайгольских ханов и один врывается в самую его середину. Изрубив пять тем воинов, он упал в изнеможении, и тут убили враги Барс-Батыра и тронулись в дальнейший путь.

Уцзесхуленту Мерген хя, посвящая Гесеру одну только из десяти своих сил, истребляет пять тысяч воинов и выходит из боя.

Сын Амбария, Банджур, в одиночку настигнув и ударив на врага, во множестве истребляет его, подобно Барс-Батыру, до тех пор пока Беркут-карачисун идекчи Тушимель-Кровопийца не застреливает под ним вороного коня. Сражаясь пешим, он избил тысячу воинов и в изнеможении пал.

Сумув сын, Улан-Нидун-Красноглазый, раскрыв свой рот величиной с большую сковороду и вращая своими красными огромными, как суповые чашки, глазами, врывается в неприятельские ряды. Он действует подобно Банджуру до тех пор, пока сын китайского Тайбун-хана, Мила-Гундзук, не застрелил под ним рыже-пегого коня. Рубясь пешим, он истребил пять тысяч людей и в изнеможении пал.

Настигает врага и бросается в бой Шумир; он действует как и предыдущие, побивает также множество врагов, но вот сын Солонгосского хана, Манцок-цзула, убивает под ним буро-саврасого коня. Шумир рубится в пешем строю, убивает еще тысячу и гибнет.

Амбатаев сын, Тэмур-хади, сделав натиск, умерщвляет пять тем воинов и гибнет сам.

Вшестером настигают врага: Ики-таю, Бага-таю, Ики-Кööргечи, Бага-Кööргечи, Унучин-таю и Рунса. Они истребляют по шести тысяч воинов, но с тылу на них нападает Турген-бироваев сын, Бухе-Цаган Манглай, и всех шестерых убивает.

Бадмараев сын Бам-Шурцэ, налетев, изрубил пять тем, но под ним застрелил прекрасного его синего коня сын хана Мунской земли, Монса-Тускер. В пешем строю Шурце убивает две тысячи воинов и гибнет сам.

Пятнадцатилетний благородный Нанцон в одиночку настигает врага и делает натиск: он убивает четыре тьмы, но Беркут-хара-чисун идекчи Тушимель-Кровопийца убивает под ним буро-саврасого коня; рубясь в пешем строю, он убил еще три тысячи и погиб.

Буйдон, настигнув врага и ударив на него, избил четыре тысячи и погиб.

После того и прочие богатыри, истребив кто по три сотни, кто по две, пали один за другим.

Был у Гесера один чудо-богатырь по имени Бодочи. В пешем строю он катился как ночной пожар и насмерть сжигал врагов. На неприятельскую конницу он скакал с драгоценным своим ковшом в руках: при помощи него он наскаку разбивал и черпал землю и, воспламеняя ее засыпал неприятеля залпами огневой золы. Так наступая, он сжег в огне множество воинов. Подбираясь к нему из-за прикрытий, неприятельские солдаты пробуют обстрелять его, но не могут достаточно сблизиться с ним из-за жара огня и дыма. И вот уже перебил он большую часть войска трех шарайгольских ханов и уже менее осталось в живых, но, изнемогая в дыму и пламени огня, он упал и был убит.

13. СМЕРТЬ ЦЗАСЫ „В КРОВАВОМ ХМЕЛЮ“ ПРИ РЕКЕ ХАТУНЬ. РОГМО ВСЕЛЯЕТ ЕГО ДУШУ В ТЕЛО КОРШУНА

Случилось так, что когда все уже было кончено, благородный Цзаса кочевал на урочище Гурбан-Дулга, вверх по реке Цацаргана-Терновой. При первом известии о случившемся он садится на своего крылатого бурого коня, один за другим надевает все свои доспехи и отправляется в поход. По дороге его нагоняет восьмидесятилетний старец Царкин, верхом на своем розово-соловом коне и они едут вместе с Цзасой, напав на след трех шарайгольских ханов. Цзаса говорит:

— Ах, дядюшка мой! Такое подеялось, будто здесь, от гесеровой главной ставки на урочище Улан-Цзöльге и до самой Хатунь-реки, побывал

куцый огромный волк посреди невообразимо большого овечьего стада. Мы с тобой в состоянии здесь двигаться только оттого, что это н а ш и кони; будь то другие кони, разве смогли бы они итти посреди этого множества мертвых тел? Милые мои тридцать богатырей! И он не может сдержать своей ярости.

— Погоди, — говорит он, — погоди ты здесь, дядюшка, а я пойду сосчитаю, сколько побито войска трех шарайгольских ханов и сколько еще осталось! И он поехал. Поднимается на одну гору, поднимается на другую, и все со слезами вспоминает Гесера:

— О горе, что делать! Гесер мой, государь десяти стран света, сын тэнгрия чистой страны Тушит, всюду прославившийся на златонедрой земле! О, как же быть, хубилган мой Гесер, сын Хормусты-тэнгрия! Чернопестрый тигр мой, ходящий по вершинам высоких гор; кит мой, ходящий в пучинах широкого моря! Тридцать твоих богатырей, явившихся сопуствовать тебе по изволению из уст тэнгриев чистой страны Тушит, и супруга твоя Рогмо-гоа, взятая на всенародном собрании на златонедрой земле; и милый Нанцон твой, прославившийся уже в пятнадцатилетнем возрасте, и я, твой возлюбленный, благородный Цзаса, — все мы с великою скорбию плачем. Родимый мой Гесер, что же делать? Не убил ли тебя, родимого, двенадцатиглавый Мангус, не приворожила ль тебя хитростью супруга твоя Аралго-гоа? Увы, как же быть? О, как же быть, все небесные гении-хранители его!

И когда он так, с хвалениями и слезами, призывал Гесера и всех и каждого из гениев-хранителей его, постигла чудесною силою Рогмо-гоа и отозвалась ему издалека.

— Коршун среди людей, мой Цзаса-Шикир! Коль надломится дерево, то разве нет у него корня? Коль умрет человек, то разве нет по нем семени? Разве надламывалось дерево с корнем, разве умирал человек без племени? Но как можно воскресить тридцать богатырей? Тяжела вражья пята. Как бы я хотела, чтобы ты отправился к нашему Гесеру, рассказал бы ему все, и вдвоем пришли бы и отомстили.

— Увы, — отвечает Цзаса. — Разве можно поправить дело переговорами? Разве ты-то, Рогмо-гоа, разве ты предстанешь перед тремя ханами с кошмой, завешивающей твое благородное лицо? И что я отвечу моему Гесеру, когда явившись он скажет: Ах, Цзаса мой! Что же это такое? Лучше бы мне умереть. Что хорошего беречь свою жизнь?

— Родной мой! — спрашивает Рогмо-гоа. — А дома ли Цотон? Ведь этот негодяй нанялся в проводники к трем шарайгольским ханам и все время шел впереди!

Воротясь к своему Царкину, Цзаса говорит:

— Ах, дядюшка мой! Говорят Шарайгольского войска осталось четыреста тысяч. Мужчина годен пока молод, козлятина — пока горяча!

— Милый мой, Цзаса! — отвечает Царкин. — Мое будущее стало близко, а прошлое — далеко! — И он поднимается на вершину высокой горы.

— Родной мой! — продолжает старец. — Где бы я ни пал, там и похорони меня как подобает. Но зачем бабочке гибнуть, падая в лампаду, зачем пашне вянуть, угодив в несвоевременный, вредный заморозок? Хотел бы я, чтобы ты, мой родной, предстал пред государем десяти стран света, милостивым Гесером, чтобы убили вы трех ширайгольских ханов и с отмщением вернулись домой!

— Ужели и ты боишься, дядюшка мой? К чему много слов? В атаку!

И он пришпоривает своего крылатого бурого коня и мчится, обнажив свой острый булатный меч — Курми и наскаку точа его черным камнем. У гнева и уста очами глядят; найдя брод через Хатунь-реку, он обрушился с тылу на левый фланг войска трех ширайгольских ханов.

Когда он рубит в решительном натиске, кажется будто ложатся правильно скошенные хлебные колосья. Когда он рубит вяло и нерешительно, кажется, будто как попало никнут скошенные колосья.

Доверху наполнил он трупами Хатунь-реку, красным-красно течет река. Трижды водил он Царкина в бой, и, истребив семь тем врагов, вышел в их правый фланг. При обратном движении Цзаса с Царкином вдвоем опять уничтожили десять тысяч и сошлись.

— Ты что-то звал меня, дядюшка Царкин? — спрашивает Цзаса.

— Вот там, родной мой, едут пять или шесть вражеских рыцарей: убей-ка одного! — говорит Царкин.

Навстречу Цзасе едет младший наследник Цаган-герту-ханова брата, Шиманбироцза, на белом вещем коне своем. И никак не сойдутся они: оказались близкими родственниками бурый крылатый конь Цзасы и белый вещий конь Шиманбироцзы. Узнав друг друга, оба коня пятятся назад. Цзаса концом меча подает знак своему коню, но тот все не сближается. Тогда, улучив момент, и, перебросив свой меч в левую руку, Цзаса перерубает у врага тетиву лука, истребляет весь следовавший по пятам за Шиманбироцза десятитысячный отряд и выходит из боя.

Цзаса перебил девять тем, да Царкин — тьму.

Всего же один только Цзаса истребил у ширайгольских ханов сто тысяч человек. И от великой сечи затомила его жажда, и стал он пить воду из Хатунь-реки: захмелел от кровавого питья и упал.

Подойдя из-за лесного прикрытия, Шиманбироцза напрочь отсек ему голову, уволок ее и отдал своим солдатам.

Увидя голову Цзаса-Шикира, Рогмо-гоа ударила себя в грудь и униченно пряча руки в рукава, выпрашивает у трех ширайгольских ханов голову Цзасы и рыдает, прижимая ее к груди:

— О, что ты наделал, милый Богдо мой, искоренитель десяти зол в десяти странах света! Ты ведь сын вышнего Хормусты-тэнгрия. Милый мой! Разве не умер твой Цзаса-Шикир, приходивший сюда травить зайцев? Увы, мой Цзаса! Верхняя часть твоего тела была исполнена признаков четырех великих тэнгриев, средняя — признаков материального мира,

нижняя была ведь исполнена признаков белых драконовых ханов! Родимый мой, мой благородный Цзаса-Шикир!

И Рогмо-гоа со слезами причитала до тех пор, пока ширайгольские ханы не приказали вырвать у нее голову Цзасы. Тогда Рогмо, пытаясь чудесною силой оживить Цзасу, стала искать среди многочисленных павших воинов человека без ран, но не нашла ни одного человека без ран; все были с зияющими ранами от руки Цзасы... Она нашла какого-то коршуна, и в того коршуна водворила душу Цзасы. А бренному телу Цзасы она дала воспарить на костре, набрав для того стрел у ширайгольских воинов, по одной у каждого.

14. ПИСЬМА С РОДИНЫ ОТРЕЗВЛЯЮТ ГЕСЕРА, И ОН ПОКИДАЕТ МАНГУСОВУ СТАВКУ

На одной из стрел Цзасы Рогмо-гоа пишет письмо. В письме ее было:

„Милостивый государь мой, Богдо Гесер-Мерген-хан, искоренитель десяти зол в десяти странах света. Уж не умер ли ты? Ибо не говорит ли о твоей смерти то, что случилось? Если умер — что делать! Но если жив, то разве ты, мой Гесер, не лишен всего своего достояния: и меня, твоей Рогмо-гоа, с которой ты повстречался еще на шестом году твоей жизни; и тридцати твоих богатырей во главе с Цзаса-Шикиром; и тринадцати твоих драгоценных часовен, белого субургана; и твоего драгоценного талисмана — Чиндамани, и златописных твоих спасительных номов, Ганджура и Данджура? Ведь твои тридцать богатырей пали на поле брани, а я взята в числе награбленного, я, твоя, Рогмо-гоа. О, Богдо мой! Приди и отмсти!“

Написав это письмо, она пропускает между пальцев стрелу и волшебною силой пускает ее. И вот пущенная таким образом стрела ее попадает прямо в оружейный ящик Гесера, в Мангусовой ставке, где пребывал Гесер.

— Ах, что-то зазвенело в моем оружейном ящике! — говорит Гесер. — Подай-ка мне ящик, Тумен-чжиргаланг! Он открывает поданный ящик, смотрит и узнает стрелу Цзасы:

— Увы, увы! Не Цзасы ли моего эта стрела? — говорит он и читает вещее письмо.

— И в самом деле, — говорит он, — ведь действительно у меня есть и Рогмо-гоа и тридцать богатырей... Все они были: как странно, что я позабыл! И вот до всего моего достояния добирается враг. И он пускает между пальцев стрелу, проговорив:

— Пробей печень тому, кто посягнул на меня!

Пущенная Гесером стрела угодила прямо в печень Цаган-герту-хановой старшей жены, и поранила ханшу насмерть.

Собралось все войско трех ханов, и все недоумевают: чья же стрела поранила ханшу, стрела ли вышнего Синего неба, или срединных асуриев,

или преисподних драконовых ханов? Если же это не они, то не близко ли государь десяти стран света, Гесер-хан? И в страхе разбегается войско. Тогда в сердце Рогмо-гоа зародились радостные мысли: значит он жив, мой Гесер-хан, государь десяти стран света! Пущенная тобою стрела уложила насмерть одного злобного врага! И на той же самой стреле она снова пишет письмо, в котором говорит:

„Тебя моего на Хатунь-реке до девяти месяцев буду поджидать я; если до истечения девяти месяцив не придешь, то значит ты, мой родной Богдо, сам хочешь, чтобы я стала женой Цаган-герту-хана“.

Окончив, она пропускает стрелу между пальцев, и стрела попадает прямо в гесеров оружейный ящик.

— Что это зазвенело в моем оружейном ящике? Подай-ка его сюда! — Тумен-чжиргаланг подает ему ящик, Гесер смотрит и узнает стрелу Цзасы.

— Ах, разве не эта же самая стрела прилетала и в тот день? О, как же я стал забывать! — и он пускает стрелу между пальцев, проговорив:

— Пробивай печень тому, кто бы ни посягнул на меня!

После того, как он пустил стрелу, Тумен-чжиргаланг подносит ему забвенный напиток, называемый Бак, и говорит:

— Не томится ли жаждой, грозный Богдо мой?

А пущенная Гесером стрела по той причине, что Цаган-герту-хан, который сидел в тот момент на черно-буром валуне величиной с быка и, услыхав свист стрелы, стал тотчас же кропить ей навстречу из чашки с чаем и твердить „я приношу жертву грозному Богдо-Гесеру“, — стрела ради Будды-Гесера, вонзилась в черно-бурый валун-скалу с такой силой что древко стрелы прошло насквозь. Собрались все три шарайгольских хана; тянут за древко стрелы — напрасно, тянут за ее оперение — тщетно.

— Чья же это стрела? — говорят они. — Уж не стрела ли это государя десяти стран света, Гесер-хана? И, как при первой стреле, они в страхе раскочевались.

Приходит Рогмо-гоа к этой скале и говорит:

— Если ты стрела моего грозного Богдо, то ты ведь волшебная стрела: выпрыгни тогда в мою телогрейку! Если же нет, то оставайся как была! И лишь только она с этими словами ударила рукой по скале и отошла, как пущенная гесерова стрела Цзасы выскочила прямо в ее телогрейку.

— Теперь я буду всякий раз посылать ее к милому своему Гесеру! — говорит Рогмо-гоа.

* * *

Гесер-хан, выйдя на балкон дворцовой ограды, дремлет, а в полдень бесцельно смотрит вдаль. Внизу, за оградой какая-то старуха гонит свою корову, идя за нею следом. Гесер окликает старуху и спрашивает:

— Эй, бабушка, корова-то твоя, поди, состарилась? Что-то у нее рога полиняли!

— Родимый мой, Богдо! — отвечает та. — Когда прибыл сюда Гесер-хан, она была телочка, а ведь с приезда Гесер-хана прошло девять лет. То справедливо, что теперь-то она постарела! Гесер задумался: „Эх, что за диво! Как странно, что я ничего не помню, и что это такое она говорит, будто прошло девять лет?“

И уходит в свой дом государь десяти стран света, Гесер-хан, и опять Тумен-чжиргаланг со словами: хочет испить мой грозный Богдо? — подносит ему того же напитка и погружает его в забвенье.

* * *

На другой день, когда Гесер-хан опять вышел на балкон, в полдень пролетает вблизи ворон, летевший с западной стороны. Обернувшись навстречу ему, государь десяти стран света, Гесер-хан, говорит:

— Ах, бедняжка! Этот ворон, должно быть, спешит искать для своего клюва человеческих нечистот в стойбищах, или верблюжьих гнойных болячек!

— Справедливо изволит говорить государь десяти стран света, Гесер-хан! — отвечает ворон. — Моя родина — восточный субурган ограды, а к западу я летал покормиться. Снискав свое пропитание, вот я возвращаюсь ночевать в свое пристанище. Ведь я не завяз в грязи, подобно государю сего Чжамбутиба, Гесер-хану! Разве здесь, при тебе, находится твоя Рогмо-гоа, чудесною силой добытая в родимой Тибетской земле? Где же и все твои близкие: и супруга твоя, Рогмо-гоа, и тридцать твоих богатырей во главе с Цзаса-Шикиром, и твой благородный Нанцон? Хоть ты и глумился надо мной, а выходит, что это именно тебе нипочем попустить даже убийство своих близких: пусть себе убивают! или попустить их плен: пусть себе берут в плен!

И с этими словами ворон улетел.

„Эх, правда ведь в его речах!“ — думает Гесер. — „Как это я забылся?“ И он поспешно входит в дом, но опять Тумен-чжиргаланг, попрежнему, спросив его „хочешь испить, мой грозный Богдо?“, подносит ему то же самое свое питье и погружает его в забытье.

Когда, на другой день, он опять сидел на балконе, пробегает лиса.

— Ах, бедняжечка! — шутит Гесер. — Эта лиса, должно быть, направляется в степь в поисках за сухожилиями?

И лиса дала ему отповедь в тех же словах, как только что ворон, и убежала.

— Ах, отчего же произошла моя забывчивость? — говорит Гесер-хан, поспешно направляется в свои покои, но сейчас же Тумен-чжиргаланг дает ему своего питья и погружает в забвенье.

* * *

Царкин, Санлун, сын Цзасы, Лайджаб и Уцзесхуленгту-Мерген-хя, все вчетвером, восходят на вершину высокой горы и совершают плач в память своего Гесер-хана. Плачут, кружась в небе, и три сестры гесеровы, его гении-хранители, плачут обернувшись тремя журавлями.

Когда кончился плач, говорит Уцзесхуленгту-Мерген-хя:

— Смотрите не хубилганы ли эти журавли? Раньше чем плакать нам, они стали кружиться над нами, и отчего бы у них такие скорбные голоса?

Тогда сын Цзасы, Лайджаб, произнес хвалебный плач журавлям:

— Увы, мой родимый Богдо, искоренитель десяти зол в десяти странах света! Верхняя часть твоего тела исполнена признаков будд десяти стран света, средняя — четырех великих тэнгриев-махараджи, нижняя — четырех драконовых ханов. Одно твое перерождение являет тысячу пятьсот хубилганов: какой же его хубилган являют эти журавли? Увы, здесь горе, беда: спуститесь к нам! И он поклонился до земли. Тогда хубилган-журавль — то была сестра Гесера, Чжамцо-дари-удам — спускается и садится пред ними. Уцзесхуленгту-Мерген-хя стал задавать ей вопросы, но она не отвечает. Тогда они решают написать Гесеру письмо и изложить в нем все свои настоящие обстоятельства. К чему подробности? Они сами подробно написали ему обо всех утратах и обращаются к ней:

— Но, быть может, увы, умер наш Гесер-хан? Если же он не умер еще, то передай ему это наше письмо: по крайней мере он будет знать!

Журавли полетели, и, проводив их, радостно беседуют все четверо:

— Не иначе, что журавли-то хубилганы нашего Богдо!

* * *

В тот момент как журавли подлетали, Тумен-чжиргаланг с Гесером вдвоем сидели на балконе дворцовой стены. Не спускает с Гесера глаз Тумен-чжиргаланг, почуяв думы его о родной стороне; выйдет Гесер — и она выходит; войдет Гесер — входит и она.

Кружатся журавли по поднебесью и, кружась, думают: может прочесть это письмо Тумен-чжиргаланг и хитростью не пустить Гесера. Тогда навели они волшебною силой ливень с градом. Как только пошел дождь, Тумен-чжиргаланг убежала в покои, а Гесер проглотил упавшую ему на лицо крупную льдинку, и с ним сделалась рвота. Когда же затем журавли сели перед ним, он воскликнул:

— Ах, что же это? Как похожи эти журавли на журавлей Тибетской земли! Что за чудные журавли!

Он подзывает журавлей к себе, и те, приблизившись, сбросили с шеи своей письмо, и улетели. Прочитав письмо, Гесер разразился громкими воплями и рыданиями:

— Ведь дело идет о благородном Цзаса-Шикире, о тридцати богатырях и Рогмо-гоа! Как же я позабыл о них?!

* * *

Зная, что гесеров вещий гнедой конь может говорить с Гесером, Тумен-чжиргаланг поймала его, приманила на овес и пшеницу-буду, завела его в большое, наглухо заколоченное строенье — байшин, стреножила его железными путами, зануздала его железным недоуздком и привязала его к огромному столбу. Один день сена давать — так даст, а нет — так морит голодом.

Услышав гесеров плач, вещий гнедой конь не может сдержать своего гнева: он сбивает ногой железные путы, рвет железный свой недоуздок, выбивает ворота в наглухо запертом байшине, вырывается на двор и плачет, подбегая близко к Гесеру, и говорит такие слова:

— Видно, худы стали тебе и твой старший брат, благородный Цзаса-Шикир, и тридцать твоих богатырей, и ставка твоя, полная драгоценностей и все твои вещи! Но милы тебе стали двенадцатиглавый Мангус да ханша твоя, Аралго-гоа! А теперь вот плачешь ты, не зная куда себя девать! И проговорив эти слова, конь ушел.

— Правильно говоришь, мой вещий конь гнедой! И Гесер подзывает к себе своего вещего гнедого, но тот уже куда-то скрылся.

Тогда Гесер поспешно вбегает в дом и с гневом говорит, — обращаясь к Тумен-чжиргаланг:

— Коварная притворщица! Подавай сюда мой шлем цвета блистающей росы, мой иссиня-черный панцырь, унизанный драгоценными камнями! Где все вообще мои драгоценные доспехи? Подавай их сюда!

— Ах, что это значит? — говорит Тумен-чжиргаланг. — Что это значит, что и ты, как Мангус, обзываешь меня коварной притворщицей? А я еще извела своего нареченного мужа-мангуса, не успел ты притти из Тибетской земли, ты, простолюдин, верхом на гнедом шелудивом третьяке! И она принялась плакать.

Гесер уже взял уздечку своего вещего и пошел звать его:

— Ко мне, мой вещий конь гнедой!

Но не является его вещий гнедой.

Тогда с горькими слезами молит он трех своих победоносных сестер:

— О, сыщите и дайте мне, сестры мои, моего вещего гнедого коня! И отвечает ему с неба сестра его, Чжамцо-дари-удам: Твой вещий гнедой конь рассердился на тебя и сам, пожалуй, не придет. Поезжай ты вот на этом буром шимнусовом коне, называемом Дармати: авось на дороге поймается и вещий гнедой, оказавшись в многочисленном стаде диких мулов!

Тогда Гесер выводит бурого коня и, поставив затем жертвенник, обращается с молитвой ко всем своим небесным покровителям:

— Выслушайте меня терпеливо и благосклонно, все мои покровители, которым я воздвиг этот жертвенник. Я пришел сюда уничтожить злокозненного Мангуса, но в то время как я уничтожал его, на моих милых Цзаса-Шикира и тридцать богатырей напал, говорят, враг, и я намерен преследовать посягнувшего на меня врага. А сейчас я буду сжигать ставку ненавистного врага и потому обращаюсь с просьбой ко всем и каждому

из вас, мои покровители: что ни есть у вас дерева — каждый бросайте сюда по полену, что ни есть у вас аргала — каждый бросайте сюда хоть по осколку конского помета!

Многочисленные гении-хранители были растроганы и полностью ниспослали, по слову Гесера, все просимое им топливо. Разведя огромный костер, он стал жечь шимнусову ставку в великом пламени, а Тумен-чжиргаланг извлекла все спрятанные его доспехи, как только до них стал доходить огонь.

— Ах, ведь это правда, что я просидел-сиднем целых девять лет: мой шлем покрылся ржавчиной! — и он стал протирать шлем синим конским пометом, отчего блеск его восстановился.

Тогда Гесер-хан, милостивый Богдо-Мерген, искоренитель десяти зол в десяти странах света, седлает своего бурого коня, заключает в две вьючные сумы души скота, всяких видов шимнусова скота, навьючивает обе сумы на белоногого шимнусова коня и, вместе со своею Тумен-чжиргаланг, держит путь ко всем своим родным местам.

Когда они так ехали, на самой дороге стало попадаться им множество диких мулов и лошадей и вот, при виде их, Гесер говорит:

— Попробую: может быть, в самом деле у меня и плечи отсохли от девятилетнего сиденья в Мангусовой ставке? И он поскакал в галоп на своем буром коне, все время держа на виду диких мулов; между тем за ними бежит другой какой-то зверь. „Что это за странный зверь?" думает он. Всмотрелся и что же? это оказывается вещий гнедой.

— Стой, мой вещий гнедой! — приказывает Гесер.

— Я хочу стрелять наскаку диких коней и мулов. Если же ты не остановишься, я прочь отшибу у тебя по щиколотку все четыре ноги!

Тогда вещий гнедой конь подбегает и, положив свою голову на шею бурого, со слезами говорит такие слова:

— Делает, бывало, моя Рогмо-гоа седельную подушку — олбок, так делает из атласа-маннук, именуемого ханхойя: пусть, говорит, седло будет видным! Делает бывало оторочку ленчиков-горби, так делает из золота: пусть, говорит, блестит! А попоной покрывает соболиною: в зимнее время, говорит, холодно! А кормила, бывало, по три раза в день, ячменем с пшеницею. В летние дни привяжет, бывало, в тенистом месте, а в полуденный зной даст испить ключевой воды. И угощает, бывало, и сахаром, и финиками, которые впору есть только благородным людям! А в ночное выгонит, бывало, на подножный корм: тоже ведь животина, говорит! Разлучен я и с Рогмо-гоа, и с тридцатью богатырями во главе с Цзаса-Шикиром, и со всеми твоими близкими. Загнала меня Тумен-чжиргаланг в глухой загон, загнала и заперла! Вот причина моих горестей и слез!

— Справедливо, — говорит Гесер, — справедливо ты высказал, мой вещий конь гнедой!

Трижды он накормил его ячменем с пшеницей, оседлал и тронулся в дорогу.

* * *

Едут они верхами, как вдруг на самой дороге стоит белая юрта-дворец, а возле нее удивительной красоты женщина. Выходя навстречу, эта женщина говорит:

— Пожалуй, грозный Богдо-Мерген-хан, государь десяти стран света, пожалуй отведать для дальнейшего пути чаю и супу-шолюну!

— Тумен-чжиргаланг! — говорит Гесер. — Ты поезжай прямо, а я остановлюсь! И он останавливается.

Пока Гесер сидел осматриваясь, женщина запрягла в плуг рогатых навозных жуков, вспахала пашню и, вырастив овес и пшеницу, стала засыпать в котел и поджаривать. И вот вышли у нее два печенья: одно с печатью, а другое без печати. Положив в чашку печатное печенье, она поставила его перед Гесером, а себе поставила печенье без печати и вышла.

Тогда три гесеровы победоносные сестрицы, обернувшись одною птицей-кукушкой, садятся на дымник и говорят ему:

— Понимаешь ли ты, наш соплячок, в чем дело? Эта злодейка ведь не дает тебе, родимому, годной еды, а дает пищу с подмешанным ядом! Ведь эта негодница — родная тетка двенадцатиглавого Мангуса!

Тогда Гесер-хан подвинул женщине свое печатное печенье, а печенье без печати поставил перед собой.

Входит женщина и, видя, что Гесер не ест, хватает свою трехалданную дубину, подходит к нему и говорит:

— Сок-сок! Чего же ты сидишь, Гесер-хан? Кушай!

Он взял печенье без печати, стал его пробовать и говорит:

— Ешь и ты свое! Женщина, не заметив, что у нее печенье с печатью, взяла и съела.

— Сок-сок! — произносит она и хватается за свою трех-алданную дубину, которою со словами Гуру-сок! трижды ударяет Гесера по голове. Тогда и Гесер, произнеся Гуру-сок! потянул ее за голову, и женщина вдруг превратилась в ослицу.

Поволок он тогда ослицу и, в присутствии Тумен-чжиргаланг, стал сжигать ее на огромном костре: превратится та в женщину — вопит; обернется опять в ослицу — ревет. Опалив ее до потери сознания, он без остатка сжег ее на костре.

Так искоренил он Мангусово племя, ибо пересилили Гесеровы гении-хранители.

15. ПО ПУТИ В ТИБЕТ ГЕСЕР ОБОГАЩАЕТСЯ, ПОВСТРЕЧАВ СВОЕГО ВЕСЕЛОГО ТОВАРИЩА СЕГЕЛЬТЕЯ

Покончив с Мангусом, Гесер продолжал свой путь. Вот едет ему навстречу Сегельтей, уроженец улуса Урук, едет на своем буланом коне, с колчаном, набитым стрелами с толстыми железными наконечниками, едет и вслух похваляется:

— Нет на сей земле такого человека, который бы испугал меня!

„Ого! Кто же это может быть?" — думает Гесер и, поспешно скрывшись в лесной чаще, тихонько привязывает к дереву своего вещего гнедого коня, и садится в засаду у самой дороги, держа наготове свою большую стрелу. Подъезжает Сегельтей. Тогда Гесер с криком выскакивает и целится в него. Сегельтей бросился бежать, а Гесер окликает его.

— Эй, Сегельтей, поди сюда! — Тот оглядывается и видит Гесера:

— Смотрите-ка! Да это окаянный Гесер! — и Сегельтей подъезжает к нему и здоровается.

— Как же это, — спрашивает Гесер, — как же это ты только что говорил, что на земле нет человека, которого б ты испугался, а теперь вот удирал от меня?

— Ты прав, — отвечает Сегельтей. — Ведь я не имел в виду тебя.

— Ладно, поедем! — говорит Гесер, и они поехали вдвоем. Сегельтей говорит:

— Вот ты, Гесер один раз напугал меня, а теперь я один раз напугаю тебя. И напугаю до того, что, гонясь за тобою вниз, оторву у тебя подхвостник; гонясь вверх, оторву нагрудный ремень, гонясь наперерез, оборву подпругу!

Гесер согласился и они поехали дальше.

— Неужели, — продолжает Сегельтей, — неужели мы с тобой, Гесер, действуя в содружестве, останемся с пустыми руками? Давай-ка посягнем на какой-нибудь улус и тогда будем возвращаться с захваченным табуном.

Гесер согласился и, отправившись вдвоем, они угнали табун в улусе, называемом Саб, и вернулись.

Некий Рунса из Сабского улуса оседлал своего вороного коня, наполнил колчан своими остроконечными стрелами, надел свой каменный панцырь и пустился за ними в погоню.

Тогда оба заспорили, и Сегельтей вызывается выйти погоне навстречу; Гесер просит его остаться, а сам собирается выезжать навстречу. Сделали жребьи-дощечки и предложили Тумен-чжиргаланг их метать, и вот по брошенному ею жребью должен был выезжать Сегельтей, который и стал собираться ехать. Гесер напутствует Сегельтея таким наставлением:

— В Сабском улусе нет рыцарей, за исключением одного лишь Рунсы, которого я когда-то знавал: в детстве он играл со мной, и я произвел тогда его в свои оруженосцы, и по его просьбе дал ему каменный панцырь. Раз на нем будет этот панцырь, то тебе надобно метить в верхнюю луку и тогда попадешь как-раз в подушку его седла. Иначе он неуязвим.

Тогда Сегельтей спешивается и укорачивает на три пяди свои стремена.

Быстро сблизившись, Рунса смотрит сперва через голову Сегельтея, потом сзади себя, потом вправо, влево и наконец под себя и спешивается.

— Раз игра пойдет вдвоем, — говорит ему Сегельтей, — то давай играть, укоротив свои стремена.

Тогда Рунса, думая, что тот собирается его одурачить, удлиняет свои стремена на три пяди и садится на коня.

— Ты чей будешь? — спрашивает он.

— Я — Сегельтей из Урукского улуса. А ты?

— Я — Рунса из Сабского улуса.

— Что это значит, что ты сначала посмотрел выше меня, потом — сзади себя, потом направо, налево и под себя?

— Я, — отвечает Рунса, — я посмотрел через твою голову для того, чтобы определить, много или мало ваших. Сзади себя — чтобы убедиться, идут ли за мной мои товарищи; направо — чтобы проверить, достаточно ли у меня острых стрел, а под себя взглянул, чтобы удостовериться, слаб или резв мой вороной конь. Предоставляю тебе первый выстрел: ведь ты, угнав мой табун, не прочь убить и меня самого.

— Табун-то твой я, правда, взял! — отвечает Сегельтей, — но стрелять предоставляю тебе: ты ведь не прочь вернуть свой табун. А если боишься, то поворачивай назад!

Рунса нацеливает и стреляет, метя в переднюю луку Сегельтеева седла, но Сегельтей, пользуясь укороченными стременами, подскакивает на седле и стрела, пронзив переднюю луку седла, пролетает со свистом у Сегельтея между ног.

— Не моя ли теперь очередь? — говорит Сегельтей. — Если взять ниже, как бы не вышло греха против твоего коня. Если взять прицел по верхней части твоего седла, как бы не продырявить твою печень. Если взять прицел над твоей головой, как бы не угодить насмерть в кадык. Возьму я прицел ни так, ни этак, а по передней луке твоего седла, по этой дрянной деревяжке!

Сегельтей нацеливается, и так как Рунса из-за удлиненных стремян не мог подскочить вверх, стрела угодила в переднюю луку его седла, насквозь пробив подушку.

Рунса вынимает стрелу из своего колчана, а Сегельтей принимается льстить ему:

— Настоящего рыцаря одною стрелой не возьмешь, он все еще будет стрелять наскаку! А холоп сразу готов, будет стрелять еле двигаясь.

— Буду стрелять наскаку! — промолвил Рунса и тронулся, падая полумертвый от раны.

Приканчив Рунсу, Сегельтей оседлал для себя его вороного коня, надел его каменный панцырь, привесил к поясу его колчан, а свои доспехи навьючил на своего буланого и едет вслед за Гесером, будто это — Рунса.

„Пусть Сегельтей почванится!“ задумал Гесер и потому едет на своем буром коне с плохонькой уздечкой в руках.

Сегельтей догоняет его, и они едут молча.

— Ладно! — притворяется Сегельтей, — вот я убил Сегельтея из Урукова улуса, забрал все его доспехи и навьючил на его же булачого коня. А теперь убью и Гесер-хана и заберу его вещего гнедого! И с этими словами он загремел своим панцырем и с гиканьем бросился на Гесера, который пустился бежать. Преследуя его на гору, Сегельтей отрывает у его коня нагрудный ремень; гонясь под гору, отрывает подхвостник; гонясь наперерез, обрывает подпругу. Вдруг Гесер наскаку спешивается и, обернувшись детиной с красно-желтым лицом, останавливается и целит в него своей огромной стрелой.

— Ой-ой! Ведь это я, Гесер! — вопит Сегельтей.

— Смотри, — говорит Гесер, — смотри, как бы тебе, человеку, не отойти к тэнгриям!

Сегельтей подъезжает к нему, здоровается и говорит:

— Ты меня напугал один раз, и я тебя напугал один раз: вот какраз и вышло по нашему уговору. Не так ли?

— То, что я испугался, верно! — отвечает Гесер. — Но когда я, обернувшись детиной с красно-желтым лицом, целил в тебя своею огромной стрелой, разве ты не от страха завопил: „это я, Гесер!". При этих словах Сегельтей отворачивается и смеется.

Поделив затем между собой весь табун, они поехали по домам.

16. ГЕСЕР НА РОДИНЕ. ВСТРЕЧА С РОДНЫМИ. РАСПРАВА С ЦОТОНОМ

Только стал Гесер подъезжать к урочищу Нулум-тала, как у самой дороги стоит белая юрта-дворец. В полном вооружении Гесер останавливается у ее дверей. Выходит маленький мальчик:

— Чья это юрта, мой милый? — спрашивает Гесер.

— Это, — отвечает мальчик, — это юрта Аджу-Мерген, супруги государя десяти стран света Гесер-хана.

— Дома твоя мать?

— Матушка моя состязается с Гедергу-хара'ем. То побеждает Гедергу-хара, то побеждает матушка.

— Ты, милый, передай ей, что я хотел было остановиться на некоторое время у нее, но недосуг мне: надо преследовать своего кровного врага; передай ей также, что я поехал на запад. И с этими словами он помчался галопом на восток.

В это время появляется Аджу-Мерген с луком и стрелой наготове.

— Милый, — спрашивает она мальчика, — в какую сторону поехал тот человек?

— Он поехал на запад! — отвечает мальчик.

Посмотрела она на запад — ничего не видно; посмотрела на восток: за тринадцатью холмами виднеется удаляющийся шишак шлема, называемого дагорисхой. Тогда ударом стрелы Аджу-Мерген сбивает шишак с его шлема.

— Эта окаянная, — говорит Гесер, — наскаку поднимая свой шишак, эта окаянная имеет основание гневаться!

— Что же это? — говорит Аджу-Мерген. — Видно, если отец зловредный, то зловредны у него и дети уже с малых лет! И она пристрелила мальчика.

* * *

А Гесер уже едет по родным кочевьям.

„Попытаю вестей у дядюшки по матери!“ думает он, и, памятуя, что на вопрос в этом году ответ дают в будущем, он отправляется и угоняет у них табун. Го-Дабсу-Баян, с попавшимся под-руку ковшом в руках, которым он погоняет коня, настигает Гесера и, узнав его, говорит:

— Дурень ты набитый! Ты угнал у меня худенький табунишко, а того не знаешь, что приходили три шарайгольских хана: они убили и твоего старшего брата Цзаса-Шикира, и благородного Нанцона твоего и прочих тридцать богатырей, перебили и трехсотенный отряд твоих хошучинов, забрали твою жену, Рогмо-гоа, и грабежом увезли все твое имущество, а отец твой, Санлун, живет в холопах у Цотон-нойона. Вот сколь многих дел ты не знаешь! Что ж тебе пользы, что ты угонишь мой табун?

Узнав таким способом обо всех своих домашних делах, Гесер отдал назад Го-Баяну его табун.

* * *

Уже совсем недалеко он от своей главной ставки, а Цотон-нойон, оказывается, занимает гесер-ханову белую переднюю юрту-дворец на пятьсот человек.

Гесер располагает свое кочевье по реке Балаха. Чудесною силой своей прорастил он две шимнусовых сумы с душами всякого вида скота: и вот по горам и долам пасется несметное множество скота, как будто бы тут много улусов. Сосредоточением мысли он воздвиг тридцать сороков дворцов и среди них, в виде главного, поставил огромный белый дворец, с красным верхом над дымником.

Затем Гесер отправляется в объезд по своей главной ставке, и вот лишь только увидел он при объезде, что сталось с его тринадцатиалмазным храмом-сюмэ, как увидел, что сталось со всем его достоянием, он упал в обморок, потеряв сознание.

Тогда подходит к нему тот человек, которого учила Рогмо-гоа и окуривает лицо Гесера зажженной ресницей Рогмо-гоа и вливает ему в рот склянку ее слез. Гесер сейчас же пришел в себя и встал. Этого человека он взял к себе и поместил в своем хороне.

* * *

Оказалось, что Цотон-нойон действительно обратил гесер-ханова отца, Санлуна, в своего крепостного — табунщика.

— Эй, старик! — говорит он. — Поезжай-ка и разузнай, почему это такое множество людей расположилось кочевьем у истоков нашей реки? Скажи им, чтобы они зря не вынуждали своих сайдов и нойонов к мерам взыскания! Если же они простоят несколько дней, то считай по-суточно и забирай их скот!

С такими распоряжениями он посылает старца Санлуна.

Старец Санлун седлает коня, пристегивает к поясу свой колчан и лук, привешивает свою складную саблю и едет. По дороге же ему приходит на ум сравнение: ах, никогда, со времени отъезда моего Гесера, никогда не было здесь такой прекрасной кочевки, совсем как будто бы прежнее кочевье моего родного Богдо, искоренителя десяти зол в десяти странах света! Чьи же могут быть такие прекрасные юрты? — и он подъезжает со слезами на глазах.

Гесер, наблюдая в полуоткрытую решетку изнутри юрты и завидя его, говорит:

— Ну, Тумен-чжиргаланг, надевай шапку: вот он близко наш старый батюшка! Оставь его, угости, побеседуй с ним и тогда только отпусти его. Боюсь, как бы он, увидав меня, не разгласил своим необдуманным поведением! — и с этими словами Гесер забежал за стол, задернул за собой занавеску и сидит.

Подъехавший старец стал в обычных словах расспрашивать что за люди, откуда, а потом говорит:

— Меня послал хан Цотон: велит вам не мешкая откочевать, а иначе будет забирать скот по суточному расчету. Какое, говорит, они имеют право останавливаться в моем кочевье?

— Ах, дедушка, — говорит Тумен-чжиргаланг. — Умереть со страху, справедливо распоряжение твоего хана. Мы люди маленькие, откочуем, да наших мужчин нет дома: ушли на охоту. А как только они вернутся обязательно откочуем. А вы, дедушка, пожалуйста, сперва откушайте чаю и шолюну, а уж потом и поезжайте.

Тогда старец спешивается, стреножив своего пестрого с крапинами коня, кладет свой колчан и лук у дверей и входит в юрту, выставляя вперед свою складную саблю.

Тумен-чжиргаланг подостлала ему кошму и, налив до краев, подала ему большую розовую чашку чаю. Старик принял и, разглядев чашку, засмеялся; но, выпив чай и подавая чашку, заплакал. Та накладывает ему в чашку мякоть от передней ножки барана. За неимением ножа старец вынимает свою складную саблю, но и ею не может управиться. Гесер-хана это растрогало, и он из-за ширмы перебросил ему свой нож для очинки стрел со стеклянной ручкой. Взял он нож и смеется. Чуть-чуть отрезал и поел старец, отдает мясо и плачет.

Тогда Тумен-чжиргаланг спрашивает его:

— Ах, дедушка! Ведь не даром говорится: того, кто будет смеяться, спроси; того, кто бует плакать, пожалей. Что это значит: как

только я подала тебе чашку чаю, ты засмеялся, а выпив, стал плакать? За мясом же, когда ты напрасно пытался вместо ножа воспользоваться саблей и когда тебе подали нож, ты при виде ножа засмеялся, а потом не стал есть мяса и заплакал: что это значит?

— Милая моя, ты имеешь основание так спрашивать! — со слезами отвечает старец. — Тот, кого называют Ачиту-Мерген-хан, искоренитель десяти зол в десяти странах света, — мой сын! Прошло уже девять лет с тех пор, как он отправился освобождать свою жену Аралго-гоа от двенадцатиглавого Мангуса, и я уже привык думать о его гибели, но вот увидев, что это та самая чашка, из которой он кушал, я подумал было: „Авось он вернется!“ и улыбнулся. „Милый ты мой!“ продолжал я думать. „Чашка твоя вот она, но где-то ты сам теперь?“ И тут я заплакал. „И нож твой со стеклянной ручкой — вот он, но где-то ты сам?“. И опять заплакал.

Плачет старец, прослезилась Тумен-чжиргаланг, не выдержал и Гесер: вскакивает, обнимает старца и рыдает.

Когда же зарыдал Гесер, задрожала и всколебалась вся златонедрая земля.

Потом говорит Гесер:

— Старец мой, храни молчание, ты ведь не женщина! Я прибыл, и довольно... Узнает негодяй Цотон, и весь народ поднимется на ноги и придет в движение. Молчи!

Гесер ставит жертвенник, и тем успокаивает златонедрую землю.

— Ты же, мой старец, — продолжает он, — никаким способом не показывай вида и никому не проговаривайся. А это вот отвези своей старушке, варите себе вдвоем шолюн и кушайте! — и он подает старику коровью заднюю ногу.

Отправив старика, Гесер волшебною силой навел на него полное забвенье о своем прибытии.

Едет старик и дорогою думает:

„Что же это? Приехал мой Гесер или не приехал? Мираж то был или сон? Да, но если, скажем, он не приехал, то на этой земле нет человека, который бы дал мне вот этот вьюк из коровьей ляжки!“. И с этими словами он подъезжает, шлепая своего пестрого коня по правому стегну коровьей ляжкой.

Подъехав, бросает он окорок, выхватывает саблю и со словами:

— А, негодяй! хватит с тебя сидеть хозяином в чужом нутуке, посиди-ка в своем нутуке гостем! Закатывается слава Цотона и Цзарай, а слава Санлуна и Гекше-Амурчилы восходит! Так крича он влетает в юрту Цотона с саблей в руке.

— Ого, — говорит Цотон-нойон. — Посмотрите-ка на этого старика! Что же это еще такое? и он приказал троим людям принести сырых розог и выпороть старика.

Чудесною силой почуял Гесер, что отца его хотят избивать.

— Что это, родной мой! – вдруг переменил речь Санлун. — За что же ты собираешься убивать меня? Ведь я согнал и заставил укочевать тех людей, которые находились у истоков реки и там-то я повстречал три стаи диких зверей. Пусть-ка, думал я, пусть-ка хан постреляет их наскаку, прижав к реке! Вот почему я выражал такую радость!

— Да ты, оказывается, действовал как следует, бедный старичок! — говорит Цотон и отменяет укладывание его на подушку из аргола.

* * *

Тою же ночью, лежа со слезами в постели, гесерова мать, старушка Гекше-Амурчила, так разговаривает со своим стариком:

— Эх, старина мой! С тех пор как расстались мы с моим милым Богдо, какие у нас с тобой радости? И сегодня, поди, какая тебе была скорбь?

— Лежи себе! — ворчит старик.

— Ах ты, выживший из ума старый хрыч! Выходит, должно быть, что я смеялась и радовалась тому, что ты был близок к мучительной кончине? Оттого ты и лежишь отвернувшись? Перестань молчать, говори, старая срамная кляча! Разве и я, наподобие тебя, дурная, стану говорить глупыми намеками? Я делом говорю.

Лежит и плачет старуха. Тогда Санлун заговорил:

— Ты, мать моя, смотри только никому не проговорись! Сегодня, когда я, отогнав этих людей, возвращался домой, разговорился с одним проезжим человеком. Он мне и рассказывал, что Гесер не только не умер и жив, но уже и выступил и обещает порадовать своих стариков — убить ненавистного Цотона!

Лежит старушка и плачет слезами радости.

* * *

На другой день государь десяти стран света Гесер-хан сам обернулся нищим старцем-ламой, странствующим по белу свету, одного из своих хубилганов обратил в двух послушников — шабинаров, навьючил немного продовольствия на спутника — мула, и, ведя всех за собой, останавливается напротив Цотона.

Сидевший в кресле около своей юрты Цотон посылает двух лакеев.

— Похоже, — говорит он, — будто собирается зайти ко мне лама из дальних стран. Послушайте-ка его речей!

Когда же стали расспрашивать ламу, кто он такой и откуда, лама ответил:

— Я лама, странник по белу свету. Побывал я у всех и у всякого из существующих ханов.

— Где же и у каких ханов ты побывал?

— Нет таких земель, где бы я не бывал. А вы спрашивайте, коли есть что спросить дельного, а нет — довольно с вас!

Посланные возвращаются и рассказывают все Цотону.

— Ах, что за поучительный странник-лама! — говорит он и велит позвать ламу. Ламу привели.

— Хорошо, лама, — говорит Цотон, — а бывал ли ты у двенадцатиглавого Мангуса?

— Бывал! — отвечает лама.

— Туда отправился Гесер. Кто же кого победил: Гесер или Мангус?

— Победил Мангус, и вот уже девять лет прошло с тех пор, как погиб Гесер в полном уничижении, а Мангус стережет теперь самое солнце, захватив его верхней своей губой, стережет и землю, захватив ее нижней своей губой.

— Так, так, — говорит Цотон. — Желание мое исполнилось.

— Дорогой мой батюшка-лама, — продолжает он, — пожалуйте сюда! и он усадил ламу на свое кресло-подушку. Гесерова же невестка, цотонова жена, в слезах причитает:

— О, царственный владыка! Скончайся даже ты, и тогда я буду считать, что ты, мой Богдо, сын тэнгрия, не подвержен смерти! Ужели, милый Богдо мой, ужели пресечься Тибетскому роду?

— Так ты Гесеру верный дружок! — говорит Цотон и принялся было хлестать жену. Тогда лама властно говорит:

— Хан! Люди говорят, что Гесер как-будто бы твой племянник. Разве же он не такой родственник, который близок твоему сердцу? Оттого-то, должно быть, и скорбь в ее очах.

— Подчиняюсь наставлению ламы! — говорит Цотон и, оставив расправу с женой, говорит ей:

— Пусть принесут сюда побольше всяческого добра, я хочу одарить странника ламу за прекрасные, поучительные речи!

Как для великого пира, принесли неимоверное множество вещей, и он подарил их ламе.

Посидев некоторое время, Цотон-нойон говорит:

— Прошу вас, лама, дать имя вот этой моей собачке.

— Разве у этой твоей прекрасной собачки до сих пор не было никакой клички, что мы должны давать ей кличку?

— Это необыкновенная собака! — говорит Цотон.

Тогда мудрый лама дает ей такую кличку: „Сперва сожри хозяйскую голову, а потом — свою“.

— Это то же самое, — заметил Цотон, — что „Сперва был благоразумным ламой, а потом стал сквернословцем бродягой“. Прогнать его вон!

— Я, хан, уйду, и без твоего приказания. Но говорят-то, что милостивый Богдо — Мерген-хан, покоритель десяти зол в десяти странах света вовсе не умирал, а уже приближается сюда и грозит убить презренного Цотона! — И с этими словами лама тронулся в путь. Вскакивает Цотон мечется во все стороны и бессмысленно озирается:

— Что такое он говорит! Горе, беда!

* * *

Едва успел лама направить путь в свою ставку, как видит он какого-то мальчика, который пасет пятерку рябых коз. Ребенок не то плачет, не то поет. Тогда Гесер сказал:

— Вот в каком положении находится сын моего близкого родственника и двойника моего. Не разберешь, поет он или плачет, песни его не отличить от плача!

Лама подходит к мальчику и спрашивает:

— Чей ты, родимый?

— Увы, — отвечает мальчик. — Еще ни один человек так не спрашивал меня „чей ты, родимый?" с тех пор как я, разлучась с батюшкой Цзасой и дядей моим Гесер-Мерген-ханом, государем десяти стран света, стал холопом Цотона.

И в свою очередь мальчик спрашивает ламу, кто он такой.

— Я первый спросил, — говорит лама; — первым и отвечай ты!

— Я, — отвечает мальчик, — я — сын благородного Цзасы-Шикира, любимого старшего брата Гесер-хана, государя сего Чжамбутиба. После того, как дядя мой Гесер отправился на войну с двенадцатиглавым Мангусом, явились сюда три шарайгольских хана с целью полонить Рогмо-гоа. Тогда выступили наши во главе с батюшкой Цзасой и стали рубить у них лучших витязей и угонять в добычу лучшие их табуны. Но презренный Цотон предал их и сгубил всех. Мой батюшка Цзаса погиб! И рассказав все, что незачем повторять, мальчик заплакал. Потом говорит:

— Теперь ты мне ответь!

— Милый мой, — говорит Гесер. — Я — бедный, нищенствующий странник лама. Скитаясь по свету, я слышал, будто Гесера одолел сильнейший его Мангус, но достоверно об этом не знаю.

Со слезами говорит мальчик:

— Кто бы мог думать, что мне мало потери отца, что я должен еще потерять и дядю Гесер-Мерген-хана? Разве из этого не следует, что я, несчастный, впредь должен быть лишь слугой в людях? И хочется мне преследовать ненавистного врага, но не слишком ли мал я? И повременить бы, но разве не ослабеет бедное тело мое в рабском состоянии? Если оба они и мой отец, и мой дядя, оказались не вечными, то мне ли быть вечным? Итак я намерен искать совета, как мне преследовать врагов? При этих трогательных, смешанных со слезами словах, прослезился лама, и вот с содроганием заколебалась златонедрая земля.

— Молчи, милый, — сказал потом лама. — Стойкость души твоей должна быть прекрасна! И пошел дальше, но мальчик, неотступно следуя за ним, просит обождать.

— Что тебе? — говорит лама.

— Как живому телу нужна жизнь, так и мне нужен участливый совет. Вот мой сыр, который я получил в счет платы за пастьбу пятерки чужих коз, пастьбу, в ожидании моего дяди Гесер-хана, государя десяти стран света! И он достает из сумы свой сыр и, подавая его ламе, просит:

— Ах, лама! Произнеси доброе вещее слово — йороль сперва по душе моего батюшки Цзасы, а также и по душе моего дяди Гесер-хана, государя десяти стран света. Да скажи мне такое заклинание — убадис, чтоб не одолел меня никакой враг!

Лама принял сыр, прослезился и говорит:

— Только ты никому не сказывай, мой милый! Как всякому человеку надобен совет, так сироте надобно еще и терпение. Сын Хормусты-тэнгрия Гесер, конечно, убил злокозненного Мангуса; он должен быть недалеко и поступит с двоедушным Цотоном так, как поступают с засохшим деревом; и возрадует он беспредельной небесной радостью всех своих, впавших в сиротство!

— Владыко могучих тэнгриев, Гесер, должен был истребить злобного Мангуса, как и должен растоптать под своими ногами твоего Цотона, ненавистного словоблудника! Повстречав государя, Гесер-хана, радуйся, мой родимый, радостью могучих тэнгриев! И разве не признаки твоего рыцарства все те твои разговоры со мной: буду преследовать, буду преследовать врагов лишь только выйду из малолетства... только бы не ослабеть мне...

— А это возьми себе! — и лама отдал мальчику только что подаренные ему Цотоном вещи и пошел своею дорогой.

* * *

Невдалеке от своей ставки Гесер встречает какую-то старушку. Накинув на плечи шубу и взвалив на спину плетенку, она собирает друшлаком аргал и кидает его в плетенку через левое плечо; походя то плачет она, то напевает.

Лама подошел к ней и стал спрашивать, кто она такая. При виде ламы старушка сначала было улыбнулась, но потом принялась плакать.

— Матушка! — говорит лама. — По пословице смеющегося надо спросить, а скорбящего утешить. Прежде чем мне подойти, ты походя напевала или смеялась. Почему же увидав меня ты плачешь?

— Родимый мой! ты вправе задать такой вопрос. Доводится мне единственным сыном тот, кого зовут Богдо-Мерген-ханом, искоренителем десяти зол в десяти странах света. Этот мой сын может по-всякому перерождаться в десяти странах света, но как бы он ни переродился, а родимое пятнышко на лбу и сорок пять белоснежных зубов остаются неизменно. „Это и есть хубилган моего сына!“ подумала было я и улыбнулась. „Или не он?“ подумалось мне потом и стала я плакать.

Услыхав материнские речи, Гесер больше не мог сдерживаться...

Низведя с неба, оседлал он своего вещего гнедого коня, надел свой шлем, сверкающий блеском росы, свой черно-синий панцырь, украшенный драгоценными камнями и все свои доспехи.

— Матушка моя! — говорит он. — С тех пор как ты родила меня, видала ль ты, чтоб я собирался на брань? Выходи же на балкон ставочной

ограды и смотри; смотри на меня и увидишь как они будут вести себя в моем присутствии!

Он трижды обнял свою мать и поехал.

То плачет мать, то смеется и не знает, что ей делать: стоять ли, сидеть ли?

* * *

С северо-западной стороны до Цотона доносится конский топот и пыль как-будто от конных тысяч и тем.

— Ох, откуда же взяться этой великой пыли? — говорит Цотон и, поспешно вбегая в юрту, смотрит в щелочку:

— Милая жена! — говорит он. — Пыль-то, оказывается, идет со стороны этого нечестивца. Не подавай и виду, где я! — и он забирается в котел и ложится.

Стянув повода и заставляя своего вещего гнедого топать и подпрыгивать, Гесер останавливается около Цотона и, заглядывая в юрту, шумит:

— Эй, дома ли дядя Цотон и тетушка? Выходите-ка повидаться: приехал я, ваш соплячок Цзуру, который убил злобного Мангуса. Выходите же поскорей! И он стоит в ожидании.

— Родимый мой! — отвечает тетка. — Твой дядя уехал: говорил, что при стоянке в Котельной долине, у самого ее устья, случился грабеж и потому он решил залечь в засаду на дне ее.

— Что ты наделала, баба! — говорит Цотон и лезет под стол.

— Видно, вы оба, дядюшка с тетушкой, за что-нибудь осердились, что не хотите и видеть меня? Пошевеливайтесь же! И он продолжал ждать.

— Милый мой! — говорит тетка. — Да ведь твой дядя уехал. Он говорил, что на стоянке в Столовой долине, у самого устья случился грабеж и он решил залечь в засаду у ее верховьев.

— Что же ты делаешь, баба! — говорит Цотон и влезает в исподнюю часть излучины седла.

— Дядюшка с тетушкой! — кричит Гесер. — Разве же я не думаю о вас и во сне и наяву? Выходите скорей!

— Милый мой, — отзывается тетка. — Да ведь твой дядя уехал. Он говорил, что собирается залечь в засаду у самой излучины Седельной долины, так как там, у передней ее луки приключился грабеж.

— Что же ты делаешь, жена! — говорит Цотон и мигом вскакивает в средний из трех мешков, стоявших от него вправо.

— Ой, жена! — просит он. — Хорошенько затяни этот мешок сверху! — Жена завязала.

„Стоит ли так церемониться с этим негодяем?“ решил Гесер и говорит:

— Взойдите с юга, белые облака величиною с овцу! Взойдите с севера черные облака величиною с корову!

И вот, громоздясь одна на другую, сошлись эти тучи, зашевелились черные вихри, поднялась великая буря, пошел ливень с градом, загромыхал гром. Порывом урагана сорвало с места белую юрту-дворец, и белая гесерова юрта на пятьсот человек, покатившись по ветру колесом, остановилась возле Тумен-чжиргаланг, которая успела выйти ей навстречу и проговорить:

— Если это прежняя наша юрта-дворец, то утвердись на этой моей колонне! — и тогда юрта остановилась, опершись на золотую колонну.

А мешки вместе с Цотоном вихрем подкатило к вещему гнедому коню, и легли они возле коня.

— Тетушка подарила, а дядюшка подвез мне целых три мешка! — говорит Гесер. — Видно, что они все девять лет засыпали зерно для меня, своего соплячка Цзуру! И с этими словами Гесер сходит с коня, усаживается на мешок и со словами „а может быть мешок наполнен воздухом?“ колет Цотона шилом пониже бедра. Цотон слегка пошевелился и вздрогнул. Гесер колет сильней — тот сильней вздрагивает. Тогда Гесер так пырнул его пониже бедра своим ножом, что он вошел по самую стеклянную рукоятку и полилась черная кровь.

— Ой, пропал! — с воплем вскакивает Цотон. — Ведь это же я тут, твой дядя Цотон!

— Беда, — говорит Гесер. — Да тут, оказывается, дядюшка! Что же ты наделал? Я ведь принял тебя за мешок!

— Хорошо, дядюшка, — продолжает Гесер. — А скажи мне: чей родственник Цзаса, не твой ли родственник? Твои или не твои родственники тридцать богатырей, разве не твои? Чья невестка Рогмо-гоа, не твоя ль невестка она? Что мне сделать с тобой, чтобы удовлетворить свое желание, чем утолить свой гнев? И он бросается на Цотона, обнажив свою девятиалданную обоюдоострую саблю. Цотон с криками ужаса бросается бежать, а Гесер вскакивает на своего вещего гнедого и, пускаясь за ним в погоню, зовет: сюда! Держите, ловите вора!

Притворяясь, будто не может догнать Цотона, он беспрестанно хлещет его своею волшебною плетью, то сбивая с ног, то опять подымая, и все гонит его. Цотон с разбегу залезает в нору.

— В эту нору забралась лиса! — говорит Гесер и разводит костер.

* * *

Раздумывает гесеров дядя, старец Царкин: „с юга пошли белые облака величиною с овцу, с севера пошли черные облака величиною с корову; громоздясь друг на друга нависли эти тучи и поднялась великая пыль. Уже не оттого ль это, что там подъезжает к своим кочевьям мой милый Богдо, искоренитель десяти зол в десяти странах света?“

Чтобы посмотреть с возвышения, он садится на своего желто-алого коня, с посильной быстротой приближается и, завидев своего Гесера, с воплями „Ой, матушки мои! ой, матушки мои!“ спешит к нему то падая,

то поднимаась, пока Гесер не поднялся ему навстречу и не принял его на руки. Рыдают Гесер с Царкиным, и от рыданий Гесера содрогнулась заколебалась златонедрая земля.

— Успокойся дядюшка! — унимает он слезы Царкина, и, поставив затем жертвенник, успокоил землю.

— Кого же ты выкуриваешь из этой ямы? — спрашивает Царкин.

— Я, дядюшка, выкуриваю забежавшую сюда лису.

— Это должно быть не лиса, мой милый, а тот самый бесчестный негодяй Цотон! Этот бесчестный был бы вполне достоин смерти, но ведь он твой родственник, золотого роду-племени, золотой кости: как ни трудно сдержаться, не убивай его пока, а потом как знаешь! — говорит Царкин и крикнул:

— Эй, Цотон, выходи-ка сюда! — Цотон вылез. Тогда Гесер говорит своему коню:

— Глотни его, мой вещий гнедой, глотни его девять раз и девять раз выпорожнись! Когда же глотнешь в последний раз, то выпоражнивайся подольше! Вещий гнедой конь девять раз глотнул его и девять раз выпорожнился: оттого Цотон превратился в человека, похожего на подхвостный волос, то падает, то встает, еле шевеля ногами.

Свою тетку, цотонову жену, Гесер пожаловал: отдал ей половину цотонова улуса, отделил от Цотона и поселил возле себя. Царкину полностью передал все, что отобрал у Мангуса, а своим отцу с матерью — все остальное цотоново имущество. Сына Цзасы взял к себе в дом. Отомстив Цотону, Гесер возрадовал всех своих людей, впавших в сиротство.

17. НАЧАЛО ГЕСЕРОВА ПОХОДА НА ШИРАЙГОЛЬЦЕВ: УНИЧТОЖЕНИЕ ЗАСТАВЫ НА ХАТУНЬ-РЕКЕ

— Теперь еду отомстить трем шарайгольским ханам! — говорит Гесер. Садится он на своего вещего гнедого коня. Надевает свой панцырь, сияющий как блеск росы, черно-синий свой панцырь, унизанный семью драгоценными камнями. Надевает свои наплечники, сверкающие как молния. В шлем облекает свою благородную голову, белый главный шлем свой, на котором выкованы рядом солнце и луна. Привешивает свой черно-свирепый лук. Вкладывает в колчан тридцать своих белых стрел с изумрудными зарубинами. Надевает свою вещую трехалданную саблю из черного коралла.

— Гей, кто со мною в поход?

Вызывается сын Цзаса-Шикира Лайджаб:

— Я иду! Если не в этом деле, то когда же и отмстить?

— Не разные у нас с тобою дела, милый. Кто враг тебе, тому должно быть и мне надо мстить. Но оставайся лучше дома, ведь ты еще молод! — говорит Гесер, и со слезами уходит сын Цзасы.

Является Цотон.

— Любезный мой, и я с тобою в поход.

— Ладно, дядюшка, едем! — говорит Гесер и выступает на вершину Ӧндӧр-улы, захватив свой лук, называемый Дагорисхой. Берет он свою стрелу по прозванью Исманта и говорит ей:

— Ах, стрела моя Исманта! Первым делом порази ты караульную заставу ненавистных врагов, и обратно угоди упасть на том берегу Хатунь-реки, там потом я найду тебя. А уж если не выйдет дело, то угоди упасть обратно в ставку, там найду тебя.

Натянул он лук и выстрелил по-хубилгански. А у трех шарайгольских ханов было три таких добрых молодца: один мог все разглядеть на три месяца пути, другой был борец с мертвой хваткой, а третий — только сцапать ему что своей растопыренной пятерней, того уж не выпустит.

Посмотрел тот, который видел на три месяца пути, и говорит:

— Приближается к нам не то беркут, не то ворон, в когтях сжимает что-то железное!

— А куда он направляется? — спрашивают два другие.

— Летит-то он прямо на нас, да так несказанно быстро, что хорошенько не разберешь! И с этими словами Глазастый вскакивает и вопит:

— Вот она беда! Вставай, ребята! Это не беркут и не ворон, как мне показалось, а стрела. Ты, Цапун, хорошенько цапай!

— Мне-то пусть только попадется, уж я не выпущу! — отвечает Цапун.

— Трудная это штука! — говорит Глазастый. — Пусть-ка Силач ухватится за поясницу Цапуна, а я уцеплюсь за поясницу Силача!

И все они так ухватились друг за друга, а Цапун взял наизготовку свои пригоршни да и сцапал стрелу по самой средине. Тут стрела и понесла всех троих по поднебесью, подлетела к Хатунь-реке и, поносив их над прибрежными топями-мочажинами, упала туда. Все трое и потонули в болотах. А стрелу переняла гесерова сестрица Бова-Донцон и метнула. И вот стрела, будто выпущенная вверх, падая обратно, вонзилась в землю при истоках Хатунь-реки.

* * *

Ведет Цотона Гесер, ведет семь суток, не давая ему пищи. Приуныл с голоду Цотон. Вдруг видят лежит на дороге куча лошадиного помета.

— Эвона, сколько продовольствия! Что за славная еда для того, кто поизрасходовался! — говорит Гесер.

— Поем-ка я, — отвечает Цотон. — Я ведь уже давно поизрасходовался.

Гесер предложил ему есть:

— Есть так ешь, дядюшка, но не подумай, что это помет, это масло.

Поел Цотон, и едут дальше. Опять попадается им на дороге находка, ремень от пут.

— Эх, что за добрая еда валяется! — говорит Гесер.

— Погоди милый, я поем! — говорит Цотон.

— Ешь, разрешает Гесер. Да не подумай, что это сыромятный ремень — это хубилганская пища.

Цотон взял и съел. Едут дальше — лежит на дороге мельничный жернов.

— Цотон, — говорит Гесер, — ты как-то присоветовал моей Рогмо-гоа прятаться здесь, на урочище Шара-тала. Так это и есть, должно быть, та брошка-талисман, которую она потеряла, когда пряталась тут. Надень-ка ее!

— Да как же, мой родной, поднять-то ее? — силится Цотон, но напрасно.

— Я пособлю тебе надеть, вот тут кстати у нее дыра! И с этими словами Гесер приладил к жернову веревку и ею же опоясал Цотона по лопаткам.

Пройдя в таком положении некоторое время, Цотон говорит:

— Теперь, мой Богдо, не могу итти за тобой, теперь, видно, помру без припасов; я вернусь!

— Так, зачем же ты сам назвался в поход?

— Родной мой, ворочусь пока жив!

— Ворочайся, дядюшка! — говорит Гесер. — Посмотрел хорошенько на Цотона и видит: по лопаткам у него хрящи пообсеклись, из-под ключицы сердце видно, а из подмышек — легкие. Тронулся Цотон в обратный путь и все время он шел, то падая, то опять поднимаясь под тяжестью мельничного жернова. Увидал его старик Санлун, заулюлюкал; сбил его с ног и давай давить мельничным жерновом. Тут подоспел Царкин:

— Не души его, Санлун, оставь! Что толку убить его?

И уговорил отпустить Цотона.

18. ДУХ ЦЗАСА-ШИКИРА ПРОСИТ У ГЕСЕРА СЕРДЦЕ СВОЕГО УБИЙЦЫ И ЗАВЕЩАЕТ МСТИТЬ ШИРАЙГОЛЬЦАМ ХИТРОСТЬЮ

Едет Гесер долиною Шара-Тала. Не успел он перейти по ту сторону Хатунь-реки, а стрела Исманта тут как тут.

— Ага! — говорит Гесер. — Видно сразила ты кое-сколько злобных врагов! И втыкает стрелу свою в колчан. Поскакал Гесер, едет склоном Куселенг-обо и вдруг слышит оклик: „Ах, Гесер мой!“.

„Откуда же это?“ думает он. „Откуда в этой пустыне, где нет ни человека, ни даже собаки или птицы, послышался мне человеческий оклик?“ Осмотрелся кругом — никого нет.

Но ведь только что слышался окрик „Гесер!“. Откуда бы это? Что за диво?

Дальше — опять кто-то крикнул ему: „Погоди, Гесер!“. И опять озирается Гесер и что же видит? Садится к нему на переднюю луку седла странный коршун — спереди птица, а сзади человек, — садится и плачет — причитает:

— Милостивый мой, мудрый Гесер-хан, искоренитель десяти зол в десяти странах света. В этом мире я — возлюбленный твой старший брат, Цзаса-Шикир! — И он подробно рассказал Гесеру все, что с ним сталось. Слыша его речи, громко зарыдал Гесер. Всколыхалась тогда златонедрая земля, растрогались и зарыдали все твари живые. Поставил Гесер жертвенник и успокоил землю.

— О, мой Цзаса-Шикир! — говорит он. — Зачем ты скорбишь? Скажи только мне, чего ты хочешь: хочешь снова жить — так я ворочу тебя домой, оживлю тебя человеком. Или, может быть, хочешь теперь отойти к отцу моему, Хормуста-тэнгрию? Уйми же слезы!

— Ах, мой милый Богдо! Про свои думы буду ведать я сам, но дай ты мне сердце Шиманбироцзы, младшего брата Цаган-герту-хана: съем я его и насыщу желанье мое! Есть еще у них свыше десятка добрых витязей: умертви ты их хитростью и ниспровергни их души на дно преисподней, милый Богдо мой.

— Хорошо! — отвечает Гесер. — Я иду.

После того Гесер настрелял по горам горных зверей, по долинам — дольних зверей и, уезжая, промолвил:

— Этим питайся, пока я не вернусь.

19. ПРИ ПОМОЩИ СТРЕЛЫ ИСМАНТА ГЕСЕР УСТАНАВЛИВАЕТ СВЯЗЬ С РОГМО-ГОА. ЗАКЛЯТИЕ ШИРАЙГОЛЬСКОЙ СВЯЩЕННОЙ ГОРЫ ЦЗАБСАН-КЮМЕ

Подъезжает Гесер к Шарайголу. Поднимается на вершину Ӧндур-улы. Вечером привязывает он поводья своего вещего гнедого к луке седла (чтобы конь простыл) и, собираясь пустить стрелу, нашептывает:

— Если задуманное мною исполнится, воротись ночью хозяйская стрела к своему хозяину. А нет — так там и лежи! И пускает стрелу.

А в тот миг сидит на своем золотом троне Цаган-герту-хан и пьет чай. Как услыхал он посвист стрелы, так покропил чаем из чашки навстречу стреле и промолвил:

— Благоговейно чту грозного Богдо, государя десяти стран света!

И в силу этого жертвенного подношения стрела и пролетела мимо него, угодив в подножие золотого трона.

— Не стрела ль это высших тэнгриев? — говорит он. — Не стрела ль это срединных асуриев? Не стрела ль это преисподних драконовых ханов? Если же это гесерова стрела, то как могли не заметить ее три моих молодца? Не угадает ли стрелу Рогмо-гоа?

Послали стрелу к Рогмо-гоа. Попробовала Рогмо-гоа сломать стрелу, но напрасно тянула ее за оперенье.

— Если ты та стрела, которую приготовили для врага вышние тэнгрии или преисподние драконовы ханы, то переночуй здесь, а нет — воротись к своему хозяину!

И с этими словами Рогмо-гоа привязала к стреле пять разноцветных шелковых лент и свободно пропустила ее через скважину под дверным косяком, и вдруг, гонимая ветром, стрела помчалась, как вихрь, и угодила прямо в свое гнездо в гесеровом колчане.

Рано поутру собирается Гесер в путь-дорогу. Умылся, стал осматривать свой колчан, и что же? Прилетела его стрела, обвешанная шелковыми украшениями. Взял он свою стрелу, посмотрел и говорит:

— Значит исполнится мною загаданное; значит каждая моя стрела впятеро взыщет с подлых шарайгольцев.

Тогда Гесер обратил шелк со стрелы в шесть полотнищ, и стал приносить его в жертву горе Цзабсан-Кюме, которая была для шарайгольских ханов материнской и отцовской святыней — благословением. Он отвратил от них благословение: построил жертвенник и произнес такое вещее слово:

— Искони была ты благословением и счастием для шарайгольских ханов, а теперь будь ты, гора, благословением для меня!

И когда Гесер стал читать святое писание, всколыхалась земля и не стало трав, камней и деревьев.

— Да будет так! — промолвил Гесер и пустился в путь.

20. ГЕСЕР В ОБРАЗЕ СТОЛЕТНЕГО ЛАМЫ. УНИЧТОЖЕНИЕ ВРАЖЕСКОГО ВОЛХВА. СОЮЗ С ЧОЙМСУН-ГОА

У шарайгольских ханов было по два ключа питьевой воды. Среди них был драгоценный ключ, называемый Цабцаланг. Сюда ходили дочери трех шарайгольских ханов и набрать воды, и помыться.

По дороге к этому ключу превращается Гесер в столетнего странника-ламу: вещего своего гнедого он отправил на небо; исчерна-синий свой панцырь, цвета сверкающей росы, обратил он в монашеский хитон; блистающие, как молния, наплечники свои — в рукава рясы; белый свой шлем — Манлай — в шапку ламы; вещую свою черно-коралловую трехсаженную саблю — в трехсаженный же черного дерева посох; тридцать белых стрел с бирюзовыми зарубинами, черно-свирепый лук — в монашеское облачение. И так совершив это превращение в нищенствующего старца-ламу, он ложится навзничь по самой главной дороге к роднику.

Является дочь Цаган-герту-хана, жена китайского царевича Мила-Гунчуда. Вслед за нею идут пятьсот девушек ее свиты, идут и, играя, бросают туда и сюда фрукты. Бросают, а фрукты сами летят прямо в рот ламе, лежащему навзничь посреди дороги. Тогда подбегают к нему девушки:

— Кто ты такой, дедушка? Встань с дороги.

— Что это он лег нам поперек дороги?

— Кто же ты, дедушка? Не мешкай, встань.

— Милые девицы! — отвечает он. — Я — нищий лама, странник по всему свету. Думаю, что вы благонравные девушки и не только не тронете

того, что попадает ко мне в рот, но трижды поклонитесь, примете благословение и обойдете мимо. Если же вы недобрые девушки, то заберите у меня изо рта пищу и ступайте прямо через меня. Что же? Ведь я не в силах быстро переменять положение: сижу не встану, стою не сяду.

— Досуг нам еще кланяться ему! — говорят девушки. — Вырвали у него фрукты и перешагнули через него. Набрали воды и ушли домой.

После того идет по-воду дочь Шара-герту-хана, Сумун-гоа, точно так же в сопровождении многочисленной свиты, и повторяется то же, что и с прежними.

Приходит затем, в сопровождении пятисот своих девушек, водоносов и рабынь, дочь Хара-герту-хана, Чоймсун-гоа, воспитанница Чойрун-дархана. Идут по-воду с особыми ведрами: края и средина стеклянные, а весь низ золотой; идут и также играют, швыряя фрукты, а фрукты сами собой летят в рот к ламе. Подбегают к нему девушки-рабыни.

— Эй, дедушка, посторонись-ка, пропусти девушек!

— Я как подымусь, так не в силах сразу сесть, а сяду — не в силах встать! — говорит старик.

Подходит Чоймсун-гоа и обращается к девушкам:

— Кто это такой старик и почему он не встает?

— Говорит, что он нищий лама, странник по всему свету, — отвечают девушки. — Говорит, что стоя затрудняется сесть, а севши не может встать; что если мы благоразумные девушки, то не станем вырывать у него изо рта пищу, а благочестиво поклонимся, примем благословение и пройдем мимо. А если, говорит, вы неблагонравные девушки, то вырывайте у меня изо рта пищу и перешагивайте прямо через меня.

Тогда Чоймсун-гоа стала расспрашивать старца, откуда он идет, у кого из здешних ханов побывал и куда держит путь.

— Я перевидал всех ханов, — отвечает лама. — Но пока я собирался посетить эту „вечную землю“, пока я собирался побывать у трех шрайгольских ханов, будущее мое стало близко, а прошлое — далеко. Отягощенный годами, я не могу снискивать себе пропитание и вот я лежу.

— Как же мы стали б вырывать пищу у него изо рта? — говорит Чоймсун-гоа. — И разве нет другой дороги, кроме как шагать через него?

Благочестиво она поклонилась старцу, преклонила голову под благословение и прошла мимо.

Была в ее свите главная шаманка — волхв хана Шара-герту. Окликает она Чоймсун-гоа.

— Что тебе надобно? — отвечает та.

— Этою ночью я видела сон, — говорит прорицательница. — Видела сон, будто явился милостивый Мерген-хан, искоренитель десяти зол в десяти странах света; явился и собирается свести Цаган-герту-хана с золотого трона, а самому ему снести голову. Вот что я видела во сне. И не иначе, что это вовсе не старец-лама, а оборотень Гесер-хана. И не ламская эта темная мантия, а гесеров темно-синий панцырь; не ламские это

рукава, а гесеровы молнией сверкающие наплечники; не ламская то шапка, а знаменитый белый шлем Манглай, и в руках у него не трехалданный посох из черного дерева, а вещая его трехалданная сабля из черного коралла. Я думаю, что это сам Гесер.

— Отца твоего башку, матери твоей голову! — забранилась на шаманку Чоймсун-гоа. — Паршивая кукла, выжившая из ума пустомеля! Что ты грозишь? Ведь если передать дядюшке Цаган-герту эти твои речи, то разве не велит он снести тебе голову? Ишь нашла новоявленного Гесера! И кто такой этот Гесер? Подобных речей не посмей ты, подлая, говорить людям! — и пригрозила старухе Чоймсун-гоа.

Была же Чоймсун-гоа хубилганом, и стала она почитать Гесера начатком пищи, первым куском:

— Говорят, что Гесер-хан есть государь десяти стран света. Как бы стать мне некогда его женой, нет не женой, а хоть доильщицей коров у него, или хоть служанкой, выносящей золу!

И Гесер тоже немного держал в уме Чоймсун-гоа.

* * *

Окликает столетний лама служанок-водоносов и рабынь ее. Те подходят:

— Что угодно, лама?

— Похоже, что ваш ключ будет сейчас наводняться. Чтоб не начерпать водорослей, не берите с середины ключа. Не берите и с краю — наберете илу. А черпайте вы от середины подальше, от края поближе, да не болтайте ногами, тогда будет вода — чистая расаяна!

Служанки сообщили это девушкам и те стали выражать удивление, что за таинственный старец.

— Разве я попусту болтала, уверяя, что это Гесер? — говорит шаманка. — Никогда у нас не наводнялся ключ. Почему бы ему теперь наводняться? — И побежала. С разбегу бросилась в воду да и потонула.

А ключ наводнил Гесер и хитростью потопил гадалку, так как понял, что она узнала его.

Служанки-водоносы и рабыни стали черпать из ключа воду. Берут с середины, попадают водоросли, берут с краю — ил. Набрали так, как учил лама — оказалась совершенно чистая вода, расаяна.

Тогда Гесер заколдовал ведро и вот никак не поднять даже общими дружными усилиями пятисот девушек вместе с водоносами-служанками и рабынями.

— Что за диво с этим наводнением ключа? — говорят они. — Только что гадалка утонула, а тут ведра не поднять, того ведра, что поднимали своими руками!

— Погодите здесь, я одна схожу к нему! — говорит Чоймсун-гоа и прибегает к старцу.

— Верховный лама! Помоги нам поднять ведро.

— Пустенькая ты шалунья, безрассудная девушка, — отвечает лама. — Разве не один и тот же я говорил с тобой раньше, так и теперь? Отстань, ведь я же не в силах подняться!

— Не шалунья я и не до шуток мне, — говорит девушка, — мне, подавленной прозорливостью Гесер-хана, государя десяти стран света. И не пустая я болтунья. До пустой ли болтовни мне, подавленной волшебною силой святого Гесер хана? Знаю, что ты не старец-лама, а государь десяти стран света, Гесер-хан. О, святой Гесер! Открой-покажи мне хоть одну твою примету, и пусть возьмут меня твои гении-хранители, если только о той примете я расскажу людям.

— Что эта девушка говорит? — и лама подвинулся. Тогда поднялся из-под него золотой паук величиной с теленка и побежал прямо к ставке трех ширайгольских ханов. Трижды обежал он вокруг ставки и проговорив: „был когда-то этот круг ширайгольских трех ханов, а теперь стал Гесер-ханов! — спрятался под старца.

Сидят в ставке Ширайгольской люди, сидят и переговариваются:

— Сказать, что это скот — так нет, не скот. Сказать — что это зверь — так нет, не зверь. Что ж это за рогатое существо, и почему его речи так похожи на человеческие речи? Не иначе, что это души тридцати богатырей Гесер-хана, государя десяти стран света!

— Ну, вот! — говорит Чоймсун-гоа. — Разве не ясно теперь, что ты Гесер-хан, государь десяти стран света?

Тогда Гесер-хан стал делать превращения и показывать ей все множество войск, всех своих хубилганов. Так он явил ей свою волшебную силу.

— Вечером лежи ты здесь, обернувшись восьмилетним сироткой, — просит она, — а сейчас подними мое ведро.

— Нечего делать! — говорит старец и встает. — Подниму ли я, старик, ведро, которое не смогла поднять вся твоя многочисленная молодежь? А нет — так не браните меня, если оборвется веревка и ведро разобьется.

— Ах, зачем же мы станем бранить тебя?

Поднимая ведро, Гесер волшебством перервал веревку, и ведро упало и разбилось на десять частей.

— Что за старый бездельник, что за старый шалопай! — заплакали и забранились девушки. — До смерти забьет нас теперь Хара-герту-хан. Что нам делать?

— Тогда стала унимать своих девушек Чоймсун-гоа:

— Ах, подруги! Не смейте ругать верховного ламу, а то не забранил бы меня батюшка за вашу злость. И попросила ламу:

— Верховный лама! Восстанови это ведро тайною силою тарнистических молитв!

— Ну-ка, девушки, отступите назад! — говорит лама. — Что делать, коли от старости все перезабыл? Попробую, однако, помолясь будде, сказать тарни. Девушки назад! Девушки назад!

Тут Гесер, произнеся тарни, показывает им целое ведро, которое блестит лучше прежнего.

Возвращается Чоймсун-гоа со своими девушками, водоносами и рабынями с водой, а девушки со стыдом и горем говорят в один голос:

— Ах, как же мы дерзнули побранить такого высокого, такого великого ламу!

21. ГЕСЕР В ОБРАЗЕ ОЛЬЧЖИБАЯ-НАЙДЕНЫША. РАЗРУШЕНИЕ СВЯТОГО БЕЛ-КАМНЯ. В ЕДИНОБОРСТВЕ ГЕСЕР УБИВАЕТ ВСЕХ ГЛАВНЫХ ШИРАЙГОЛЬСКИХ ВИТЯЗЕЙ

Шиманбироцза гневается и ворчит на свою дочь:

— Откуда ты набралась таким шалостям и баловству? Где ты до сих пор пропадала, пока мы с утра уж три раза поесть успели?

— Ходила играть к роднику! — отвечает та. — А родник наш наводнился так, что в нем утонула шаманка-гадалка. А у нашего-то ключа, батюшка, при самой дороге лежит, просит подаянья восьмилетний сиротка. Как он славно да красно говорит! Возьми его на воспитанье, и сделаем его твоим пажем-телохранителем!

— Разве нет у нас своих неимущих людей, которых нам подобает воспитывать? — говорит ей отец. — Да и нет таких людей, которые сумели б воспитать нищих-бродяг. Ты девушка и не должна мешаться не в свое дело!

Девушка осердилась на своего отца и, как пришла домой, с тех пор никуда не выходила трое суток. А на четвертые почтительно обращается к отцу:

— Батюшка! Сказывают, что тот сиротка до сих пор валяется на дороге? Ах, хоть бы его принял кто!

— Так и быть, я согласен принять! — говорит отец. — Тогда обрадованная Чоймсун-гоа сейчас же посылает за ним своих рабынь.

А Гесер в это время мастерит игрушки: то из слоновой кости сделает оленя и пустит его прыгать; то из золота сделает бабочку и пустит ее летать. Забрала эти игрушки Чоймсу-гоа и показывает отцу.

— Все это, батюшка, смастерил сиротка!

Отец велит привести мальчика и спрашивает его:

— Разве отец твой был мастером? От кого это ты научился?

— Отец мой, — говорит мальчик, — отец умер, когда я был еще совсем маленький, а дядя по матери действительно был мастером. А научился я, присматриваясь к искусной работе Чойрун-дархана.

— Из этого понятливого мальчика выйдет порядочный человек, — говорит Шиманбироцза.

— Ну, а пока будь ты моим пажем-слугой. Днем будь при мне, а ночуй в общей юрте со всеми детьми бедняков.

И он дал мальчику прозвище Ольчжибай, то есть Найденыш.

* * *

В ту пору был у трех ханов святой бел-камень. Говорит мальчик Ольчжибай:

— Разбить бы этот валун, бел-камень да сделать бы из него панцырь, вот был бы панцырь!

— Ты, мой милый, — говорит Чойрун, — ты смотри не взболтни подобных слов людям! Ведь это святой камень у трех ханов. Услыхав такие твои речи, те могут казнить тебя.

Ночью Ольчжибай взвалил на плечи этот камень и положил его недалеко от дверей мастера Чойруна. Смотрит поутру мастер и говорит:

— Худой знак для отца с матерью, что святой камень перекочевал. В чем тут дело?

В следующую ночь Гесер опять волшебною силой взвалил камень на плечи и подтащил его вплотную к самым дверям дархана. А поутру подходит к его юрте и окликает:

— Дома ли батюшка, Чойрун-дархан? Выйди-ка! — Вышел мастер и видит камень.

— Эх, беда! Видно он нас приневоливает: потерял свою святость и нудит теперь нас разбить его и сделать из него панцырь. Обтесывай-ка его, лама-номчи, вместе с Ольчжибаем, обтесывай на четыре угла да сделаем из него панцырь.

Тесал лама-номчи все утро, а в полдень говорит:

— Теперь — ты, Ольчжибай, потеши с двух боков!

— Только ты, дорогой лама, садись позади меня, а то невзначай соскочит с рукоятки тесло, может угодить тебе по затылку и выбить из твоей головы мозги: не миновать тогда тебе смерти.

— Э, не болтай, теши себе! — говорит лама. — Утром у меня не соскакивало, почему же это вдруг теперь соскочит тесло? А сорвется и угодит в меня — ну и умру!

— Хорошо, тогда на меня не пеняй! — и с этими словами Ольчжибай с такой чудодейственной силой ударил теслом, что оно сорвалось с рукоятки и, угодив в ламу-номчи, вышибло из него мозги. Лежит лама-номчи и бормочет, а Ольчжибай со страшными воплями и рыданиями зовет Чойруна.

— Что такое со старцем, что со старцем? — вбегает, подняв полы халата, Чойрун. Увидав ламу-номчи, он зарыдал, обнимая его голову:

— Голубчик ты мой, как же это с тобой случилось?

— Отесал я камень с трех сторон, утомился и передал тесло Ольчжибаю. А Ольчжибай принимается за работу и просит: сядь ты, дорогой лама, сзади, а то невзначай сорвется тесло. У меня, говорю, не срывалось, а если уж у тебя сорвется, значит такая судьба. Ударил Ольчжибай, а оно сорвалось да и угодило мне пониже маковки. Пришел, знать, мой смертный час! И с этими словами лама умер.

— Потревожили несчастный святой камень — вот и вышло несчастье, — со слезами говорит старик-мастер.

Так волшебством Гесер разрушил Ширайгольский святой камень и уничтожил ламу-номчи, когда тот уже начинал догадываться.

* * *

— Раздувай, Ольчжибай, мех! — говорит Чойрун-дархан. — Сделаем из этого несчастного камня два панцыря.

Пока они сидели за работой, Ольчжибай воровал железо и совал его в раздувальный мех. Из этого накраденного железа он сделал шестидесятиалданный крюк и спрятал его в потайное место.

* * *

Сын Балбосского хана Турген-бировы, Буке-Цаган-Манлай, давал большой пир по случаю своего сватовства за Чоймсун-гоа. Хара-гертухан поручил Ольчжибаю быть на этом пиру распорядителем. Собрались все три хана, и Ольчжибай правит должность распорядителя на большом пиру. Буке-Цаган-Манлай натягивает свой железный обложенный бычьим рогом лук и громко вызывает:

— Не я ли Буке-Цаган-Манлай, который убил шестерых богатырей Гесер-хана, государя десяти стран света, вот каких по имени: Ики-Таю, Бага-Таю, Ики-Кегергечи, Бага-Кегергечи, Тайгам-Ононг-Чончжин и Рунса. Найдется ли на этом пиру, кто выступит против меня? Кто сможет натянуть мой лук?

Услыхав эти слова, Ольчжибай прослезился от скорби, но, стиснув зубы, выходит и выпрямляется во весь рост.

— Ого, посмотрите на это ничтожество! — говорит Буке-Цаган-Манлай. — Он, кажется, выпрямился с намерением принять мой вызов и натянуть мой лук?

— Ох, уж не сын ли ты тэнгрия? — отвечает Ольчжибай. — Уж не сын ли ты подземных драконовых царей? Скорее всего однако — обыкновенный человек и, так же как и я, человеческий отпрыск. Лошадь — и та, после верховой езды, наслаждается кувырканьем по земле. Пес — и тот, после звериной гоньбы, утоляет свою жажду. Как же ты смеешь говорить такие речи мне, который только что распоряжался на твоем веселом пиру? Тебе бы следовало кротко и без задних мыслей обратиться теперь к своим хану-батюшке да ханше-матушке и ко всем своим невесткам да просить согласия на твое сватовство. А ты — напротив, не рассуждаешь ли ты так: выдадут за меня — возьму, а не выдадут — ворочусь, перебив и ограбив трех ханов. Говорят, что гесеров пятнадцатилетний Нанцон убил твоего отца и таскал его голову привязанной к нагрудному ремню на седле. И ты, ничтожный, не таков ли и ты богатырь?

— Потише, — гневно вскричал Манлай. — Посмотрите, что за тон у этого паршивца! Ладно, живее натягивай этот мой железный лук!

Берет Ольчжибай лук и говорит:

— Что и пробовать, не натянуть его ничтожному Ольчжибаю. Но все в руках гениев-хранителей трех ханов!

— Ты должен, — продолжает Буке, — ты должен натягивать до тех пор, пока с внутренней стороны лука останется столько роговины, что можно просунуть ложку (широкую часть лезвия стрелы), да от бересты останется столько, что можно насадить стрелу на зарубину.

Натягивает Ольчжибай и приговаривает:

— Вместо ложки пусть станет уголь, вместо бересты — зола.

Чудесной своей силой Гесер натянул лук, и вдруг лук задымился, обратившись в золу и уголь. Вскочил тогда Буке-Цаган-Манлай и схватил Ольчжибая:

— Что нам остается теперь? Кто бы из нас ни умер, пусть ни на ком не будет вины!

— Оставь, голубчик Ольчжибай, как бы он тебя не убил! — беспокоятся три хана.

— То в руках гениев-хранителей моих трех ханов! — отвечает тот. — Умереть? Ну так что же? и умру от его руки! И схватились. Буке-Цаган-Манлай трясет его за плечи, делает подножку, цепляет за ногу... Но Ольчжибай стоит неподвижно, словно клин, вбитый в златонедрую землю, и про себя молится Гесер своим гениям-хранителям:

— О, вы, все небесные мои гении-хранители. И отец мой в этом мире — Орчиланге, хубилган Ова-Гунчид, царь гор златонедрой земли; и вы, души шестерых моих богатырей: Рунсы, Онончон-чжин Таю, Ики-Таю, Бага-Таю, Ики-Кегергечи и Бага-Кегергечи! Явитесь вы, обернувшись шестью волками, и растерзайте его на шесть частей!

Так прошептал он и потом говорит Ольчжибай:

— Не за мной ли теперь черед? — И, приподняв противника, бросил его вверх. У Буке-Цаган-Манлая через обе ноздри хлынула кровь, череп его треснул, и он умер. И, по гесерову моленью, в виде шестерых волков явились души шестерых богатырей и растерзали его тело на шесть частей.

— Из больших-то его посулов ничего не вышло! — усмехаются три хана, а Чоймсун-гоа притворно плачет — причитает:

— Придется теперь выходить за другого, да никто не возьмет — поди: скажут несчастливая, заклятая девушка. Накликаешь себе калыма на десять тысяч лет да долгов на тысячу лет!

Плачет она, а три хана ворчат, унимают:

— Не даром называли тебя люди ветренной. Помалкивай-ка лучше!

Все с великого пира расходятся.

* * *

Но вот является Мила-Гунчуд, китайский царевич, зять Цаган-герту-хана, и ведет такую речь:

— Мы со свояком Буке-Цаган-Манлаем давно связали свою судьбу. Ничего нет удивительного в том, что, когда двое борются одного убьют.

Буду побежден, авось подымусь! а умру — ну, так что же? Пусть ни на ком не будет вины.

И они схватились. К чему подробности? Гесер убил и его так же, как выше рассказано.

Приходит Манцук-Цзула, сын Солонгосского хана, зять Шара-герту-хана. И с теми же речами они вступают в борьбу. Так же и его чудесною силой убил Ольчжибай. Приходит Монса-Тускер, Мунский царевич, женатый на старшей сестре Чоймсун-гоа Хара-герту-хановой. В борьбе убивает он и этого.

Так Гесер чудесною своей силой перебил у трех ханов всех их сановников и витязей.

22. ИЗМЕНА РОГМО-ГОА, ЕЕ НАКАЗАНИЕ И ПРОЩЕНИЕ. УМИРОТВОРЕНИЕ ДУХА ЦЗАСЫ. КОНЕЦ ШИРАЙГОЛЬСКОГО ПОХОДА

Говорит Рогмо-гоа Цаган-герту-хану:

— Должно быть это вовсе не Ольчжибай, а Гесер, и не он ли это истребляет всех твоих сайдов-сановников? Выставь-ка против него борца Агулу-Эргегчи. Если и его убьет, тогда я уверюсь, что это сам Гесер. А если не убьет, тогда будем думать иное.

Посылают бороться Агулу-Эргегчи. Тот является, взвалив на одно плечо семь сырых оленьих шкур, и на другое плечо семь сырых оленьих шкур.

— Дома ль малый Ольчжибай? Ну-ка, выходи живей! — зовет Агула.

Ольчжибай выходит:

— Что тебе надо?

— Говорят, ты, Ольчжибай, хороший борец. Давай-ка поборемся!

— Разве ты не отдал свои силы на службу трем ханам? — говорит Ольчжибай. — А я еще не успел отдать своих сил трем ханам. Какая же надобность нам состязаться? Отстань!

— Э, дрянь! Без отговорок бороться!

— Поиграть — поиграем! — говорит Ольчжибай. Что же? Ведь если я стану бороться, ты меня все равно убьешь!

Пока Ольчжибай оправляется, Агула-Эргегчи хватает с одного плеча оленью сыромятную шкуру, раздирает ее пополам и швыряет:

— На, дрянь, получай!

Хватает он шкуру с другого плеча.

— Уж не с оленьими ль шкурами ты бороться пришел? — крикнул Ольчжибай, бросился и схватился с ним. Агула делает ему подножки, трясет за плечи, наваливается... Но недвижно стоит Ольчжибай, словно клин, вбитый в златонедрую землю, стоит и шепчет:

— Преисподний хранитель моего тела, возьми от тела его! Преисподний хранитель моих волос, возьми от волос его! Преисподний хранитель

моей крови, возьми от крови его! Один за другим явитесь и растерзайте его!

С этими словами потряс и поверг его Гесер-хан, государь десяти стран света, а гении-хранители его явились чредой и растащили тело Агулы.

* * *

— Это настоящий хубилган Гесера! — говорит Рогмо-гоа. — Но если это действительно Гесер, то теперь он непременно покажет мне какую-нибудь настоящую свою примету. А если это не он, то и не сможет показать.

Восходит Рогмо-гоа на белую часовню-субурган, справа расчесывает свои волосы и притворно плачет, величая Гесера. А Гесер, в образе Ольчжибая, собирал помет-аргал; как вдруг слышит трогательный плач и причитания Рогмо-гоа, „о своем Гесере".

„Значит не изменила мне моя Рогмо-гоа!" решил он и показался ей в образе Кий-Вачжра-дгара — бурхана и девяти Манджушри-бурханов. Тогда с криками „пришел Гесер!" Рогмо-гоа бросилась бежать, Гесер же погнался за нею, настиг около дома, повалил на каменную плиту, трижды перевернул и наслал на нее забвенье о своем приходе.

Возвращается она домой и со слезами говорит Цаган-герту-хану:

— Пришел ли Гесер, или не приходил? Или то был сон?

— Раз ты ушла сюда, — говорит Цаган-герту-хан, — то будешь женою высокого человека. Но как бы я не заставил тебя есть тело своего мужа и пить его кровь! Кто, ты думаешь, я и кто Гесер-хан, государь десяти стран света?

И он ушел.

* * *

— Если это действительно Гесер, — говорит Рогмо-гоа, — то его не должны сожрать и змеи, а не то сожрут.

Тогда было приказано бросить Ольчжибая в змеиный ров, и его бросили. Гесер же покропил немного на всех змей молоком черной орлицы, и все змеи от этой отравы передохли. Обратил он большую змею себе в подстилку, а маленькую в подушку. Лежит и в образе Ольчжибая поет Гесер:

— Лишь только Цзаса-Шикир и тридцать богатырей, приняв бразды Гесерова правления, доверились словам Цотона, как сдали свою Рогмо-гоа трем ханам. Так люди говорят. Говорят, что Рогмо-гоа стала женой Цаган-герту-хана моего и забыла, изменница, о походе Гесера своего. Теперь же вторично изменяешь ты, Рогмо-гоа, помышляя о своем Гесере. А я, не стал ли я добрым молодцем, судьбою ниспосланным трем моим ханам. И вот я, Ольчжибай, не погибну, к каким бы козням против меня ты ни прибегала: блюдут меня гении-хранители трех моих ханов!

Говорят между собою три хана:
— Как же признать в нем Гесера!
И выпускают они Ольчжибая из змеиной ямы.

* * *

У Цаган-герту-хана были две собаки, Барс и Ирбис, которые рвали и пожирали людей. Рогмо-гоа держала обеих собак на цепи. Велит она позвать Ольчжибая и думает: если это действительно Гесер, то собаки его не тронут, а если нет — бросятся и растерзают. Бегает недалеко от нее Ольчжибай с плетенкой за плечами и делает вид, будто собирает аргал. Тогда Рогмо-гоа спускает на него обеих собак. Но не успели те подбежать к нему, как Гесер чудесною силой опрокинул над собой плетенку и смотрит.

— Если б это был Гесер, — решила Рогмо-гоа, — то собаки не бросились бы на него. Ну, а этот Ольчжибай счастливо отделался!

Ольчжибай пошел домой, превратившись в Гесера, но дома он опять принял вид Ольчжибая.

* * *

Садится Гесер на своего вещего гнедого, надевает все свои доспехи и, сопровождаемый всеми своими волшебными войсками, подступает к ставке трех шарайгольских ханов с западной стороны. Водружены значки и знамена, трубят трубы... Там и сям вырыты очаги, наполнено множество котлов. В лагере Богдо-Гесера великий пир. Забавляет он войска и борьбою борцов и стрельбою лучников; показывает войску все свои волшебства...

Собирают и шарайгольские три хана свое великое войско и выступают навстречу с кличем: наступает Гесер! Подступают к гесерову стану, и — чудо! к небу тянется синий столб дыма... И лишь на том месте, где варили пищу, около многочисленных очагов, лежит весь во вшах и гнидах мальчик. Ольчжибай подбегает к мальчику с саблей наголо.

— Погоди, голубчик Ольчжибай! — говорит Шиманбироцза. — Мы его допросим! и он стал допрашивать мальчика:

— Чье было это огромное войско?

— Это был государь десяти стран света, Гесер-хан, который подступил было, чтобы отомстить вам, — отвечает мальчик. — Но он испугался и отступил, увидав, что вашего войска много, а нашего мало, и не возможно померяться силами.

— А ты-то почему же остался?

— Я — сирота, сын одного из тридцати богатырей, состоял у одного человека оруженосцем. Занудился вшами, не поспевал за войском, задремал и остался.

— По пословице „оленя оленьим же рогом бьют“, — говорит Ольчжибай. — Не взять ли нам его на воспитание? Со временем будет колотить Гесера!

— Ты прав, Ольчжибай, — сказал Цаган-герту-хан. — Бери его и сделай из него человека.

Ольчжибай взял этого мальчика к себе, но тот тихонько встал ночью и исчез. Чуть свет является Ольчжибай к трем ханам и говорит:

— А это ихнее отродье, поднялся и ушел.

— Стоило за-за этого вставать, ступай себе домой! — сказали ханы, и Ольчжибай ушел.

* * *

Надумав способ уличить Ольчжибая, что он не Гесер, Рогмо-гоа зовет его вместе с Чоймсун-гоа к себе: итти ставить жертвенник, так как она со времени прибытия своего из Гесеровой земли до сих пор еще не приносила жертвы. Все втроем отправились. По пути Рогмо-гоа обращается к мальчику Ольчжибаю:

— Помнишь, на том пиру я потеряла свою брошь-амулет? Поговаривают, что нашел ее ты! — и с этими словами она хотела было растегнуть и посмотреть у него за пазухой, но Чоймсун-гоа подмигнула Ольчжибаю, и тот не позволил.

— Лучше старый брахман, чем новый бурхан,[1] — промолвила Рогмо-гоа, признав в этом жесте Гесера, и пошла дальше. На горѐ Цзауса-Гумба стали приступать к жертвоприношению:

— Зачем же ставить жертвенник мне, раз налицо мужчина? — говорит Рогмо-гоа. — Ставь ты, Ольчжибай!

Ставит Ольчжибай жертвенник и приговаривает:

— Горный царь Ова-Гунчид; белый тэнгрий дева Арья-Аламкари; знаменитые волхвы Мова-Гуши и Дэнгбо, Бова-Донцонг-Гарбо, Углур-Удкари, Чжамцо-Дари-Удам, Гесер-Сербо-Донруб! Ом-а-хум!

Рогмо-гоа одобрительно кивает головой, еще более убеждаясь. Потом говорит:

— Ты, Ольчжибай, все перевидал, все знаешь: хочу я загадать тебе загадки.

— Согласен! — отвечает Ольчжибай, и Рогмо-гоа задает ему загадки:

— Та золотая равнина: кажется, будто принесли ее в жертву всем бурханам. Что это такое?

— Блюдо раковин: кажется, будто до краев оно полно водой цвета раковин. Что это такое?

— Блюдо голубой бирюзы: кажется, будто до краев оно полно сине-бирюзовой воды. Что это такое?

— Одна старушка, а заставляет играть возле себя множество ребят. Что это такое?

— Одна старушка, а прогоняет от себя множество ребят? Что это?

---

[1] Старый друг лучше новых двух. Для меня лучше худое прошлое, чем хорошее настоящее положение пленницы.

— Словно два богатыря саблями друг на друга замахнулись. Что это?

— Что это такое, что похоже и на зарубину стрелы и на тетиву лука?

— Хорошо! — говорит Ольчжибай. — Я разгадаю все загадки. А ты запомнишь?

— Запомню! — говорит Рогмо.

Тогда ответил ей Ольчжибай:

— Та золотая равнина: как будто принесли ее в жертву всем бурханам. Это — степь Нулум-тала.

— Блюдо раковин: кажется до краев оно полно водой цвета раковин. Не храм ли то в честь Хомшим-бодисатвы, построенный десятилетним Гесером в знак сыновней признательности родителям?

— Блюдо голубой бирюзы: кажется будто оно полным-полно синебирюзовой воды. Это — озеро Куку-нор.

— Одна старушка, а заставляет резвиться возле себя множество ребят. Это пик Барумира-хан горы, посреди ледяных вершин.

— Одна старушка, а прогоняет от себя множество детей. Это черная гора по прозванью Хигурсун, возникшая силою злобных демонов-докшитов.

— Словно два богатыря саблями друг на друга замахнулись. Это две скалы ущелья в истоках Хатунь-реки.

— А то, что похоже на зарубину стрелы и на тетиву лука — это сама Хатунь-река.

„Теперь ясно, что это сам Гесер!" подумала Рогмо-гоа.

....

....

Но Гесер прочитал ее мысли и своею чудесною силой навел на нее забвенье о своем присутствии.

* * *

В следующую ночь налетает на Цаган-герту-хана какой-то молодец Гесеров хубилган. Снес девять знамен, порубил девять кашеваров, угнал девять табунов коней. Вставши поутру, призывает Цаган-герту-хан двух своих братьев и со слезами сетует им:

— Что за чудо! Не объявился ли Гесеров хубилган?

Сегодняшней ночью на меня произведено нападение.

Тогда распорядился Шиманбироцза. Назначил в погоню двоих: чиновника Беркут-хара-чису-идегчи и Ольчжибая. Только что стали они настигать врага, как этот молодец, Гесеров хубилган, им навстречу с камнями за пазухой и давай швырять камнями в чиновника Беркут-кровожадного, который ехал впереди, швырять и приговаривать:

— Ты, должно быть, и есть тот пузатый молодец, который поймал Цотона.

Чиновник бросился наутек, но тут давай его лупить камнями Ольчжибай, ехавший сзади.

— Что ты делаешь, голубчик? — кричит тот. — Не меня ли, своего-то человека, собираешься убить?

— Ах ты, отца твоего башку, — говорит Ольчжибай. — Ты-то кто, не лютый ли враг?

И он убил его, раскроив ему камнями череп. Привязал его за ноги к хвосту своего коня и погнал все свои табуны домой, волоча по земле его голову. Приезжает Ольчжибай и рассказывает:

— А ведь это оказался проклятый Гесер. Нагнал было его мой чиновник, да он проломил ему камнями голову и убил. Что я мог с ним поделать?

Только вот доставил обратно свои табуны да останки нашего чиновника.

— Ну, пропал чиновник, и пусть его пропадает! — говорят три хана. — Хорошо, что хоть ты-то благополучно вернулся. Теперь ступай себе домой и отдохни.

— А кому же прикажете хоронить покойника? Старым ли друзьям и братьям или новому его милому другу?

— Хорони ты! Когда-то еще прибудут его родные!

Тогда отволок его Ольчжибай к излучине реки. Голову чиновника он зарыл в землю, а ноги выставил торчком[1] наружу караулить небо. Соорудил Гесер жертвенник и произнес такую молитву-йороль:

— Вам, душам моих небесных хранителей и тридцати моих богатырей в этом мире, вам для приметы я поставил вверх ногами тело военной добычи моей, моего лютого врага: все, что там, в их стороне, всякую Ширайгольскую живую тварь и душу, хватайте одну за другой, терзайте и ешьте, поровну деля между собою! Да будет это как обычай — закон!

И произнеся такой йороль, он возвратился домой.

* * *

Желая еще раз испытать, не окажется ли, что Ольчжибай вовсе не Гесер, Рогмо-гоа поставила два трона: один золотой, другой серебряный. Поставила и говорит:

— Мне кажется, что, если это Ольчжибай, то он сядет на серебряный трон. Если же это не Ольчжибай, а сам Гесер, то он, вероятно, сядет на золотой трон.

Ольчжибай понял, что его собираются испытывать. И вот он превратил одно свое я в Гесера, который сидит на своем вещем гнедом; на нем его сверкающий росой темно-синий панцырь, его блестящие молнией наплечники, на благородной голове надет его шлем Манглай с выкован-

[1] Известен военный обычай монголов: при счете убитых на поле сражения после каждой сосчитанной сотни или тысячи один труп закапывать вверх ногами, для ориентировки.

ными на нем солнцем и луной, рядом; привешен его страшный черный лук, в колчане тридцать белых стрел с бирюзовыми зарубинами...

Собственной же своей персоной Ольчжибай сел на золотой трон.

И вот призрачным телом своим он носится на вещем гнедом и, заставляя его скакать высокими прыжками, ширяет в бойницы Ширайгольского кремля своею девятиалданной саблей черного коралла. И говорит он ширайгольцам:

— Какая кровная вражда была у Ширайгола с Тибетом? Была ли пеня хоть в козий рог? Была ли пеня хоть в хвост жеребенка? За что же вы увели супругу мою, Рогмо-гоа? За что отняли все у меня: и храмсюме тринадцатиалмазный, и великие златописные номы Ганджур с Данджуром, и волшебную драгоценность талисман — Чиндамани, и черный уголь без трещины, и белую часовню-субурган, и тридцать моих богатырей, и три отока людей, и триста человек хошучинов — передового отряда?

Повела с ним речь Хара-герту-ханова дочь Чоймсун-гоа:

— Не говори, как принято говорить, что у девушки разума нет. Пусть отдадут тебе твою Рогмо-гоа. А тридцати твоим богатырям мы воздвигнем усыпальницы. Цзаса-Шикир, Шумир и Нанцон, эти трое умерли, поразив у нас несметную рать. Пусть же одно другим покроется. И белый твой субурган, и черный уголь без трещины, и златописанные Ганджур с Данджуром, и три сотни передового отряда — хошучинов, и три отока людей, — пусть все это вернут тебе!

— Довольно, довольно! — говорит Гесер. — Верните мне живыми и здоровыми тридцать моих богатырей. Ведь вы не вернете? Хорошо! Тогда великое на вас заклятие!

— Как можно воскресить человека, однажды умершего? — говорит Чоймсун-гоа.

— О горе, горе! Тридцать моих богатырей! — и с этими словами он опять начинает носиться и колоть через бойницы крепостной стены своим девятиалданным кораллом.

Замертво попадали все три ширайгольских хана.

Тогда Ольчжибай взбирается на крепостную стену выше бойниц и вот уж он совсем было поймал коралловую саблю, как вдруг взвился к небу оборотень Ольчжибая...

Тотчас же оправились три хана и говорят:

— Ну, перебьют теперь друг друга Ольчжибай с Гесером!

* * *

В следующую затем ночь Ольчжибай берет свой шестидесятиалданный укрюк и взбирается на башню стены, зацепив за уступ ее укрюком. Но в это время его дернула за волосы на маковке и сбросила назад Эркен-тэнгри, гений-хранитель Цаган-герту-хана. От сильного ушиба Гесер некоторое время полежал на земле, но вскоре встал и, опять заце-

пившись багром, взобрался на башню. Взобравшись входит в ханские покои. А Рогмо-гоа оказывается нет дома. У нее было в обычае не иначе ложиться спать, как искупавшись в море и выпив потом чашку крепкой водки-хорцза и съев баранье сердце.

Войдя, Ольчжибай удавил Цаган-герту-хана. Вскрыл его внутренности и вырезал сердце.

Затем Гесер сам выпил чашку вина, которую приготовила для себя Рогмо-гоа и съел баранье сердце. В освободившиеся чашки он налил в одну Цаган-герту-хановой крови, а в другую положил его сердце Голову же хана он положил на подушку и закрыл одеялом. Сам же улегся затем, спрятавшись за домашними вещами.

Является Рогмо-гоа. Отведала крови и сердца Цаган-герту-хана и говорит:

— Что-то противный вкус сырого во рту? Может быть это от усталости? Вставай-ка хан, вставай! — и она потянула одеяло: голова покатилась и упала на пол.

Не успела она вскрикнуть, как Гесер выходит:

— Ага! — говорит он. — Видно в привычку тебе есть мужнино мясо и пить его кровь!

Он хватает ее за руку и выходит:

— Я забыл свой кнут! — говорит он на дворе и опять входит в дом. Видит в железной люльке у Цаган-герту-хана лежит ребенок, с железным луком в руках; держит его за наконечник, накладывает стрелу и рассуждает сам с собой: сейчас стрелять — как бы не рано; а стрелять потом — как бы не поздно! и медлит.

Понял его Гесер. Схватил за ноги и говорит:

— Мой это сын — так пойди молоко! Цаган-герту-ханов сын — так пойди кровь!

И ударил его о дверной косяк. Тотчас хлынула кровь и ребенок умер. Тут забирает он Рогмо-гоа и — в дорогу.

* * *

Преследовать Гесера выступают Хага-герту-хан и Шара-герту-хан с оставшейся у них ратью в один миллион и триста тысяч человек. Первым настигает его Шиманбироцза на вещем своем белом коне, у которого ко всем четырем ногам привязано по наковальне, да одной наковальней бьют по спине.

Тогда изволил заговорить Гесер-Богдо-Мерген-хан, государь десяти стран света и сказал:

— Пришел ты, чтоб убить или быть убитым? Пришел ты победить или быть побежденным?

— Убивать я не собирался, — отвечает Шиманбироцза, — но, попустивши убийство своего старшего брата, о чем мне думать? Я думаю, что почетнее умереть нападая, чем умереть зевая?

— Ну, раз ты решил нападать — стреляй как искусный стрелок; а я, как богатырь, подожду! И, делая вид, будто удлиняет свое стремя, Гесер-хан укоротил его.

Наложив свою стрелу шириною в ладонь, Шиманбироцза выстрелил, и стрела со свистом пролетела между ног приподнявшегося на стременах Гесер-хана.

— Мой Цзаса лют! — говорит Гесер. — Не придется ли ему скоро покушать твоего мяса? И с этими словами он прострелил противника через подушку седла. Подбежал, напрочь отсек голову Шиманбироцзы и привязал ее вместо подшейной кисти своему вещему гнедому...

* * *

Верхом на своем вещем гнедом Гесер-хан повернул назад на врагов и думает:

— Когда-то бабушка моя, Абса-Хурце, и батюшка Хормуста-тэнгрий говорили, что в земной моей жизни я испытаю две великие битвы, почему и дали мне две вещи: железный нож и золотой ларец. Достает он обе эти вещи, смотрит и видит вместо них железное ядрышко и пчелу. Свободно пускает он ядрышко: насквозь пронзает оно уши у врагов и выходит через ушную раковину. Свободно пускает пчелу: та насквозь прокалывает глаза...

Шара-герту-ханова рать идет ощупью, наобум...

— Вещий конь мой гнедой! — говорит тогда Гесер-хан. — Мое дело рубить девятиалданным черным мечом, а твое дело истоптать и сравнять с землей эту рать в один миллион и триста тысяч людей.

Гесер рубит — сечет своим черным девятиалданным мечом, а гнедой вещий конь топчет и равняет с землей.

Так с корнем истребил он все Ширайгольское племя. Полонил жен и детей и забрал все свое: и драгоценность Чиндамани; и черный уголь без трещины; и златописанные Ганджур с Данджуром; и три отока людей своих трехсот хошучинов и тридцать своих богатырей; и тринадцатиалмазный храм.

Когда же все это было собрано, Гесер-хан изволил тронуться в обратный путь, в родные кочевья.

* * *

По дороге домой дает он своему Цзасе, дает ему съесть взятое с собою сердце Хара-герту-ханова Шиманбироцзы. И говорит при этом Гесер:

— Мой Цзаса! Не хочешь ли ты опять быть в моей дружине? Тогда я опять обращу тебя в тот самый облик. Если же ты несогласен, то может быть пожелаешь возродиться у отца моего тэнгрия Хормусты? Я вселю тебя к нему.

Отвечает ему Цзаса-Шикир:

— Вот я отдал тебе, своему, отдал всю мою жизнь до капли. Раз испытав рождение человеком, трудно мне будет, пожалуй, опять родиться человеком. Хочу возродиться у отца твоего тэнгрия Хормусты!...

Одобрил слова Цзасы Гесер и водворил его душу в страну отца своего, тэнгрия Хормусты.

* * *

Продолжая воздавать справедливое, он отсек у Рогмо-гоа одну руку и одну ногу и передал ее пастуху овец восьмидесятилетнему старцу. В муках говорила Рогмо: лучше б забрали меня черти, читхуры и албины! И вот что сталось по силе этого черного преступного заклятия: читхуры и албины закопали ее заднюю часть в лед, грудь бросили в реку, а внутренности выкинули на припек солнца. Душу же ее они вселили в желтую пташку-козодоя.

В худенькой черной полуюрте, с одной при ней черноватой козой, пташка кормилась лишь тою добычей, что делала себе кусочек масла с головастика из единственной чашки молока от этой козы.

* * *

Было слово Цзасы из высшего мира:

— О, Гесер-хан мой! Ведь Рогмо-гоа сослужила две службы тебе и одну мне. Вспомни об этом, оживи ее и возьми к себе!

— Правда твоя, родимый мой Цзаса! — отвечает Гесер.

— Я оживлю ее и возьму к себе.

* * *

Обернувшись другим человеком, Гесер-Мерген-хан вошел в ту худенькую полуюрту. Прикусил у пташки ее маленький кусочек масла и положил на место. Смочил кончики усов в чашке с молоком и, притаившись, лег.

Желто-лысая пташка-козодой, в которой жила душа Рогмо-гоа, садится на дымник юрты и говорит:

— У того, кто входил сюда и кусал мое масло, зубы похожи на Гесеровы. Похожи на усы Гесера, усы, которые коснулись моего молока. Что будет со мной, если это в самом деле мой милый Богдо? Но если это другой человек, пусть станется с ним то, что со мной!

Понял ее Гесер, бросил сеточку и поймал пташку. А поймав стал отовсюду собирать разбросанные части ее прежнего тела. Собрал и, по слову Цзасы, наделил ее настоящим ее телом и образом.

Потом Гесер-хан взял Рогмо-гоа и пустился в дорогу, и прибыл он вместе с нею в родное урочище Нулум-тала.

И свою драгоценность Чиндамани; и черный уголь без трещины; и два великих златописанных нома спасения Ганджур с Данджуром; и тринадцатиалмазный храм: все это он снова водворил у себя.

Восстановил он поколения и тридцати своих богатырей и трехсот хошучинов, и три отока своих людей.

И стал он жить, услаждаясь веселием тэнгриев.

* * *

Пятая песнь, повествующая о захвате власти у трех ширайгольских ханов.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

ГЕСЕР И ХУТУХТУ-ЛАМА — ЧАРОДЕЙ

Жил Гесер в радости и веселии, пока не появился таинственный один оборотень десятисильного мангуса, под видом великого чудотворца Хутухты-ламы. Въезжая, он вез с собой целые сокровища драгоценных камней.

— Этот лама — великий Хутухта! — говорит Рогмо-гоа Гесеру. Пойдем к нему на поклонение!

— Если он пришел с добрыми намерениями, то, полагаю, зайдет ко мне, — отвечает Гесер. — Сам же к нему не пойду. А ты, если ты хочешь поклониться, иди себе и кланяйся.

Рогмо-гоа согласилась с ним и поехала одна. Прибыла, поклонилась и приняла благословение четками.

Благословив ее, лама достал свои несметные драгоценности и все их стал показывать Рогмо-гоа.

— Откуда же у такого ламы такое множество драгоценностей? — говорит она.

— У твоего мужа, — отвечает лама, — у твоего мужа, государя десяти стран, Гесер-хана — целые сокровища драгоценных камней. Отчего же им не быть и у меня?

Рогмо-гоа откланялась и возвратилась домой.

— У этого ламы, оказывается, — целые сокровища драгоценных камней! — рассказывала она Гесеру. — Мне хотелось бы, чтобы ты побывал у него на поклонении.

— Что ему до меня? — говорит Гесер. — Иди ты и кланяйся, хоть со всем улусом вместе.

Отправилась Рогмо-гоа на поклоненье вместе со всем улусом.

После поклоненья лама щедро и поровну наделил из своих сокровищ решительно всех, начиная с самой Рогмо-гоа. А покончив раздачу, лама повел такую беседу с Рогмо-гоа:

— Согласна ли ты, Рогмо-гоа, стать моей женой?

— Но сможешь ли ты осилить Гесера? — говорит та. — Если сможешь, то я не прочь стать твоею женой.

— Я? Как я могу? Ты сама сможешь осилить его как-нибудь хитростью. Замани его, допустим, ко мне, а я, притворюсь будто возлагаю на него послушание и... превращу его в осла.

Рогмо согласилась и уехала. Приезжает домой и почтительно уговаривает Гесера:

— Ах, какой великий чудотворец этот хубилган-лама! Что говорить обо мне? Из своих сокровищ он щедро и поровну наделил всех наших бедняков и нищих. Необыкновенно сердобольный великий Хутухта-лама. Обязательно едем! Поклонимся и примем от него святое посвящение.

— Ну, хорошо! — говорит Гесер. — Раз такое дело, поклонимся, а принимать — примем.

Отправился Гесер. Приехал и поклонился. Но лишь только Гесер стал принимать посвящение, мангус достал и возложил на его маковку изображение осла. Таким способом он и превратил Гесера в осла.

Тогда десятисильный мангус забрал к себе Рогмо, а на Гесере стал возить тяжелый груз — скотские порчи.

* * *

Так поступил мангус с превращенным в осла Гесером. Между тем Уцзесхуленгту-Мерген-хя, старец Царкин, сын Цзасы Лайчжаб и все люди гесерова отока рассуждают между собою:

— Лама, мангусов оборотень, превратил нашего Гесера в осла. Кто бы из нас мог его осилить? Не иной кто, как ханша Ачжу-Мерген: та, пожалуй, осилит!

И послали к ней Уцзесхуленгту-Мерген-хя адъютанта. В месяц он прошел путь, который надобно бы пройти в десять месяцев. Приехал Уцзесхуленгту-Мерген-хя и стал подробно рассказывать ей, как все у них произошло.

— Кто такой этот Гесер-хан? и кто такой этот Уцзесхуленгту-Мерген-хя? — перебила его Ачжу-Мерген, ушла в юрту и плотно захлопнула за собой дверь.

Ждал Уцзесхуленгту-Мерген-хя, пока не прошло семнадцать суток. Между тем подъехал и сын Цзасы, Лайчжаб.

— Горе, беда, — говорит он. — Так как на моем дядюшке, Ачиту-Мерген-хане Гесере, государе десяти стран света, возят единственно зловредную скотскую порчу, то уж при смерти он: надрываются ослиные легкие. Горе, беда! Что тут делать, как пособить в такой беде? Ах, если б ты поскорее отправилась, невестка моя, Ачжу-Мерген!

Мало-помалу, слушая рассказ Лайчжаба, Ачжу-Мерген растрогалась до слез. Растрогалась и впустила этих своих к себе.

* * *

Целый месяц чистит Ачжу-Мерген копье свое, целый месяц чистит и налаживает все свои боевые доспехи, один за другим.

Теперь Ачжу-Мерген готова в путь-дорогу.

— Ты, мой Лайчжаб, — говорит она, — ты оставайся здесь. По малолетству не сможешь ты вынести до конца мой поход. Но и ты, Уцзесхуленгту-Мерген-хя, сможешь ли ты вынести до конца мой поход?

— Думаю, что смогу! — отвечает тот, — но не успел он проговорить это, как она со словами „нет, и ты не сможешь до конца вынести моего дела!“ трижды махнула рукой и обратила Уцзесхуленгту-Мерген-хя в морскую раковину; сунула ее в дорожную суму и поехала.

Подъезжая к ставке мангуса, обернулась она старшей его сестрой. Глаза у нее выпучились на сажень, ресницы повисли до груди, а грудь повисла до колен. С оскаленными зубами, опираясь на девятисаженный черный свой посох, остановилась она у ворот мангусовой ставки и обращается к привратнику:

— Я буду старшая сестра десятисильному мангусу! Говорят, что наш-то подавил Гесера. Вот я и пришла его проведать... Поди-ка ты, человек, передай эти мои слова моему младшему братцу!

Тот пошел и стал сказывать. Когда же он сказывал, Мангус стал допытываться у него о наружности старухи, и на вопросы его тот подробно описал эти самые ее приметы. Тогда Мангус говорит:

— Выходит — в самом деле моя старшая сестрица. Впусти ее!

Опираясь на свой черный посох, старуха вошла. Мангус же вышел к ней навстречу и с приветствием посадил ее на почетное место. Уселась старуха и говорит:

— Родной мой! Ну, теперь посмотрю, какова из себя эта самая ханша, гесерова жена, которую ты у него отнял.

— Ладно, — отвечает Мангус, — выводит Рогмо-гоа и велит ей представиться. Осмотрела ее старуха и дивуется:

— Так это и есть та самая Рогмо-гоа, которая превосходит всех фей-дакинисс, всех девяти видов. Что за прелесть! Ну, моя невестушка, познакомимся: теперь я — твоя тетушка.

И они стали беседовать. Потом Мангус говорит:

— Ты, сестрица, прибыла издалека. Не уезжай, не осмотрев всего у меня. Выбери себе, что только пожелаешь из моей добычи.

Старуха отправилась осматривать. Осмотрела решительно все его богатства и, воротясь в дом своего младшего брата, говорит:

— Милый мой, что у тебя за прелести. Я, твоя старая тетушка, довольна и тем, что все у тебя перевидела. Теперь поеду.

— Сестрица! Мне хочется, чтоб ты выбрала себе что-нибудь по душе из этой моей добычи.

— Мне, старухе, ничего этого не надобно: дал бы ты мне только своего осла на обратный путь.

— Что ему сделается? Дам, сестрица.

Но тут вмешалась Рогмо-гоа.

— Ах, муженек! Ты хоть и Мангус, а видно не понимаешь: не таков ли Гесер, что траву увидит — в траву обернуться может, что бы только ни увидел — в то и обернется? Может быть, она-то и есть гесеров-оборотень? А не гесеров — так Ачжу-Мергенов.

— Так значит, — закричала старуха, — так значит чужая баба тебе дороже меня, твоей единоутробной родни? Упала и катается по полу.

— Встань, сестрица! — упрашивает Мангус. — Неужели из-за осла тебе помирать? Я тебе его дам.

Старуха поднялась.

— Разве ты не знаешь, — говорит Мангус, — разве ты, сестрица не знаешь, что этот осел — оборотень Гесера? И не потому ли я и не даю его, что неведомо, в кого-то он вздумает обернуться?

— А мне-то, пожалуй, ведомо! — отвечает старуха. — Потому-то я и хочу, чтоб ты дал мне этого кровного врага.

— Ну, ладно! Коли такое дело, бери его, сестрица. И отдал. После того как он отдал, Рогмо-гоа опять настаивает:

— Отдал, так отдал — пусть так. Но я советую тебе обернуть одного из твоих гениев-хранителей парою воронов, да велеть им проследить за ней.

Мангус одобрил и дал распоряжение. Ведет старуха под-уздцы осла, а пара воронов неотступно следует за нею даже и на остановках. Ведет под-уздцы осла и подходит старуха к ставке старшей сестры Мангуса. Только что осел передом вошел в ворота, а зад еще оставался наружи, как пара воронов возвращается и докладывает Мангусу:

— Все как следует быть: она проехала в свою ставку.

— Ну, и прекрасно! — говорит Мангус. И успокоился.

* * *

Тем временем старуха, проведя своего осла дальше, остановилась на самом деле у других мангусовых людей. Назвалась мангусовой старшей сестрой и приказала хорошенько кормить и поить своего осла. В ту же ночь она прочистила ослу брюхо, рано утром поднялась и тронулась в путь к своему отцу, хану драконов. Прибыв туда, она стала задавать ослу всевозможный благословенный корм. И до тех пор задавала, пока он не превратился в смуглого щупленького ребенка. Потом принялась купать его в святых водах и кормить святыми яствами. И опять привела она его в подлинный облик Гесер-Богдо-Мергена, государя десяти стран света.

* * *

Исцеленный Гесер стал каждое утро, вдвоем с Ачжу-Мерген, ходить на охоту за зверем, чтобы испытывать и восстанавливать свои силы.

Однажды утром, на охоте, Ачжу-Мерген говорит Гесеру:

— За этим вот желтеющим перевалом попадется лысый светложелтый марал. С подходящего расстояния бей его прямо в лысину на лбу, да смотри не промахнись!

Пока она так говорила, подбегает тот самый марал. С подходящего расстояния Гесер выстрелил ему прямо в лысину на лбу. И угодил так,

что железный наконечник стрелы вышел у марала через зад. Со стрелой в теле марал бросился бежать и вскочил в ставку мангусовой старшей сестры. Гесер с Ачжу-Мерген гнались за ним пешком и уж совсем было настигли его у ворот ставки, как вдруг ворота захлопнулись. Тогда Ачжу-Мерген своей огромной, в шестьдесят и три гина, булатной секирой разбила ворота вдребезги, и они вошли. Войдя же, тотчас обернулись прекрасными юношами. Смотрят — а старуха, старшая сестра Мангуса (это оказалась она) стоит дыбом на задних лапах, а из зада у нее выходит стрела, насквозь пронзившая ее через маковку. И говорит старуха юношам:

— То ли это стрела асуриев, то ли стрела драконовых ханов, то ли стрела тэнгрия? Но, увы! Может статься, — это стрела Гесера. Как знать?

— Бабушка! — говорит один. — Я готов вынуть из тебя стрелу. Но, если я выну, — согласишься ты стать моею женой?

— Хорошо, я согласна стать твоей женой — отвечает та.

— Но поклянись!

Та поклялась, и юноша вынул стрелу. Но не успел он вынуть, как старуха тот же час проглотила обоих: и Гесера и Ачжу-Мерген. Тогда говорят те:

— Разве же ты не давала клятвы? Как же ты посмела нас проглотить? Не выпустишь? Ну, так мы пролезем через твои почки, и выйдем наружу сквозь твои подошвы.

— И в самом деле! — решила старуха. — И она отрыгнула их обратно.

Женился Гесер на мангусовой старшей сестре и тогда-то выступил на Мангуса, в его ставку. Но вот, увидев приближавшегося Гесера, Мангус обернулся волком и бросился наутек. Гесер тотчас погнался за ним, обернувшись слоном. Только стал настигать, как тот оборачивается тигром и бежит дальше. Гесер, обернувшись львом, продолжает его преследовать. И уж стал было настигать его Гесер, как Мангус рассыпается множеством комаров... Пробует Гесер переловить мошкару посредством валов из золы, но, проползая там и сям, мошкара ушла в ставку мангусовой старшей сестры...

* * *

А Мангус-то опять превратился, превратился опять великим Хутухту-ламой, у которого было пять тысяч учеников — шабинаров. И живет — себе... Разузнал Гесер, где находится этот лама. Разузнал и навел на него сонное видение. И в сонном видении ему было указано так:

— Завтра, рано поутру, явится к тебе шаби, умом глубокомудр и из себя необыкновенно красив; таков этот шаби. Если он придет, прими его с подобающей лаской. Это будет наилучший твой ученик.

Вот какой сон навел на ламу Гесер и затем, поднявшись рано утром, он является к ламе в назначенное время. Лама сразу понял: вот оно что предрек мне сон прошлою ночью!

И сделал его лама первым из пяти тысяч своих учеников.

На Гесерову землю лама заготовил всевозможные заклятия, которыми навлекались всякие беды: пусть не переводятся у них болезни, мор, черти-албины и черти-читкуры! — говорилось в них. Эти заклятия он приказал произнести своему главному ученику. Но тот, вместо этого, призвал великое благословение на гесерову землю, а на мангусову землю накликал так:

— Пусть там, у Мангуса, всякие несчастья и дьявольские наваждения обложат голову ламы и никогда не прекращаются на всех его людях!

Один шабинец подслушал эти слова, пошел и передал ламе:

— Этот шабинец поступил против твоего приказа: благословения он направил туда, а проклятия-то — сюда!

Когда пришел первый его ученик, лама говорит ему:

— Давеча один шабинец сказывал про тебя, сказывал, будто бы ты произнес благословения на ту, на Тибетскую сторону, а на нас сказал проклятия.

— Как бы не так! Конечно же, я сотворил проклятия туда, а благословения — сюда, на своих.

— Стало быть, это он из зависти к тебе, из-за того, что ты над ними старший! — говорит лама. — Пусть только он попробует и впредь наговаривать мне, я без обиняков прокляну его.

* * *

Тем временем Хутухту-лама стал говорить своему лучшему ученику:

— Собираюсь я строить себе келью для уединенных созерцаний: не сумел бы ты мне ее построить?

— Я, пожалуй, особенно горазд строить! — ответил тот.

— Вот и кстати, строй!

Тогда шаби построил ему келью из камыша. Каждую камышину обматывал он хлопчатным войлоком, пропитанным маслом. Сделал как следует и двери, и дымник. И все сделал так плотно, что не оставалось щелочки, куда можно было бы просунуть кончик иглы.

— Келья готова! — докладывает он. — Теперь, лама, вам остается только въехать.

— Старые скверные шабинцы завидуют тебе! — говорил ему лама. — Прогони-ка ты их всех отсюда, не оставив из пяти тысяч ни одного.

Следуя наставлению своего ламы, первый шабинец изгнал их всех до единого.

— В свое время ты сам подавай мне кушанье и чай! — говорит лама.

— Ну, так что же? Ладно! — отвечает тот.

Сидит лама в своей келье и предается созерцательной молитве. Тут-то Гесер и подпалил со всех концов камыш, и вспыхнуло огромное пламя.

Обратится лама в человека — вопит. Обратится волком — воет, Обернется мухой — жужжит.

Так и спалил он его дотла и искоренил его мангусово племя.

Доведя это дело до полного конца, государь десяти стран света, Ачиту-Гесер-Мерген-хан, прибыл в родное урочище Нулум-Тала и воздвиг там ставку ханскую из драгоценного камня.

* * *

Шестая песнь — об убиении некоего оборотня-ламы, исполненного десяти мангусовых сил.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

ГЕСЕР В АДУ

Где моя матушка? — спрашивает Гесер.

Отвечает ему сын Цзасы, Лайчжаб:

— Матушка твоя уже давно обрела святость будды. Когда тебя обратили в осла, у нее нарушилось кровообращение, и она впала в беспамятство.

Зарыдал Гесер, и от его рыданий трижды перевернулся его дворец из драгоценных камней. Повернулся и опять стал на свое прежнее место.

Садится тогда Гесер на своего вещего гнедого, берет свой волшебный кнут, привешивает свой девятиалданный меч; надевает на свою благородную голову белый шлем свой Манглай, на котором чредою поставлены солнце и месяц; тёмносиний свой панцырь, как блистающая роса; свои наплечники, сверкающие, как молнии; вкладывает в колчан тридцать своих белых стрел с бирюзовыми зарубинами; берет свой черносвирепый лук; свою огромную секиру булатную, весом в девяносто и три гина; свою малую булатную секиру весом в шестьдесят и три гина; золотой аркан свой для уловления солнца, серебряный аркан для уловления луны; свой железный посох в девяносто и девять звеньев. Все это берет он с собой в путь-дорогу.

Взлетел он на небо и явился к отцу своему, тэнгрию Хормусте. И доложил ему:

— Милостиво выслушай меня, батюшка мой, Хормуста-тэнгрий! Не видал ли ты души земной моей матери?

— Нет, не видал я! — последовал ответ.

Тогда отправляется Гесер наведаться у тридцати и трех тэнгриев. Но ответили и те, что не видывали. Осведомился у бабушки своей, Абса-Хурце — и она не видала. Спросил у трех своих победоносных сестер:

— Откуда ей и быть тут? — сказали они. — Нет, не видали мы.

Спросил у отца своего, горного хана, Ова-Гунчида; тот тоже не видал.

Тогда Гесер спускается на землю, обернувшись царственной птицей — Гаруди. А спустившись, направляется он к царю ада, Эрлик-хану. Хочет войти, но оказывается крепко заперты врата восемнадцати адов.

— Отворите! — Не отворяют.

Тогда он разбивает адские врата и входит. Стал расспрашивать привратников восемнадцати адов, но ничего от них не добился.

Тогда, оставаясь у ворот ада, Гесер наслал на Эрлик-хана домового, душить его во сне. Но оказалось, что душой Эрлик-хана была мышь. Распознал это Гесер, и обращает свою душу в хорька. Поставил он у входа в дымник свою золотую петлю, вместе с хорьком; а сверх дымника наставил свою серебряную петлю. Он рассчитал, что если мышь полезет снизу, то попадет в золотую западню и не вырвется; а если полезет сверху — угодит в серебряную ловушку, и ей не уйти.

Таким-то способом Гесер и поймал Эрлик-хана.

Связал его по рукам и припугнул своим железным посохом в девяносто и девять звеньев.

— Сейчас же говори и показывай, где душа моей матушки?

Отвечает ему Эрлик-хан:

— Души твоей матушки видом не видывал, слухом не слыхивал.

И опять говорит Эрлик-хан:

— Разве что, спроси у привратников восемнадцати адов!

Пошел Гесер и опять стал спрашивать привратников.

— Не было ее вовсе! — отвечают те. — Разве мы не доложили бы Эрлик-хану, еслиб в самом деле пришла Гекше-Амурчила, мать самого Гесер-хана, государя десяти стран света? Нет ее здесь!

Тогда выступает один из привратников, седовласый старик, и говорит:

— Конечно, мы не знавали матушки Гесер-хана. Но есть тут какая-то старуха. Все время она зовет кого-то: „Соплячок мой Шилу-тесве!“ Зовет и у всякого прохожего, направо и налево, все просит воды, но, конечно, напрасно. И тут же принимается рвать полынь и ест.

— Увы, что это он говорит! — вскричал Гесер. — Пойдите поскорее и найдите ее!

— Да она, должно быть, и сейчас находится вон-там, в полынях.

Бросился Гесер. Смотрит, и оказывается, мать его здесь...

Так Гесер разыскал душу своей матери и взял ее. Старика же он убил. Перебил и всех привратников восемнадцати адов.

И сказал Гесер плененному им Эрлик-хану:

— Раз ты самовольно заточил в аду мою мать, то значит и всех-то смертных ты заточаешь в ад и правдой и кривдой!

— Видом я того не видывал, слухом я того не слыхивал! А еслиб и знал, то за что же заточил бы в ад твою мать?

* * *

Говорит тогда Гесер своему вещему гнедому:

— Покажи-ка себя иначе, мой вещий конь гнедой! Белым горным конем, конем с волшебной поступью! привесь-ка к себе на грудь острые мечи! Высоко держа свою львиную голову, покажи свой грозный вид! Трижды выполощи свой рот из ключа святой воды — расаяны, трижды глотни святой воды. А потом закуси зубами душу моей матери

и отомчи ее к отцу моему, Хормусте-тэнгрию. Там знают, что она была моей матерью, когда возродился я в Чжамбутибе!

Мчится конь, направленный в путь со всеми этими наставлениями, а навстречу ему выступают три победоносные сестры гесеровы. Уж близко конь. Подлетает грозно храпя, как будто приготовился разить несметных врагов привешенными к груди его острыми мечами. Вот с каким видом приближается. Изумлены его видом встречающие его три победоносных сестры:

— Должен бы иметь такой свирепый вид наш соплячок Цзуру, который возродился в нижнем мире Чжамбутибе. И приняли они душу изо рта вещего гнедого коня. Приняли и говорят коню:

— И сами все ведаем мы, гесеровы победоносные сестры! Ты возвращайся к Гесеру.

Потом три победоносные сестры его отправились к Хормусте-тэнгрию с душою матери Гесера, и говорят:

— Возрождаясь в Чжамбутибе, соплячок Цзуру вошел в ее чрево. Поэтому Гесер посылает к тебе ее душу и просит возродить ее среди верховных тэнгриев.

* * *

Тогда отец его, Хормуста-тэнгрий, созвал со всех десяти концов света лам. А собравши лам, велел им читать святые номы о водворении ее души. И тогда душа гесеровой матери стала принимать образы бесчисленных будд.

И опять заставил читать номы, бить в литавры и барабаны, зажигать курительные свечи и лампады. Тогда душа обратилась в драгоценный лазурь-камень Вайдурья.

И опять заставил читать номы. И вот, во время призываний будд всех концов света, обратилась душа Гекше-Амурчилы в царицу фей-дакинисс.

* * *

Спрашивает Гесер воротившегося коня:

— Ах, ты вещий мой конь гнедой! Исполнил ли ты свое дело?

— Как же я вернулся б туда, откуда отправлен, еслиб не исполнил всего?

— Ну, хорошо, спасибо, мой вещий гнедой!

* * *

Отпускает потом Гесер и Эрлик-хана. Отпускает и говорит ему:

— Эрлик-хан! Впредь тебе следует заключать людей в ад только тогда, когда взвесишь: праведен или грешен. А на этот раз вышло у тебя неправосудие.

Потом поклонился ему Гесер-хан и добавил:

— И я поступил с тобой неправосудно, мой старший брат, Эрлик-хан.

Отвечает ему Эрлик-хан:

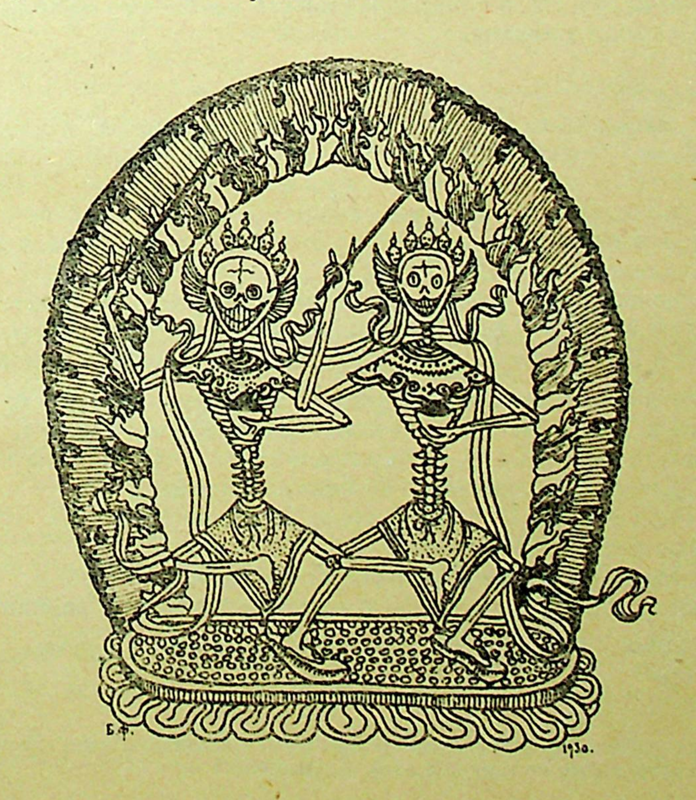
— С твоею матерью вышло что-то неладное. Ведь нельзя же было заключить ее в ад по произволу, без всякого законного основания? — рассудил я. — Рассудил и посмотрел в свое „зерцало судьбы". И вот оказалось, что, когда родился Гесер-хан, то его мать Гекше-Амурчила, не будучи в состоянии решить, демон это или бурхан, выкопала восемнадцатисаженную яму и хотела его туда бросить. Из-за этого-то помысла она и попала сама в восемнадцатиярусный ад. Вот что оказалось! — рассказал Эрлик-хан.

Пустился Гесер в обратный путь, в свои родные кочевья. Воротясь домой, сдал он Рогмо-гоа одному нищему. Сдал же ее вот в каком виде: на один глаз — слепою, на одну ногу — хромою.

Потом прибыл он на урочище Нулум-тала. Изукрасил свой тринадцатиалмазный храм-сумэ и стал жить в радостях и веселии. В кремле своем, по всем четырем углам полным редкостей. Были тут и волшебная драгоценность — Чиндамани, и уголь без трещины, и всевозможные драгоценные камни.

* * *

Седьмая песнь о том, как всех возрадовал Ачиту-Богдо-Гесер Мерген-хан, искоренитель десяти зол в десяти странах света, возрадовал, покорив под ноги свои всех супостатов.

ПРИМЕЧАНИЯ

Поставив себе ограниченную цель историко-литературного анализа автор не думал вначале давать особых примечаний тем более, что связанные с памятником вопросы филологического и лингвистического порядка уже достаточно исследованы в монголоведческой литературе (А. Бобровников, А. М. Позднеев, Н. Н. Поппе). В этих видах текст перевода конструирован таким образом, чтобы рядоположением монгольских терминов и их русских эквивалентов избежать по возможности специальных примечаний. С этою целью в тексте перевода, например, даются такие сочетания; „миля-бэрэ", „демон-шимнус" и т. п. Однако в ряде случаев оказалось невозможным обойтись без некоторых дополнительных пояснений. Кроме того, некоторые необходимые библиографические пояснения к тексту памятника не могли найти себе места, по изложенным соображениям, в тексте исследования и неизбежно потребовали некоторых примечаний общего характера.

Нижеследующие примечания, с указанием в соответствующих случаях страниц текста, к которым они относятся, и имеют в виду устранить отмеченные недочеты, а также предложить некоторые выводы из наблюдений над языком памятника.

К стр. 35; *1.*[1]

Так называемая пекинская версия Гесериады ксилографически воспроизводит только семь песен из пятнадцати относящихся к восточно-монгольской версии памятника. Издание акад. Шмидта представляет простую перепечатку пекинского ксилографа, имеющегося в нескольких экземплярах в библиотеке Института востоковедения Академии Наук СССР (ИВ).

Рукописный фонд этой версии представлен довольно полно, хотя одиннадцатая и четырнадцатая песни пока не найдены вовсе. Для установления текста памятника мы располагаем следующими рукописями:

1° Рукописи. воспроизводящие первые семь песен, и, возможно, являющиеся копиями Пекинского ксилографического издания.

2° Ms под sign. VI 113, содержащая песни I—IX, причем песни I—VII совпадают с пекинским ксилографическим текстом.

3° Ms под sign. III 2 и Mong. Nova 20; песни VIII и IX.

4° Ms под cign. P_5: песнь IX.

5° Ms под sign. Mong. Nova 20; песни X, XII, XIII и XV.

6° Ms под sign. I_{41}: далекий от ксилографического вариант VI песни.

Калмыцкие или западномонгольские изводы памятника представлены:

[1] Первая цифра обозначает страницу настоящего издания; вторая курсивная — страницу монгольского текста по изданию акад. Я. Шмидта.

1° Два калм. ms ИВ под sign. B_2 и B_3, содержащие первую песнь Гесериады.

2° B. Bergmann, Nomadische Streifereien, Riga, 1804, где имеется перевод VIII и IX песен калмыцкого извода.

3° Калмыцкий ms ИВ под sign. B_1: VIII и IX песни калмыцкого извода.

4° Близкая к предыдущей калмыцкая рукопись, принадлежащая Б. Я. Владимирцову.

5° А. М. Позднеев, Сказка про сражение Гесер-хана с Андалмой (Калмыцкие сказки, VII), Зап., т. IX. 1896, стр. 41—58.

6° Попов, Грамматика калмыцкого языка, Казань, 1847, IX + 390, где со стр. 374 помещена часть VII песни калмыцкого извода Гесериады.

7° Тимковский, Путешествие в Китай, ч. I, где со стр. 289 приведено содержание VIII и IX песен, примыкающее почти полностью к вышеуказанной передаче калмыцкого извода этих песен у Bergmann'а.

8° Потанин, Очерки северо-западной Монголии, вып. IV, Материалы этнографические, СПб., 1883, стр. 250—257, 317—820, где приводится содержание слышанных им версий Гесериады.

Далее мы имеем особо стоящий западнобурятский цикл сказаний о Гесере, лишь очень слабо, повидимому, связанный тематически с вышеприведенными письменными версиями памятника и принявший кроме того форму типичного бурятского улигера — рифмованной героической былины.[1]

Цикл этот представлен в записях:

1° Ц. Ж. Жамцарано, Произведения народной словесности бурят. племен, т. II, вып. I. Серия Образцы народной словесности монгольских племен. Эпические произведения эхрит-булгатов. Гэсэр-Богдо. Эпопея. Л., 1930, I + 166 стр.

2° Ц. Ж. Жамцарано, Произведения народной словесности бурят. Эпические произведения эхрит-булгатов (былины цикла Гесера). Серия Образцы народной словесности монгольских племен, т. II, вып. 2, Л., 1932, I + 167—330 стр.

Наконец, Тибетско-тангутская версия, признаваемая некоторыми исследователями, как, напр., Н. Н. Поппе, прототипом, первоисточником цикла сказаний о Гесере, представлена:

1° Опубликованные Francke части тибетской версии Гесериады.

2° Два тиб. mss., принадлежащие Институту востоковедения Академии Наук и содержащие две различные версии Гесериады.

3° A. David Neel и лама Jongden, La vie surhumaine de Guésar de Ling, le héros thibétain racontée par les bardes de son pays, Paris, 1931,— перевод тибетской версии Гесериады.

4° Ms Институт востоковедения Академии Наук, содержащая монгольскую версию Geser-Ling'a.

5° Потанин, Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральной Монголии, т. II, СПб, 1893, стр. 120, passim, где содержатся записи содержания слышанных им сказаний, примыкающих к той же версии. Таким образом мы имеем три письменные (восточно-монгольскую, западно-монгольскую и тибетско-тангутскую) версии Гесериады и одну изустную, западнобурятскую. Н. Н. Поппе упоминает еще об одной версии, тюрк-

---

[1] Н. Н. Поппе. Проблемы бурят-монгольского литературоведения, Зап. Институт востоковедения Академии Наук, III, стр. 19.

ской,[1] и таким образом можем констатировать, что гесеровский цикл является достоянием многих народностей всей Центр. Азии. Независимо от взглядов на памятник, изложенных в историко-литературном исследовании его, автор имел и имеет в виду в дальнейшем опубликовать переводы всех трех его письменных версий, т. е. восточно-монгольской, западно-монгольской (калмыцкой) и западно-бурятской во всей их полноте, доступной в пределах наличного фонда соответствующих рукописей и изданий. Лишь по выполнении подобной работы, мы имели бы возможность широко и основательно поставить разрешение тех многочисленных вопросов, которые возникли в связи с изучением данного эпического цикла на основе явно недостаточных источников. Само собою разумеется при этом, что в равной мере необходимо и критическое издание текстов этих версий, хотя бы и в том объеме, который ограничивается наличным рукописным фондом.

Что касается в частности вопроса, о том, почему письменные версии Гесериады предстают нам в прозаической форме или лишь изредка перемежаясь стихом, то этот вопрос уже и при тех материалах, которыми мы располагаем в настоящее время, может быть разрешен с достаточной достоверностью. Многие исследователи, как, напр., Hans Conon v. d. Gabelentz, E. Windisch, Dr. Berthold Laufer, проф. А. М. Позднеев, акад. В. В. Бартольд, Б. Я. Владимирцов, Н. Н. Поппе, в той или иной форме поддерживали гипотезу о принятом у монголов и тибетцев обыкновении переделывать и приспособлять для исторических повествований и хроник народные эпические сказания, слагавшиеся обычно в стихах. Примером служат в монгольской литературе хроника „Altan tobči“ летопись Sanang-Sečen'a и в особенности, „Mongɣol-un niɣuča tobčiyan“ (или знаменитый „Юань чао ми ши“), в котором прозаическое повествование едва ли не на одну треть переплетается с эпизодами, представленными в форме стихотворных эпических отрывков, песен, пословиц и т. п. Приводимые Н. Н. Поппе[2] факты и соображения о взаимовлияниях в литературе и фольклоре на монгольской почве не только должны быть приняты как достаточно убедительные, но и послужить основанием для дальнейших выводов о таких же взаимовлияниях между „книжным“ методом приспособления фольклора для целей исторического или беллетристического повествования, и методом самого эпического творчества, который и в своих первоисточниках, нередко приобретает как у монголов, так и у тибетцев форму стихов, перемежающихся с прозой или наоборот.

Ксилографическая версия Гесериады, очень бедная стихотворными вставками, представляет наитипичнейший образец беллетристического приспособления народной словесности. Однако с этой стороны нуждается в основательном доследовании весь рукописный фонд монгольских версий, так как выделение стиха не всегда в монгольском письменном представляет простую и легко выполнимую задачу, в виду своеобразных моментов как самого стихосложения, так и методов монгольского письма вообще.

Однако установленное влияние „книжного“ направления фольклора может иметь место именно и в данном случае. Но для окончательного решения этого вопроса, как видим, представляется совершенно необходимым привлечь все тексты письменного фонда цикла о Гесере, чего в настоящее время сделать пока невозможно.

---

[1] Н. Н. Поппе, op. cit., стр. 23.
[2] См. op., cit., стр. 19, passim.

К стр. 42—44; *8—10.*

По ксилографическому изводу цикла Гесер рождается у матери „положенным путем", т. е. самым естественным образом. Но самое обстоятельство зачатия его изложено так, что остается место для всяких догадок из области чудесного. Да и сама роженица, видимо, колеблется в этом вопросе между двумя одинаково для нее допустимыми возможностями: обыкновенного зачатия в состоянии „обморока" и зачатия магического, хубилганского, сверхъестественного.

С этой точки зрения возможно допустить и некоторую двусмысленность в многократном употреблении здесь в разных формах глагола bariγdaxu, который в соответствующих местах может быть понимаем и как „мною удержан", и как „мною подхвачен" (зачат).

К стр. 47—48; *13.*

Текст, как он фиксирован в ксилографической версии, не дает оснований для перевода, „отменили бы приговор о ссылке". Но то обстоятельство, что в данном случае совершенно неуместно от лица жены изгнанницы употреблен феодальный субститут „ǰarliγ bojba" вместо обычного „kemebe', „gebe", дает основание предполагать, что мы здесь имеем дело с порчею текста, который и устанавливается мною по смыслу. Буквально следовало бы переводить: „с иронией изволила изречь". Возможно также, что здесь и пропуск фразы, восстановление которой в таком виде, как здесь проектируется, как нельзя лучше увязывается с дальнейшим течением рассказа об отмене тяготевшего над стариком Санлуном приговора схода, подстроенного Цотон-нойоном.

К стр. 59; *26.*

Кочевала шайка горных бродячих хищников. Едва ли возможно, как это, напр., у Шмидта, понимать слова текста „Sartaγčin ayaγčin boǰiyaγčin" как названия племен. Последние два слова совершенно очевидно значат „бродячие хищники". Слово „sartaγ" в диалектах значит „горная падь" (см., напр., Калм. словарь Позднеева, стр. 149).

К стр. 60; *26.*

„Снимай свои волосы и бороды", т. е. принимай сан буддийских баньди — монахов, послушников, которые по обрядам буддийской церкви обязаны сбривать волосы, бороды и усы.

„Стал летовать... в черной полуюрте", иначе ǰoǰon. Так называется юрта бедняков, состоящая из одной конусообразной крыши на жердях — унинах, без стен (решеток-хана).

К стр. 62; *28.*

Субурган (suburγan). Санскр. tchâitya, stûpa, sthûpa — надгробная пирамида.

К стр. 42—63; *29.*

Хомшим-бодисатва или Хонгшим-б. Санскр. Avalokitâçvara, кит. Kouan-chi-in. Имя этого бодисатвы монголы передают еще словами „Nidu-ber üjegči, т. е. „взирающий очами".

К стр. 63; *30.*

Чиндамани-эрдени, санскр. Tchintamani, талисман — драгоценность, исполняющий все желания.

К стр. 70; *36.*

„На подставке üne пел у меня попугай; на подставке χatun куковала кукушка; на подставке boγtal-un распевала птица Urangχatiin-γoa“. В других местах те же подставки, т. е. опорные столбы в юрте называются: 1) Noyan tulγa ~ üne tulγa, т. е. господский или дорогой столб; 2) χatun tulγa, т. е. женский и 3) boγtal-un tulγa ~ boγdas-un tulγa, т. е. „для сватов“ и для „блаженных“. Дело идет, конечно, о разной „почетности“ мест в юрте, в соответствии с близостью или дальностью от входной двери (с южной стороны): „красный“ угол (χoyimar) — против входа, у северной стены, под божницами, (вблизи Noyan ~ üne tulγa); средней почетности — между местом у входа и „красным“ посередине, вблизи χatun tulγa и очага, всегдашнего места хозяек; и последнее место — для сватов или странников, у входа, вблизи от boγtal-un ~ boγdas-un tulγa. Термины местные, очевидно южномонгольские, так как ни у халхасцев, ни у калмыков, не в ходу. Это обстоятельство лишний раз характеризует данную версию как возникшую среди монголов „тибетско-тангутской окраины“. Параллели üne ~ noyan и boγtal-un ~ boγdas-un tulγa вернее всего мнимые параллели, явившись в результате ошибки при переписке mss среди монголов северовосточных говоров.

К стр. 72; *39.*

Тарни — мистический отдел буддийского канона. В народном понимании — заговор, заклинание. Фрагменты из этой интереснейшей области монгольского фольклора местами вкраплены и в нашем памятнике, таковы, напр., эпизоды с причитаниями матери Гесера при обрезании пуповины, заговор на расположение скота, на добрую пастьбу, на стрельбу без промаха и т. п. Надо пожалеть, что пока эта часть фольклора весьма слабо представлена в записях наших монголоведов, между тем как она представляет неисчерпаемые богатства как в шаманской, так и в буддийской среде отживающего поколения стариков.

К стр. 81; *50.*

Птица Гаруди, санскр. Garuda, баснословная птица, представляется в различных видах: то как огромный журавль, то как коршун или орел.— „Задняя пола горит“ — очевидно, оттого, что совершила грех: задней нечистой полой задела священный огонь.

К стр. 102; *65.*

Чай и шилю (шолю), т. е. кирпичный чай, забеленный молоком и сдобренный жиром и стружками мускатного ореха; и суп из бараньего мяса ломтиками. Самые обычные кушанья у всех монголов, иногда соединяемые вместе, в одном и том же котле. Непременное угощение, предлагаемое всякому гостю.

К стр. 106; *70.*

„Уразумела это дочь хана“... Она тоже „небесного“ происхождения, как и Гесер, она хубилган и возмущена долготерпением всемогущего

Гесера: „Это худо!", т. е. это даже и для хубилгана трудная пытка. Доколе же ты будешь сносить подобные мучения? говорит она. „Ali-büri" — „доколе".

К стр. 109; *73.*

Нечто вроде „похвалы" (maγtal) чаю, который представляется монгольскому кочевнику главнейшим и существеннейшим питанием „начатком", „первенцем" всякой пищи, — „Čai šinggin bolbočigi iden-i degeji bolna'" — чай хоть и жидок — а священный первенец в еде. Похвалы — maγtat'ы также являются одним из излюбленных и широко распространенных видов монгольской народной поэзии.

К стр. 110; *74.*

Aralγo-γoa — это имя, данное родителями, а Tüimen jirγalang, т. е. „десять тысяч блаженств", „тьма блаженств" — это имя, данное, по обычаю монголов вторично — мужем или возлюбленным.

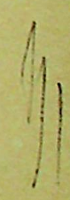
Etügen-Eke — Мать-Земля, древнейшее шаманское божество, рядополагаемое в эпосе с „Вечным Синим Небом". Если задаваться вопросом о том, какое религиозное сознание отражается в Гесериаде, то все как будто бы свидетельствует об интимнейших и глубоких симпатиях творцов этого эпического цикла к шаманской натур-философии.

К стр. 114; *78.*

Скорбь изгоняемой Тумен-чжиргаланг передана стихами. В переводе это отмечено двояким пересказом этого места. Во многих других местах определенно ощутим своеобразный внутренний ритм монгольского стиха, здесь же кроме того наличествуют и рифмы (аллитерация).

К стр. 118; *82—83.*

Фантастические существа — полузвери, полуптицы, полулюди, Сэру и Ролок, на подобие наших былинных Сирина и Алконоста. При этом Сэру — единорог, возможно стоит в каком-то отношении с „рогом" на вершине древка знамени (serü), тогда как к эпическому Roloγ возможно восходит термин чингисовой эпохи „örlög", раскрываемый китайцами, а вслед за ними и Кафаровым и Владимирцовым как синоним „bayatur'a, т. е. „витязь", герой. В действительности, мне думается, здесь дело идет о √örö — „внутренность", „особенность", „отдельность", опричь нет ближе, милей, т. е. то, что у нас было известно под термином „опричник". Об этом соображения мои изложены в исследовании о термине „örlög" в связи с публикацией перевода монгольского эпического фрагмента „Чингисов пир" (речи девяти излюбленных чингисовских örlög'ов).

„Святой град Урчжин" — санскр. Urjâin в Мальве, столице царя Викрамадитии (Vikramâditya), один из семи „священных" городов Индии. Весь этот пассаж также, несомненно, восходит к образцам заклинаний — yöröl'ей или tarni.

К стр. 119; *84.*

„Делает за один прыжок десять гацзаров-верст". γajar (собств. земля) неопределенная мера длины; расстояние, на которое можно слышать человеческий голос; в дальнейшем — кит. *ли* — около полуверсты; потом, в местностях, соприкасавшихся с русскими, — верста, как „modun" — столб деревянный, „верстовый столб".

К стр. 130; *95.*

„Покрыли полотном с начертанной на нем молитвою *мани*, т. е. буддийскою молитвенно-тарнистической формулой „Om mani pad me hûm“, которая начертывается обычно на порталах храмов, надгробиях, на священных скалах, молитвенных цилиндрах, флагах и т. п. При перебирании четок нередко произносится только начальный слог формулы „mani“, как и в данном случае.

К стр. 131; *96.*

„Разве не говорил я тебе“: Kümün-dü γurban ǰüyil itegel-ügei — tomo modun-i modun-du ülü toγočiχu; kitarγu šibaγun-i šibaγun-du ülü toγočiχu; eme kümün-i nökür-tü ülü toγočiχu!', т. е. буквально — для человека три рода вещей неприемлемы всерьез: нельзя считать дубину деревом; нельзя считать воробья птицей; нельзя бабу считать другом, т. е. то же, примерно, что у нас выражает поговорка „воробей — не птица, баба — не человек“. Однако сочетание „tomo modun“ несколько ненатурально в монгольском, почему здесь можно заподозрить некоторую порчу текста. Вместо „tomo“ допустимо чтение „dom modun“, т. е. дерево в качестве „элемента“ в гадательной процедуре, где наряду с прочими представителями девяти стихий — элементов участвует и крохотная стружка дерева как символ дерева. В соответствии с этим может быть несколько переиначен и смысл вышеприведенной пословицы.

К стр. 132; *98.*

Тарничи-лама, т. е. монах, специалист по произнесению тарнистических формул и гаданьям.

К стр. 138; *104.*

„Черного цвета напиток забвения, называемый бак“. Этимология слова „baγ“ (куча, узел, совокупное) несомненно восходит к древним монголо-тюркским шаманским представлениям астрологического характера: гаданья и заговоры по „узлам“, по созвездиям и т. п. В этом отношении характерны сочетания со словом baγ: baγ tołoγai — „маска комедианта“; „baγ čindur“ — „забвенный прах“, „baγ čerig“ — 12 звезд созвездия Волк.

Любопытно развитие семасиологии этого корня в ряде: baγ-ši — учитель; baγšiχu ~ baγši-ra-χu — столпиться; baγ-ta-χu — внедриться, уместиться; baγ-ta-χu — образовать отряды; baγ-ła-γan — сноп, пучок; baγ-ča — пучок, кипа; сад; baγ-ča-či — садовник; baγ-jaγar — коренастый; baγ-ča-tu — сотник войсковой.

К стр. 139; *105.*

Ширайгольские ханы, т. е. ханы южных монголов, кочующих в районе озера Куку-нор в верховьях Хуан-хэ, к северу от Тибета и Тангута. Cf. J. J. Schmidt, Forschungen im Gebiete der Geschichte Mittelasiens, S. 228, atque Geschichte der Ostmongolen, S. 359.

К стр. 141; *107.*

„Златотканные Ганджур с Данджуром“, т. е. книги буддийского канона.

К стр. 141; *108.*

„Обернулись небесною птицею Ганга". γangγa (санскр. gangg̃at-chilli) — larus ridibundus — большой черноголовый коршун.

К стр. 164; *135.*

„Сын Солонгосского хана", т. е. корейского; „Земля Мон или Мун" — название тибетской области.

К стр. 173; *143.*

Кулан (xulan) — особый вид дикой лошади.

К стр. 1, 7, 32 и 33 (I песнь) и 85 (IV песнь) монгольского текста.

Язык Гесериады нашей версии весьма резко отличается от обычных форм и стиля монгольского письменного языка и своим лексическим составом, и морфологией, и синтаксисом, допуская в изобилии формы и обороты, свойственные одному из южномонгольских живых диалектов. Особенности морфологии и синтаксиса этого стиля достаточно обследованы Н. Н. Поппе в его Geserica и отчасти Б. Я. Владимирцова в Pañca-tantra.

С своей стороны я предлагаю здесь несколько замечаний по вопросу о природе некоторых глаголо-образующих суффиксов в монгольском, сложившихся в результате сопоставления стиля памятника с классическими формами монгольского письменного с одной стороны и живых диалектов — с другой.

Соответствующие места к указанным страницам монгольского текста (по изданию Шмидта) приведены в тексте нижеследующих замечаний.

Исполнилось ровно сто лет с тех пор, как по почину нашего знаменитого монголиста О. Ковалевского все наши монгольские грамматики регистрируют, в качестве особой глагольной парадигмы, средний (возвратный) залог, характеризующийся специальным суффиксом — ra ~ re, — который служит для образования непереходящих глаголов от имен, наречий и от переходящих глаголов (см. О. Ковалевский, Грамм., стр. 120, 121. Ср. Котвич, Грамм., стр. 91, 92, — Руднев, Грамм., стр. 54, — Н. Поппе, Практич. учебн., 1931 г., стр. 148).

Состав соответствующих глаголов, подтверждающих этот вывод, исчерпывается (во всех названных работах) следующими:

1. χataγuraχu < χataγu „твердый — затвердеть";
2. maγuraχu < maγu „худой" — худеть;
3. baγuraχu < baγuχu „спуститься" — спуститься; похудеть.
4. tasuraχu < tasułaχu „разорвать" — разорваться;
5. kökerekü < köke „синий" — посинеть;
6. ǰög̃elerekü < ǰög̃elen „мягкий" — смягчиться; размякнуть;
7. üg̃eyirekü < üg̃ei „неимущий" — обеднеть;
8. χaγučiraχu < χaγučin „старый" — состариться;
9. ebderekü < ebdekü „разрушить" — разрушиться;
10. bałbaraχu < bałbałaχu „раздробить" — раздробиться;
11. χaγaraχu < χaγałaχu „ломать" — сломаться;
12. kögširekü < kögšin „старый" — устареть;
13. samaγuraχu < samaγu „расстройство" — притти в расстройство.

Из этого ряда в тринадцать глаголов восемь происходят от именных основ, и только пять считаются происходящими от глаголов, а именно

baγuraχu, tasuraχu, ebderekü, balbaraχu и χaγuraχu. Однако нет никаких оснований производить tasuraχu < tasulaχu, так как оба они самостоятельно происходят от основы tas-tas ~ tas· (звукоподр. примитив, выражающий треск от ломки). Это же относится и к происхождению глаголов χaγaraχu и χaγalaχu от общего √χaγa.

Таким образом от глаголов происходят лишь: baγuraχu < baγuχu и ebderekü < ebdekü. Но и baγuχu и его дериват оба суть непереходящие глаголы. А следовательно предположение о том, что посредством суффикса - ra от переходящих производятся непереходящие глаголы — неверно.

Остается единственный глагол ebderekü — „разрушаться", который происходит от ebdekü — „разрушать", и как будто бы в этом случае суффикс - ra оправдывает свое назначение.

Однако и этот последний глагол, по крайней мере в некоторых сочетаниях, вызывает сомнение в своей непереходности: χoton-i öbesüben ebderegsen ajuγu, т. е.: „случилось, что кремль их сам себя разрушил". Весьма любопытно, фраза эта сопоставляется с другой: „Kümün bögsentü minu — egüdügsen bey-e ben ebden irejü bilebil, т. е.: то, что у меня нижняя часть человечья (значит), что я пришел (имею) сбросить (разрушить) свое (это вот) тварное тело" (Гесер-хан в изд. Шмидта, стр. 1, 7. — На этимологии этого глагола я останавливаюсь далее по поводу суффиксов — da и др.). В обоих сочетаниях — ebderejü и ebden irejü — за глаголом ebde — остается управление accusativ'ом. Если мы продолжим несколько этот ряд глаголов с суффиксом - ra, происшедших от глагольных же основ переходящего типа, то увидим, что сплошь и рядом переходящими являются как основные, так и производные от них глаголы, так:

1. ömörekü ~ ömögerekü < √em ~ öm ~ öm-le — „лечить) — защищать (χuda-iyen ömörekü, См. Гесериада, Песнь I, стр. 32, 33).
2. dokirχu < doχiya — „знак", „сигнал" — травить, подстрекать (кого — noχoi-yi doχirχu);
3. düsürekü < dusχu — „капать" — лить (usun-i düsürekü);
4. daγariχu < daγaχu — „следовать" — настигать, наезжать, опрокидывать;
5. ačaraχu < abči (u) „беря" — приносить;
6. abadirχu < abād — „взявши" — приносить.

Этих примеров вполне достаточно для того, чтобы поколебать утверждение о непременной возвратности глаголов с суффиксом — ra.

Все, что можно и должно установить из анализа вышеприведенных рядов — это: 1° что глаголы с суффиксом - ra образуются от а) имен, б) звукоподр. частиц — примитивов и в) глаголов; 2° что глаголы, образованные от основ а и б, действительно, в переводе на русский язык могут быть переданы глаголами возвратного залога, и 3° что глаголы третьей категории, т. е. произведенные от глаголов же, в состоянии сохранять то же самое управление винительным падежом, какое им было присуще до сочетания с суффиксом - ra, иначе говоря — оставаться глаголами переходными.

По странной случайности доселе ничьего внимания не привлекли последние три глагола в приведенном мною ряду, а именно: daγariχu, ačaraχu и abadirχu, которые употребляются в письменном языке и в иной версии: daγarin irekü — (См. Ковалевский, Словарь, стр. 1582) — „столкнуть", abcu irekü и abuγad ~ abād irekü — „принести" т. е. представляют

синтактические сочетания из деепричастной формы данного глагола как понятия частного, и любой формы глагола как понятия общего.

Приходить — irekü — есть глагол, выражающий общее понятие о направлении движения сюда, в сторону говорящего и, возможно, представляет не что иное, как более позднюю эволюцию того же глагола с сильной придыхательной инкурсией, т. е. глагола kürkü < kirkü — (тожество u ~ ü ~ i, как вставных слогообразующих по крайней мере, вполне доказано) — достигнуть, т. е. притти (сюда).

Итак приведенные сочетания означают: 1) daγarin irekü (где — ri в daγarin представляет очевидный плеоназм: вместо daγan, так как позабыто, что глагол irekü сюда уже наращен и стал уже подобием суффикса) — „следуя в данном направлении, настигнуть“, 2) abču irekü — „взявши притти“, „со взятым притти“, т. е. „принести“. 3) abād irekü — idem (разница только в употреблении не соединительного, а разделительного деепричастия).

Что касается, таким образом, приведенных сочетаний, то мы очевидно присутствуем здесь при совершающемся на наших глазах и незаконченном еще процессе образования составных глаголов из синтактических сочетаний, в которых основную часть, и первую по порядку, составляет данный глагол, выражающий частное понятие о действии и принимающий (в сочетании) форму деепричастия, а вторую, так сказать суффиксную часть, составляет глагол с общим значением направления движения, в любой форме, в зависимости от контекста речи; последний стремится слиться с впереди стоящим до степени его суффикса, подчинившись при этом общему фонетическому закону сингармонизма или, по силе возможности, сам потребовав такового же подчинения, т. е. сингармонического равнения по своим гласным.

Показанное явление, заключающееся в превращении синтактической работы глаголов, выражающих общие понятия (которые условно лишь могут продолжать называться вспомогательными), в работу морфологическую, т. е. превращения вспомогательных глаголов в суффиксы коренных глаголов, есть явление постоянное в монгольском и представляющее одну из характернейших и важнейших его особенностей, способных в дальнейшем послужить одним из тех общих и существеннейших признаков, которые могут быть положены в основание выделения этой языковой системы из ряда других при общей ревизии классификации языковых систем.

В описанном процессе необходимо обратить внимание также и на следующее весьма важное обстоятельство. Письменный язык как язык более консервативный и косный долгое время, повидимому, противится всяким инновациям живой речи и инкорпорирует их с большим запозданием, постепенно, медленно и как бы неохотно, и таким образом служит для нас незаменимым источником легкого и верного отыскания генетических оснований тех морфологических и синтактических фактов, которые нами наблюдаются в живых диалектах.

Так, глагол acaraχu и доселе можно употребить только в достаточно опрощенном письменном языке, который сохраняет доселе давно погасший в живой речи синтактический комплекс „abcu irekü“ или ʻabuγad iʼrekü'.

Далее, такие сочетания как „yabana“ (< yabun ana), yabjana < (yabuju ana), „irjomna“ (< ireju jabuna), совершенно незаменимые в живых диалектах, в письменном выражаются доселе также синтактическими сочетаниями: yabun bayimui; irejü bayimui: Упомянутое ʻanaʼ (см. Бобровников, Грамм., стр. 154) < √a-χu представляет, очевидно, ранее всего допущенный

в письменный язык разговорный оборот, превратившийся своею последнею частью в суффикс indicativi praes.-futuri, в виде — na.

В сочетании irjamna ~ irejü yabun ana не может не привлечь к себе внимания фонема yam ~ yab, с полной очевидностью показывающая и фонетическое тожество корней yam и yab, и таким образом современные yabuχu и Jamnaχu — тожественны, как и слова yam — дорога (древнее) и ǰam (новое). Это обстоятельство, кроме того, лишний раз доказывает сравнительную новизну фонемы ǰ и взаимозаменяемость в монгольском смычных m (сонорного) b (шумного губного).

Следовательно из вновь возникающих суффиксов indicat. praes.— ana, — jana и jamna письменный язык едва только инкорпорировал один, именно-na, и то только для употребления в некоторых случаях передачи живого диалога и т. п.

Возникновение в монгольских разговорных диалектах подобных же суффиксов в связи с глаголом „orχiχu" достаточно общеизвестно, чтобы не ограничиться здесь одним лишь упоминанием о нем.

Таким образом можно считать доказанным, что в ряду других глаголов, выражающих общие понятия направления движения, глагол „irekü" стремится к образованию новых глагольных понятий путем примыкания сзади к другим именным, глагольным и первообразным основам с тем, чтобы в дальнейшем развитии процесса влиться в них в виде суффикса -ra ~ -re ~ -ir ~ r с значением: „дойти до такого состояния, что..." „притти в такое состояние, что...", „обратиться в", „стать, сделаться тем-то" и т. п., причем управление падежами у вновь составленных глаголов колеблется то в сторону конечной части прежнего синтактического сочетания (irekü ~ kürkü), то остается за первой его частью, т. е. за первым глаголом в комплексе.

Если мы, в соответствии с изложенными соображениями, перестроим наши предыдущие ряды, то получим следующее изображение процесса возникновения данных составных глаголов:

1. χataγu (bayidaɫ-dur) irekü > χataγuraχu „приходить в твердое (состояние), затвердеть";

2. maγu irekü > maγuraχu „приходить в дурное состояние, дурнеть";

3. baγun irekü > baγuraχu „приходить в низкое положение, спуститься";

4. tas irekü > tasuraχu притти в состояние разрыва (tas!) разорваться";

5. köke irekü > kökerekü „притти в синее, посинеть";

6. ǰögelen irekü > ǰögelerekü „притти в мягкость, смягчиться, размякнуть";

7. ügei irekü > ügeyirekü „притти в неимущее состояние, обеднеть";

8. χaγučin irekü > χaγučiraχu „притти в старость, постареть";

9. ebden irekü > ebderekü „разрушаясь дойти, т. е. притти в разруху, разрушиться";

10. baɫban irekü > baɫbaraxu „раздробясь дойти, т. е. дойти до состояния раздробления, раздробиться".

11. χaγa irekü > χaγaraχu „притти в состояние разделения (xaγa), сломаться";

12. kögšin irekü > kögširekü „притти в старость, состариться".

13. samaγu irekü > samaγuraχu „притти в состояние смуты за —, возмутиться".

14. emnen irekü < ömörikü леча, защищая, притти на помощь, защитить";

15. doχiya-irekü > doxirχu „притти в состояние кивка, мигания; кивнуть, поманить, натравить, подстрекнуть";

16. dusun irekü > düsürekü „притти в состояние капели, течения,—лить";

17. daγan irekü > daγariχu „следуя в данном направлении дойти,—наехать, наступить, навалиться, повалить" и т. п.

18. toγorin irekü > tögerikü „притти в состояние кружения, закружиться, заблудиться";

19. abči irekü > ačaraχu „взять притти, принести";

20. abuγad irekü > abadirku — idem;

21. yabun ana > yabana „идучи есть, идет";

22. yabuji bayina > yabǰana — idem;

23. iren yabuju bayina > irǰamna „подходит (сейчас)".

Из рассмотрения этого ряда в фонетическом отношении необходимо заключить, что a) если бы наш вывод о восхождении суффикса- ra ~ -re к глаголу „irekü" (переднего ряда) был бы неверен, то оставалось бы совершенно необъяснимым, почему имеем „tögerikü", несомненно происходящее от „toγorin" — „кругом". — [Вполне ясно, что само toγorin восходит к toγon — котел (круглый) и что поэтому безразлично возводить „tögerikü" к „toγon" или к toγorin, учитывая лишь, что в последнем случае, во избежание скопления — rin + ri ~ re одно из них отбрасывается как излишнее], а не „toγoraχu", по нерушимому закону сингармонизма.

Тогда как принимая наш вывод, мы легко объясним это явление тем, что переднее по природе своей „irekü" сделало передним же и „toγorin > tögerin, точно так же как и в глаголе düsürekü передняя часть нового сочетания — гуттуральное dusun — подчинилось, по закону сингармонизма, последнему наслоению — irekü. Возникающий при этом вопрос о том, в каких же именно случаях сингармонический перевес получает первая часть синтактического комплекса и в каких — вторая, может быть пока, впредь до дальнейших исследований, разрешен предположением, что b) если „irekü", превратившись в суффикс — ra (re), наращается на слова заднего ряда с преобладающим открытым a, то и суффикс (-ra) идет по заднему ряду. Но если „irekü" присоединяется к таким основам заднего ряда, которые подчинены фонемам менее устойчивым — o или u, то получающийся из „irekü" суффикс- re ~ ri ~ ir ~ r сам переводит всю начальную часть вновь возникающего слова в передний ряд, с гласными ö или ü.

В семасиологическом отношении приведенный ряд от подстановки вместо -ra (re) его выявленного предшественника — irekü — не только ничего не проигрывает в ясности, но и не оставляет ни одного неразрешенного в связи с этой комбинацией вопроса. Остается только признать этот вопрос разрешенным исчерпывающим образом и сделать соответствующие выводы, а именно:

1° Фонема -ra ~ re ~ ire ~ ir ~ r действительно является суффиксом для образования от имен, наречий, эмфатических частиц и слов, а также и от глаголов — других глаголов с значением „приходить в такое состояние, что...", причем вновь образуемые глаголы могут быть как переходными, так и непереходными.

2° Суффикс этот несомненно восходит к глаголу „irekü", показывая таким образом, что в данном случае возникновение суффикса является после и в результате предварительной синтактической работы языка.

3° Образующиеся при помощи этого суффикса новые составные глаголы только что были, а отчасти еще теперь остаются — синтактическими сочетаниями.

4° Такой генезис суффикса -ra вскрывает, повидимому (как это я стараюсь показать далее), и общий метод образования глагольных суффиксов в монгольском, которые все нуждаются в дальнейшем исследовании именно с точки зрения истории языка.

5° Синтактический метод возникновения монгольских глаголообразующих суффиксов, непременною частью в котором являются адвербиальные формы, привлекает исключительное внимание к этой парадигме для разрешения, в ряду других вопросов, также и важнейшего вопроса о том, где лежит граница между морфологической и чисто синтактической ролью адвербиальных форм в монгольском, какая (и существует ли) принципиальная разница между этими двумя функциями одной и той же парадигмы и т. д.

Большое теоретическое значение приводимых положений ясно само собою. Что касается их практического значения, то в этом отношении я позволю себе сослаться хотя бы на случай „с чтением того пассажа в письме иль-хана“ „Öljeyitü“, где выражение „degere ömerin baiya“ составило столько затруднений из-за понимания (между прочим) глагола „ömerikü ~ ömögerikü“ как глагола с возвратным значением, т. е. как „защищаться против...“ вместо правильного — „защищать высшее“.

Установив синтактическое происхождение глаголообразующего суффикса-ra, восходящего к сочетанию данного слова (эмфатического примитива, имени, или адвербиальной формы какого-нибудь глагола), с глаголом i̥ r e k ü, необходимо остановиться на таком же анализе и других глаголообразующих суффиксов, как, например, распространеннейших:-da,-ła, -āči ~ či ~ -ji (с их мутациями в зависимости от преобладающего сингармонизма в данном слове).

То обстоятельство, что и эти суффиксы, с точки зрения истории языка, должны быть результатом предшествующего синтактического процесса, т. е. явиться в результате подобных же синтактических соединений двух глаголов, это обстоятельство не может больше подлежать сомнению; но при этом возникает трудный вопрос: все ли монгольские глаголы, и если не все, то какие именно и почему именно призваны нести подобную морфологическую работу, соответствующую отчасти работе (отсутствующих в монгольском) префиксов в языках других систем?

Весьма близок в разрешению этого вопроса был уже наш замечательный исследователь, монголист А. Бобровников, когда писал: „Сложные глагольные формы не есть нечто целое или не есть форма этимологическая, а есть логическое или синтактическое сочетание глаголов. А посему, хотя сложными формами и выражаются времена (и виды?), однако их нельзя признать в строгом смысле временами глаголов“ (А. Бобровников, Грамм., стр. 166).

О „вспомогательных“ же глаголах, являющихся непременной составной частью подобных „логических или синтактических сочетаний“, он рассуждал таким образом: „Вспомогательные глаголы признаются таковыми т о л ь к о п о о б щ н о с т и с в о е г о з н а ч е н и я, близкого к понятию б ы т и я в о о б щ е. Между тем в качестве в с п о м о г а т е л ь н о г о глагола служит и в с я к и й другой глагол, когда главная мысль заключается н е в н е м, а в предшествующем глаголе. Напр. Xonin-i ǰaχa-du čino-a güyiǰü y a b u n a m, где y a b u n a m и является так м в с п о м о г а т е л ь н ы м г л а г о л о м (ibid., стр. 150, ср. также стр. 305).

Иначе говоря, А. Бобровниковым установлены положения: 1° Времена в монгольском (а отчасти и виды) показываются путем синтактических соединений с участием в конце таковых вспомогательных глаголов

(в европейском понимании этого термина). 2° Вспомогательными в монгольском являются все глагольные понятия общего значения.

Не сделано только вытекающих отсюда выводов, не устранены противоречия и не поставлены и не решены вытекающие отсюда вопросы, — как-то: 1° До конца ли, перманентно ли остаются выражающие времена и виды вспомогательные глаголы только частью синтактических соединений; не омертвевают ли они и не видоизменяются ли со временем в простые аффиксы или, как стоящие всегда на конце соединения, — именно в суффиксы? 2° Если всякий монгольский глагол может быть в синтактическом соединении вспомогательным по отношению к впереди стоящему [это по существу верное, но не точное положение, составляет особую тему о взаимной вспомогательности всех монгольских глаголов или о двойных, тройных и более сочетаниях глаголов, причем последний не всегда имеет смысл вспомогательного глагола ср. напр. üǰekü], то нужен ли в таком случае самый термин? 3° Если вспомогательными в монгольском являются именно глаголы общего значения, то нельзя ли выделить их и точно определить их роль и значение?

Уже из самой постановки вопросов выясняется, что термин „вспомогательных“ глаголов (хотя и условный) все же нужен и что им определяется ряд глаголов общего значения с определенными (самым фактом выдела их в эту группу) функциями.

Какие именно эти глаголы (и глаголоподобные слова) устанавливает в разных местах своей работы сам же Бобровников (Грамм., стр. 145—159; 150; 319—321; 400 и др.). Я насчитываю, по Бобровникову, следующий ряд в 15 глаголов, который решаюсь пока увеличить до 23, а именно: 1) bükü; 2) busu ∼ biši ∼ ši; 3) mön ∼ bui ∼ bi (i) ∼ buyu; 4) bui ∼ bii ∼ bułai || ügei; 5) aǰuγu, bui; 6) aχu; 7) bayiχu; 8) boĺχu; 9) yaᵇuχu; 10) kebtekü; 11) saγuχu 12) irekü; 13) ögkü; 14) odxu ∼ očiχu; 15) orkiχu; 16) abχu; 17) edükü; 18) kikü; 19) gekü; 20) boĺγaχu; 21) oĺχu, 22) üǰekü и 23) ǰokiχu.

Каждый из этих глаголов может быть использован двояким способом; 1° как коренной глагол, как автономная синтактическая единица, и тогда он ничем не отличается от всех вообще монгольских глаголов и 2° как последняя часть синтактического сочетания из двух или более глаголов, и тогда он служит только для некоего обобщения частного понятия, заключающегося в предыдущем глаголе. Вместе с тем в некоторых случаях, в каких именно решить пока трудно, он стремится к слиянию с последним до степени его суффикса для образования новых сложно-глагольных понятий.

Для такой роли именно и могут с удобством служить приведенные выше монгольские sui generis вспомогательные глаголы, круг которых пока очерчен, возможно, еще не с достаточной полнотой. Решительно все они, как это с полной убедительностью показано уже Бобровниковым, встречаются в сдвоенных глаголах или двойных глагольных сочетаниях, но ни об одном из них не сформулировано нашего положения о стремлении их к превращению в суффиксы. Между тем это явление совершенно очевидно в таких разговорных сочетаниях, как напр. „yabuǰu bayina, abun irekü“, превращенных в „yabǰana ∼“, „aburaχu“, где -ǰana u-raχu стали уже сдвоенными суффиксами indic. praes.-fut. и мнимо-„возвратного“ залога. Нет надобности приводить многочисленных, всем известных примеров, напр. с глаголом orkiχu (в живых диалектах).

Подлежащий нашему исследованию вопрос может уже быть поставлен прямо: какие именно из перечисленных выше, „вспомогательных“ глаголов лежат в основе суффиксных глаголо-образующих тем: -da, -ła,- āči, -ǰi?

В качестве материалов для ответа на этот вопрос нам послужат нижеследующие сочетания, в которых вспомогательные глаголы, являясь (с точки зрения нашего языкового мышления) лишними, могли бы превратиться в суффиксы, но по каким-то неблагоприятным условиям не превратились и даже как-будто не обнаруживают к этому тенденции, освещая, однако, дело в отношении других случаев, где такие благоприятные условия оказались налицо, и, следовательно, вскрывая происхождение соответствующего суффикса:

1. asan o d k u — калм. вспылить. (Позднеев, Калм. слов., стр. 3);
2. χu uγun-i mönggü boǐǰü očiba — палец его сделался серебряным;
3. yeke dałai boluγad o d č u χ u i — явилось великое море;
4. köbegün-ü χormoi ni kürün o d b a — пола мальчика задела;
5. köbegün ču untaγad o d u b a i — и мальчик уснул;
6. Ene yaγun boluγad o d č i? Что это случилось? (Бобровников, Грамм., стр. 321);
7. Tere baγasun-i nigen taładügürcü e č i b e — пометом его наполнилась вся степь. (Г е с е р и а д а, п е с н ь 3, с т р. 85.)

Во всех этих случаях замыкающий деепричастную форму глаголов — asan, boǐǰu, boluγad, kürün, untaγad, boluγad — глагол odxu как „вспомогательный", совсем оставляется без перевода, потому якобы, что он только дополняет смысл впереди стоящего глагола, а сам, как говорится „ничего не значит". Но чем дополняет и почему? Этот вопрос и не ставился. Однако немыслимо допустить, чтобы в данном сочетании семантически равнялся нулю глагол такого вполне конкретного содержания, как — odxu „уходить". Если мы подставим в приведенных сочетаниях его прямое значение, то получим: 1) „вспыливши ушел"; 2) „сделавшись ушел"; 3) „задевши ушла"; 4) „сделавшись ушло"; 5) „сделавшись ушло" и 6) „уснувши ушел"; т. е. сочетания по меньшей мере неясные.

Однако, развернув несколько семантический ряд глагола — odxu, можем иметь: „отправляться", „уходить", „выступать", „выходить". В этом месте семантика, в нашем языковом мышлении, двоится: в прямом значении — исходить от данной точки отправления; в переносном (как, напр., в выражениях „ничего не вышло", „вышло, что я же стал виноват") — „происходить" и русское безличное „выходит", „вышло, что"...

Независимо даже от того, что мы наблюдаем множество совершенно параллельных подобных же раздвоений значения в русском и монгольском и, следовательно, могли бы добавить и эти последние значения к глаголу odxu, вышеприведенные примеры сами по себе дают нам полное основание считать в числе вторичных значений этого слова — „п р о и с х о д и т ь", „в ы х о д и т ь", „с л у ч и т ь с я", т. е. считать, ч т о в м о н г о л ь с к о м odxu ∼ edükü ∼ boǐχu. Между odχu и ed(ü)kü может быть, кроме того, поставлен знак равенства и по з в у к о в о м у и х с о с т а в у, в виду установленного закона переключения из гуттурального ряда в палатальный, как, напр., в казусах: γatulχu ∼ gełülkü; ayimaχu ∼ üyimekü; dasku ∼ teskü; aburaχu ∼ ömerikü; odχu ∼ očiχ ∼ečikü и т. п. Это явление можно бы назвать фонетическим метатезисом по аналогии с подобным же явлением в отдельных слогах слова, отмеченным Б. Я. Владимирцевым (См. Сравн. грамм., стр. 336) и в виду обширности его выделить в особую тему исследования.

Как только мы воспользуемся этим выводом (odχu ∼ edükü ∼ boǐχu), тотчас же приведенный ряд сочетаний примет логически вполне закономерный вид: 1) „вышло, что загорелся", т. е. вспылил; 2) „вышло, что

палец сделался серебряным"; 3) „вышло, что появилось великое море"; 4) „вышло, что пола задела"; 5) вышло, что и мальчик уснул"; 6) „что это подеялось — вышло?" и 7) получилось, что вся степь полна его помету.

По аналогии с полученными нами выводами при исследовании природы суффикса-γa > irekü, необходимо заключить, что odχu ~ očiχu ~ ečikü ~ edükü ~ boχu в приведенных сочетаниях (скажем псевдосинтактических или средних между чисто синтактическими и получившимися из них морфологическими) должно быть равно (~) таковым же и в сочетаниях, ставших уже морфологическими, иначе говоря, что в основании суффиксных тем -da, -ła, -(a)či должны лежать те же равные по смыслу друг другу: odχu ~ očiχu ~ ečikü ~ edükü ~ bołχu или детальнее: 1) суффикс -da есть дериват odχü ~ edükü; 2) суффикс -ła > boł-χu (после синкопе bł — и поглощения проточным ł предыдущего смычного b) и 3) суффикс -(a)či восходит к √ oči —.

Но мы имеем также еще сочетание „yała ołχu" — „провиниться" буквально: „заполучить штраф", „стать виновным и получить наказание, быть наказану" (См. Ковалевский, Словарь, стр. 405 и 2281; Позднеев, Словарь, стр. 275), из которого необходимо заключить, что „ołχu" семантически ~ „bołχu". А так как смычные „b" и проточные „w, γ, χ", повидимому, суть элементы придыхательной инкурсии (начальной аспирации) начальных гласных, равно как и элементы родственного с этим явлением так называемого „стяжения" (внутрислоговой аспирации), то они по фонетической природе своей равнозначащи и взаимозаменимы (ср. напр., калм. debel ~ dewel ~ бур. deγel ~ халх. deel). А следовательно имеющее следы начальной аспирации bołχu ~ ołχu, утратившему таковую.

Независимо от изложенного, имея одновременно сочетание „yała ołχu" — „получить пеню", проштрафиться и пр. и глагол „yałałaxu — idem", мы являемся свидетелями процесса перехода синтактических сочетаний в морфологические, совершающиеся, можно сказать, на наших глазах.

Построим три ряда глаголов, по одному на каждый из означенных суффиксов и произведем ревизию их значений в соответствии с приведенным выводом о происхождении их.

I. С суффиксом -da

1. daγudaχu — звать;
2. ebedükü — болеть;
3. ebdekü — разрушить;
4. amγadaχu (калм.) — взнуздать;
5. adalidaχu — уподобить(ся);
6. aliyadaχu — плутовать;
7. ǰiłuγadaχu — править;
8. širtekü — красить;
9. xoładaχu — удалиться;
10. kirögedükü — пилить;
11. γałdaχu — зажигать;
12. bekidekü — чернить;
13. örömdökü (калм.) — сверлить;
14. arγadaχu — хитрить;
15. yekedekü — увеличиваться;
16. aχuradχu — сокращаться;
17. deremdekü — ограбить;
18. suγudχu — взять подмышки;
19. urtudχu — удлиниться;
20. oyiradχu — приблизиться;
21. ögüdkü — сделаться;
22. ergüdkü — поднимать;
23. χorγadaχu — спрятаться;

II. С суффиксом -ła.

1. ałtałaχu — золотить;
2. daγułaχu — петь;
3. ałdałaχu — мерять саженью;
4. amałaχu — молвить;
5. andaγarłaχu — присягать;
6. angγučiłaχu — охотиться;

7. adislaχu — благословлять;
8. alaγčilaχu — различать;
9. ašiγlaχu — барышничать;
10. emčilekü — лечить;
11. χoršiyalaχu — объединяться;
12. sačalaχu — сравняться;
13. surbuljilaχu — разведывать;
14. šinjilekü — примечать; изу —;
15. keregleku — нуждаться;

III. С суффиксом - (ā)či ~ ǰi.

1. abāčiχu — увести, унести, убрать;
2. ǰančiχu — сечь, истязать < ǰanuxu — стращать;
3. ǰorčiχu — шествовать || ǰorčin odχu — отправиться;
4. čabčiχu — рубить, косить. Хлопать (глазами), щурить; || čab kikü — вдруг, внезапно (цап-царап);
5. toγačiχu ~ toγačaχu — причислять, исчислять;
6. sučiχu — испугаться, вздрогнуть;
7. burčiχu — разрушить. Укротить (> bur-bur — клокотание);
8. χalaγuči(ǰi)χu — трудиться, терпеть, страдать, подвизаться;
9. bayaǰiχu — богатеть;
10. örgüǰikü — örgeǰikü (< ergi, ergen) — возвышаться.

И. А. Бобровников, и за ним Н. Поппе (Бобровников, Грамм., стр. 118, и др. Н. Поппе, Практич. учебн., стр. 147) были правы, когда интуитивно заключали, что глаголы с приведенными суффиксами означают примерно: 1) -la — „сделать то, что выражается данным именем; 2) -da „сделать при помощи того-то" и 3) -ǰi — „становиться тем-то". Этот вывод, мне кажется, приобретает прочное обоснование, если и эти глаголы рассматривать как происшедшие из обычных синтактических сочетаний звукоподражательных частиц, имен или адвербиальных форм глаголов + глаголы odχu ~ očiχu ~ ečikü ~ edükü ~ bolχu ~ olχu (в любой форме), — слившиеся до состояния сложносоставных глаголов, в которых вторая часть соединения приобрела вид суффикса. В таком случае вышеприведенные ряды примут следующий вид [следует при этом принимать: „odχu" — „делаться" и edükü — делать]:

I

1. daγudaxu < daγun edükü — „сделать клич" — „позвать";
2. ebedükü < ebü odχu — „сделаться ох!" — болеть:
3. ebdekü < ebü edükü — „сделать увы!" — сокрушить, разрушить;
4. amaγadaχu < amaγai edükü — „во рту имеющееся сделать" — зануздать;
5. adalidaχu < adali odχu — „сделаться подобным" — уподобиться;
6. aliyadaχu < aliya edükü — „сделать шалость" — сплутовать;
7. ǰiluγadaχu < ǰiluγa odχu — „сделаться уздой" — руководить;
8. širtekü < šir edükü — „крашенным сделать" — красить;
9. χoladaχu < χola odχu — „далеко уйти" — удалиться;
10. kirögedükü < kiröge edükü — „пилой действовать" — пилить;
11. γaldaχu < γal edükü — „огнем сделать" — зажечь;
12. bekidekü < beki edükü — „тушью сделать" — чернить;
13. örömdökü < öröm edükü — „сверлом действовать" — сверлить;
14. arγadaχu < arγa edükü — „хитрость творить" — хитрить;
15. yekedekü < yeke odχu — „большим стать" — увеличиться;
16. axuradχu < axur odχu — „коротким стать сократиться;
17. dēremdeku < dērem edükü — „учинить разбой" — ограбить;
18. suγudχu < suγu edükü — „подмышки сделать" — взять;

19. urtudχu < urtu odχu — „стать длинным“ — удлинниться;
20. oyiradχu < oyira odχu — „близко стать“ — приблизиться;
21. egüdkü < ög-* — „двигать; od — сделаться, зародиться.
22. ergükü < e gi edükü — „высоким сделать“ — поднять.
23. xorγadaχu < χorγa odxu — сделаться защитным (xorγo — крепость, убежище) — спрятаться.

II

1. ałtałaχu < ałtan bołχu — „золотым станет“ — золотить;
2. daγułaχu < daγun bołχu — „в голос обратиться“ — петь;
3. ałdałaχu < ałda bołχu — „в саженях станет“ — мерять саженью;
4. amałaχu < aman bołχu — „стать устами“ — молвить;
5. andaγarłaχu < anda и bołxu — „делаться присяжными друзьями-андами“ — присягать;
6. angγučiłaχu < angγuči bołxu — „стать охотником“ — охотиться;
7. adislaχu < adis bołχu — „стать благоволением“ — благословить;
8. ałaγčiłaχu < ałaγ — различный; alaγči — различитель — „стать различителем“ различать;
9. ašiγłaχu < ašiγ ołχu — „барыш находить“ — барышничать;
10. emčilekü < emči bołχu — „стать врачом“ — врачевать;
11. χoršiya łaχu < χoršiya bołxu — „стать объедин“ — объединиться;
12. sačałaχu < sača bołχu — „стать равным“ сравняться;
13. surbułjiłaχu < surbułji bołχu — „стать разведкой“ — разведать;
14. ǰinǰilekü < šinǰi ołχu — „находить приметы“ — примечать;
15. kereglekü < kereg ołχu — „нужду находить“ — нуждаться.

III.

1. abāčiχu < abād očiχu — „взять и уйти“ — убрать, унести;
2. ǰančiχu < ǰanun očiχu — „стращающим сделаться“ — сечь, наказывать;
3. ǰorčiχu < ǰoriγ(iyer) očixu — „свободно итти“ — шёствовать;
4. čabčiχu < čab-očixu — „вышло цап“ — цапнуть, рубнуть;
5. toγočiχu < toγa očiχu — „выйдет число“ — причислить, сосчитать;
6. sučiχu < sū-očiχu — „сделалось sū — страшное“ — испугаться;
7. burčiχu < bur-bur očiχu — „выйдет бур-бур“ — разрушить;
8. χataγuči(ǰ)χu < χataγu očiχu — „круто приходится“ — страдать;
9. bayaǰiχu < bayan očiχu — „богатым становиться“ — богатеть;
10. örgeǰikü < ergen očiχu — „стать высоким“ — возвышаться.

В виду фактов параллельного существования ǰorčixu ~ ǰorčin odxu; yałałaxu — yała ołxu; čabčixu ~ čab kikü, — правильность з а к л ю ч е н и я о происхождении суффиксов из рядоположенных глаголов принимает характер о ч е в и д н о с т и; при этом в первом случае забыто, что глагол odxu ~ očixu уже вошел в слово в виде суффикс -či, и он повторен опять в синтактическом сочетании; во втором случае примитив č a b, пишущийся отдельно от суффиксоподобного kikü еще не дозрел в письменном до слияния в одно слово.

Приведенные в настоящей статье предположения о природе многих глаголо-образующих суффиксов в монгольском, которые образовались повидимому из вспомогательных глаголов, подводя вплотную к одной из сложнейших и важнейших в монгольской грамматике проблем, к проблеме составных глаголов и глагольных сочетаний, позволяет уже сделать в этом отношении целый ряд весьма важных выводов.

1° Самым характерным, быть может, явлением в синтаксисе монгольской речи представляются рядоположенные глагольные скопления, числом от двух до пяти, которые расположены в порядке строгой постепенности как глагольных парадигм, так и глагольных разрядов.

2° Последовательность парадигм в сочетании: в начале адвербиальные по их „старшинству", отмеченному еще Бобровниковым (слитное, соединительное и разделительное), в конце — любая (для средины фразы particip.) и indicativ. или imperativ. (для окончания фразы).

3° Последовательность глагольных разрядов: впереди глаголы частного значения, далее — глаголы более общего и позади — глаголы общего значения, по общему синтактическому принципу в монгольском: частное, аттрибутивное предшествует общему.

4° В связи с этим закономеренным явлением монгольского синтаксиса речи и самые глаголы возможно делить на следующие виды или разряды: a) глаголы дифференцирующего значения, которые служат для определения и выражения действий, поясняющих или сопутствующих заключенному в главном или коренном глаголе и заменяют работу и роль недостаточно развитой в монгольском парадигмы наречий и, совершенно отсутствующих, — префиксов; напр., выражение, tungxaγłaün jarłaxu bičig значит — „провозглашение", „манифест", буквально же: „грамота, которая объявляется обнародуя (всенародно)", где jarłaxu — главный или коренной глагол; „tungxaγłan" — „дифференцирующего значения, выполняющий в данном случае роль наречия „всенародно" — или префиксов „про"-, „воз"-, „об"-. Глаголы этой последней категории разумеется могут, в иных сочетаниях или изолированно, нести также и функции коренных глаголов; b) глаголы коренные, которые вполне соответствуют по функциям и значению глаголам других языковых систем, могут в особых сочетаниях, исполнять роль дифференцирующих глаголов, для чего, однако, они должны, как и первые, носить форму одного из трех помянутых адвербиальных и занимать в сочетании место перед поясняемым главным глаголом; c) глаголы вспомогательные, т. е. не вполне еще выделенная группа глаголов, выражающих общие понятия бытия, состояния и движения, как-то: быть, находиться, становиться, существовать, приходить, уходить, брать давать, получать и т. п., которые служат для следующих семосиологически различных целей, резко распределяющих эти глаголы на группы: α) глаголы для выражения времени и сослагат. наклонения (bui, axu, bükü, bayixu, bołxu; β) глаголы для показания совершенного вида (за недостаточностью временных парадигм вообще и отсутствием парадигмы глагольного вида) — (orkixu); γ) глаголы для выражения понятия попробую „попытаюсь" (сделать то-то) — üjekü; δ) глаголы для выражения понятия долженствования: jokixu и ему подобные имена и глаголы, ε) глаголы для показания направления движения (irekü, odχu, γarχu, kürkü); ζ) глаголы для выражения понятия „вышло то-то", „случилось то-то"(odxu); η) глаголы, показывающие совершение действия по просьбе кого-то или в пользу кого-нибудь (ögkü); ϑ) глаголы для создания новых составных глаголов от звукоподражательных частиц, наречий, имен и глаголов.

Все эти глаголы несут описанные вспомогательные функции единственно лишь в синтактических глагольных сочетаниях указанного типа и порядка и не иначе, как будучи предваряемы деепричастной формой коренного глагола.

5° Из предыдущих данных нельзя не видеть, что в монгольском глаголе многие морфологические задачи выполняются синтактическим

методом. Это явление, несомненно свойственное и другим языковым системам, с особенной наглядностью выступает в монгольском письменном быть может в связи с современной стадией его развития, которая давно уже пройдена другими, например европейскими, системами.

6° Однако названное явление представляет, так сказать, синтаксис в морфологии, т. е. синтактические приемы в разрешении морфологических задач, синтаксис слова, но не синтаксис речи. Равным образом подобные морфологические свойства и роль монгольских деепричастий выявляют только одну из многочисленных и уже чисто синтактических функций этой широко развитой в монгольском парадигмы. Смешивая эти две различные функции одной и той же логической категории, можно сделать два одинаково неправильных вывода: или что в монгольской грамматике нет ничего, кроме синтаксиса; или, наоборот, что монгольский синтаксис еще в зародыше, или не вышел за пределы морфологии, иначе говоря — или чрезмерно преувеличивать синтактическую роль адвербиальных форм в монгольском, или до крайности суживать их чисто синтактическое значение в монгольском периоде.

7° В этом отношении особенно важными представляются дальнейшие исследования вопроса о глагольных скоплениях в монгольском (и в частности о синтактической роли именных и адвербиальных форм глагола), которые должны между прочим показать многоразличную роль монгольских деепричастных форм как в области морфологической (мнимо или примитивно синтактической), так и в области собственно синтактической, т. е. в строении монгольской периодической речи.

ЛИТЕРАТУРА, ОТНОСЯЩАЯСЯ К СКАЗАНИЮ О ГЕСЕР-ХАНЕ

1. Dr. Berthold Laufer, Skizze der mongolischen Literatur (Keleti Szemle ~ Revue Oriental, VIII, 1907, pp. 165—261). Русский перевод этой работы:
2. Б. Лауфер, Очерк монгольской литературы, перевод В. А. Казакевича под редакцией и с предисловием Б. Я. Владимирцова. Л., изд. ЛВИ, 1927.
2. Dr. Berthold Laufer (библиография о Гесериаде) в WZKM, Bond XV, 1901, S. 78—79.
3. N. Poppe, Geserica..., Asia Major, Vol. III, fasc. I, Lipsial. MCMXXVI, SS. 1—7.
4. B. Bergmann. Nomadische Streifereien unter den Kalmüken, Band II, Riga, 1804, S. 205—214; Band IV, Riga, 1805, S. 181—214.
5. I. J. Schmidt, Die, Thaten Bogda Gesser Chan's, St. Petersburg—Leipzig, 1839, SS. I—XIV.
6. Б. Я. Владимирцов, Монгольский сборник рассказов из Pañcatantra П., 1921, стр. 41, 51.
7. Н. Н. Поппе, О некоторых новых главах Гесер-хана. Восточные записки, ЛИЖВЯ, т. I, Л., 1927, стр. 190—200.
8. Franke, Frühlings- und Wintermythen der Kesarsage, MSFO u. XV.
9. Dr. B. Laufer (к тому же вопросу), WZKM XV, S. 87 f.
10. Grünwedel (idem), Globus, LXXVIII, 1900, S. 98.
11. Pallas, Reisen durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichen, Reiches, III, s. 118—119.
12. Pallas, Samml. historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften, I, S. 224 (Gebet zu Gesser).
13. R. Shaw, Reise nach der hohen Tatarei. Ubers. von Martin, Jena, 1872, S. 245.
14. А. Веселовский, Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Марольфе и Мерлине, Петроград 1921, стр. 279.
15. Hans Conon v. d. Gabelentz, Einiges über mongolische Poesie, Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Band I, Göttingen, S. 20—17.
16. W. Schott, Über die Sage von Geser-Chan, Abhandlungen der Berliner Akademie, 1851, S. 263—295.
17. А. М. Позднеев, Образцы народной литературы монгольских племен, СПб, 1880, стр. 320.
18. Г. Н. Потанин, Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе, М., 1899, стр. 73—136.
19. Г. Н. Потанин, Былина о Добрыне и монгольское сказание о Гесере, Вестн. Европы, V, 1890, стр. 121—158.
20. Г. Н. Потанин, Ордынские параллели к поэтам лонгобардского цикла, Этногр. обозр., т. XVIII, № 3, 1893.
21. Г. Н. Потанин, Греческий эпос и ордынский фольклор, Этногр. обозр., т. XXI, № 2, 1894.
22. J. J. Schmidt, Die Thaten Bogda Gesser Chan's zuerst erschienen in Petersburg und Leipzig, 1839, Die heiligen Bücher des Nordens, T. I. Berlin, 1925.

СОДЕРЖАНИЕ

Технические редакторы А. И. Хрош и Д. Бабкин. — Ученый корректор А. А. Мирошников.

Рисунки в тексте Б. А. Филистинского. Обложка работы В. Л. Бернер

Сдано в набор 28 сентября 1935 г. Подписано к печати 23 декабря 1935 г.
Стр. 245. Формат бум. 72 × 110 см. — $15^1/_2$ печ. л. 49 000 тип. зн. в п. л. — Тираж 3170
Ленгорлит № 36469. — АНИ № 1004. — Заказ № 2652.

Типография Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12

Н. А. Невский

Материалы по говорам языка ЦОУ. (Труды Института востоковедения. XI.) 1935. 136 стр. Ц. 6 р.

Н. Н. Поппе

Язык и колхозная поэзия бурят-монголов Селенгинского аймака. (Образцы народной словесности монголов. Т. IV). 1934. 112 стр. Ц. 5 р. 50 к.

Произведения народной словесности бурят. (*Ц. Ж. Жамцарано*)

Эпические произведения эхритбулгатов. Вып. II. (Образцы народной словесности монгольских племен. Тексты. Т. II.) 1931. 2+330 стр. Ц. 4 р. 50 к.

В. С. Путуридзе

Начальная хрестоматия персидского языка. (Тексты и персидско-грузинско-русский словарь.) 1935. 140 стр. 1 карта. Ц. 6 р.

Г. Д. Санжеев

Дархатский говор и фольклор. (Материалы МОНК, вып. 15.) 1931. 2+112 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Согдийский сборник

Сборник статей о памятниках согдийского языка и культуры, найденных на горе Муг в Таджикской ССР. 1934. 124 стр. Ц. 5 р.

— Хакани. Незами. Руставели. I. 1935. 52 стр. Ц. 2 р. 25 к. Среди статей: Ю. Н. Марр. К вопросу о позднейших толкованиях Хакани. — К. И. Чайкин. К установлению некоторых дат биографии Хакани и др.

Худуд ал-алем

Рукопись Туманского с введением и указателем В. Бартольда. 1930. 45 стр. 78 табл. Ц. 20 р.

Цена 8 руб.

Переплет 2 руб.

[1р.00к.]